Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург

ТРУДЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ТОМ III

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Санкт-Петербург
2014

Труды юридического факультета. Т. III. Работы студентов и молоых ученых по актуальным проблемам теории и истории государства и права / Ред.: Т.А. Алексеева, М.В. Антонов, Н.В. Дунаева, Р.Ю. Почекаев, Н.В. Тарасов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 394 с.

© НИУ ВШЭ, 2014
© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

Раздел I
Материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых «Роль личности в формировании права и законодательства: вопросы теории и истории» 7

Секция 1. Актуальные проблемы теории и методологии права. Источники права 7

Абралиев Ж.М. Юристы-романтики постсоветской России (взлеты и падения Концепции судебной реформы) 7

Аксенова М.А. Вклад Н.М. Коркунова в развитие отечественного правоведения 14

Бессилина Н.Н. Программные партийные документы как источники советского права в 1950-1960 гг. 21

Буравлева К.С. Достоинства и недостатки правового регулирования в концепции Коуза. Возможно ли её воплощение в настоящем времени? 24

Вельчинская А.Е. Государственно-правовые взгляды К.П. Победоносцева 32

Гаврилова К.В. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц в трудах Г.Ф. Шершеневича 41

Гречишников А.В. Сравнительный анализ интегративных теорий правопонимания В.С. Нерсесянца и А.В. Полякова 49

Епифанова А.А. Юридические лица в Саксонском гражданском уложении и Германском гражданском уложении 54

Жаринова А. Проблема исследования крипторецепции в Своде законов Российской империи 59

Жевкова Е.И. Отражение государственно-правовых взглядов М.М. Сперанского в Конституции Российской Федерации 64

Игумнов Н.А. Статический правопорядок в «чистом учении о праве» Г. Кельзена 72

Ильменева В.А. Влияние идей Хосе Марти на дальнейшее развитие революционной мысли на Кубе начала XX в. (на примере Х.А. Мельи) 76

Клеткин И.С. Истоки появления Конституции Сан-Доминго 1801 г. Роль Туссена Лувертюра в становлении независимого государства 84

Климкина А.А. Религиозные тексты как источник права Древней Руси 92

Курчевенкова А.В. Личностные факторы в процессе правоприменения 98

Матвеева В.С. Влияние реалистической теории правопонимания на развитие судейского правотворчества в США 105

Мидушкина Л.Ю. Была ли концепция справедливой войны авторства Гуго Гроция источником современного международного гуманитарного права? 114

Миришанова Е.В. Психологическая теория права как один из типов правопонимания, ее сущность и анализ 121
Оганесян А.П. Понятие «судейское усмотрение» в работах армянских правоведов 126
Политико М.В. Юридическое отношение согласно взглядам Г.Ф. Шершеневича 136
Ружанова А.А., Харьковский Г.В. Основные положения политики права Л.И. Петражицкого 143
Самаркин И.М. Разработка первой советской Конституции 149
Семенова Е.А. Гуманистические концепции в работах В.Ф. Малиновского и их влияние на развитие права 158
Тутаев И.В. Изучение римского права в СССР: основные труды и их авторы 164
Хотулев К.В. Влияние западных авторов на труды Д.И. Каченовского 169
Цой Е.В. П.Д. Калмыков об авторском праве 179
Шишанова А.А. Конституционный судья как субъект толкования права согласно реалистической концепции М. Тропера 186

Секция 2. Актуальные проблемы теории и истории государства, публичного права и процесса 194
Алексеев Д.В. Причины увольнения министра юстиции Г.Р.Державина 194
Афошина М.Н. Советская школа международного права: 1920-е – 1960-е годы 201
Бабушкин В.Д. Институт российской прокуратуры: история развития и взгляды выдающихся юристов XIX в. 208
Вершинина В.С. Император Педру I в борьбе за независимость Бразилии 215
Дёмина Н.А. Военная диктатура армии и её правовое оформление в Англии середины XVII в. до установления протектората Оливера Кромвеля 223
Дудко А.А. Становление школы международного права: вторая половина XIX – начало XX вв. 231
Ефимов А.А. Правовой статус Царства Польского в XIX в. 238
Карпова О.С. В.Э. Грабарь и его исследования о развитии науки международного права в России 245
Кириллова В.В. П.И. Стучка и правовое положение Наркомата юстиции в 1917 – 1930-е гг. 252
Кузнецова Э.Э. Правовое регулирование морского пиратства в Англии в начале Нового времени 261
Куренных А.Д. Ф.Ф.Мартенс как международный арбитр 267
Логвинова Е.В. А.Ф. Кони в деле Веры Засулич: влияние взглядов на судопроизводство на вердикт присяжных 272
Лотош А.А. Советские правоохранительные органы 1917–1920-х гг. 279
Паночко А.В. Модель международного суда по Л.А. Камаровскому 287
Постыляков С.П. Роль личности в становлении и развитии института суда присяжных в современной России 295

Редькина А.В. Современный взгляд на общие принципы производства уголовных дел в XIX в. после судебной реформы 1864 г. 303
Сидорова Т.В. Сравнительно-правовая характеристика консульства Наполеона Бонапарта и диктатуры Х.Г. Родригеса де Франсии 312
Улитин Н.А. Идеальный правитель по Симону Боливару 320
Филатов Г.А. Мануэль Фрага Ирибарне и испанский закон о печати 1966 года: подготовка и принятие 327
Фищенко А.С. Правовое положение Русской православной церкви в XVI–XVII вв. 333
Чистякова Д.И. Два автора «Нового курса»: Ф.Д. Рузвельт и Ж.Д. Варгас 341
Шкаева В.Э. Форма государственного устройства России в период Гражданской войны (1918–1920 гг.) 352
Эпель Е.Г. Влияние реформ М.М. Сперанского на финансовое законодательство Российской империи XIX в. 359
Эпштейн Э.Е. Управленческий контекст законодательных актов о Царстве Польском 1830–1840 гг. 363

Раздел II
Труды студентов 373

Регламент (ЕС) N 386/2012 Европейского парламента и Совета от 19.04 2012 «О возложении на Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы) полномочий по выполнению задач, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности, в том числе по собранию представителей публичного и частного сектора Европейской Обсерватории по нарушениям прав интеллектуальной собственности» (введение, неофициальные перевод, комментарий Е.В. Балабановой) 373

Сведения об авторах 390

От редколлегии

Предлагаемый вашему вниманию том трудов юридического факультета Национального исследовательского факультета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге является уже третьим и содержит как традиционные материалы студенческой научной конференции, так и новый раздел.

13–14 марта прошла Межвузовская научная конференция студентов и молодых ученых «Роль личности в формировании права и законодательства: вопросы теории и истории». Это уже четвертая конференция, проводящаяся на нашем факультете под общим «серийным» названием «Право и экономика: актуальные вопросы теории и истории». В этом году в конференции приняли участие около 70 докладчиков – студенты юридического факультета НИУ ВШЭ, представители факультета права и факультета истории из московского кампуса НИУ ВШЭ, постоянные партнеры юрфака петербургской «Вышки» – студенты юридического факультета СПбГУ и Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, а также аспирант из Института всеобщей истории РАН, тоже уже не первый раз участвующий в данной конференции. Большинство участников конференции представили свои доклады в виде статей, опубликованных в настоящем томе.

В настоящем томе впервые представлен новый раздел – «Труды студентов», в котором помещен перевод регламента Европейского парламента и Совета по вопросам защиты интеллектуальной собственности, выполненный студенткой юридического факультета Е.В. Балабановой, также снабдивший перевод собственным комментарием.

Работы, представленные в новом томе трудов юридического факультета могут быть интересны будущим юристам, историкам и представителям других гуманитарных специальностей, которых мы также приглашаем выступить авторами наших последующих томов.

РАЗДЕЛ I
МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ»

СЕКЦИЯ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА. ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Ж.М. Абралиев

Юристы-романтики постсоветской России (взлеты и падения Концепции судебной реформы)

В статье рассматривается роль Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренная постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года, в становлении и развитии принципа состязательности при отправлении правосудия. Таким образом, данная концепция положила начало концу неоинквизиционного советского судопроизводства. Однако, законодательная инициатива парламентария А. Ремезкова о возврате объективной истины в уголовно-процессуальное законодательство ставит под угрозу все завоевания судебной реформы по отправлению правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: принцип состязательности, объективная истина в уголовном процессе.

Концепция судебной реформы была разработана под руководством народного депутата РСФСР Б.А. Золотухина группой экспертов в составе докторов юридических наук Е.С. Вицина, А.М. Ларина, И.Б. Михайловской, Т.Г. Морщаковой, И.Л. Петрухина, Ю.И. Стецовского, кандидата юридических наук С.А. Пашина и члена Московского областного суда Р.В. Назарова.

Эта концепция стала результатом жарких научных дискуссий о самом оптимальном пути реформирования правоохранительной системы на тот период. К тому моменту уже были осознаны болевые точки существующей системы. Советское «правосудие» характеризовалось вспомогательной, второстепенной ролью судебной системы в общей уголовной юстиции, и занималось обслуживанием интересов следственного аппарата, всячески

пытаясь отыскать объективную истину по каждому делу. Такое положение вещей вытекало из представления законодателя о том, что суд, как и другие органы уголовной юстиции, должен заниматься борьбой с преступностью. Такая постановка задачи неизбежно приводила к деформации правосознания профессиональных юристов. Суд уступил место органам, занимающимся выявлением и раскрытием преступлений, т.е. милиции, прокуратуре, превратившись в их придаток и должен был бороться с преступностью, а не «потакать» преступникам, с «излишней» критичностью относясь к доказательствам виновности последних[1].

Для этих целей суд наделялся соответствующими полномочиями в уголовном судопроизводстве, которые не должны быть свойственны органам правосудия в демократическом, правовом государстве:

- задача быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения виновных;
- право возбуждать уголовные дела;
- право предъявить обвинение;
- возможность предания обвиняемого суду;
- оглашение в судебном заседании обвинительного заключения, представленного прокурором;
- право вынести обвинительный приговор, несмотря на отказ прокурора от обвинения[2].

Вышестоящие суды тоже обладали полномочиями инквизиционного характера. У них была возможность принести надзорный протест на вступившую в законную силу приговор нижестоящего суда по мотивам необоснованного оправдания, мягкости квалификации и наказания[3].

Такие полномочия судебных органов не позволяли отграничить их от следственных органов, проводивших предварительное расследование по уголовным делам. Суд не имел возможности отстраниться и занять позицию арбитра, который должен разрешать дело по существу, соблюдая принципы независимости и беспристрастности. Это вытекало из известной формулы: «нераскрываемых преступлений нет; есть преступления, которые не удалось

---

[1] *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа (Сборник обзоров). М., 1990. С. 10.

[2] *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. С. 35.

[3] *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. С. 36.

раскрыть». Это, по всей видимости, и заставляло законодателя бросить все силы на раскрытие преступления, в том числе и суд. Таким образом, обычные граждане были лишены права на справедливый суд и против них была направлена вся государственная мощь борцов за искоренение преступности.

Осознание такой ситуации подтолкнуло авторов концепции выработать практические рекомендации по реформированию судебной системы. При этом они понимали, что «судебно-правовую реформу нельзя понимать узко, как относящуюся только к положению и деятельности суда или как отдельные частные поправки и дополнения к действующему законодательству. Это коренное преобразование всей системы правоохранительных органов, которые тесно связаны в своей деятельности с судом»[1]. Было стремление создать независимую систему, которая работала бы самостоятельно, и помогало реализовать право граждан на справедливый суд, уважение их чести и достоинства со стороны органов правопорядка. Необходимо было снять «розовые очки» и больше не уповать на «романтизм», надеяться на «зорких и честных оперативников, добросовестных следователей, строгих и бдительных прокуроров, справедливых судей»[2]. Ведь существующая система могла деформировать любого добросовестного сотрудника, так как последний по долгу службы обязан был применять неправовые законы.

Для укрепления принципа состязательности было рекомендовано вернуть институт суда присяжных заседателей. Это позволило бы реализовать право народа в отправлении правосудия, а также существенно повысило бы качество судебного процесса путем повышенных требований к доказательственной базе сторон. Понятное дело, что были и ярые противники суда присяжных. Их аргументы сводились к дороговизне такого процесса и к непрофессионализму присяжных заседателей. Но их позиции не выдержали конструктивных контраргументов, так как для уяснения фактических обстоятельств уголовного дела необязательно иметь высшее юридическое образование, а достаточно, чтобы был простой человеческий разум и житейский опыт. Эти качества могут способствовать даже оправданию подсудимого в случае подпадания его деяния под формальные признаки преступления, если присяжные сочтут неразумным привлекать подсудимого к фактическому уголовному наказанию исходя из

---

[1] *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. С. 8.

[2] *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. С. 27.

соображений разумности. Такое положение сигнализировало бы властьимущим пересмотреть отдельные положения законодательства, так как народ в лице присяжных заседателей не принял эти нормы. И, наконец, в случае оправдания подсудимого присяжными заседателями не допускалось обжаловать данный приговор в вышестоящем суде.

Появление или точнее возврат суда присяжных должен был похоронить идею отыскания объективной истины по уголовному делу, которая была фундаментальной позицией государства при отправлении правосудия. Данная идеология была основана на учениях марксизма-ленинизма. Так, в частности, в дореволюционной статье В.И. Ленина отмечалось: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обусловливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»[1]. Исходя из этого соображения, думается, что если было зарегистрировано преступление (хотя, до обвинительного приговора суда нельзя считать деяние преступным), то кто-то за это преступление должен был обязательно понести наказание. Иными словами, государственная машина была ориентирована на то, чтобы «сажать» людей, если они случайно или нет оказались в орбите советского «правосудия».

Справедливости ради надо отметить, что данные соображения вождя мирового пролетариата есть результат неверного толкования мысли классика права Ч . Беккариа, по которому «важно, чтобы ни одно преступление, сделавшееся известным, не осталось безнаказанным, но бесполезно отыскивать того, чье преступление скрыто во мраке»[2]. То есть, в оригинале данная мысль о неотвратимости наказания конкретизирует общеправовой принцип равенства всех перед законом, а у В.И. Ленина означает ликвидацию латентной преступности.

Учение марксизма-ленинизма про объективную истину нашло свою конкретизацию в трудах советского ученого-юриста М.С. Строговича. Он писал: «Само понимание принципа материальной истины, его теоретическое обоснование определяется принципами марксистской философии и

---

[1] *Резник Г.М.* // http://soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v.

[2] *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. Пер. М.М. Исаева. М., 1939. С. 38.

марксистской науки права»[1]. По мнению Г.М. Резника[2], сам тезис М.С. Строговича о том, что органы следствия должны быть ориентированы на отыскание истины был, безусловно, прогрессивной идеей. Но, М.С. Строгович не углубился дальше общих философских размышлений на этот счет, сведя все к тому, что для достижения истины по уголовному делу отсутствуют гносеологические препятствия. При этом ученый полностью отожествил понятия истины и достоверности и уклонился от рассмотрения логической структуры формирования внутреннего убеждения в доказанности. Итог этих рассуждений М.С. Строгович привел в своей работе «Курс советского уголовного процесса»: «Из общих положений марксистско-ленинской гносеологии следует доступность истины человеческому познанию. Нет непознаваемых истин, есть истины еще не познанные. Это относится и к судебному познанию… Твердым положением советской науки уголовного процесса, опирающейся на опыт практической следственной и судебной работы является тезис: нераскрываемых преступлений нет, есть преступления, которые не удалось раскрыть»[3]. Из этого положения вытекал практический вывод: «Если истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто и преступник не изобличен,.. – это значит, что следствие и суд не справились со совей задачей, допустили серьезное нарушение законности»[4]. По этому поводу Г.М. Резник полагает, что М.С. Строгович понимал под идеей установления абсолютной объективной истины препятствие на пути фабрикации дел. Но, как показала жизнь, она превратилась в оправдание прогрессивности советского розыскного уголовного судопроизводства, когда одни и те же задачи и обязанности возбуждения уголовных дел и раскрытия преступления, изобличения виновных, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела уголовно-процессуальный закон возлагал на дознавателя, следователя, прокурора и суд. Такое положение дел привело к массовому сокрытию преступлений от учета; манипуляциям, направленным на повышение уровня раскрываемости преступлений; пыточное следствие; практическое

---

[1] *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 53.

[2] *Резник Г.М.* // http://soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v.

[3] *Резник Г.М.* // http://soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v.

[4] *Петрухин И.Л., Михайловская И.Б.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / 3-е изд. М., 2012. С. 329.

исчезновение оправдательных приговоров (заменялось дополнительным расследованием); вырождение государственного обвинения, так как функции прокурора часто выполнял суд[1].

Здесь необходимо сделать несколько промежуточных выводов.

Во-первых, авторы концепции судебной реформы, как мы полагаем, вовсе не были против абсолютной истины как таковой. Да и никто не был бы против постичь истину, как нам кажется. Вопрос лишь в том, возможно ли или достаточно ли процессуальных средств для того, чтобы постичь истину, которое имело место. Думается, что ответ отрицательный. Между тем, на попытку достичь объективной истины тратится много сил и средств, плюс к тому это продолжительное занятие по времени. Это означает, что пока следственные органы занимаются отысканием «правды», обвиняемый или подсудимый томится в неволе. Данный тезис тем более актуален с учетом того, что в Советском союзе, а затем и в Российской Федерации широко применяется такая мера процессуального принуждения как заключение под стражу. Условия содержания в этих местах лишения свободы приравнены Европейским судом к пыточным (см. дело «Ананьев и другие заявители против России», жалобы № 42525/07 и 60800/08).

Во-вторых, примат объективной истины по уголовному делу вынуждает государственные органы объединить свои усилия против отдельного индивида, который остается незащищенным. Принцип презумпции невиновности остается декларативной нормой, которая на деле не реализуется в полной мере. В противовес такому положению дел и необходимо дальнейшее укрепление института присяжных заседателей. Потому что они как представители народа будут судить полноправного члена своего общества.

Введение суда присяжных усилит принцип состязательности в процессе. При этом, в таком процессе будет необходимо лишь установление формальной истины по делу. Это означает, что изначально подсудимый считается невиновным и у суда и присяжных заседателей есть разумное сомнение в виновности подсудимого. Задача государственного обвинения состоит в том, чтобы убедить суд и присяжных заседателей в обратном, т.е. в виновности подсудимого. Как только обвинение сумеет развеять разумное сомнение, этого будет достаточно для признания лица виновным в совершении преступления. В

[1] *Резник Г.М.* // http://soprotivlenie.org/?id=53&cid=314&t=v.

таком процессе возрастает роль доказательств по делу, так как они должны быть такими «чистыми», чтобы могли переубедить присяжных заседателей. В доктрине на этот счет есть «четыре кита», на которых держится состязательный процесс:

1. субъект принятия решения нейтрален и процессуально пассивен, отвечает только за разрешение дела;
2. стороны самостоятельно собирают и представляют доказательства в поддержку своей позиции по делу и излагают доводы, которыми должно быть обосновано решение;
3. соответствующая процедура – концентрирована, непрерывна и наделена иными свойствами, позволяющими делать акцент на столкновении противоположных доказательств и доводов, представляемых сторонами;
4. стороны имеют равные возможности представления своих доводов и изложения позиции по делу перед субъектом принятия решения[1].

Итак, резюмируя рассмотренные выше основные положения Концепции судебной
реформы, касающиеся принципа состязательности в процессе, можем отметить, что данный документ был достаточно прогрессивным для того времени и многие идеи затем были воплощены в жизнь через конституционные положения Российской Федерации. Авторы концепции вобрали в нее самое оптимальное и научно разработанные правовые положения того времени. При этом, было понятно, что развитие того же принципа состязательности невозможно без кардинальных реформ всей правоохранительной системы.

На этом фоне сегодня вызывает обоснованное «раздражение» попытки отдельных политиков вернуть институт объективной истины в уголовный процесс. По этому законопроекту уже было много мнений отрицательного характера, и мы осознанно не акцентировали на нем свое внимание. Скажем лишь, что завоевания Концепции судебной реформы очень хрупки и юридическому сообществу следует быть начеку, чтобы не пропустить такого рода инициативы без глубокого научно-теоретического фильтра.

Summary

This article studies the role of the Conception of a judicial reform, approved by the

[1] Уильям Бернам. Правовая система США. М., 2006. С. 165.

Resolution of the Supreme Soviet of the USSR dated 24 October 1991 in relation to formation and development of adversarial proceedings principle. Therefore, this Conception laid a foundation for termination of the neo-inquisitive Soviet justice period. However draft legislation of the parliamentary Remezkov A. in relation to restoration of objective truth in Criminal Procedure legislation threatens all achievements in Criminal Procedure justice.

Key words: adversarial principle, objective truth in criminal procedure.

М.А. Аксенова

Вклад Н.М. Коркунова в развитие отечественного правоведения

Статья раскрывает позицию выдающегося русского правоведа Николая Михайловича Коркунова на проблему философии права в контексте социально-исторического развития России в XIX столетии. Рассмотрены основные черты позитивизма в социологической правовой теории ученого, взгляды на проблему коллизионного регулирования отношений. Основное внимание уделено фундаментальному труду, в котором нашло отражение политико-правовое учение Николая Михайловича, а также теория о разрешении коллизий, построенная на основе учения о коллизиях Савиньи. Прослежено влияние С.А. Муромцева и Р. Иеринга на становление взглядов Коркунова и оценен вклад ученого в развитие отечественного правоведения. Актуальность работы основана, в первую очередь, на том, что в наши дни правовая наука может развиваться, лишь опираясь на политико-правовые идеи выдающихся юристов, одним из которых, несомненно, является Николай Михайлович Коркунов.

Ключевые слова: государство, право, позитивизм, публичное право, этатизм, антропоцентризм, идеология, философия права, нормативизм, коллизионное право.

Правовое развитие общества немыслимо без учета научного наследия выдающихся исследователей юридической науки. Моя работа посвящена исследованию творчества профессора Санкт-Петербургского университета, Военно-юридической академии, Николая Михайловича Коркунова. Сам Николай Михайлович говорил: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать».

Жизнь и творчество Н. М. Коркунова совпали с правлением трёх российских императоров: Александра II, Александра III, Николая II.

Во второй половине XIX века наблюдались положительные тенденции в развитии страны. Во время правления Александра II в России был самый высокий темп прироста населения, а конец XIX в. ознаменовался успехами в промышленном развитии страны. «Меры, осуществленные в царствование

Александра III, подготовили мощный промышленный подъем в 90-е годы XIX в.»[1]. Развитие отечественной промышленности в совокупности с активной поддержкой государства подготовило общество к переходу к индустриализации, и целью этого перехода Александр III ставил укрепление статуса России на международной арене в качестве по-настоящему Великой державы.

Несмотря на указанные успехи, в развитии российского общества имелись и существенные недостатки: феодальные пережитки в экономике, социальная нестабильность, которая лишь усиливалась за счёт постоянных неурожаев, деятельность революционеров. В политике самодержавия наблюдались две противоречивые тенденции: с одной стороны, стремление к продолжению реформаторской деятельности, с другой – поддержание во что бы то ни стало существующего режима.

Ввиду особенностей социально-исторического развития России сложилось правовое учение Николая Михайловича Коркунова. Центральное место в отечественной правовой культуре второй половины XIX – начала XX веков занимало государство. Интересы государства считались высшей ценностью, а его вмешательство осуществлялось во все сферы жизни, а значит, и в правовую. Таким образом, в то время господствовала идея этатизма, которая подразумевает приоритет государственных интересов во всем. Однако, после реформ Александра II в 1860-х гг. начали появляться ростки антропоцентризма. Согласно антропоцентристской правовой культуре, человек в силу его природы наделен неотъемлемыми правами и обязанностями во всех сферах человеческой деятельности. Безусловно, существенную роль в формировании этого воззрения сыграла судебная реформа 1864 года. В новых судах правосудие стало основываться на принципе справедливости и защиты интересов, прежде всего, личности, а не государства, как раньше. Главной задачей судей было охрана права, и вследствие, признание его как высшей ценности, которая должна охраняться, так как играет в российской культуре особую роль. Именно поэтому идею судебного правотворчества отстаивал Н. М. Коркунов, а вместе с ним и С. А. Муромцев, и М.М. Ковалевский.

В конце XIX века юридические учения подразделялись на несколько школ. В свою очередь, по политической направленности, эти школы можно разделить на консервативные и либеральные. Именно к либеральному течению и

[1] *Семеникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2003. С. 298.

принадлежал профессор Коркунов. В своих трудах, таких как «Лекции по общей теории права», «Наука права и естествознание», «О научном изучении права», ученый исследует право с самых различных сторон: как объективное право, существующее независимо от сознания человека; как субъективное право, которое состоит из интересов отдельного лица; как правоотношения; как правосознание: индивидуальное и коллективное; как элемент общественной жизни. В «Общественном значении права» Н. М. Коркунов дает окончательное определение термину «право»: это средство разграничения интересов, и его назначение – в охране индивидуальности. Мыслитель конкретизирует, какие именно интересы разграничиваются в каждой из правовых отраслей: в гражданском праве охраняются интересы отдельных частных лиц, вступающих в разнообразные отношения, соответственно, в гражданском процессе разграничиваются интересы истца и ответчика, а вот в уголовном процессе – интересы обвинителя и подсудимого, в государственном праве – интересы всех отдельных лиц, участвующих в государственных отношениях, в международном праве – интересы людей как участников международного отношений и интересы их как граждан отдельных государств.

Упоминание о роли интереса встречается в научном труде немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга «Цель в праве». В этом произведении он пишет: «...само право, хотя девизом его и служит необходимость, все-таки принуждено обращаться к интересу, т.е. к свободному деянию по собственному деятеля выбору; в большинстве случаев право достигает своей цели лишь потому, что привлекает на свою сторону интерес человека»[1]. В теориях Р. Иеринга и Н. М. Коркунова присутствуют некоторые схожие черты, однако, главное отличие состоит в том, что профессор Коркунов был ближе к классическому либерализму (для возможности сосуществования различных интересов в различных сферах жизнедеятельности человека, эти интересы должны быть разграничены), в то время как немецкий ученый основывался на идеях улитаризма (ценность поведения определяется его полезностью).

Что касается отношения самого Н.М. Коркунова к теории Р. Иеринга, то русский правовед признаёт за немецким юристом определённые заслуги в формулировании теории интереса, называя его толкование права и его функций

[1] *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1891. С. 35.

улучшенным по сравнению с определениями юристов прошлых эпох[1]. Такое понимание права, по мнению Н.М. Коркунова, придавало юридической науке крайне формальный характер в том смысле, что упускались из виду содержание людской деятельности, а также склонности и нужды человека, которые руководят этой деятельностью – изучались лишь её внешние проявления. Однако, в работе «Наука права и естествознание» Н.М. Коркунов признаёт большое значение теории, сформулированной Р. Иерингом, русский правовед называет определение немецкого юриста «решительным ударом» по господству объективизма во взглядах того времени: «Иеринг уже в своем Geist des romischen Rechts выставил новое определение права как охрану интересов»[2].

На становление взглядов Николая Михайловича также повлияла теория интересов выдающегося русского правоведа С. А. Муромцева. Основным элементом его теории является нуждающееся в правовой защите, фактическое отношение между людьми. Таким образом, он рассматривал право как способ воздействия общества на возникающие между отдельными лицами отношения. Однако, Н. М. Коркунов с точки зрения разрабатываемого им психологического подхода к праву критиковал такое определение, так как оно игнорирует психологический элемент. Профессор Коркунов провел разносторонние исследования правосознания и пришел к выводу, что понятие права включает в себя элемент правосознания, также профессор утверждал, что государство связано правом. В исследовании юридических явлений выдающийся русский правовед применил своеобразные новые методы, основанные на методологии естественных наук. С этой позиции феномен права раскрывался с учетом его изменчивости, и, очевидно, идея такого восприятия была позаимствована у естественных наук.

Достоинством правовой доктрины Николая Михайловича прежде всего является детальная конкретизация понятия права применительно к различным юридическим явлениям, таким как системы права. Ученый не ограничился лишь формулированием понятия права, а показал, как это определение может применяться на практике.

Однако недостаток этой теории заключается в том, что нельзя разграничивать интересы, не оценивая их. Теория профессора Коркунова

---

[1] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 106.

[2] *Коркунов Н.М.* Наука права и естествознание // Сборник статей. С. 14.

основана, прежде всего, на разграничении индивидуальных интересов, групповые интересы никаким образом не учитываются. Кроме того, с позиции данной теории невозможно объяснить наличие в источниках права таких норм, которые противоречат интересам отдельных лиц или даже не соответствуют вообще ничьим интересам. Это является существенным недостатком, так как в правовой системе любого государства таковые нормы имеются. Но все же после перечисленных недостатков не следует забывать о главном достоинстве понимания права как средства разграничения интересов – эта теория заключает в себе социологический подход к праву, а значит, учитывает социокультурный фактор влияния на правоотношения в любой сфере человеческой деятельности.

Таким образом, учение Николая Михайловича можно отнести к социологическому подходу, с присутствующими признаками психологической теории. Проявление социологизма заключается во включении правоотношений в понятие права. И в то же время правотворческая роль государства не включалась в понятие права. Государство в теории учёного является лишь средством проведения права в жизнь. Мыслитель указывает на то, что без исследования социальных сил, которыми обусловлено и право, и государство невозможно объяснить социальную природу права. Н. М. Коркунова можно отнести к тем правоведам, которые разделяли основные идеи правового государства, в силу его идеи о необходимости легитимации государственной власти и создаваемого ею права населением страны. Правовед говорит о том, что необходимо изучать действие права в обществе и тот социальный эффект, который производится правом. Также в исследовании права должны учитываться и психологические процессы, такие как индивидуальное и коллективное правосознание. Заслуга Н.М. Коркунова, с научной точки зрения, состояла в последовательном распространении принципов и идеи социологического позитивизма на науку права.

Вместе с тем, несмотря на заслуги Н.М. Коркунова в развитии отечественного правоведения, разработанная им теория в советское время в основном подвергалась критике. В 1989 году журнал «Советское государство и право» опубликовал статью И.А. Исаева «Психологическая концепция власти Н. М. Коркунова». И, пожалуй, эта статья стала первой в истории отечественной юриспруденции работой, в которой по достоинству был оценён

вклад Н. М. Коркунова в разработку психологического подхода к социологической теории власти.

Значительный вклад Николай Михайлович внес в развитие коллизионного права. Для решения абсолютных всех коллизий он применял lex fori, что в переводе с латинского означает «закон суда». Однако им была выделена следующая особенность: «относительно законов различных государств следует заметить, что применение всегда закона того государства, где происходит обсуждение факта (lex fori), противоречило бы интересам международного общения»[1]. Таким образом, к любому возникшему правоотношению следует применять тот закон, которому данное правоотношение и подчиняется. Основание теории коллизионного права профессора Коркунова составляет юридический факт. Необходимо отметить, что учение о коллизиях Фридриха Карла фон Савиньи также повлияло на развитие этой теории, однако русский правовед, в отличие от Савиньи, исследует не само юридическое отношение, а рекомендует пойти к его основанию. Вначале он распределил все юридические факты по видам, а затем предложил разбирать все возникшие спорные юридические ситуации с помощью уже указанного lex fori. Такое решение, с его точки зрения, позволит упростить задачу применения права. Более того, Николай Коркунов утверждал и то, что необязательно спор должен разбираться одним законом: напротив, один и тот же спор может регулироваться сразу несколькими законами, причем и отечественными, и иностранными. Это связано, по мнению ученого, с тем, что очень часто правоотношение возникает на основании сразу нескольких юридических фактов.

При рассмотрении системы международного права профессор Коркунов исходил из того, что право иностранцев, входящее в особенную часть его систематики, и является международным частным правом. Однако, раскрывая сущность международного частного права, он называл его не каким-то случайным явлением, для него международное частное право являлось естественным добавлением к гражданскому и уголовному праву во всех странах. Кроме того, в работах многих отечественных ученых, в частности, Константина Никаноровича Анненкова, Леонида Алексеевича Комаровского и других, отражены взгляды Н. М. Коркунова на проблему коллизионного регулирования отношений, что, в свою очередь, способствовало формированию

[1] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. С. 338.

новых позиций по вопросам определения природы и сущности международного частного права. Исходя из этого следует вывод, что в истории отечественного права начала XIX века выделяется самостоятельное коллизионное учение Н. М. Коркунова.

Заслуга выдающегося правоведа состоит и в том, что он один из первых в своих трудах дал практическое обоснование необходимости выделения общей теории права как самостоятельной юридической дисциплины, обладающей собственным предметом и методами исследования, причем эти методы и предмет не должны, по мнению ученого, сводится ни к философии, ни к энциклопедии права.

Таким образом, в виду того, что творчество этого ученого охватывает самые различные проблемы как теории права в общем, так и отраслевые проблемы, то можно говорить о том, что оно весьма разнообразно. В области изучения государственного и международного права, истории правовых и политических учений, а также сравнительного правоведения его труды стали классическим примером и существенно повлияли на развитие отечественного правоведения и международного права. В наши дни трудно найти серьёзное научное исследование по теории права, в котором не анализировались бы его воззрения, или не имелось бы ссылок на его произведения, в особенности на фундаментальный труд «Лекции по общей теории права».

Фундаментальный труд Николая Михайловича Коркунова, «Лекции по общей теории права», по своей структуре во многом предвосхищает структуру современных курсов, а, следовательно, это произведение оказало особое влияние на развитие как теории государства и права, так и философии. Более того, проблемы, которыми он занимался, не потеряли своей актуальности и сегодня, а предложенные решения этих проблем по-прежнему заслуживают внимательного рассмотрения.

Summary

The article reveals the position of the outstanding Russian lawyer – N. M. Korkunov – on the problem of philosophy of law in the context of socio-historical development of Russia in the XIX century. The main attention is paid to fundamental labour, which reflected the political and legal doctrine of N. M. Korkunov, as well as the theory of the conflicts, based on the doctrine of collisions Savigny. Article traced the influence S. A. Muromtsev and Rudolf von Jhering on the formation of Korkunov's attitudes and valued contribution to the development of the domestic jurisprudence. The urgency of work is based on the fact that nowadays the legal science can

develop only by referring to the political and legal ideas of prominent lawyers, and one of them, no doubt, is Nikolai Mikhailovich Korkunov.

Key words: state, positivism, public law, statism, anthropocentrism, ideology, philosophy of law, normativism, principles of conflict of law.

Н.Н. Бессилина

Программные партийные документы как источники советского права в 1950-1960 гг.

Работа посвящена рассмотрению программных партийных документов как источников советского права. Целью работы является: изучить программные партийные документы в качестве источников права и выяснить, являются ли они таковыми.

Ключевые слова: программные документы КПСС, источники советского права, правовая система СССР, коммунистическая партия Советского Союза.

В начале XX века в нашей стране произошел ряд событий, которые направили Россию по уникальному пути развития. Революция 1917 года полностью изменила не только жизнь каждого россиянина, но и всю правовую систему общества в целом. Сложившиеся до революции политические и правовые принципы было совершенно невозможно использовать, потому что они больше не удовлетворяли потребностям общества, а также идеологиям и политическим принципам пришедшего к власти правительства. Поэтому неудивительно, что первостепенной задачей нового руководства нашей страны, стало создание и запуск новой правовой системы, которая смогла бы посредством новых правовых норм регулировать общество и удовлетворять возникающие в нем потребности. Важное место в этом процессе достаточно быстро заняли программные документы правящей партии. Причем, использовались они не только как политические документы, но ,отчасти, как и юридические. После окончания Великой Отечественной войны значение партийных документов нисколько не уменьшилось, а скорее наоборот, только усилилось. В 1950-60 годах программные партийные документы заняли особое место в правовой системе государства. Можно ли рассматривать их в качестве источников советского права? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена данная статья.

Добавляя о роли программных партийных документов невозможно не упомянуть о статье, вышедшей в 1965 году в которой указывалось, что под

нормами партийной жизни понимаются конкретные правила , регулирующие как внутреннюю жизнь партии, так и ее работу в массах, ее руководство революционной борьбой за построение нового общества. Это лишний раз доказывает безоговорочный авторитет и полную власть партии над обществом.

В юридической литературе советского периода программные партийные документы к источникам советского права. Например, профессор В.И. Нижечек отмечает, что «нормы партийной жизни занимают ведущее место среди других видов социальных норм нашего общества. Такое место определятся, прежде всего тем, что они исходят от Коммунистической партии, выполняющей роль руководящей силы в социалистическом обществе»[1].

Аналогичные выводы присутствуют и в работах современных авторов. Так, С.А. Токмин подчеркивает, что «в послевоенные годы, так называемые нормы партийной жизни…приобрели абсолютный (юридический) характер»[2].

Необходимо также изучить насколько эти утверждения могут быть приняты с точки зрения современной теории государства и права. Под источниками права понимаются официально определенные формы внешнего выражения содержания права. В учебной и научной литературе по теории государства и права программные партийные документы не выделена в качестве формальных источников право. Для российской правовой системы, как части континентальной правовой семьи основным источником права является нормативно- правовой акт. Если же мы зададимся вопросом, что есть нормативно-правовой акт, то сможем найти, что это письменный правоустановительный акт государства, содержащий нормы действующего права. Именно нормативно-правовой акт объединяет в себе общеобязательные правила поведения, которые создаются и охраняются государством, другими словами, он содержит в себе правовые нормы. Хоть в списках нормативно-правовых актов и не указаны програмные партийные документы, они несомненно могут там присутствовать .

В советское время в программные партийные документы вкладывался совсем иной смысл, нежели в наши дни. В условиях социалистического времени

---

[1] *Нижечек В.И.* Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений // Восточно-Сибирское издательская газета. 1973. № 36. С. 23.

[2] *Токмин С.А.* Программные документы в правовой системе Советского Союза // Известия Иркутской государственной юридической академии. 2012. № 1. С. 161.

партийные интересы не скрывались, а наоборот подчеркивались и считались выше общественных. Поэтому в своих программных документах партия КПСС не только определяла правила политического руководства страны, но и регулировала правовые принципы, которые определяли правовую структуру, раскрывали содержание и отражали всю правовую основу Советского Союза в целом. Именно этот признак и подтверждает возможность являться партийным документам источниками советского права. Еще одним подтверждением данного мнения можно считать слияние партийных и государственных механизмов в единую политико-правовую систему государства.

В качестве примера можно рассмотреть Программу КПСС принятую на XXII съезде партии в 1961 году, которая регулировала и устанавливала не только партийные отношения, но и определяла направление государственных усилий, а также содержала в себе правовое регулирование конкретных сфер человеческих отношений. Обобщая все вышеперечисленные доводы, мы можем заметить, что программные партийные документы создавались государством и слившимся с ним партией и определяли общеобязательные модели поведения. Поэтому в период 1950-60 годов программные партийные документы могли являться источниками права.

Нельзя оставить без внимания и всем известный «Моральный Кодекс Строителей Коммунизма», который тоже вошел в Устав, принятый на XXII съезде партии. Данный документ содержал в себе свод принципов и правил коммунистической морали. Обращаясь к этим фактам, мы видим, что партия старалась закрепить и отрегулировать не только правовые отношения в обществе, но и моральные. Рассматриваемые нами программные партийные документы ,безусловно, обладали огромным юридическим значением в тот исторический период времени. Программы партии являлись обязательными к исполнению для всех коммунистов, а также для коммунистических организаций. Обращаясь к истории, становится понятно, что коммунистами являлись почти все . Учитывая этот факт, неудивительно, что партийные документы обладали исключительной юридической силой в правовой системе.

Говоря о влиянии личности в правотворчестве, невозможно оставить без внимания роль партийных деятелей, создававших партийные документы в тот период времени. К ним можно отнести таких политических деятелей, как Б.Н.

Пономарева, С.Г. Струмилина и др., которые возглавляли работу на проектом различных партийных документов по заданию Никиты Сергеевича Хрущева.

Таким образом, программные документы КПСС являются важнейшим объектом исследования, которое позволяет увидеть нам, как политические идеи превращаются в реальные правовые документы. Мы также можем заметить, что роль, которую играли правовые партийные документы в 1950-60 годах несомненно велика, ведь именно они устанавливали и регулировали основные принципы правового построения государства, упорядочивали и организовывали важнейшие сферы общественных отношений. Правящая партия была воедино связана с государственным механизмом, и даже слилась с ним настолько, что являлась его вырежением. И поэтому мы можем считать, что действительно программные правовые документы могли и являлись источниками советского права. Более того они находили поддержку не только в правительстве, но и в обществе, которое безуговорочно подчинялась партийным программам и правилам. Следовательно, влияние которое оказывали программные партийные документы в правовой системе позволяет нам сказать, что возможно это были важнейшие в тот исторический период политико-идеологические источники права.

Summary

Work is devoted to program party documents, their essence and place they occupy in the system of legal documents of the Soviet Union .The main purpose is to consider program political documents as sources of law and find out whether they are established.

Key words: Program political documents, sources of soviet law, the legal system of the Soviet Union, legal sources in the USSR.

К.С. Буравлева

Достоинства и недостатки правового регулирования в концепции Коуза. Возможно ли её воплощение в настоящем времени?

Критерии эффективности правового регулирования в концепции Коуза дают нам общее представление о мире при нулевых и ненулевых трансакционных издержках и модель правового регулирования в нем. Актуальность данной темы заключается в новом взгляде Коуза на правовое регулирование, которое строится на подсчете избыток и прибыли при решении экономических споров. Изучение эффективности правового регулирования

находится на стыке экономики и юриспруденции и является основным моментом при анализе нормативно-правовых актов, а так же используется при изучении теории права. Однако эта статья поможет не только разобраться в предположениях Коуза, но и осветить его взгляд с разных сфер жизни и определить, насколько возможно существование этой концепции в современном мире.

Ключевые слова: теорема Коуза, трансакционные издержки, правовое регулирование, судьи, критерии эффективности.

«Рональд Гарри Коуз; 29 декабря 1910, Уиллесден, Лондон — 2 сентября 2013, Чикаго — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 г. «за открытие и прояснение точного смысла трансакционных издержек и прав собственности в институциональной структуре и функционировании экономики».

Окончил Лондонскую школу экономики (бакалавр коммерции (B. Com.)); преподавал там же, а также в Виргинском и Чикагском университетах. Был научным руководителем Института, носящего его имя»[1].

Вот такая скудная справка предоставлена нам о личности этого легендарного экономиста и правоведа на сайте Википедии. Однако, этого будет достаточно обычному читателю для понимания его концепции.

Рональд Коуз был автором нескольких статей, после прочтения которых появляется немало мыслей и предположений по поводу преимуществ и недостатков его идей. В частности это работы: «Фирма, рынок и право», «Спор о предельных издержках», «Проблема социальных издержек», «Заметки к проблеме социальных издержек».

Прежде всего следует начать с того, что Коуз вводит понятие трансакционных издержек. Он трактует это так: «Чтобы осуществить рыночную трансакцию, необходимо определить, с кем желательно заключить сделку, оповестить тех, с кем желают заключить сделку, о ее условиях, провести предварительные переговоры, подготовить контракт, собрать сведения, чтобы убедиться в том, что условия контракта выполняются, и так далее» [2]. Далее он предлагает нам представить мир при нулевых трансакционных издержках. В этом случае он утверждает, что в правовом регулировании нет необходимости, и все спорные вопросы будут разрешаться

---

[1] Коуз Рональд// http://ru.wikipedia.org/wiki/Коуз,_Рональд.

[2] *Коуз Р.Г.* Фирма, рынок и право: сб. статей/пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Капелюшников, М., 2007. С. 12.

естественным путем расчета доходов и расходов в каждой спорной ситуации. Среди множества приводимых им примеров, можно сделать вывод, что максимализация прибыли при нулевых трансакционных издержках будет достигаться в любом случае. Необходимо только судьям предоставить право просчитывать издержки каждого производства в спорных ситуациях и тогда принимать обоснованные решения, в которых не будет ни правых, ни виноватых, а будут только те, чье производство выгоднее. Так же он указывает на то, что в принципе не было бы разницы, чей интерес право бы защищало: стороны бы все равно договорились. Коуз совершенно не рассматривает этот вопрос со стороны этики, тем самым, с моей точки зрения, нарушая частные права собственности, как права вообще. Иначе говоря, он считает, свобода договора сама по себе решила бы наиболее эффективным для экономики образом вопрос о том, кому из двух сторон даровать бы соответствующее право.

Как можно заметить, абстрактность этой концепции вводит в заблуждения и разбивается о границы жестокой реальности. Поэтому далее, развивая мысль, Коуз предлагает праву решать этот конфликт, пытаясь либо снимать трансакционные издержки и стимулировать оборот, либо сымитировать тот результат, который был бы получен в мире нулевых трансакционных издержек, даровав право тому из двух, кому оно ценнее (кто выиграет от получения этого права больше, чем проиграет другой). Именно поэтому Коуз формирует условия для нахождения правовых решений не на основе добровольного решения сторон, а на основе оценки законодателем/судом эффективности.

Прочитав вышеперечисленные статьи, никто не может убедиться в их точности и справедливости. Как экономист, Коуз направил построение своей теории только на максимализацию прибыли, но никак не на удобстве граждан. Вполне точно выразился российский экономист В.В. Новиков, что он мыслил как «самый настоящий социалист, хотя и очень рыночный». Подтверждение этого мнения отражается в статье А. Верещагина[1]. Довольно интересная критика была представлена на обозрение. И действительно, на первый взгляд в Теории Коуза поразительная гладкость и логичность его примеров поражает.

[1] *Верещагин А.* Coase, Tipping and Simpson: этюд о праве и «социальных издержках»/http://zakon.ru/blogs/coase_tipping_and_simpson_etyud_o_prave_i_socialnyx_izderzhkax/8602/01.03.2014.

Однако, от того, что все так точно и ярко подсчитано, это приводит к казусам, если концепцию рассматривать на других бытовых примерах.

Следовательно, эта статья посвящена попытке более глубоко осветить всю его теорию, рассказать о мире при нулевых трансакционных и социальных издержках, об эффективности налогообложения и указать на достоинства и недостатки.

1. Концепция Коуза

В своих статьях Коуз поставил перед собой несколько задач, в направлении которых он вел свои исследования. Наибольшим образом нас интересуют задачи, которые открываются в исследовании новой для него области – «теории экономики и права». Коуз называет их «самыми пугающими», обосновывая это тем, что взаимоотношения между правовой системой и экономической очень сложны, изменение закона воздействует на экономику и многие последствия этих изменений ещё скрыты от нас.

Следует разобраться первоначально в том, как же звучит теорема Коуза и в чем ее суть. «Разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных трансакций… конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правового решения»[1]. Это и есть содержание теоремы Коуза. Этот результат неизбежен при его предположении о нулевых трансакционных издержках, потому что при них ценность производства будет наибольшей.

Прежде всего следует понять, что же понимается под «эффективностью» в контексте с данной статьей, иначе сложно будет оценить правовое регулирование без данного понятия. Как всем известно, исторически первой сферой использования и разработки понятия «эффективность» была экономика. «Задача определения экономической эффективности – одна из древнейших, - пишет Лустова, - Однако понятие «эффективность» здесь в значительной степени совпадает с понятием экономичности, с достижением высоких результатов при наименьших затратах»[2]. Это определение эффективности через экономичность вполне точно отвечает воззрениям Коуза в его работах. Однако, стоит отметить, что не только данный фактор он вкладывает в это понятие. В

---

[1] *Coase R.H.* Op. cit. P. 27.

[2] *Лустова О.С.* Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм. Челябинск, 2004. С. 23.

дальнейшем будет сделана попытка раскрыть критерии эффективности в наиболее полном объеме.

Так каковы же взгляды Коуза на эффективное правовое регулирование?

Коуз раскрывает свою позицию на примерах судебных дел, которые вошли в историю и иллюстрируют проблемы экономико-правовых отношений между гражданами и предприятиями, между предприятиями и фирмами, между гражданами и гражданами. Рассмотрим один из них:

«При изготовлении циновок из кокосовых волокон их погружают в отбеливающую жидкость, после чего вывешивают для просушки. Пары от производства сульфата аммония делали циновки тускло-серыми. Причина была в том, что отбеливающая жидкость содержала хлорид олова, который под действием сероводорода темнеет. Производители циновок требовали судебного запрета на эмиссию сульфата аммония. Адвокаты ответчика возражали, что, если бы истец «не использовал… данную отбеливающую жидкость, циновки не страдали бы; что они используют необычный процесс, не соответствующий принятому в данном производстве и даже вредный для их собственных изделий»[1].

Дело разрешилось тем, что производитель кокосовых циновок не смог добиться запрета, но получил право требовать компенсации. Если бы судьи решили вопрос не в пользу производителя кокосовых циновок, то ему пришлось бы терпеть ущерб и размещение ресурсов бы изменилось. И тогда следовало бы ему решить, какие издержки больше: по изменению его производства циновок, либо по выплате производителям сульфата аммония для остановки их деятельности, либо смены месторасположения. Таким образом могло бы разрешиться дело без судебного вмешательства.

Но в итоге судьям пришлось решать вопрос о юридической ответственности. Циновки темнели от дыма фабрики, производившей сульфат аммония, но никакого ущерба не было бы, если бы производитель циновок не выбрал такого места для сушки и такого отбеливателя. «Если мы будем обсуждать проблему в терминах причинности, - пишет Коуз, - то обе стороны виновны в причинении ущерба. Если мы стремимся к оптимальному размещению ресурсов, тогда желательно, чтобы обе стороны учитывали ущерб

[1] *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. С. 102.

(нарушение покоя и порядка), принимая решение о дальнейших действиях»[1]. К прекраснейшим свойствам работающей ценовой системы относится то, что, как уже было объяснено, падение ценности производства из-за вредных эффектов будет входить в издержки обеих сторон.

Вот такой взгляд Коуза на критерии эффективности правового регулирования в мире с нулевыми трансакционными издержками. Однако, когда Коуз все-таки принимает во внимание права собственности и они перестают быть нейтральным фактором, то он предлагает передавать решение вопроса судьям. Он считает, что судьям для максимализации как прибыли так и полезности необходимо при решении экономических споров обращать внимание не только на этику, интересы частных индивидов, но и на общественную полезность. Они должны руководствоваться экономическими критериями эффективности, а не абстрактным понятием. Тогда экономика будет функционировать гораздо лучше. Не стоит разбираться в первопричинности, а стоит обращать внимание на взаимозависимость обеих сторон и их взаимную ответственность друг перед другом. Так же стоит отметить, что судьям при принятии решения следовало бы учитывать массу подсчетов экономических последствий, которые могли бы затянуть принятие решения на неопределенное количество времени. Как пишет А. Верещагин в своей статье: «Поистине не видно конца потоку фактов – сначала прямо относящихся к делу, а затем всё более и более отдалённых - которые судам пришлось бы взять в расчёт при оценке каждого из возможных альтернативных решений. К тому же вся эта бухгалтерия зиждется только на рыночных ценах»[2].

С другой стороны Коуз для регулирования вредных последствий (к примеру, из-за дыма) предлагает деятельность законодательных органов. Естественно, он учитывает издержки на их деятельность и механизмы правового регулирования, поэтому предлагает определить, где стоит ограничить деятельность правительственных органов, проведя экономический анализ различных действенных способов решения проблем.

2. Как разграничить права?

Функцию по разграничению прав Коуз относит к судьям. Он, проанализировав решения американских судов, приходит к выводу о том, что

---

[1] *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. С. 103.

[2] *Верещагин А.* Coase, Tipping and Simpson…

судьи «держат в уме возможные приобретения и потери от возмещения ущерба или удовлетворении иска»[1]. Это особо важно для автора, т.к. он считает, что издержки рыночных трансакций при решениях определенных дел настолько велики, что необходимо учитывать экономические последствия при решениях, ибо они могут повлиять на состояние рыночной экономики.

Свои мысли Коуз отстаивает на критике учения Пигу, который считал, что бизнес, который наносит ущерб, должен возмещать его. Это, по мнению Коуза, ошибочно по той причине, что при рассмотрении вопроса не учитывается сравнение всего продукта, который может быть получен при альтернативных условиях.

Налоги же, которые накладываются на производителя за возмещение ущерба, так же не могут привести к созданию оптимальных условий. Тяжесть налогов будет расти в зависимости от того, сколько людей чувствует на себе эффекты от, например, дыма фабрики, производящей ценный для общества продукт. Под тяжестью налогов будет сокращаться производство, тем самым общественная полезность будет уменьшаться. Это недопустимо с точки зрения Коуза, и поэтому он предлагает свою концепцию по решению данного вопроса. Как было прежде замечено, при рассмотрении мира с ненулевыми трансакционными издержками права собственности перестают быть нейтральным фактором. Исходя из этого, Коуз дает советы, которые, по его мнению, максимализируют прибыль и общественную полезность. Он говорит о том, что если о факторах производства мыслить как о правах, то становится ясно, что право делать то, что имеет вредные последствия, тоже становится фактором производства. Например, используя свой участок, как нам хочется, строя на нем дом, мы можем лишать своего соседа красивого пейзажа. Издержки осуществления прав – это убыток, сказывающийся где-либо ещё как результат осуществление этого права. Таким образом, «делая выбор между социальными установлениями, в контексте которых принимаются индивидуальные решения, следует учитывать, что изменение существующей системы, которое поведет к улучшению одних решений, может одновременно ухудшить другие. Более того, мы должны учитывать издержки функционирования различных социальных установлений (будь то рынок или правительственное учреждение), так же как издержки перехода к новой системе.

[1] *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. С. 114.

Задумывая выбор между социальными системами, нам следует заботиться об общем результате. Прежде всего в этом и состоит то изменение подхода, которое я предлагаю»[1].

Все его выводы и результаты предполагаемого им регулирования направлены на общее благо, но не на удовлетворение потребностей и защите прав частного индивида. Бесспорно, некоторые дела требуют решения частично в соответствии с советами по правовому регулированию, предложенными Коузом. Его идеи по вопросам разграничения прав и максимализации прибыли могут дать положительный результат на развитии экономики и общества в целом и, как мы видим, они находят отражение в судейской практике.

Однако, стоит задуматься о том, насколько сильны будут последствия этих идей. Изменение правосознания каждого индивида в сторону не своей пользы, а общественной, несомненно выведет общество на новый уровень. Но такой социалистический подход к решению проблемы уничтожает человеческую природу, умаляет его естественные права, превращая общество в механизм увеличения общественной полезности. Если природа человека изменится таким образом, если индивиды будут ущемляться в своих правах собственности, а судьи будут принимать решения, учитывая только экономические последствия, то кому будут нужны те максимальные блага, которые они могут достигнуть? Слишком спорен вопрос, в каких случаях следует применять концепцию Коуза, чтобы весы правосудия не опустились до уровня жестокости, исключая любого рода человеческие факторы, его желания и потребности.

Тем самым, можно сделать вывод, что правовое регулирование, предложенное Коузом и при мире без трансакционных издержек, и при мире с учетом их практически неосуществимо. Этот вывод был сделан при рассмотрении его идей с точки зрения романо-германской правовой семьи. С другой стороны, правовое регулирование в англосаксонской правовой семье имеет значительные различия: здесь суд имеет больше прав и его функции намного шире. Поэтому можно предположить, что в этих условиях концепция Коуза может существовать и функционировать гораздо эффективнее, чем в странах с романо-германской правовой системой. Как мы теперь понимаем, критериями эффективности, как считает Коуз, выступает то, как право должно

[1] *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. С. 142.

влиять на экономику, чтобы максимализировать прибыль и снижать социальные издержки, однако, без учета блага общества, ведь оно заключается не только в материальных ценностях, но и в довольстве граждан, в обеспечении их прав, к которым они уже привыкли. Это могло бы подойти только протестантам, чьи интересы направлены на достижение высокого материального уровня, однако даже они не примут достаточно сложное осуществление его государственной политики, всех подсчетов убытков и прибыли, желание уровнять всех и сократить рамки права собственности, которые являются главными недостатками предложенной Коузом концепции, так как их главный лозунг: «Время – деньги». Основываясь на этих выводах, можно сказать, что несмотря на весомый вклад в изучение экономики чикагской экономической школы, данное правовое регулирование не может применяться повсеместно. Следует отдать право судьям, где это допустимо, принимать решения, основываясь на идеях, предложенных Коузом, или нет.

Summary

Criteria of the efficiency of the legal regulation in Kouz's concept tell us about the world overall at zero and nonzero transactional expenses and about the model of a legal regulation in it. The relevance of this subject consists in the Kouz's new view on a legal regulation, which is based on the calculation of the excess and profits in solving economic disputes. The studying of the efficiency of a legal regulation bases on the economy and the law and it is a main issue in the analysis of normative legal acts. In addition, it is used in the studying the theory of the right. However, this article will help not only to understand Kouz's assumptions, but also to see clearly his look from different spheres of life and to define, as far as possible the existence of this concept in the modern world.

Key words: Kouz's theorem, transactional expenses, legal regulation, judges, criteria of efficiency.

А.Е. Вельчинская

Государственно-правовые взгляды К.П. Победоносцева

Данная научная статья посвящена основным взглядам Константина Петровича Победоносцева на устройство государства и общества эпохи XIX-XX вв. В статье проведен комплексный анализ государственно-правовых воззрений К.П. Победоносцева, который помогает понять малоизученные аспекты развития политико-правовой мысли России в период общественно-политических преобразований XIX века. Материал позволяет осмыслить сложность и противоречивость модернизационных процессов XIX века и выявить

возникшие проблемы, опираясь на мнение государственного деятеля. В работе определены основные взгляды К.П. Победоносцева на принципы государственного устройства, организации социальных отношений, роли церкви в обществе, а также выявлены их роль и место в развитии Российского государства. Рассмотренные в работе взгляды помогают установить практическую значимость замечаний данного деятеля для современной России.

Ключевые слова: самодержавие, монархия, консерватизм, традиции, государственное устройство, государственная власть, конституционализм, парламентаризм, демократизм, православие, церковь.

Что основано на лжи, не может быть право.
Учреждение, основанное на ложном начале,
не может быть иное, как лживое

К.П. Победоносцев

Актуальность темы исследования определена активно протекающим в современном российском обществе процессом модернизации государственного управления, что предполагает необходимость создания системы идей государственно-правового и общественно-политического развития или заимствование таких идей из исторического опыта, что делает востребованным изучение воззрений известных правовых деятелей прошлого в процессе их теоретической и практической деятельности в переходных этапах отечественной истории, а именно эпохе конца XIX – начала XX вв., которая неразрывно связана с деятельностью Константина Петровича Победоносцева.

Сегодня обращение к государственно-правовым и общественно-политическим взглядам К. П. Победоносцева имеет важное значение не только для понимания основных проблем исторического прошлого России, но и для дальнейшего успешного развития современного общества и государства. Изучение взглядов мыслителя поможет сформулировать основные проблемы, с которыми сталкивается общество в период преобразований.

Воззрения крупнейшего государственного деятеля К. П. Победоносцева, затрагивающее вопрос взаимоотношения власти и общества представляет собой важнейший и интереснейший объект исследования. Ведь именно он четверть века являлся олицетворением политики правительства в церковном и государственном отношении, оказывая влияние на политическую жизнь России.

Константин Петрович Победоносцев – выдающийся государственный деятель Российской империи XIX века, правовед, ученый, историк, публицист. Родился К.П. Победоносцев в 1827 году в семье профессора словесности

Императорского Московского университета – Петра Васильевича Победоносцева. В 1846 г. закончил училище правоведения и поступил на службу в Сенат. С 1880 по 1905 гг. занимал должность Обер-прокурора Святейшего Синода. С 1872 являлся членом Государственного совета. При дворе Победоносцев пользовался большим влиянием и зачастую являлся участником или инициатором принятия государственных актов, направленных на охрану самодержавия. В период первых признаков вынужденной либерализации устройства государства (во время подготовки манифеста 1905 г, гарантирующий политические свободы обществу) деятель демонстративно ушел в отставку, считая уступки разрушительными для Российского государства. В молодости К.П. Победоносцев поддерживал либеральные идеи, но к зрелому возрасту, он стал сторонником консервативно-охранительных концепций.

Сложившаяся в XIX веке политическая ситуация в значительной степени объясняет популярность консервативных концепций в Российской империи. Реформы либерального характера, проводимые Александром II, способствовали развитию России до уровня передовых стран Европы. Но обратной стороной положительных изменений стало распространение мыслей, направленных на подрыв государственного устройства. Результатом противостояния стало убийство Александра II – инициатора реформ. Эти события и породили всплеск консервативных идей. Основной целью консерваторов стала не только оппозиция набирающим влияние либеральным идеям, но и формирование идеологии, которая смогла бы объединить императорскую власть и население на основе духовности и религии.

Поэтому в трудах К.П. Победоносцева большое внимание уделяется проблемам: богоизбранности императора, незыблемости власти государя, взаимоотношения правителя и народа через веру, роли церкви в осуществлении духовного единства населения и власти.

Согласно идеям консерваторов, к коим принадлежал К.П. Победоносцев, коренное уничтожение устоявшихся порядков, развитие без опоры на прошлое путем создания нового на пустом месте разрывает связь времен, дезорганизует общество и неизбежно приводит к негативным последствиям. А сохранение такого соединения прошлого и настоящего гарантирует устойчивость общественных ценностей, прочность и организованность общественной жизни.

Являясь сторонником сохранения действующих устоев, консерваторы не отвергали преобразований, осознавая, что естественные процессы изменений неизбежны. Они выступали за медленные, постепенные изменения с уничтожением только тех институтов, которые полностью исчерпали себя, и максимальное оберегание еще жизнеспособных устоев. Исходя из этого, можно сделать вывод, что К.П. Победоносцев не настаивал на нерушимом застое России. По его мнению, реформы должны проходить последовательно, учитывая исторические особенности и опыт взаимоотношений государственной власти с обществом. Итак, консерватизм признает прогресс исключительно в форме последовательной эволюции с опорой на традиционные устои и максимальным сохранением жизненных ценностей.

Согласно учениям К.П. Победоносцева, общество не может развиваться естественным путем в условиях отсутствия твердой, сильной государственной власти. Являясь сторонником твердой власти, мыслитель подчеркивал необходимость знаменитой николаевской триады – «самодержавие, православие, народность». Власть дается Богом, а, следовательно, кто ее не соблюдает – нарушает волю Бога. Позабывши о божественном возникновении, такая власть неизбежно рушится, образуя неразбериху в обществе. Вследствие этого, идеальная власть в представлении государственного деятеля должна быть сильной, решительной, уверенной, последовательной, авторитетной и бескомпромиссной в выражении своих намерений.

В противном случае - случае небольших послаблений со стороны власти, в государстве возникает трещина, что неизбежно ведет к кризису. Ряд покушений на Александра II в конце 70-х гг XIX в. подтверждают этот кризис, согласно мнению К.П. Победоносцева. Источник этого мыслитель находил в упадке авторитета власти, в ее неспособности доказать фактическое главенство не только во всех сферах жизни общества, но и государства. Народ теряет уважение к власти, когда не чувствует ее реального авторитета. Идеальным монархом К.П. Победоносцев считал умного, добродетельного правителя, который посвятил бы свою жизнь делам государства.

Помимо того, государственный деятель и мыслитель был противником набирающих популярность идей конституционализма: «всякая конституция, на представительстве основанная, есть ложь», «стремление к Конституции,…есть

гибель России» [1]. Так К.П. Победоносцев показывает ложное начало самого замысла Конституции и историческую искусственность ее для Российской империи. Ведь принятие Конституции приведет к изменению формы государственного устройства. Таким образом, последствия зарождающихся реформ, как думал деятель, будут тяжелыми и пагубными для России.

Деятель убежден, распространенность конституционной мысли обусловлена пропагандой со стороны средств массовой информации, которые считали себя беспристрастными источниками информации, выражающими мнение народа. На самом деле же СМИ высказывали субъективные оценки, отстаивая их подлинность. «Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев…может, имея свои или достав…чужие деньги, основать газету… собрать около себя по первому кличу толпу писак, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, - и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого…», - считает Победоносцев [2].

Помимо того, именно «четвертая ветвь власти» способна влиять на исход всеобщих выборов на государственные посты в условиях парламентаризма.

Так, размышляя над качествами, необходимыми для победы на выборах, К.П. Победоносцев называет именно стремление удовлетворить тех, кто имеет материальные средства или влияние на сферу журналистики, а вовсе не принципиальность или нравственность. Именно поэтому деятель склонен считать, что парламентаризм и избирательная система выдвигают в структуру власти не самых достойных. «Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса…Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть своих целей» [3]. Следовательно, согласно убеждениям К.П. Победоносцева, механизм парламентаризма в действии не соответствует справедливому государственному устройству не только в теории, но и на практике. «По теории парламентаризма должно господствовать разумное

---

[1] *Победоносцев К.П.* Письмо к Николаю II // Былое. 1906. № 1. С. 627.

[2] *Победоносцев К.П.* Печать // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 126.

[3] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 37.

большинство, на практике – господствуют пять-шесть предводителей партий…» [1]

Мыслитель считал, что социальный и культурные особенности России делают демократию не только неуместной, но и вредной, превращая ее во власть толпы.

Таким образом, К.П. Победоносцев являлся критиком либерализма, считая, что единственно верной формой политического строя в России является самодержавие, исторически сложившееся и признанное обществом. Исходя из этого, он поддерживал идеи славянофилов, готовых противостоять проникающим с Запада концепциям парламентаризма, либерализма и демократизма, противником которых являлся он сам, отрицая их как «великую ложь нашего времени».

Согласно идеям К.П. Победоносцева связь, которая соединяет русский народ с государем, должна являться единой и неразрывной, при этом власть правителя должна быть неограниченной. Под самодержавием ученый понимал традиционную, освященную Богом, соответствующую русскому характеру власть. Правитель при самодержавии – непоколебимая опора порядка и законности в государстве. Таким образом, деятель выступал за самодержавие, опирающееся на доверие русского общества, ведь Российская империи всегда «была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем»[2].

Однако К.П. Победоносцев полагал, что не следует путать теоретическую возможность преобразования Российской империи с существующим положением дел. В России не созданы еще условия, положения и принципы вне абсолютизма и православия, которые следовало бы взять за основу духовно-государственного строя России. Концепции свобод Запада К.П. Победоносцев воспринимал как бессодержательные понятия, не имеющие базы в сознании российского народа, его духовном складе. А поэтому являются чуждыми русскому человеку. Цивилизационное, Западное переустройство Российского государство невозможно, потому что духовно-исторические, цивилизационные устои России противоположны Западу.

---

[1] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. С. 44.

[2] *Победоносцев К.П.* Речь Обер-Прокурора Св. Синода 8 марта 1881 года на заседании особого совещания // Былое. 1906. № 1. С. 193.

Стремление перенять чуждые народу идеи обусловлено неосуществимой попыткой интеллигенции в смене формы правления найти прогрессивное развитие. Находясь под гнетом самовластия долгое время при единоличном правлении, не заметив, что пороки единовластия составляют пороки общества, находящегося под ним, люди разума взвалили все проблемы и бедствия на государя и на неверную форму правления и передоложили, что с изменением этой формы на народовластие или представительство общество избавится от своих несчастий и от насилия. Но народ сохранял свои прежние пороки, перенося старые привычки на новую форму правления. Теперь, как и раньше людьми правит собственная воля, осуществляемая уже не монархом, а главой партии и привилегированное положение занимают не родовая знать в лице аристократов, а большинство в Парламенте. Как и при единовластии, власть принадлежит привилегированному меньшинству.

Таким образом, введение в России Парламента, считал К.П. Победоносцев, приведет к опасным последствиям. Деятель не только не видел возможных путей их примирения, но и с беспокойством представлял огромных масштабы бедствий, к каким могут привести подобные трудности. Например, в сфере межнациональных отношений. Монархия подтвердила свое умение регулировать национальные конфликты, но демократия по-прежнему не способна справляться с подобными неурядицами. Парламентаризм создает благоприятные условия для возникновения сепаратизма: «Каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти – и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению…Проведение охранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента!» [1].

Согласно идеям К.П. Победоносцева, Парламент совершенно не отражают интересы народа. Ведь политические вопросы представляют определенную сложность в разрешении, и большинство населения не разбирается в нюансах данной сферы. На выборах в Парламент избиратель голосует подчас не за образованных, добросовестных и опытных. На таких

[1] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. С. 46.

выборах победу одерживает «смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже некоторой пошлостью, нередко действующей на массу» [1]. В этом процессе значительная роль принадлежит организациям, поддерживающим кандидатов на выборах, деньги, которые вкладывают в избирательной кампании и печатные органы.

К.П. Победоносцев был убежден, что выборная система – утопия народовластия, потому что народные представители, попав в Парламент с помощью денег и популизма, не руководствуются мнениями избирателей, они управляемы утолением собственных амбиций, и политическим расчетом.

Итак, К.П. Победоносцев достаточно обоснованно критиковал Парламентаризм, акцентируя внимание на пагубности его введения. Деятель до мельчайших подробностей критикует и западную демократию, указывая на все ее недостатки. При этом все его идеи о государственном устройстве России весьма абстрактны. Что же предлагает К.П. Победоносцев? Повышение качества законов, усиление роли религии в народе и улучшение нравственности общества. Концепции ученого основываются на беспрекословном признании традиций прошлых лет, что является единственной формой существования в настоящем.

Иной угрозой для Российской империи К.П. Победоносцев считал отделение церкви от государства. В своих трудах ученый много пишет о проблеме противостояния церковных начал с государственными, что может привести к серьезным или даже разрушительным исходам. Обер-прокурор настаивал на том, что концепция самодержавия тесно связана с церковью и верой, что в совокупности составляет базу государства, ведь единоличная наследственная и освещенная власть правителя представляет идеал православной монархии. Поэтому вера Православная должна являться религией государственной: «…Государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное. Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной

[1] *Победоносцев К.П.* Московский сборник // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 104.

власти... Религия, и именно христианство, есть духовная основа всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры»[1].

Сторонники отделения настаивают на полном исключении Церкви из государственной и общественной жизни, утверждая, что жизнь народа неразрывно является сферой государственного регулирования. Согласно этой идее, человек существует в двух самостоятельных сферах: в церкви с одной стороны и в государстве с другой. Духовное разделение подобного рода, полагал К.П. Победоносцев, недопустимо для человека, направленного к единству духовной жизни. В жизни народа, таким образом, остаются сферы, не поддающиеся государственному регулированию: мораль и личная жизнь людей. Эти сферы не подвластны государству, но туда всегда может проникнуть церковь и религия. Именно Церковь по К.П. Победоносцеву делает прочными духовные основы государства: «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом…Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти» [2].

Отстраняя Церковь от себя и своих дел, государство возлагает на себя дополнительное бремя ответственности за духовную, нравственную жизнь человека. Стараясь справиться с возникшими тяготами, государству следует все больше проникать в частную жизнь человека, туда, где должна господствовать церковь. Отчего нарушается согласованное соотношение Церкви и государства.

В случае если государство не хочет вступать в разлад с церковью, ему следует покровительствовать церкви, сделав ее государственной или отстраниться от веры и искать иные способы гармоничного существования с церковью, путем разделения сфер влияния в обществе. Исконно в России доминировала первая форма. «Самая древняя и самая известная система отношений между церковью и государством есть система установленной или государственной церкви», - убежден К.П. Победоносцев [3]. Разрешение этого противостояния ученый видел в так называемой симфонии, т.е. равноправие

---

[1] *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // Московский сборник. М., 2009. С.10.

[2] *Победоносцев К.П.* Церковь и государство. С. 89.

[3] *Победоносцев К.П.* Церковь и государство. С. 81.

церкви и государства. Создание этого варианта, согласно взглядам К.П. Победоносцева, является естественным, наиболее подходящим и единственно правильным направлением развития отношений между государством и церковью для России.

К.П. Победоносцев, занимавший важнейшие государственные должности, играл значительную роль в российской политической жизни XIX-XX вв. Решение в противоречивых, сложных для России ситуациях он находил в упрочении государственной власти. Идеи мыслителя актуальны до сих пор, но воспримет ли их современное общество, или предпочтет оставить в прошлом – от этого во многом и зависит дальнейшая судьба России.

Summary

This scientific article is devoted to the basic views of Konstantin Petrovich Pobedonostev for state structure and society era XIX-XX centuries. This article is a comprehensive analysis of the state-legal views of K.P. Pobedonostev, that helps to understand the poorly studied aspects of the development of political and legal thought in Russia during the period of social and political transformations of the XIX century. Material allows comprehending the complexity and contradictions of modernization processes of the XIX century and identifying the problems, relying on the opinion of a statesman. In this paper is defined the basic views of K.P. Pobedonostev on the principles state system the organization of social relations, the role of the church in society, as well as identifying their role and place in the development of the Russia. Considered in the article views help establish practical significance comments this person for modern Russia.

Key words: autocracy, monarchy, conservatism, traditions, state structure, state authority, constitutionalism, parliamentarism, democracy, the Orthodoxy, church.

К.В. Гаврилова

Гражданско-правовая ответственность юридических лиц в трудах Г.Ф. Шершеневича

Работа представляет собой анализ трудов известного цивилиста, профессора Казанского и Московского университетов Габриэля Феликсовича Шершеневича в сфере ответственности юридических лиц в гражданском праве. Изучая статью, можно получить представление о юридическом лице в целом. На основании доклада решается вопрос о границах ответственности, которую несет юридическое лицо. В данной работе основной акцент сделан на историческую оценку и преемственность его достижений для современной юриспруденции.

Ключевые слова: юридические лица, ответственность юридических лиц, Г.Ф. Шершеневич.

Среди юристов XIX в. Г.Ф. Шершеневич занимает видное место. Его по праву считают родоначальником цивилистики в России. Чтобы оценить масштаб личности необходимо кратко обозреть его биографию. Шершеневич Габриэль Феликсович родился 1 января 1863 г. в городе Херсоне в многодетной дворянской семье. В 1873 г. начинает обучение во второй Казанской мужской гимназии. После окончания в 1881 г. гимназии, Шершеневич поступает на юридический факультет Казанского университета. В 1885 г. оканчивает его, и уже 1888 г. получает степень магистра гражданского права. Темой его диссертации стало «Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права». В 1891 г. пишет и защищает докторскую диссертацию «Авторское право на литературные произведения» Годом позже он был назначен на должность профессора Казанского университета на кафедре торгового права и торгового судопроизводства, но в 1896 г. начинает работу на кафедре гражданского права и судопроизводства. Габриэль Феликсович также активно участвовал в политической жизни. Он был практически единогласно избран в члены перовой Государственной Думы от казанского отделения партии кадетов. Шершеневич принимал участие в подготовке и обсуждении Гражданского уложения и занимался анализом и обобщением правоприменительной практики.

К основными трудам Г.Ф. Шершеневича относятся: «Система торговых действий. Критика сновных понятий торгового права», «Учебник торгового права», «Курс торгового права», «Учебник русского гражданского права», «Общая теория права», «Общее учение о праве и государстве», «История философии права», «Наука гражданского права в России».

Для раскрытия темы гражданско-правовой ответственности юридического лица нужно дать дефиниции термина юридического лица, а также отразить условия его возникновения и его признаки.

Цивилист Г.Ф. Шершеневич в своих работах доказывал, что юридическое лицо – это «все, что, не будучи физическим лицом, признается со стороны объективного права способным ввиду определенной цели быть субъектом права.»[1]. В учебнике Русского гражданского права природа юридического лица объясняется с помощью Теории Фикции (теории олицетворения), выдвинутой в

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 91.

Средние века папой Иннокентием IV. Суть предложенной теории заключалась в том, что по причине того, что все люди имеют свои потребности, значит «субъектами юридических отношений должны быть люди»[1]. Но, по мнению цивилиста, данное утверждение, при воплощении его в жизнь, скорее всего не соответствовало бы интересам общества. Ученый приводит пример, чтобы раскрыть данную теорию: «Приведем в качестве примера случай, когда наследодатель в завещании определяет направление каких-то средств на учреждение богадельни. Если бы субъектами были только люди, то завещатель должен был бы поручить эти средства какому-либо физическому лицу для создания соответствующего учреждения. Выход из затруднения может быть найден, если на место действительных физических лиц мы поставим воображаемое лицо, фиктивный субъект, которому и поручим устанавливать отношения, преследующие какую-либо общую цель»[2]. То есть такие лица специально искусственно создаются в интересах людей. Юридическое лицо, которое фактически не является человеком, но при том необходимо, чтобы оно признавалось субъектом права, должно рассматриваться в качестве некого человека.

Для сравнения приведем современную дефиницию юридического лица. В российском законодательстве в ст. 48 Гражданского Кодекса РФ мы имеем следующее определение: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».

Анализ вышеперечисленных дефиниций позволяет сделать вывод, что современное определение,данное в законе, представляется более полным, а Шершеневич отразил сущность этого понятия.

Профессор предложил классификацию юридических лиц. Во-первых, юридические лица делятся на частные и публичные.

Публичные лица возникают не по желанию некоторых частных лиц, а в ходе исторического процесса, либо по воле законодателей. В число публичных

---

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 89.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права.. С. 151.

юридических лиц прежде всего отнесена государственная казна. Она представляет собой единый субъект, хотя его обязанности разделены между разными органами. Эти органы, в свою очередь, также являются самостоятельными субъектами. К ним относятся различные учреждения и ведомства. Несмотря на то, что они являются частью казны, все же обладают обособленным имуществом. В пример Шершеневич приводит такие учреждения и ведомства как: удельные ведомство, ученые и учебные заведения(университеты), епархиальные начальства, монастыри и церкви. Существует еще одна «ветвь», отходящая от казны. Это органы местного самоуправления: земства, городское, дворянское, биржевое, мещанское, сельское и волостное общества.

Что касается юридических лиц частного характера, они учреждаются частными лицами, заключившими юридическую сделку, договор, или после написания завещания или при акте дарения. Частные юридические лица возникают с целью обогащения, то есть получения прибыли или же они направлены на благотворительность, «народное здравие и просвещение», то есть на какие-либо общественные цели.

Сейчас, в современной юридической науке, тоже разделяют частные и публичные юридические лица, Единственное отличие, что теперь «публичные» еще делят на государственные и муниципальные.

Существует и другая классификация юридических лиц. Габриэль Феликсович считает, что можно разделить их на две группы: соединения лиц и учреждения.

Соединения лиц представляет собой определенную группу лиц, которые занимаются общей деятельностью для достижения общих целей (прибыль и т. д), и которые управляют делами, ни от кого не завися. К «соединениям лиц» можно отнести товарищества и общества. Так общество, по определению ученого, есть «соединение нескольких лиц, которые не имея задачею получение для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель». Такое общество обладает некоторыми правами: «приобретать о отчуждать недвижимости, образовывать капиталы, заключат, договоры, вступать в обязательства и равно искать и отвечать в суде»[1].

[1]Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. С. 158.

А товарищество - это «соединение нескольких лиц, которые ставят задачею своей совместной деятельности извлечение для себя прибыли от какого-нибудь хозяйственного предприятия»[1]. Например, товарищества полное на вере, акционерные, биржевые, трудовые артели.

Возвращаясь ко второй классификации юридических лиц, вспомним об учреждениях. Учреждением считается такое юридическое лицо, часть имущество которого предназначено для определенной цели, с полным юридическим обособлением. Подобными учреждениями являются театры, больницы, музеи, школы и т.д.

Обращаясь к условиям проявления юридических лиц, Шершеневич относит три основных. Во-первых, по его мнению, необходимым фактором является обособление материального имущества, то есть совокупность всех средств нужных для осуществления деятельности (предметы техники, денежные средства). Во-вторых, это создание учредительного акта, который отражает волю лиц, которые учредили данное лицо (договор, завещание, дарственный акт). В-третьих, государственная власть должна дать разрешение на появление такого юридического лица. На сегодняшний день таковым разрешением является государственная регистрация, согласно п. 2 ст.51 Гражданского Кодекса РФ.

Что же является конечной целью, которая преследуется при создании любого юридического лица? Итак, при учреждении данного рода отношений, по мнению Г.Ф. Шершеневича, предполагается, что «имущество, обособляемое экономически для достижения известной общей цели, обособить также юридически»[2]. Отсюда можно понять, что два субъекта, которые участвуют в юридическом отношении, как бы застраховывают свое личное имущество, например, от взыскания долгов юридического лица. «Юридическое отношение предполагает двух субъектов, активного и пассивного, как представителей права и обязанности. <…> Действительно, в юридических отношениях мы обыкновенно видим человека, имеющего право, и человека, несущего обязанность. Но последовательное проведение этого положения могло бы отразиться невыгодно на интересах общества и составляющих его единиц»[3]. То

---

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 159.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 94–96.

[3] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 89.

есть при возникновении каких-либо проблем, как банкротство и т. д, ответственность несет не физическое лицо, закладывая свое имущество, а некоторое юридическое лицо и все, чем оно владеет.

Переходя к основному положению статьи, а именно положению о гражданско-правовой ответственности юридических лиц, дадим определение данному понятию.

Согласно современной терминологии, гражданско-правовая ответственность - это система мер имущественного характера, принудительно применяемых к нарушителям гражданских прав и обязанностей с целью восстановить положение, существовавшее до правонарушения.

Как говорил британский государственный и политический деятель У. Черчилль: «Ответственность - это та цена, которую мы платим за власть.»

Г.Ф Шершеневич считал, что гражданское правонарушение недозволенным действием, то есть тем действием, которое запрещало объективное право. При этом, к ответственности лицо может быть привлечено при следующих обстоятельствах: недозволенное действие, причинение имущественного вреда, нарушение субъективного права и вина правонарушителя.

В действующем законодательстве гражданское правонарушение – это действие или упущение, которое противоречит нормам гражданского права

В «Учебнике русского гражданского права» (п. V параграфа 57 отд. III «Ответственность предприятий») освещена тема привлечения к ответственности юридических лиц, а именно крупных предприятий.

Начиная с ответственности железных дорог, автор не соглашается с формулировкой закона 1878 г., который является базисом для ст. 683, предусматривающий «наказания за нарушения безопасности». Но идеи, выдвинутые сенатом после принятия закона как бы противоречат друг другу. В качестве примера автор приводит два таких противоречия: во- первых, все расходы должны нести те, кто обогащается за счет работы предприятия, но,во-вторых, «…для уяснения виновности ответчика в большинстве случаев требуются особые технические сведения, знакомство с деятельностью и исследования по документам ответчика, недоступным для частных лиц»[1], то есть, чтобы доказать вину предприятия нужно обладать той информацией о

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права.

работе предприятие, которая недоступна для большинства, что делает доказательство вины предприятие крайне затруднительным.

Несмотря на это, существуют те положения в законе, которые совершенно четко определяют границы ответственности при эксплуатации железной дороги. Под словом эксплуатация подразумевается «регулируемую общим уставом и правилами технической эксплуатации деятельность железных дорог, как-то: приготовление к движению железнодорожных поездов, например, сцепка вагонов, маневрирование для составления поезда и т.п., самое движение поездов и, наконец, окончание, например, уборка поезда с пути, поставление его на запасный путь и т.п.»[1].

Железные дороги ответственно за смерть и повреждения здоровья, которые были причинены вследствие использования железной дороги. Это распространяется на все железные дороги, независимо от ее владельца и двигательной силы. Каждому потерпевшему (пассажиру, рабочему и т.д.) должны быть возмещены убытки, причиненные происшествием (ст. 574). Исключения составляют животные и вещи, пострадавшие на дороге. Также предприниматели несут ответственность за груз при его утрате или повреждении. Владельцы ответственны с момента заключения договора и до выдачи груза. Кроме того, владельцы всегда возмещают ущерб, но не в тех случаях, когда порча произошла «по вине лица, имеющего право распоряжения грузом», «по причине отсутствия или недостаточности упаковки», «от свойств самого груза, как-то: внутренней порчи, усушки, утечки, раструски в пределах установленной нормы», «от непреодолимой силы»[2] («непреодолимая сила»: стихийные силы природы или же явления общественной жизни(забастовки и т.п))

Что касается “вознаграждения”, оно назначается в зависимости от размера ущерба и выдается в виде суммы, которая выплачивается единовременно или же в форме пособия, выплачиваемого в назначенные сроки.

Ученый выделяет также товарные склады, ответственность которых схожа с ответственностью железных дорог. Склады обязаны следить за тем товаром, который был им дан на хранение, иначе, в случае порчи имущества, они естественно будут обязаны возместить убытки. Исключение составляют те

---

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права.

случаи, когда возникли какие-либо непреодолимые силы, или порча произошла из-за свойств товара, или из-за того, что товар был недостаточно упакован и это не было замечено по наружному виду.

По словам цивилиста, на предприятия фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности налагается более строгая ответственность за происшествия и несчастные случаи, которые произошли на их территории. Итак, к ответственности все подобные предприятия, кроме тех, которые принадлежат казне. Рабочие, которым был нанесен вред, могут претендовать на возмещение ущерба, независимо от их пола, возраста. Если происшествие повлекло смерть рабочего, то уже его семье предприятие должно возместить ущерб. Также, как и в предыдущих случаях, вознаграждение выдается в виде пособий, определенных сумм или же пенсий, если из-за происшествия рабочий утратил трудоспособность. Но, если происшествие произошло по вине самого рабочего или в случае непреодолимой силы, то предприятие освобождается от ответственности. А также, если предприятие страхует своих рабочих и служащих в страховых обществах, то они освобождаются от ответственности.

Любые сделки, заключенные между предприятием и работающим на нем лицом не должно, во-первых, ограничивать право на вознаграждение и его размер, а во-вторых, она может быть заключена только при участии органов власти, иначе эти сделки будут признаны недействительными.

Итак, на основании вышеперечисленных примеров ответственности предприятий, можно сказать, что всякому юридическому лицу, которое практически в любом случае ответствует за лица, которые оно нанимает на работу или службу, следует страховать эти лица, чтобы избежать больших убытков при различных происшествиях, которые зачастую случаются, как на крупных, так и на мелких предприятиях. Ученый считает, что, страхуя своих рабочих, владельцы в какой-то степени освобождают себя от ответственности за их жизнь и здоровье.

Нельзя переоценить тот огромный вклад, который внес Г. Ф. Шершеневич в развитие цивилистики в России. Многие понятия, классификации, в том числе юридических лиц, и сейчас находят свое отражение в современном законодательстве. Исследования в области страхования юридических лиц применимо и на сегодняшний день.

Summary

This article represents analysis of works by G. Shershenevich, famous specialist in civil law, professor of Kazan State University and Moscow State University, in sphere of civil law liability of a legal entity. In the article you can find general conception of law liability of a legal entity. The article gives the author's view of liability limits,that legal entity is bearing. The most important aim of the article is to show how his scientific achievements influenced on modern jurisprudence.

Key words: G. Shershenevich, civil law, law liability of a legal entity, law liability of a legal entity

А.В. Гречишников

Сравнительный анализ интегративных теорий правопонимания В.С. Нерсесянца и А.В. Полякова

Статья посвящена разнообразию принципов понимания права, а так же рассмотрению универсальных теорий правопонимания. Будет выявлена основная причина различного понимания термина «право», а так же столь широкого разнообразия теорий и концепцийправопонимания. Проведен сравнительный анализ двух «универсальных» концепций понимания права, созданных отечественными учеными: либертарно-юридической теории Владика Сумбатовича Нерсесянца и коммуникативной теорий Андрея Васильевича Полякова.

Ключевые слова: В.С. Нерсесянц, А.В. Поляков, либертарно-юридическая концепция правопонимания, коммуникативная теория правопонимания, интегративная теория правопонимания.

Весьма странным для людей, не имеющих отношения к юридической сфере деятельности, является утверждение, что в настоящее время так и не выработано единого представления о праве. Не смотря на многообразие трактовок права, таких как социологическая, психологическая, нормативно-позитивистская и естественная и другие, данный вопрос остается нерешенным и в наши дни. Споры, посвященные неопределенности и нерешенности проблем правопонимания остаются весьма актуальными и находят свои отражения, как в монографиях, так и в их многочисленных статьях и брошюрах различных философов и правоведов, пытавшихся если не решить одну из фундаментальных проблем правоведения, то хотя бы на шаг приблизиться к ее решению. Причиной различного понимания права является различные точки зрения, с которых смотрят философы права, иными словами, видит ли ученый право, как производственный продукт государственного регулирования или же,

как взаимоотношения индивидов между друг другом или же, как нечто другое. Такие теории как юридический позитивизм, психологическая и социологическая теории, а так же естественно правовая концепция не являются единственными, однако выражают основные направления мирового правопонимания. Не смотря на это, в процессе развития данных теорий все чаще производилась попытка создать новое, так называемое «универсальное» понимание права. Чаще всего это было совмещение двух и более теорий в интегрированную теорию, с некоторыми замечаниями и отклонениями от оригинальных. Существует бесконечное множество интегративных теорий правопонимания, однако я постараюсь изучить основные тезисы и принципы двух отечественных теорий правопонимания: Владика Сумбатовича Нерсесянца и Андрея Васильевича Полякова, выявить закономерности и причины возникновения данных теорий, а так же сравнить положения двух «универсальных» теорий правопонимания двух этих уважаемых правоведов.

Либертарно-юридическая теория академика Владика Сумбатовича Нерсесянца пожалуй является одной из самых спорный теорий правопонимания. В своей концепции он предпринял попытку соединить преимущества нравственного и нормативного подходов, проведя границу между понятиями «право» и «закон», однако в то же время он не согласен с пониманием закона, как «приказа суверена», так и со сращиванием права с моральными или другими видами неправовых социальных норм. По мнению В.С.Нерсесянца, данная теория не отвергает позитивистский и естественно-правовой подходы, а наоборот, преодолевает их противоречия, создавая некий компромиссный вариант видения права[1]. В условиях разнообразия социальных норм (религия, мораль, традиции) право выступает обобщающим и систематизирующим институтом, создающих их единство. В отличие от социологической концепции, право понимается, как выражение принципа равенства, выраженного тремя главными составляющими: равенство всех, свобода и справедливость. Либертарный подход предполагает как совпадение права и закона в их смысловом и применительном значении, так и расхождение, в случае несоблюдения принципа всеобщего равенства. Согласно этой теории, некий

[1] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. М, 2004. С 140.

индивид может быть свободен только в случае, когда он не только адресат правовой нормы, но и ее творец и защитник[1].

Теория академика В.С. Нерсесянца была подвергнута резкой критике, как теория скорее философского и идеологического характера[2]. Первоочередным вопросом встает понятие «свободы» как таковой: свобода в чем или по отношению к чему? Различные толкования этого понятия не дают четкого представления о том, какой смысл вкладывает академик в данное определение. Обращаясь к нынешним законам, можно сказать, что в большинстве из них право наоборот проявляется в качестве «несвободы», ограничивающей меры. Вследствие неопределенности понятий, таких как «свобода», «справедливость» и «равенство» невозможно определить связь права и морали, права и правосознания из-за их нечеткости, что способно значительно нарушить устои законности при использовании их в качестве руководящих принципов для правотворчества.

Еще одна теория, которая может быть отнесена к «универсальным» это коммуникативная концепция А.В. Полякова. Согласно данному пониманию, право являет собой некий особый вид коммуникации между индивидами. Данная теория опирается на выводы, сделанные в рамках других наук таких как социология, психология , история и другие . Социальная реальность представляется Полякову, как общение, коммуникации между людьми, закрепленная на законодательном уровне и содержание законов задается самими субъектами[3]. Коммуникативной теорией права выделяется три уровня права: ментальный, текстуальный и деятельный. Она в себя вмещает, как элементы социологической и нормативистской, так и некоторые аспекты психологической теорий[4]. Сам Поляков не ставит задачу решить данной теорией вопрос правопонимания окончательно, однако он приводить ее в качестве компромиссной и соответствующей этапу развития правопонимания на сегодняшний день[5]. Право, таким образом, формируется как специфический

---

[1] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. С. 138–139.

[2] *Нерсесянц В.С.* «О понимании советского права» (выступление на Круглом столе журнала «Советское государство и право») // Советское государство и право. 1979 № 7. С. 70–72.

[3] *Поляков А.В*. Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2001. С. 32.

[4] *Поляков А.В*. Общая теория права. С. 32–33.

[5] *Поляков А.В*. Общая теория права. С. 10, 23.

социальный язык и как универсальная форма социального взаимодействия (коммуникации). Согласно данной теории, право делится на два аспекта: социо-психический и социокультурный. Социо-психический аспект это способность индивида понимать смысл должного поведения, признавать его в качестве необходимого, а так же реализовывать свои полномочия и обязанности. Социокультурным аспектом является наличие в самом обществе общепризнанных и общезначимых культурных, идеологических или моральных ценностей, которые определяют права и обязанности его членов[1].

К минусам данной теории можно отнести слабое разграничение между правом и правоотношением, что не позволяет установить однозначное определение права, как социально-правового института. Следствием из этого является слабое разграничение между правовым и социальным регулированием. Затушевывание правоохранительной функции государства так же имеет отрицательное влияние на состоятельность теории в целом.

Выводя общие положения можно сказать, что и в понимании А.В. Полякова и В.С. Нерсесянца право не является понятием тождественным понятию закон. Так в концепции Полякова закон является одним из проявлений права, но в тоже время существует право и не в юридическом смысле, например, право каких либо социальных групп, будь то «воровские понятия» или право какой либо профессии[2]. У В.С.Нерсесянца же право представляет собой собирательный термин из трех элементов: свобода, равенство и справедливость. Основываясь на этом понимании, сторонники либертарного правопонимания допускают возможность несоответствия закона праву[3].

Следующим сходством двух концепций правопонимания является положение о том, что и в первой и второй теории субъект права должен являться не только адресатом правовой нормы, он является некой отправной точкой, на нем основан закон. Однако ученые понимают эту направляющую роль совершенно по-разному: в концепции Полякова А.В. социальные связи и правосознание человека формируют правовую норму[4], а в концепции Нерсесянца В.С. участие личности в правотворчестве является

---

[1] *Поляков А.В*. Общая теория права. С. 27.

[2] *Поляков А.В*. Общая теория права. С. 39.

[3] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. С. 139.

[4] *Поляков А.В*. Общая теория права. С. 32.

составляющей понятия свободы[1]. Иными словами, согласно концепции Полякова, право формируется на основании представления человека о хорошем и плохом, о желаемых тенденциях в обществе, а у Нерсесянца право формируется исходя из свободы, которая должна быть у каждого человека.

Базовым различием двух концепций являются ценности, на которых основаны их теории: главными ориентирами создания права согласно коммуникативной концепции являются социальные связи и взаимоотношения индивидов друг с другом[2], обращаясь к либертарно-юридической теории, всеобщее равенство является направляющим фактором, на котором будет зиждется право[3].

Так же различие представляет понимание санкции со стороны Полякова и Нерсесянца. Согласно либертарной теории правопонимания наказание за несоблюдение норм будет исходить непосредственно от государства, которое как единый институт осуществит санкции по отношению к индивиду[4]. В коммуникативной теории права наказание наступает, как некая социальная санкция, осуждение людьми, которое может проявляться, как осуждение на тюремный срок или штраф[5].

В заключение требуется сказать, что обе теории, не смотря на свои недостатки и минусы, нашли своих приверженцев, которые приводят новые аргументы и доводы, подтверждающие состоятельность данных теорий. Не смотря на ряд существенных различий между теориями правопонимания В.С.Нерсесянца и А.В.Полякова, существует ряд общих черт, которые позволяют сделать вывод, что отечественные философы, при создании новых, «универсальных» теорий правопонимания, ставивших своей целью охватить весь массив концепций понимания права, руководствовались некими общими положениями и принципами, которые были включены как в либертарно-юридическую теорию, так и в коммуникативную теорию права.

---

[1] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. С. 170.

[2] *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. С. 32.

[3] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. С. 138.

[4] *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. С. 178.

[5] *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. С. 33.

Summary

This article tells about the wide variety of concepts and theories of law, what is more the integrated theories are presented in this article. The main reason of the difference of theories of law will be found. The comperative analysis will help to review two main theories of Russian legal philosophiers: Vladik Sumbatovich Nersesyants and Andrei VasilyevichPolyakov.

Key words: Vladik Sumbatovich Nersesyants, Andrei VasilyevichPolyakov, integrated theories of law, libertarian concept of law, communicative theory of law.

А.А. Епифанова

Юридические лица в Саксонском гражданском уложении и Германском гражданском уложении

В данной статье рассмотрены различия юридических лиц в Германском гражданском уложении и Саксонском гражданском уложении. Проанализированы источники и исследования на их основе. Выявлены основные различия в юридических терминах, обозначающих юридических лиц, в способах образования, организации и прекращения существования. При сравнении были найдены различия в формах получения и оставления наследства.

Ключевые слова: юридические лица, Саксонское гражданское уложение, Германское гражданское уложение, частные юридические лица, публичные юридические лица, ликвидация.

Key words: legal entities, Saxon Civil Code, German Civil Code, private entities, public entities liquidation.

Процесс образования и становления института юридических лиц проходил медленно и постепенно, образуя разные подходы к понятию юридического лица. Так темой данной статьи являются юридические лица в Саксонском гражданском уложении 1863 г. и Германском гражданском уложении (ГГУ) 1896 г. Цель данного исследования - выявление структурных и содержательных различий в разделе «Юридические лица» в Германском гражданском уложении и Саксонском гражданском уложение. Объектом исследования являются статьи из Саксонского уложения и ГГУ, касающиеся юридических лиц.

Понятие, структура, формы юридического лица являются одной из проблемных тем права.Представление о юридическом лице складывались медленно и постепенно. Поэтому, чтобы понять его, необходимо анализировать источники, в которых впервые упоминается данный институт. Разница между

изданиями в 33 года, и поэтому мы редко встречаем сравнения Саксонского и Германского уложения, ввиду маленького промежутка времени между принятием документов. Однако, за это короткое время произошли большие изменения в обществе, повлиявшие на право. В этом и состоит моя актуальность. Однако, много работ посвящено институту юридических лиц в ГГУ, таких как: «Гражданский кодекс Германии» и «Германское гражданское уложение» В.А. Савельева, «Курс германского гражданского права» Л. Эннекцеруса, «Курс гражданского права» Г.Ф. Шершеневича и др.

Что же такое юридическое лицо для Саксонского и Германского уложений? Юридическое лицо – субъект права, являющийся субъектом правоотношений, обладающий дееспособностью и несущий юридическую ответственность. То есть, юридическое лицо имеет правоспособность. Однако, в уложениях объем правоспособности юридических лиц значительно отличаются в связи с разницей в количестве статей, посвященных данному институту.

Одним из основных различий в юридических лицах в уложениях является деление их на виды. Саксонское гражданское уложение выделяет юридические личности и юридические общества, но не дает точных определений.

В ГГУ юридические лица делятся на частные и публичные. Юридическими лицами частного права считаются те лица, которые возникают и организуются на основе частноправовом уставе или акте. Частные юридические лица делятся на ферейны (общества, союзы) и учреждения.

Ферейны – частные общества и союзы, имеющие хозяйственные или идеальные цели. Такие общества рассчитаны на длительное время, имеют четкую организацию и общее имя, соединяют в правлении определенный круг лиц, независящий от смены членов. Союзы с хозяйственными целями имеют своей задачей получение прибыли. Хозяйственные общества также делятся на союзы, регулируемые имперским законодательством или совсем не затрагиваемые этим законодательством. Союзы с идеальными целями (зарегистрированные общества) направлены не только на получение прибыли, но и на достижение определенных целей. К таким относятся партии, некоторые союзы предпринимателей.

Следует отметить, что союзы с хозяйственными целями следует отличать от объединений в форме торговых сообществ (акционерных обществ, обществ с

ограниченной ответственностью), так как они регулировались не ГГУ, а отдельными Имперскими законами.

Учреждения – организации, представляющие собой не объединение лиц, а единение имуществ. Учреждения признаны для осуществления определенных целей. Для их достижения этому единению имуществ дается правоспособность.

Публичные лица создаются законом или административным актом компетентного государственного органа и решают задачи публичного характера. Публично-правовые лица делятся на корпорации и заведения, но упоминаний совсем немного, поэтому в отдельных положениях к ним применяются такие же правила, как и ферейнам.

Особенности статуса юридических лиц по Саксонскому и Германскому уложениях можно выявить, рассмотрев один из основных вопросов – вопрос о порядке их возникновения. В первом для юридической личности «право личности принадлежит государству»[1], а общество признается юридическим лицом со стороны государства установлением, а также наличием имущества у общества.

Более подробно описывает образование юридического лица ГГУ. Для образования хозяйственных обществ, союз должен иметь правление, местожительство и устав. Правление должно состоять из нескольких членов, назначенных постановлением общего собрания, оно является законным представителем общества. И через концессию от правительства союз с хозяйственными целями получает правоспособность. Для образования зарегистрированных обществ было нужно местожительство, устав и название, отличающееся от названий других зарегистрированных обществ. В уставе должно содержатся указание на цель, название, местожительство и определенные постановления. Затем амтсгерихту подавалось заявление о внесении общества в реестр обществ при амтсгерихте с подлинным уставом, его копией и копиями документов, удостоверяющих назначение правления. Если данные требования не исполнены, амтсгерихт возвращал заявление с указанием оснований. Если заявление было принято амтсгерихтом, то дальше заявление рассматривалось административным присутствием. Оно могло выразить протест против внесения или запретить внесение на определенных основаниях. Если административное присутствие выражало протест, то

[1] Саксонское гражданское уложение. 1885. С. 10.

амтсгерихт сообщал об этом правлению. Протест мог быть обжалован в административном или жалобном порядках судопроизводства. Если после шести недель со времени сообщения административному присутствию о заявлении не будет подан протест или последовавший протест будет окончательно устранен, то общество вносилось в реестр.

Для возникновения правоспособного учреждения требовался акт учреждения, облеченный в письменную форму, и местожительство. Кроме того, чтобы учреждение стало существовать, нужно было утверждение учреждения союзным государством.

Германское гражданское уложение, в отличие от Саксонского, регулирует вопрос об организации юридических лиц. Правоспособные союзы состоят из правления и других членов, которые входили в регулярное собрание. Выход из членов был возможен при предварительной подаче заявления самое большее за 2 года. Для зарегистрированных обществ было установлено правило, что при каждой перемене в составе правления и назначении новых членов, в реестр вносилась отметка об этом. Устройство учреждений определялось уставом и законодательством того государства, где находилось местожительство юридического лица.

Пути прекращения существования юридического лица одинаковы и в Саксонском уложении и ГГУ. Но основания для прекращения в Германском более прописаны, чем в Саксонском. В последнем юридические личности прекращают свое существование, когда «государства лишит и права личности, когда они, с согласия государства, откажутся от этого права»[1]. Юридические общества прекращают свое существование, когда никого из членов не останется в живых.

В ГГУ союзы прекращают свое существование так же, как и юридические лица в Саксонском. Но более прописаны основания лишение союзов правоспособности государством. Так, общество лишается правоспособности, если издано противозаконное постановление, проведены противозаконные действия правления, истинная цель союза не совпадает с целью по уставу. Органами, лишающими правоспособности, являются органы, установленные законами, или административным присутствием, или, в определенных случаях, Союзный совет. В зарегистрированных обществах, если число членов меньше

[1] Саксонское гражданское уложение. С. 11.

трех и за три месяца состав не увеличился, амтсгерихт постановляет о лишении общества правоспособности и извещает правление об этом. Общество лишается правоспособности после вступления в силу определения суда. Отметка о лишении правоспособности, так же, как и о закрытии общества, вносится в реестр обществ. Учреждения так же закрывались надлежащими органами, если осуществление цели стало невозможным или стало угрожать общественным интересам.

После закрытия юридических лиц, в Саксонском гражданском уложении, если не было распоряжений, имущество передается в казну, вычитая имущество, пошедшее на оплату долгов. В Германском уложении при закрытии союзов с хозяйственными целями, имущество переходит к лицам, указанным в уставе или постановлении общего собрания. Если в этих актах нет распоряжений на этот счет, то имущество переходит в равных частях ко всем присутствующим на момент закрытия или лишения правоспособности членам, а иных случаях в казну государства, на котором находилось местожительства общества. Если имущество не переходит в казну, то происходила ликвидация.

Ликвидация проводилась правлением или иными лицами, назначенными предписаниями о назначении правления. Ликвидаторы занимают правовое положение правления. Если ликвидаторов несколько, то решение должны были приниматься единогласно, если не было предусмотрено иное. Ликвидаторы должны опубликовать новость о закрытии общества и пригласить кредиторов объявить о своих требованиях. Если ликвидаторам известны некоторые кредиторы, то им должно отправить особое извещение. «Ликвидаторы обязаны: окончить текущие дела, реализовать требования, обратить остальное имущество в деньги, удовлетворить кредиторов и выдать все остальное лицам, к которым должно перейти имущество общества» [1]. Ликвидаторы могут вступать в новые операции, если этого требует ликвидация. После погашения всех задолженностей, ликвидаторы могут остановить обращение имущества в деньги, если это не требуется для разделения наследства между лицами, к которым должно перейти имущество.

По отношению к имуществу союзов с идеальными целями, то тут тоже проводится ликвидация и открывается конкурс на имущество, но ликвидаторы прописаны в реестре, а не в уставе. У учреждений имущество передается лицам,

[1] Гражданское уложение Германской империи / Пер. с нем. СПб., 1898. С. 10.

указанным в уставе, или передается в казну. Также делится имущество и для публичных юридических лиц.

Отличительной чертой ГГУ является раздел о неправоспособных обществах, упоминаний о которых вообще нет в Саксонском уложении. Неправоспособные союзы – коллективы, имеющие характер объединений, но не отвечающие всем требованиям, установленным для юридических лиц. Такие общества имеют организацию товарищества, имущество не принадлежит не союзу, а каждому члену в отдельности на правах общей собственности. Если член союза покидал его, то он не имел права взять с собой хоть какое-нибудь имущество. Смерть одного члена не влекла за собой разрушения строя союза. Такие союзы не могут подавать в суд иск, однако к ним, как к целому, могут предъявляться иски. В таком случае за ними временно признается юридическая личность. К этим союзам можно отнести, к примеру, рабочие союзы. Для таких обществ установлено правило, что «по сделке, заключенной от имени такого общества с третьим лицом, перед последним отвечает лицо, заключившее сделку; если ее заключили несколько лиц, то они отвечают как совокупные должники»[1].

Таким образом, мы видим, что за 30 лет изменилось отношение к институту юридических лиц. Причиной этому являлся быстрый экономический рост государства. Разница между Саксонским гражданским уложение и Германским колоссальна, это видно и по количеству статей, посвященных юрлицам. Не смотря на небольшие сходства, мы видим большое различие в понимании правоспособности, организации, возникновении и прекращении существования юридического лица.

А. Жаринова

Проблема исследования крипторецепции в Своде законов Российской империи

В центре внимания данной статьи находится связь политико-правовых взглядов М.М. Сперанского с произведенной под его руководством в процессе кодификационных работ крипторецепцией, то есть тайным заимствованием некоторых правовых институтов, неизвестных ранее русскому праву. Несмотря на то, что факт привнесения новелл в процессе кодификации, открылся юристам еще на рубеже XIX–XX веков, в науке до сих пор

[1] Гражданское уложение Германской империи. С.11.

отсутствует комплексное исследование этих «тайных» изменений. В докладе обосновывается актуальность задачи подобного масштабного исследования как в связи с возможностью полнее раскрыть и понять политический замысел М.М. Сперанского, так и в связи с современными проблемами кодификации.

Ключевые слова: кодификация, М.М. Сперанский, крипторецепция.

Михаил Михайлович Сперанский – выдающейся государственный деятель XIX века, под непосредственным руководством которого была проведена кодификация русского права. Как представляется, на результаты этих кодификационных работ существенное влияние оказали политико-правовые взгляды М.М. Сперанского, поскольку в процессе систематизации права было произведено не только упорядочение значительного количества изданных на тот момент нормативных актов и придание этому массиву определенной структуры, основанной на делении права на отрасли, но и заимствование некоторых правовых институтов, не известных к тому времени русскому праву.

В связи с этим, важно отметить, что взгляды М.М. Сперанского на право, как принято считать в литературе, неоднократно менялись. Считается, что изначально он придерживался радикального подхода к реформам, полагая, что русское право – это «право варварское».

Первая попытка реформ М.М. Сперанского вызвала бурю недовольств и потерпела фиаско, а сам реформатор был отправлен в ссылку. После возвращения из ссылки теоретические взгляды М.М. Сперанского, как принято считать, несколько изменились в консервативную сторону – стали менее радикальными. По воспоминаниям современников, сам М.М. Сперанский хорошо помнил то время, когда пытался создать новое, невзирая на старое, что повлекло за собою неудачу.

В работе по систематизации законодательства планировалось три основных направления: составление Полного Свода законов Российской Империи, после чего, на его основе, создание Свода законов Российской Империи и Уложения (в современной терминологии – кодекса). Однако по распоряжению Николая I основная задача кодификации должна была заключаться исключительно в систематизации уже действующих норм: «Вместо сочинения новых законов я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют, а самое дело, по его важности, взял в

непосредственное мое руководство»[1]. Из сказанного выше следует, что М.М. Сперанскому изначально был дан строгий запрет на введение каких-либо новелл, но даже под страхом повторной ссылки реформатор не счел нужным его соблюсти.

Структура Свода законов Российской Империи напоминает Дигесты Юстиниана, то есть тезис, а затем ссылка на источник, из которого эта норма была взята. Данные ссылки далеко не всегда соответствовали действительности, что и было подтверждено во время проведения ревизии Свода. В качестве примера таких несоответствий можно привести, во-первых, обязательное требование письменного оформления договора найма жилья, как будто бы взятое из Устава Благочиния Екатерины II, которого там, как оказалось, не содержится. Во-вторых, это институты сервитута и приобретательной давности, которых ранее в русском праве не было.

Эти новеллы, в большей части, были обнаружены на рубеже XIX–XX веков. В частности, этому способствовало и то, что в некоторых статьях Свода вместо приведения определенных ссылок на статьи источника, было написано, что эта норма «основана на соображении частных примеров, явствует из существа таких-то узаконений, основана на обычаях»[2]. Соответственно, тогда ученые подтвердили, что во время кодификационных работ была проведена крипторецепция, то есть тайное заимствование норм. В связи с этим, долгое время велись дискуссии о юридической силе Свода законов. Ученые задавались вопросом о том, являлся ли Свод законом или же представлял собой лишь сборник действующего законодательства[3]. Этот вопрос считался русскими правоведами основным вопросом, связанным с идеей Свода законов. «Сомнение в силе Свода, возникшее уже при самом рождении последнего, – писал Г.Ф. Шершеневич, – тяготеет над всей дальнейшей историей этого самобытного явления, не только не ослабевая, но, напротив, все возрастая. Вопрос заключается в том: представляет ли собой Свод Законов только новую форму прежних законов, которая имеет силу лишь при условии соответствия, по содержанию, подлинному тексту этих законов, или же Свод Законов

---

[1] *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Ч. 5. Сперанский при императоре Николае I-м. Корректура с исправлениями Корфа и А.Ф.Бычкова. РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 495. С. 4.

[2] *Блосфельдт Г.Э.* «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). М, 2006. С. 14.

[3] *Блосфельдт Г.Э.* «Законная сила» Свода законов... С. 1.

является новым законом, который отменяет собой силу прежних законов, послуживших материалом для его содержания?»

По мнению А.Ф. Бычкова и С.В. Пахмана, М.М. Сперанский «стоял на той же почве, на которой стояла прежняя Комиссия составления законов, и сам он в 1808–1812 годах» [1], когда увлекался реформами и составлял проект Гражданского Уложения. В частности, о данном проекте Н.М. Карамзин писал: «Никто из русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше Гражданское Уложение, если бы не стояло того в заглавии»[2]. Г.Ф. Шершеневич придерживался схожей позиции, и применительно к работам мыслителя по систематизации законодательства говорил, что "...Сперанский, под влиянием постигших его тяжелых испытаний, значительно переменился к тому времени. Правда, *его симпатии и взгляды остались неизменны* (курсив мой – А.Ж.), но он уже научился скрывать их или облекать в форму никого не поражающую".[3]

В связи со сказанным выше, необходимо подчеркнуть, что правоведы указывают именно на те взгляды М.М. Сперанского, которых он придерживался еще на первом этапе своей деятельности. Еще тогда Н.М. Карамзин, оппонируя Михаилу Михайловичу, писал, что «к реформам надо прибегать только в случае крайней необходимости»[4]. Ранее заключение в ссылку способствовало выбору более острожного подхода к введению изменений. Таким образом, говорить, что политико-правовые взгляды мыслителя полностью изменились – неверно.

Работа «О законах римских и различии их от законов российских», датированная 1826 годом, поясняет политико-правовые взгляды М.М. Сперанского. Данный проект читал и Его Величество Император Николай II, поскольку М.М. Сперанский указывал даты только на тех работах, которые были адресованы непосредственно Монарху, что и позволяет сделать вывод о ее весомой значимости.

Русский мыслитель, следуя за многим европейскими правоведами, проводит деление законов на естественные и позитивные: «Есть, без сомнения,

---

[1] *Бычков А.Ф.* К пятидесятилетию II-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Русская старина. 1876. С. 431.

[2] Цит. по: *Поляков А.В., Тимошина Е.В., Козлихин И.Ю.* История политических и правовых учений. СПб., 2006. С. 572.

[3] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 11.

[4] Цит. по: *Поляков А.В. и др*. История политических и правовых учений. С. 573.

законы природы, Творцом ея установленные, – пишет он – но законы сии не противополагаются законам, верховною человеческою властью установленным. Они составляют не особенный род, но основание всех законов человеческих»[1]. Итак, по мнению М.М. Сперанского, основанием всякого человеческого закона есть закон естественный, который, в свою очередь, дан человеку по воле Бога.

Нормативный материал в Своде законов расположен по отраслевому принципу, что также явилось новеллой для русского права и стало итогом теоретического переосмысления М.М. Сперанским деления права на отрасли, что в свою очередь оказало влияние на формирование профессионального мировоззрения юристов следующих поколений. В уже упомянутой работе правовед критически подходит к классическому разделению законов на публично-правовые и частноправовые. М.М. Сперанский полагает, что это разделение неверно, в силу того, что закон, как таковой, имеет две составные части: правило и охранение. «Охранение всех законов есть сила Государственная (публичная) и, следовательно, с сей стороны все законы суть публичные. Цель законов публичных, как, например, законов безопасности, столько же относится к Государству вообще, как и к частным людям в особенности; следовательно, с сей стороны и законы безопасности могут назваться приватными»[2]. Таким образом, с точки зрения Михаила Михайловича, разделение это относительно. Суть любого закона в достижении той единственной и главной цели, во исполнение которой они создаются, – это установление общечеловеческой справедливости.

Подводя итоги, отметим, что новеллы, которые были введены М.М. Сперанским, также преследовали ту же цель. Поэтому представляется очень важным изучить те институты, которые пришли в наше право, благодаря его титаническому исследовательскому труду. Если углубиться в суть созданных им правовых институтов, то можем определить очевидную полезность такого исследования. В силу сложившихся обстоятельств, их изучению не было уделено должного внимания, а это, во-первых, поможет точнее понять, каким все-таки был первоначальный замысел М.М. Сперанского.

---

[1] Цит. по: *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И.*. Михаил Михайлович Сперанский. Материалы к научной биографии // http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/13/Liter/Lukovskaya.htm.

[2] Цит. по: *Луковская Д.И. и др.* Михаил Михайлович Сперанский…

Во-вторых, это может быть полезно и для практики современных юристов. На сегодняшний день нет детального анализа данных правовых норм. Проведение такого исследования есть великий труд, по масштабу даже не уступающий самим кодификационным работам, поскольку для идентификации новеллы, надо убедиться в достоверности их источника – каждого примечания, имеющегося в 15 томах Свода законов Российской Империи.

Summary

In the focus of this report is the connection between politico-legal views of Mikhail Speransky and criptotseptia, which is the process of secret borrowing of some legal institutions alien to Russian Law System, and which was done under his control in the process of some coding work. Despite the fact that this process of borrowing novelty was revealed by Russian lawyers in the period between 19th and 20th centuries, there is still no complete examination of these secret changes in scientific area. The significance of large-scale examination on this matter is explained in the report, which can also be the reason for full understanding of Mikhail Speransky's political conception and current codification issues.

Key words: codification, Mikhail Speransky, cryptotseptsia.

Е.И. Жевкова

Отражение государственно-правовых взглядов М.М. Сперанского в Конституции Российской Федерации

Такой выдающийся общественный и государственный деятель как Михаил Михайлович Сперанский может быть по праву назван основателем российской юридической науки и теоретического правоведения. Статья посвящена рассмотрению государственно-правовых идей М.М. Сперанского и их влияния на формирование основных демократических принципов, нашедших отражение в Конституции Российской Федерации. Автором проанализированы основные труды реформатора, исследования других правоведов, сравнены некоторые положения Конституции РФ с целью выявления схожих черт. Научная новизна работы состоит в том, что до настоящего времени никто в полной мере не исследовал связь взглядов и основных идей М.М. Сперанского, положенных в основу высшего нормативного акта России. Данная статья актуальна в настоящее время в связи с тем, что недавно вся страна отмечала двадцатилетие Конституции РФ и когда, если не сейчас, необходимо вспомнить о тех, чьи идеи в той или иной мере повлияли на ее создание. Работа рекомендуется для правоведов, политологов, историков и всех заинтересованных лиц в рамках изучения теории и истории отечественного государства и права или в иных научных целях.

Ключевые слова: история государства и права, конституционный проект, государственный аппарат, теория разделения властей, истинная монархия, конституционная монархия, гражданское общество, правовое государство, форма правления.

Мы живем в эпоху, когда интерес к исторически сложившимся правовым началам государственности и законодательства своего Отечества начинает снова возрождаться в умах людей. Многие задаются вопросом, откуда же, собственно, взялись такие правовые принципы как разделение властей, гражданское общество, правовое государство и кто же явился создателем русской правовой мысли.

Такой выдающийся общественный и государственный деятель как Михаил Михайлович Сперанский может быть по праву назван основателем российской юридической науки и теоретического правоведения. Именно ему принадлежит большая заслуга в развитии российского конституционализма и правовой культуры. В данной статье будут представлены основные законодательные инициативы М.М. Сперанского с целью выявления схожих положений, сформулированных в Конституции РФ. Например, выдвинутая Сперанским идея создания Государственной Думы получила реальное воплощение в 1906-1917 годах и вновь была возрождена уже только в 1993 году. В годы двадцатилетнего юбилея Конституции просто невозможно не упомянуть о вкладе М.М. Сперанского в ее развитие.

Вопрос об отражении государственно-правовых идей М.М. Сперанского в Конституции РФ еще не исследован в полной мере. Однако реформатор, несомненно, считается одним из самых виднейших теоретиков законодательства России, поэтому данный вопрос стал представлять серьезный научно-практический интерес именно вследствие неоцененности его вклада в формирование основных демократических принципов, получивших отражение в Конституции 1993 года.

Основными задачами исследования являются: во-первых, исследование нормотворческих инициатив М.М. Сперанского, а также изучение основных положений Конституции РФ через призму государственно-правовых взглядов М.М. Сперанского.

Проанализировав некоторые труды данного выдающегося государственного деятеля, можно утверждать, что основные государственно-правовые идеи Михаила Михайловича Сперанского наблюдаются уже в первых

его работах, которые позднее правовед будет лишь изменять и преобразовывать. В первую очередь, стоит упомянуть «Памятную записку об основном законодательстве вообще», которая датируется 1801-1802 годами. В ней М.М. Сперанский впервые высказывает тезис об «истинной», («правильной») монархии и «неправильной». К «правильным монархиям» М.М. Сперанский относит исключительно монархии конституционные, которые и заслуживают именования монархии, ко вторым – самодержавие и деспотию[1]. Политический строй современной ему России реформатор как раз называет «деспотическим», так как вся полнота власти отдана в руки самодержцу, а другие органы являются лишь совещательными, на деле они совершенно бесправны, на что сетует автор. В записке «О коренных законах государства» 1802 года М.М Сперанский предлагал создать двухпалатный представительный орган по типу английского парламента, где верхняя палата была бы представлена аристократией[2].

«Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России»[3] 1803 года интересна тем, что в этой работе М.М. Сперанский пытается разобраться, из каких частей «слагается государственное управление вообще»[4], определить компетенцию каждой из этих частей, в том числе пытается исследовать устройство монархического правления и на основе своих теоретических рассуждений составить приемлемый для России образец управления. По мнению Сперанского, в ведении всякого правительства находятся «четыре главных предмета: 1) Полиция, 2) Суд, 3) Войско, 4) Внешние сношения и государственное хозяйство»[5]. Управление страной должно быть организовано на принципах подотчетности, единой организации административно-территориального деления и подчинения общегосударственным законам. Любое управление, по мнению Сперанского, должно быть ограничено и соответствовать исторической традиции той территории, на которую оно распространяется. Сперанский также определяет

---

[1] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. 1803. // http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894.

[2] *Сперанский М.М.* О коренных законах государства. 1802 // http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korennyh_zakonah.html .

[3] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

[4] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

[5] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

функции Сената исполнительного, законодательного; суда и полиции, а это, по своей сути, и есть разделение властей. Также идея разделения властей присутствует в более позднем проекте М.М. Сперанского, а именно в знаменитом «Введении к уложению государственных законов»[1] 1809 года. «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Поэтому следовало, прежде всего, отделить друг от друга законодательную, исполнительную и судебную части, сосредоточив их в разных независимых один от другого государственных органах»[2], - говорил он. Во «Введении…» М.М. Сперанский предлагает отдать законодательную власть Государственной Думе, исполнительную - министерствам и губернским, окружным и волостным управлениям, а судебную власть - волостным, окружным и губернским судам во главе с Сенатом. Особым органом, по мысли М.М. Сперанского, должен был стать Государственный совет, в котором «все действия порядка законодательного, судного и исполнительного в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются»[3]. Члены Государственного совета назначаются императором. Данный план государственного преобразования послужил основой для реформирования системы высшего государственного управления. В 1810 был создан Государственный совет, имеющий лишь строго законосовещательную функцию при императоре, а не объединяющую в своем лице все ветви власти, как первоначально предполагал М.М. Сперанский. В 1811 году была проведена министерская реформа (старт ей был дан еще в 1802, когда были созданы первые министерства), в которой упразднялось министерство коммерции и образовывалось министерство полиции.

В других проектах реформатор также предлагал ввести принцип публичности актов деятельности органов власти. На самом деле, данный принцип был очень важен для М.М. Сперанского, так как в его проектах довольно большая роль отведена общественному мнению, которое следит за исполнением законов. Для того, чтобы осуществить свой замысел с

---

[1] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов. 1809 // http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894.

[2] *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М., 1961. С. 172.

[3] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

общественным контролем, правовед предлагает ввести «независимое сословие народа» [1] : «Две силы», - говорил он, - «могут быть в монархическом государстве, охраняющие закон в его исполнении: 1) сила общего мнения; 2) власть сословия, особенно для сего установленного. Условия, необходимыя к тому, чтобы сила общего мнения могла действовать на ответственность, суть: 1) публичность всех деяний управления, исключая малого и определенного числа случаев, тайне подлежащих; 2) свобода тиснения с исключениями, кои бы не стесняли действия общего мнения. Условия, необходимыя к тому, чтобы известное сословие могло действовать на ответственность, суть: 1) независимость сего сословия от власти исполнительной; 2) важное место, которое занимать оно должно в системе государственной, по всем уважениям, какие в государстве приняты; 3) публичность всех деяний управления с исключением, выше означенным. (законодательное учреждение, основанное на народном избрании), перед которым все исполнители отвественны»[2]. В 1809 эта идея, как говорилось ранее, уже вкладывается в другую – во «Введении…» Сперанский предлагал создать законодательный орган - Государственную Думу, составленную из депутатов и собирающуюся посессионно. Интересно также, что принцип выборности М.М. Сперанский распространил как на организацию судебных инстанций, так и на местные учреждения, которые должны были основываться на началах представительства. Волостные думы должны были собираться в главном волостном селении каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности избирать волостное правление, постоянный орган власти, проверять финансовые операции волостных правлений и выбирать членов окружной думы.

Стоит также упомянуть, что именно во «Введении к уложению государственных законов» 1809 года у М.М. Сперанского впервые появляются идеи правового государства, он утверждает, что власть должна основываться на справедливых законах. Также Законодательная власть, по его мнению, должна быть выборной, однако «политические права» [3] , то есть «участие в силах государственных»[4] должны быть ограничены имущественным цензом, так как

---

[1] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

[2] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

[3] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

[4] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

отдельные категории населения, такие как рабочие и слуги, по мысли М.М. Сперанского, едва ли обладают нужными качествами, чтобы быть допущенными к законотворчеству. Однако стоит отметить, что в данном «Уложении» М.М. Сперанский уже не предлагает ограничить самодержавие конституцией, а лишь «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе ту же силу и то же пространство самодержавия»[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что государственно-правовые взгляды Сперанского имели умеренно-демократических характер, и что из множества идей и взглядов, выраженных реформатором в своих проектах и записках, в момент осуществления им государственной деятельности были реализованы лишь некоторые его замыслы.

Теперь стоит обратить внимание на нынешнюю Конституцию Российской Федерации. Сам по себе, данный нормативно-правовой акт достаточно молод по сравнению с конституциями других стран. В связи с юбилеем Конституции РФ вновь обострились споры об ее неизменности. Есть множество мнений относительно того, стоит ли изменят закон как таковой или все же нужно оставить его неизменным, чтобы он сумел укорениться в умах граждан и в самом менталитете страны. Что же по этому поводу думал Михаил Михайлович Сперанский? Правовед сильно сетовал на то, что в стране существует множество законов, но нет закона постоянного. Отсюда, по его словам, «происходит то всеобщее убеждение, самим опытом оправданное, что нет в России закона постоянного, и что можно переменить все по личным случаям и удобностям»[2]. Потому как все законы, учреждения и меры правительства имеют «вид произвола и личного доверия, изменяющегося по случаям и обстоятельствам»[3]. При таких условиях учреждения и законы не обладают достаточным достоинством и уважением со стороны общества, и у людей развивается правовой нигилизм, так как «через какие-нибудь 20 лет любой закон подвергается изменению»[4]. «Такой порядок вещей не мог приготовить общество и администрацию к сознательному исполнению законов.

---

[1] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

[2] Цит. по: *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905. С. 17.

[3] Цит. по: *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. С. 17.

[4] Цит. по: *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. С. 17.

Сами законы – не так плохи, как их исполнители»[1], утверждал М.М. Сперанский. Таким образом, можно сделать вывод, что реформатор был крайне негативно настроен к изменению какого-либо закона.

По мнению автора, Конституция должна оставаться неизменной до тех пор, пока существует установленная форма государства. Однако если что-либо из трех составляющих изменилось - форма правления, форма государственного устройства или политический режим - то в таком случае необходимо принимать новую Конституцию.

Какие же именно идеи М.М. Сперанского повлияли на формирование основных демократических принципов, отраженных в Конституции 1993 года? В ст. 1 Конституции РФ наше государство названо правовым. Отметим, что во «Введении к уложению государственных законов» Сперанский предлагал ввести такие понятия, как свобода личная и свобода вещественная. «Свобода личная: 1) Никто без суда не может быть наказан 2) Никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого»[2]. Следовательно, отсюда можно сделать вывод, что Сперанский планировал равенство всех перед законом, являющееся неотъемлемым признаком правового государства. «Свобода вещественная: 1) Всякий может располагать своей собственностью по своей воле, но в рамках общего закона. Без суда собственность не отчуждается; 2) Никто не обязан отправлять вещественные службы (подати или оброк), иначе, как по закону или по условию, но не по чьему-либо произволу»[3]. Однако равенство получается у Сперанского лишь условным, так как участвовать в деятельности государственных органов могли лишь те, кто, как уже говорилось ранее, имеет «политические права». Также правовед считал, что власть должна быть ограничена «правильными, справедливыми законами». Стоит отметить, что в ч. 1 ст. 19 Конституции также есть положение о всеобщем равенстве перед законом и судом.

В ст. 10 провозглашается разделение государственной власти, что, действительно, похоже на те постулаты, о которых говорил М.М. Сперанский в своих первых проектах – принцип разделение властей, являющийся еще одним признаком правового государства.

---

[1] Цит. по: *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. С. 17.

[2] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

[3] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

Также ч. 5 ст. 29, в которой гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура, коррелируется с идеей реформатора о том, что в «правильной монархии» «существует свобода печати в известных, точно определенных границах»[1]. Однако он не отрицает использование цензуры, да и, к тому же, все это место было впоследствии зачеркнуто либо Кочубеем, либо самим Сперанским (мнения историков на этот счет разнятся), так что представляется, что данная мысль схожа с частью 5 статьи 29 лишь косвенно. Некоторые части ст. 32 Конституции также подобны идеям, предлагаемым в своих законодательных инициативах М.М. Сперанским, который, как уже упоминалось ранее, говорил о политических правах, то есть о правах на участие в законодательной, судебной и исполнительной власти. Однако у него и речи не шло о всеобщем и равном праве для всех.

Можно также заметить некоторые общие черты в положениях, содержащихся в главе пятой (Федеральное Собрание). Например, в ст. 94 и в ч. 1 ст. 95 Конституции говорится о создании парламента с двумя палатами, одной из которых является Государственная Дума. Напомним, что в разное время у М.М. Сперанского были различные идеи – сначала он в записке «О коренных законах государства» предлагал создать двух палатный парламент, однако затем во «Введении…» у реформатора появился законодательный орган - Государственная Дума, которая составлялась бы из депутатов, представленных в губернской думе и именовалась как «законодательное сословие»[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что, действительно, многие взгляды М.М. Сперанского, выраженные в актах его нормотворческой инициативы, были воплощены в жизнь лишь через 200 лет в действующей Конституции Российской Федерации. Такими идеями являются: концепция правового государства (ч. 1 ст. 1, ст. 10, ч. 1 ст. 19 и др. Конституции РФ), принцип разделения властей (ст. 10), и создание Государственной Думы (ч. 1 ст. 95) и многие другие.

Однако данный вывод представляется довольно условным, поскольку необходимо помнить, что и форма государства, и общественное сознание в период жизни и деятельности М.М. Сперанского отличались от современных.

---

[1] *Сперанский М.М.* Записка об устройстве…

[2] *Сперанский М.М.* Введение к уложению государственных законов.

Summary

Such a prominent public figure and statesman as Mikhail Mikhailovich Speransky can be rightly called a founder of the Russian legal science and theoretical jurisprudence. The article is devoted to consideration of the state legal ideas of M.M. Speransky and their influence on the formation of basic democratic principles reflected in the Constitution of the Russian Federation. The author analyzed the main works of the reformer and the researches of other legal scholars and compared some of the provisions of the Constitution of the Russian Federation in order to identify similarities. The scientific novelty of the research consists of the fact that there is no one who has fully explored the connection between M.M. Speransky's basic ideas and points of view and the Constitution of the Russian Federation so far. This article is relevant to the present time due to the fact that there has been the twentieth anniversary of the Constitution recently and when, if not now, you need to remember those whose ideas in one way or another had an impact on its creation. The research work is recommended to lawyers, political scientists, historians and for all of those who are interested in the study of the Theory and History of the Russian State and Law or in other scientific purposes.

Keywords: Theory of State and Law, History of State and Law, constitutional project, state apparatus, the theory of separation of powers, the true monarchy, constitutional monarchy, civil society, state of law, form of government.

Н.А. Игумнов

Статический правопорядок в «чистом учении о праве» Г. Кельзена

В статье рассматривается статический правопорядок в «Чистом учении о праве» Ганса Кельзена. Анализ данной концепции позволяет углубить понимание правовой теории Кельзена. Автор акцентирует внимание на роли и значимости статической концепции в правопорядке.

Ключевые слова: право, Ганс Кельзен, правопорядок, статическая концепция правопорядка, чистое учение о праве.

Ганс Кельзен (1881–1973) – австрийский юрист, один из основоположников теории позитивизма. Перу ученого принадлежит множество работ по общей теории права и государства, международному, конституционному праву. Одна из самых известных его работ – «Чистое учение о праве», изданная в 1934 г. По словам самого автора: «Чистое учение о праве есть теория позитивного права: позитивного права вообще, а не какого-то конкретного правопорядка»[1]. Под этим подразумевается, что Кельзен в своей

[1] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Пер. с нем. С.В. Лезова. М, 1987. С. 4.

работе намерен отойти от частностей и выявить наиболее общие закономерности позитивного права, а так же за деидеологизацию своего учения, то есть объективность и независимость от каких либо политических течений.

Основным методом этого чистого учения Кельзен называет освобождение правоведения от всех чуждых ему элементов. Эта необходимость очищения обосновывается тем, что юриспруденция расширилась за счет таких наук как психология, этика, социология и политическая теория, а это в свою очередь ведет к изменению сущности правоведения и размыванию границ его предмета.

В «Чистом учении о праве» Ганс Кельзен рассматривает ряд вопросов о нормах права и обосновании их действительности, о нормах морали, о взаимосвязи морали и права и другие (вопрос о том, что есть правовая норма, вопрос о том, что является сущим, а что должным, вопрос об иерархии правовых норм, понятие основной нормы).

Рассуждая об основании действительности норм, Кельзен приходит к выводу о том, что переход от низшей нормы к высшей конечен, и должен закончиться последней, самой высокой нормой. Однако, как становится понятно из самой концепции этой нормы (названной Кельзеном «основной») становится понятно, что вопрос о выведении ее из какой-либо более высокой нормы не может возникнуть. Так, вводя концепцию «основной нормы», правовед называет ее общим источником действительности всех норм принадлежащих данному принудительному порядку. Далее, в зависимости от природы, Кельзен разделяет правопорядки на динамический и статический. Вследствие этой дихотомии, проблемой, рассматриваемой в этой статье, поставлена роль статического принципа основания правового порядка.

Важность данной проблемы обусловлена необходимостью понимания обеих концепций, достижения ответа на вопрос (сформулированный Кельзеном в его работе, а так же, имеющий и общеправовое значение) о том, почему же нормы конкретного порядка должны применяться и соблюдаться. Несмотря на то, что правопорядки, по словам Кельзена, имеют в основном динамический характер, в совокупности со статическими они сочетаются в одной нормативной системе.

Вопросы, касающиеся статического правопорядка, поднимает Г. Кельзен в своей работе. Статическая нормативная система есть «система норм, основание и содержание действительности которых выводятся из единой нормы, постулируемой в качестве основной…»[1]. Именно на таком определении будет строиться дальнейшая работа в этом направлении. Суть такого (статичного) подхода состоит в том, чтобы дедуктивно вывести основание и содержание действительности нормы из единой – основной нормы. Совокупность выведенных таким образом норм называется статичной нормативной системой. Рассуждая о такой системе, австрийский правовед приводит пример с заповедями Бога. То есть из нормы о любви к своему ближнему выводятся нормы о том, что нужно оказывать ему помощь в трудностях, о том, что нельзя наносить ему вред и тому подобные. Таким образом, при обосновании норм, которые логически вытекают из заповедей, используется статический принцип. Вообще, право для Кельзена составлено из иерархичных норм, а действительность норм нижестоящего уровня определяется действительность нормы более высокого. Наивысшей точкой в этой цепи является «основная норма». Согласно концепции «основной нормы», без нее нельзя утверждать нормы некой конституции, стоящей в иерархии ниже, как действительные. Нужно сказать, что Кельзен с течением времени признал несостоятельность этой «доктрины». Тем не менее, в контексте рассматриваемого вопроса, основная норма является важным элементом. В «Чистом учении о праве» основная норма трактуется как исходный пункт создания права, не установленная, а предустановленная (постулированная) норма. Это значит, что вопроса об основании действительности этой самой нормы быть не должно, так как она является «…гипотетическим допущением в сугубо гносеологических целях и… априори не может получить адекватного выражения в правовых текстах…»

Будет уместно упомянуть о динамическом правопорядке, действительность норм в котором основывается не на том, что норма дедуцирована из основной нормы, а на том, что она установлена так, как предусматривает основная для такого порядка норма. Но это упоминание должно быть лишь дополнением к рассматриваемой статической концепции, а

[1] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. С.202.

сам динамический порядок не входит в поле рассмотрения в данной работе. Однако следует обратить внимание на важнейшее различие между динамическим и статическим порядком. В первом случае правоприменитель реконструирует правопорядок, выводя свои полномочия из закона, который действителен на основании другого закона, который действителен, поскольку принят в соответствии с конституцией, которая в свою очередь принята на референдуме и поэтому действительна. В случае же со статическим правопорядком, такая иерархичность не выводится, она предопределена заранее.

Таким образом, во-первых, динамический характер нормативных систем преобладает над статическим. Подтверждение этому мы находим в тексте «Чистого учения о праве». Кельзен прямо заявляет, что «… она (норма) действительна потому, что создана определенным (в конечном счете, предусмотренным основной нормой) способом. Таким образом, следуя логической цепочке автора и проходя путь от истолкования акта лишения человека жизни как наказания, а не убийства до нормы постулированной (т.е. не установленной правовой властью) мы на каждой ступени сталкиваемся с нормой, которая действительна в силу особого порядка установления. Если более конкретно, то действительность статьи уголовного кодекса, предусматривающей лишение жизни в качестве наказания, выводится из того факта, что данный кодекс был принят органом, уполномоченным на это. То есть, в заданной нормативной системе статический порядок менее значим, нежели динамический.

Кроме того, статический порядок имеет ряд признаков. Во-первых, это нормы, содержащиеся в таком порядке, являются дедуцированными из норм этого порядка. Этот признак сформулирован на основе работы Е.В. Булыгина.[1] Этот признак, говоря словами того же автора, позволяет замкнуть систему, в том смысле, что нормы данного порядка выводятся из уже установленных норм, содержащихся в этом же порядке. Во-вторых, нормы, входящие в такой порядок действительны в силу своего содержания. Эта черта, обозначенная Кельзеном, говорит о том, что, например, норма «не должно лгать»

[1] *Булыгин Е. В.* Проблема действительности по Кельзену СПб., 2013.

действительна в силу того, что логически выведена из нормы предписывающей правдивость

И, наконец, нормативная система сочетает в себе оба принципа (несмотря на указанную в первом пункте превалирующую значимость динамического). В подтверждение этих слов можно привести пример. Допустим, некая конституция устанавливает норму, защищающую частную собственность. Статически из этой нормы могут быть выведены нормы запрещающие кражу или порчу чужого имущества. Эта же конституция устанавливает правила, руководствуясь которыми, уполномоченные лица принимают закон, который в свою очередь динамически основывает свою действительность на данной конституции.

Теоретические догматы учения Ганса Кельзена стали классическими для правового позитивизма. Его труды были посвящены широкому кругу теоретико-правовых вопросов – толкование права, правовые нормы, судейское усмотрение и множество других. Относительно темы, поднятой в данной работе можно сказать, что она является важной частью «Чистого учения о праве» и коррелирует с остальным содержанием книги. По моему мнению, цель, обозначенная в начале была достигнута, а задачи выполнены. В ходе работы мне удалось сформировать понимание сущности статического правопорядка, что, безусловно, поможет в дальнейшем изучении проблематики поднятой Гансом Кельзеном.

Summary

In this article the author examines static concept of legal order of Hans Kelsen. Analyzing the theory allows deepening the understanding of Kelsen's conception of law. The author accentuates the role and significance of static concept in legal order.

Key words: law, Hans Kelsen, legal order, static concept of legal order, pure theory of law.

В.А. Ильменева

Влияние идей Хосе Марти на дальнейшее развитие революционной мысли на Кубе начала XX века (на примере Х.А. Мельи).

Хосе Марти, национальный герой Кубы второй половины XIX в., оставил неизгладимое впечатление на правовые взгляды кубинцев, сформировав необходимые для них цели борьбы. Это отразилось на революции XX в., когда последователь марксизма, Хулио Антонио Мелья, попытался внедрить в борьбу против экспансии со стороны США,

пункт о национальном суверенитете страны и равенства прав и свобод человека и гражданина, а в настоящее время, Коммунистическая партия Кубы (в истоках которой стоял также Мелья) прославляет правовые идеи Марти. В статье будет показано, что сумели взять из самобытной идеологии Марти революционеры XX в., и как это отразилось на ее тогдашнем положении.

Ключевые слова: Хосе Марти, национально-освободительное движение на Кубе, коммунистическое учение, народный суверенитет, Хулио Антонио Мелья, политическая и духовная свобода.

Хосе Марти, поэт и мыслитель второй половины XIX в., является национальным героем Кубы. Он одним из первых попытался воплотить мечту всех кубинцев – дать свободу каждому жителю этой страны. Куба, подвергшаяся в XVI в. колониальному захвату со стороны Испании, вплоть до второй половины XIX в. была крепко связана экономическими и политическими тисками с европейским захватчиком. Начиная с XIX века, осознав богатство природных ресурсов и потенциалы страны, в борьбу за власть над Кубой включилась США. Народ Кубы, стремящийся к независимости, понимал, что стране необходимы перемены в виде освобождения от колониализма со стороны Испании и империализма со стороны США. Это обуславливало рост внутреннего напряжения, которое вылилось в Десятилетнюю освободительную войну (1868–1878гг.) против метрополии. Некоторые требования населения были выполнены, но, как и следовало ожидать, этого оказалось недостаточно. Данный период в истории Кубы породил еще большее количество людей, недовольных политическим положением своей Родины. Среди таких оказался и Хосе Марти. Культурное и идеологическое развитие Кубы, обусловленная экономическими связями с Европой, повлияла на широкую информированность кубинской интеллигенции и в сфере революционных философий многих европейцев. Так, например, Хосе Марти был знаком с идеями И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и даже предшественников русского революционизма. Однако, нельзя сказать, что Марти шел на поводу у европейских мыслителей. Учитывая различные пути развития и внутриполитические проблемы стран Европы и Латинской Америки, революционер осознавал, что принцип формирования суверенного государства Кубы должен отличаться от других стран. Эта закономерность, отмеченная Марти, заметно выделена на протяжении всей его идеологической карьеры, что также устанавливает О.Т. Терновой в одноименной работе про кубинца:

«Марти был и остается великим революционером, но революционером такой страны, в котором на первом плане стояли задачи завоевания национальной свободы и независимости, уничтожения колониального гнета и освобождения крестьянства от пут феодализма, а не задачи борьбы между трудом и капиталом» [1]. Это обусловлено тем, что к концу XIX в. Куба не была самостоятельным государством, в ней по-прежнему существовали пережитки рабовладельческого строя, а движущие политические силы в виде пролетариата находились только в процессе формирования, что и стало причиной для подобного высказывания исследователя.

Благодаря своей непоколебимости и целеустремленности Марти завоевал любовь народа и стал путеводной звездой для дальнейших поколений революционеров. Уже в XX веке, когда Куба яро отстаивала свою независимость, Карлос Балиньо, сподвижник Хосе Марти и его молодой последователь – Хулио Антонио Мелья – создали Коммунистическую партию Кубы, опираясь на основные идеи Апостола[2]. К этому времени марксистская теория завладела умами кубинцев, и в стране уже существовали предпосылки для ее реализации, что и попытались сделать Балиньо и Мелья (в отличие от периода жизни Хосе Марти, когда рабство было только отменено, и страна не имела достаточных сил для перехода к новой экономической формации). Вся эта информация была почерпнута из монографии Ю.В. Погосова [3] и вышеупомянутой работы О.Т. Тернового. В работе А.М. Зориной[4] показывается развитие народных масс в борьбе за независимость страны. Э.В. Лобан в своей статье [5] характеризует политические стремления и идеалы Марти, а Б.Б. Чернявский[6] - его философию. Что касается идеологии Мельи, то о ней можно получить представление из его собственных статей о Хосе Марти[7] и статьи В.Ф.

---

[1] *Терновой О.Т.* Хосе Марти. М., 1966. С. 154.

[2] Апостол – так называют Хосе Марти на Кубе. См.: *Мелья Х.А.* Толкование идей Хосе Марти // Думпьере Э., Крус Ф.П. Умираю за революцию. М., 1986. С. 204.

[3] *Погосов Ю.В.* Мелья. М., 1968.

[4] *Зорина А.М.* Рабочее движение на Кубе от первых выступлений пролетариата до образования Коммунистической партии. [1850–1925]. М., 1975.

[5] *Лобан Э.В.* Демократический идеал Хосе Марти и романо-латинская конституционная правовая модель // Правоведение. 2001. №2. С. 208–217.

[6] *Чернявский Б.Б.* Хосе Марти // Электронная публикация с сайта «История»: http://historystudies.org/2012/06/chernyavskij-b-b-xose-marti/ [Дата обращения: 10.03.2014г.]

[7] *Мелья Х.А.* Толкование идей Хосе Марти. С. 202–206.

Титова,[1] которая показывает революционера сквозь призму марксисткой идеологии.

Исходя из всего вышесказанного, нельзя не упомянуть о преемственной связи Марти и нового революционного движения. Поэтому в своей статье мы попытаемся проследить влияние философии Марти на дальнейшее становление независимости Кубы и ее восприятие марксистских идей следующими революционерами. Это возможно осуществить благодаря сопоставлению идеологии Марти, Маркса и восприятию их революционерами первой четверти XX века. Однако необходимо уточнить, что так как Марти не являлся последователем Маркса, сравнение двух революционных идеологий будет проходить исключительно в контексте Кубы и их восприятия кубинскими деятелями. Примечательно также, что и Марти, и Мелья погибли на заре своей карьеры, и им не до конца удалось реализовать свои предстоящие планы, поэтому можно судить лишь об их планах насчет дальнейшего существования и, в принципе, возможности установления республики в Кубе.

Во-первых, стоит задаться вопросом: не устарели ли на момент развития коммунистических партий представления Хосе Марти о смысле революции внутри страны? На границе XIX–XX вв. перемены на Кубы происходили довольно-таки быстро, и философия Марти могла остаться в эпохе, когда страна была рабовладельческой колонией Испании. Но на самом деле Марти смог сформулировать такие революционные положения, которые были актуальны и в XX в. Особенностью идеологии Марти является его самобытность. Ко всем своим идеям он приходил в процессе познания окружающей среды, и он не стремился воплощать в реальность теории европейских мыслителей, так, например, Э.В. Лобан в своей статье отмечает, что Марти искал «естественный для страны образец, которому должна следовать Куба»[2]. Мелья – что можно объяснить недостаточным жизненным опытом и, как следствие, неустановившимися политическими взглядами – последовательно раскрывал основные задачи марксисткой теории, что особенно видно в работе Титова В.Ф., где взгляды Мельи выявляются в процессе

---

[1] *Титов В.Ф.* Роль К. Балиньо и Х.А. Мельи в распространении и утверждении марксизма на Кубе // Вестник Московского университета. Вып.6. 1987. С. 20–29.

[2] *Лобан Э.В.* Марти и романо-латинская конституционная модель // Правоведение. 2002. № 2. С.212–213.

противопоставления его империалистам. Получается, что если Марти сумел самостоятельно сформулировать собственную философию, то Мелья произвел лишь синтез нескольких идеологий, подчинив их условиям кубинской революции.

В понимании данных политических деятелей, революцию можно выразить в широком и узком смысле. В широком смысле революционеры пришли к необходимости освобождения страны от политического и экономического давления, в случае Марти, со стороны Испании, и в случае Мельи – США. Несмотря на то, что эти страны различались и по форме государства, и по внешнеполитическим целям, так как Испания была монархией, основанной на крупных колониальных владениях и морском флоте, а демократический режим США тем не менее подразумевал экспансию стран Латинской Америки, Куба чувствовала равное давление с обеих сторон. Ведь зависимость экономическая со временем переходит и в необходимость согласования политических действий с внешнеэкономическими партнерами. Мелья в своей статье об идеалах Хосе Марти даже упоминает, что если бы революционер был свидетелем происходящего угнетения на Кубы США, то он бы сказал: «Нет политической демократии там, где нет экономической справедливости». Исходя из этого, можно сказать, что целью революционных действий в широком смысле явилось противоборство Кубы давлению извне.

В узком смысле, представления о революции Марти и Мельи расходятся, но данное несоответствие можно обосновать отдаленными друг от друга промежутками времени. Марти к концу XIX в. понимал внутреннюю революцию как кардинальное изменение социальной структуры страны: он стремился подавить рабовладельческие пережитки, отойти от власти буржуазии к равноправному гражданскому управлению, в основе которого будет находится равная частная собственность[1]. Мелья, как уже было сказано, относился к зарождающемуся крылу латиноамериканских марксистов, следовательно, он выделял рабочий класс как ключевой в борьбе против

[1] *Тененбаум В.О.* Общественно-политический идеал Хосе Марти // Советское государство и право. Вып.6. 1977. С. 123.

буржуазии [1], тогда как Марти стоял за объединенное всеми силами противодействие народа[2].

По-другому можно сказать, что революция в широком смысле – есть революция политического устройства, глобальная по своим размахам, где Кубе необходимо было на весь мир заявить о своих суверенных правах. Революция же в узком смысле представляла собой лишь реформацию социальной сферы, что, в принципе, было характерно для большинства стран, которые когда-либо находились на стадии рабовладельческих отношений. Собственно, это также означает, что со времен Хосе Марти борьба за независимость Кубы продолжалась и – более того – усилила свое влияние среди населения.

Целью Хосе Марти, по его же словам, являлось достижение «республики, справедливой и основанной на здоровых началах…»[3]. В контексте его времени, это было не первичным, но основным мотивом всех революционных действий. В статье Чернявского приводится цитата революционера, хорошо характеризующая стремление всей его жизни: «Независимость – это высшая цель борьбы моей родины… моего народа, объединившегося в страстном и неудержимом стремлении к свободе…» [4]. А независимость государства в правовом смысле выражается в его суверенитете, который был необходим для полноценного и самостоятельного руководства страной кубинским народом. Это же отмечали и дальнейшие революционные деятели, и не только Хулио Мелья. Проблема интервенции США в политику Кубы остро воспринималась тогдашними коммунистами. Американские делегаты прикрывали действительность вымышленными терминами, по их словам, действия США подразумевались как «интерпозиция», то есть необходимость безвредного вмешательства в дела Кубы для защиты собственных граждан (правда, данный тезис не объясняется самим Погосовым, что же могло стать причиной ограничения прав американцев на территории Кубы)[5] и, конечно же, без какого-либо ущемления суверенитета Кубы, что ставилось под сомнение противниками империализма.

---

[1] *Титов В.Ф.* Роль К. Балиньо и Х.А. Мельи… С. 24.

[2] *Тененбаум В.О.* Общественно-политический идеал Хосе Марти. С. 121.

[3] См.: *Зорина А.М.* Кубинский пролетариат и национально-освободительная война 1895–1898 гг. // Рабочее движение на Кубе. М., 1975. С. 104.

[4] *Чернявский Б.Б.* Хосе Марти.

[5] *Погосов Ю.В.* Мелья. С. 70.

В основу революционной борьбы, как правило, встает угнетенный народ, и революции на Кубе можно назвать «революциями снизу», ведь именно подавленное население начинает сопротивление испанскому колониализму и рабовладельческому строю. Этот первый этап революции (окончившийся приблизительно с победой в войне за независимость Кубы 1895-1898 годов) можно назвать национальным, так как целью кубинцев стало свержение иноплеменной буржуазии в лице испанских колониалистов. Марти не определяет характер заданной им революции, однако, уже в новой обстановке это сумел сделать Мелья. В статье Титова говорится, что Мелья и уникален тем, что охарактеризовал кубинскую революцию как антиимпериалистическую и демократическую, точнее, по его мнению, освобождение от империалистического гнета возможно провести с помощью революции[1]. А в статье самого Хулио Антонио Мельи можно обнаружить отсылку к подобным идеям и у Хосе Марти. Перефразируя Апостола, он говорит: «Там, где нет равновесия, где нет национальных элементов, - ими не могут быть думающие лишь о наживе богатые капиталисты или их хозяева – империалисты – там нет правительства, нет»[2]. Конечно, освобождение от империалистического гнета не являлось одной из задач марксисткой революции, поэтому этот факт можно оценить как сугубо локальный и заимствованный из идей Хосе Марти. Это также значит, что оба революционера стремились не только к свободе действий собственной нации внутри страны, но и к общему равноправию национальных ячеек, чьи конфессии были представлены на Кубе и которые хотели и могли бы участвовать в политической жизни страны.

В своих статьях Хулио Мелья бесконечно восторгается деятельностью Марти, он счастлив, что его стране достался такой отчаянный борец за свободу и справедливость. По словам молодого революционера, Апостол был настоящим патриотом, который понимал, что проблемы Кубы исходят не только со стороны внешнеполитических неприятелей, но и то, что могут быть национальные тираны, которые проводят политику не всегда в соответствии с требованиями их подвластных (идет отсылка к президентству Херардо Мачадо в 1920-е года). Марти, по сути, был новатором своего времени, предвестником дальнейших преобразований и стремлений всего народа. Мелья пишет, что уже

---

[1] *Титов В.Ф.* Роль К. Балиньо и Х.А. Мельи… С. 24.

[2] *Мелья Х.А.* Толкование идей Хосе Марти. С. 205.

к концу 1880-х годов Марти признал существование в обществе классовой борьбы[1]. Марти-интернационалист – борец за независимость своей страны и единомышленник идей соседних угнетенных стран – был признан своим поклонником истинным социалистом, так как освобождение государства, по мнению Мельи, должно было осуществляться с помощью народных масс[2].

Но на самом деле, главная проблема наследия Хосе Марти заключается в том, что он не оставил ни одного четко сформулированного принципа становления какой-либо формы правления или политического режима. Конечно, это можно оправдать его ранней кончиной, а также, вероятно, это может быть обусловлено утопичностью его идей в тот период и преувеличению роли революции, как главной цели всей народной борьбы. Получается, что в правовом аспекте влияние Хосе Марти незначительно, и его стремление к самобытности Кубы не было реализовано, так как он не сумел предоставить для этого необходимую нормативную базу. Мелья, молодой и энергичный боец, целиком и полностью восхищаясь Апостолом, не смог найти отклик в его произведениях, поэтому был вынужден обратиться к более проработанной, но схожей идеологии Маркса. В.О. Тененбаум сказал про Хосе Марти и его деятельность, что «идеология Марти стала предшественницей марксизма на Кубе, подобно тому как идеология Чернышевского и Добролюбова была предшественницей марксизма в России»[3], но вряд ли бы его социалистические идеи были реализованы в кубинских условиях, и именно по этой причине на смену идеям Хосе Марти о равной частной собственности пришли более реалистичные идеи Маркса о классовой борьбе и государственной собственности. Однако нельзя отрицать вклад Хосе Марти в дальнейшее развитие правовых идей, в том числе, идеи о равноправии всех граждан своего государства, верховенстве демократических идей, народном суверенитете, переходе от сословной формации к классовой. Его идеи о народном суверенитете стали ведущими в первой половине XX века, а права человека – гарантией правового государства. Одним из ярких показателей преемственности идей Хосе Марти стало упоминание его имени в Конституции

---

[1] *Мелья Х.А.* Толкование идей Хосе Марти. С. 206.

[2] *Мелья Х.А.* Интернационализм // Думпьере Э., Крус Ф.П. Умираю за революцию. М., 1986. С.207.

[3] *Тененбаум В.О.* Общественно-политический идеал Хосе Марти. С. 119.

Кубы от 1976 года, где в качестве одного из направлений политики страны провозглашается, буквально, цель всей жизни Марти: «Я хочу, чтобы главным законом нашей республики стало глубочайшее уважение кубинцев к человеческому достоинству во всей его полноте» [1]. Примечательно, что нынешняя Коммунистическая партия Кубы стоит во главе всего государства – это значит, что Марти сумел вложить мысли не только в собственную партию, но и в партию коммунистов, которая провела их до сегодняшних дней.

Summary

José Martí is the national hero of the Cuba in the second half of the nineteenth century. He left an indelible impression on the legal views of Cubans, which formed in the basis for the necessary targets in their struggle. José Martí's philosophy reflected on revolutionary action in the XX century, because Julio Antonio Mella tried to introduce requirements about national sovereignty, human equality and rights and freedoms of Man and the Citizen, although Mella was a Marxist. So in this article we will show who managed to take out a distinctive ideology Marti revolutionaries XX century, and how it affected on position of country.

Key words: José Martí, national liberation movement in Cuba, communist doctrine, Julio Antonio Mella, political and spiritual liberty.

И.С. Клеткин

Истоки появления конституции Сан-Доминго 1801 года. Роль Туссена Лувертюра в становлении независимого государства

Первая конституция на латиноамериканском континенте была принята… В Бразилии? Аргентине? Мексике? Нет, в Сан-Доминго. В статье рассматриваются положения, посвящённые базовым гражданским правам жителей острова после обретения независимости. В заключении автор даёт оценку влияния рассматриваемых правовых документов на всё латиноамериканское право в целом.

Ключевые слова: революция, конституция, диктатура освободившихся рабов, Туссен Лувертюр.

В какой латиноамериканской стране впервые появилась конституция? Мало кто знает, что в Сан-Доминго (ныне Гаити). Именно эта страна, по сути, является прародительницей всего независимого латиноамериканского права. В данной статье предпринимается попытка проанализировать две первые две

[1] Конституция республики Кубы от 15.02.76г. Электронная версия: http://constitutions.ru/archives/94 [Дата обращения: 06.03.2014г.]

конституции, появившиеся на острове в 1801 и в 1805 гг., а также выявить источники, из которых черпали идеи составители этих конституций.

В конце XVIII в. Сан-Доминго была самой богатой колонией Франции. Как отмечает У. Фостер, в связи с большим спросом на сахар Сан-Доминго «стала золотым дном, самой ценной колонией в мире». Рабовладельческое плантационное хозяйство, специализировавшееся главным образом на выращивании сахарного тростника, являлось основой экономики Сан-Доминго и определяло существовавшие там общественные отношения. Раб, трудившийся на плантации, был основным производителем, рабовладелец-плантатор — собственником раба, продуктов его труда, орудий и средств производства. Полмиллиона рабов возделывали земли, находившиеся в руках 4–5 тыс. плантаторов.

Первенствующее положение социальной иерархии Сан-Доминго занимала французская колониальная администрация во главе с губернатором. Высшим слоем среди постоянных жителей колонии были «большие белые»: крупные плантаторы, владельцы местных сахарных и других предприятий, а также купцы, управляющие больших имений, наиболее состоятельные представители городской буржуазии[1]. Более многочисленную часть населения составляли «маленькие белые», не обладавшие крупной, а иногда и вообще какой бы то ни было собственностью. К ним относились мелкие рабовладельцы, надсмотрщики за рабами, адвокаты, ремесленники, содержатели постоялых дворов, трактирщики, торговцы, матросы, немногочисленные рабочие мануфактур и пр. «Большие белые», используя свое экономическое господство и связи с французским королевским двором (эти связи поддерживались через аристократов-плантаторов, живших в Париже), эксплуатировали не только своих рабов, но и «маленьких белых».

Однако, несмотря на наличие классовых и сословных противоречий среди белых колонистов, их в значительной мере объединяло привилегированное положение по отношению к «цветному» населению страны — к неграм и мулатам. Подавляющее большинство негров были рабами, большая часть мулатов — свободными. К концу XVIII в. число свободных мулатов и негров приближалось к численности населявших колонию белых

[1] *Жидков О.А.* Избранные труды. М., 2006.

(первых было 20–25 тыс., вторых – 30–35 тыс.). Однако они не имели никаких политических прав, и любой, даже самый последний из «маленьких белых», мог безнаказанно оскорбить свободного негра или мулата. Для них существовало множество унизительных ограничений, вплоть до запрещения появляться на улице с наступлением темноты. Уж не знаю с чем это было связано, возможно, колониальные власти просто боялись, что последних просто не будет видно.

Итак, к 1791 г. политическая обстановка в стране накалялась, во Франции уже началась революция, а Учредительное собрание метрополии не желало разрешать вопрос о рабстве, который был крайне актуален в Сан-Доминго. Сильнейшее беспокойство в среде «больших белых» вызывал революционный девиз «Свобода, равенство, братство!». Следуя этому девизу и уступая настойчивым требованиям свободных мулатов, Учредительное собрание Франции 15 мая 1791 г. издало декрет, по которому «цветные», рожденные от свободных отца и матери, получали доступ во все будущие колониальные представительные учреждения.

«Большие белые» рассчитывали, что им удастся помешать проведению декрета в жизнь, используя созванное ими без участия мулатов Колониальное собрание. Его участники 22 августа 1791 г. съехались в главном городе Северной провинции Кап-Франсэ.

Все эти факторы привели к восстанию, начавшемуся 22 августа 1791 г. Вспыхнув стихийно, революция вскоре вылилась в широкую народную войну с рабовладельцами и колонизаторами. Она имела затяжной характер, так как восставшим рабам пришлось бороться не только с французскими колонизаторами, но и с испанцами и англичанами, пытавшимися захватить остров.

В ходе успешных действий революционной армии разрушился старый аппарат колониального управления на Сан-Доминго. Де-факто власть на острове перешла в руки восставших негров-рабов и осуществлялась революционной армией и её руководством. Эта власть служила их интересам и находила широкую поддержку в негритянских массах. Такое устройство власти являлось по существу «диктатурой освободившихся рабов, созданной

условиями войны и направленной на удержание и укрепление свободы», как отмечает известный историк-правовед Л.Ю. Слезкин[1].

Реалии войны, как это часто бывает, способствовали тому, что власть главнокомандующего стала фактически абсолютной. К концу революции власть оказалась в руках Туссена Лувертюра (фамилия – псевдоним от французского «L'Ouverture» (первооткрыватель)), наиболее дальновидного и мудрого представителя освободившихся рабов, которому суждено было стать самым выдающимся человеком в истории страны.

Туссен Лувертюр, раб и сын раба, родился в 1743 г. на плантации Бреда. В детстве был конюхом, а позже стал кучером управляющего плантацией. Крестный отец Туссена — священник — научил его читать и писать по-французски, а также основам латыни. Управляющий плантацией позволил ему пользоваться книгами своей библиотеки. Эта возможность при большом природном уме юноши сильно помогла ему расширить свой кругозор. Туссен жадно ловил новые идеи, приходившие из Франции. Всеми силами своей души он ненавидел рабство. Присоединившись к революционной армии в качестве военно-полевого врача, Лувертюр вскоре продемонстрировал не дюжие задатки лидера, поборника за равенство и справедливость, что, в конечном счете, позволило ему стать верховным главнокомандующим восставших.

К 1798 году все военные действия были завершены: в Сан-Доминго не осталось ни одного оккупанта, ни одного раба, ни одного рабовладельца.

Декретом от 1 января 1798 г. Директория подтверждала свободу и равноправие бывших рабов. Однако декрет содержал статьи, которые позволяли французским колониальным властям под различными предлогами лишать освободившихся от рабства негров и мулатов политических прав. В момент принятия декрета в Совете пятисот раздавались голоса, требовавшие немедленного восстановления рабства. Отправляя в Сан-Доминго своего представителя Ге-Дувиля и передавая ему подарки для Туссена, Директория поставила перед ним одновременно задачу ослабить влияние негритянского

[1] *Слезкин Л.Ю.* Революция негров-рабов на острове Сан Доминго (Гаити) в 1791–1803 гг. // Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР. Вып. 2. М., 1956.

главнокомандующего на армию и посеять в ней разногласия, используя вражду между мулатами и неграми.

Туссен Лувертюр хорошо понимал необходимость укрепления не только военной, революционной власти в стране, но и налаживания нормальной хозяйственной жизни в стране, без которой все достижения революции были бы сведены на нет. За сравнительно небольшой промежуток времени был выпущен целый ряд правительственных декретов и прокламаций, регулировавших социально-экономические отношения в стране, такие как обработку земли и обеспечение внутреннего правопорядка. Таким образом, к 1801 г. Сан-Доминго достигло такой стадии государственного развития, при котором оно было готово к принятию первой конституции, которая была торжественно провозглашена в июле того же года.

Первая конституция Сан-Доминго была по своей сути конституцией переходного периода. Она не провозглашала ещё формальной независимости острова, но она положила начало юридическому становлению молодого государства. Ст. I конституции рассматривала Сан-Доминго и прилежащие острова как «единую колонию, входившую во французскую империю», но в этой же самой статье предусматривалось, что колония подлежит управлению «по особым законам»[1]. Подобная оговорка для того времени гарантировала Сан-Доминго политическую самостоятельность. Основные статьи конституции подтверждали отмену рабства и равноправие всех граждан колонии перед законом.

Несмотря на то, что согласно этой конституции Сан-Доминго не становился независимым государством, она провозглашала целый ряд прогрессивных для той эпохи, и для Сан-Доминго в частности, социально-экономических и политических идей. В соответствии с теорией естественных прав людей осуждались тирания, произвол и угнетение (ст. 3). Ст. 12 гарантировала всем гражданам свободу и общественную безопасность, а ст. 13 – что «собственность является священной и нерушимой», то есть появлялся такой важный правовой институт, как защита собственности. В конституции 1801 г. впервые в истории декларировался принцип главных возможностей для всех людей вне зависимости от расового происхождения. Ст. 4 гласила, что «все люди, в независимости от их цвета кожи допускаются на все должности».

[1] Конституция Сан-Доминго 1801 г. / Пер. и прим. Шармена Теодора. Гаити, 2000.

Конституция декларировала ряд политических прав граждан (право обращаться с петициями ко всем властям и т.д.) и предусматривала процессуальные гарантии от незаконных обысков, изъятия имущества и заключения под стражу.

Проанализировав и сравнив статьи, в которых перечисляются новые основные права и свободы граждан Сан-Доминго по Конституции 1801 г. с правовыми документами метрополии, я убедился, что многое в первой конституции Сан-Доминго было позаимствовано из важнейшего документа Великой французской Революции – «Декларации прав человека и гражданина». Некоторые пункты просто полностью скопированы с «фундамента французского конституционного права». К примеру, ст. 12 Конституции Сан-Доминго гласит: «Конституция гарантирует каждому свободу и неприкосновенность. Никто не может быть арестован до тех пор, пока в установленном законом порядке не будет выдан ордер на задержание данного лица». В то время как ст. 7 «Декларации прав человека и гражданина» предусматривает следующее: «Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах. Тот, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он несет ответственность»[1].

Подобные заимствования в тексте первой Конституции Сан-Доминго встречаются настолько часто, что можно с полной уверенностью говорить о «Декларации прав человека и гражданина» как об основном источнике правовых институтов для конституционной комиссии 1801 г. Гл. XIII, которая учреждает основные правовые принципы, на которых базируется Конституция являет собой фактически краткую выжимку главного документа Великой французской Революции. В этой главе провозглашаются верховенство закона, равенство всех перед законом, гарантирование естественных прав Конституцией.

Теперь я хочу выделить особенности рассматриваемой Конституции. Несвойственным для большинства конституций оказалось закрепление в статье 6 основополагающей роли католичества, т.е. единственно разрешённой

[1] Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989.

государством для вероисповедания религией становилась католическая. В конституциях, принятых до этого момента на североамериканском континенте и во Франции о религии либо вообще не говорится, либо же все религии признаются государством. Ещё одной особенностью стало решение правительства не следовать курсу, наметившемуся в буржуазных странах, направленному на невмешательство государства в экономическую жизнь страны, а напротив стремилось к активному воздействию на хозяйственную жизнь страны. Неудивительно, что когда Наполеон получил Конституцию Сан-Доминго 1801 г. для утверждения, то воскликнул: «Туссен представил мне для утверждения негритянскую конституцию. Это оскорбление для Франции! Мы будем воевать…»[1].

В январе 1802 г. французский флот появился у восточного побережья Сан-Доминго. 2 февраля первые десантные части начали высадку у Форт-Дофина. 5 февраля 1802 г. французский командующий Леклерк отдал приказ о захвате Кап-Франсэ. Сломив сопротивление защитников города, французы ворвались на его улицы, объятые пламенем. В течение 10 дней они овладели почти всем побережьем. Однако успехи французов были куплены дорогой ценой – жители колонии сражались отчаянно и не боялись идти на смерть. Все эти события вылились в интервенцию Сан-Доминго, а затем в новую гражданскую войну результатом которой стала уже полная независимость острова. Наполеону удалось убить Туссена Лувертюра, но он даже силой не смог помешать зарождению нового государства на Гаити. «Свергая меня, вы всего лишь срубаете ствол дерева чёрной свободы в Сан-Доминго, но вам уже не остановить рост этого дерева, ведь корни его многочислены и глубоки», – эти слова национального героя Гаити оказались пророческими.

1 января 1804 г. была провозглашена независимость Сан-Доминго и объявлено о принятии новым государством древнего исторического названия – Гаити. Первая конституция нового государства Гаити была декларирована год спустя - в 1805 г. Согласно новой конституции, государство строилось на основе тех буржуазно-демократических принципов, которые были выдвинуты в период французской революции XVIII в.

---

[1] *Фёдоров М.В.* Первые конституции стран Латинской Америки. М., 1983.

По конституции 1805 г. подтверждалась отмена рабства и расовое равенство. Ст. 2 и 3 провозглашали, что все гаитянские граждане – братья[1]. Принцип равенства всех граждан подчёркивался в формуле, позаимствованной из французской конституции 1799 года: «закон един для тех, кого наказывает, и тех, кому покровительствует» (ст.4). В новой конституции на этот раз провозглашалась свобода культов и вероисповедания, о чём говорится в специально посвящённой этому вопросу седьмой главе. Ещё одним нововведением стало признание со стороны государства гражданского брака. Также предусматривался целый ряд процессуальных прав граждан, такие как защита убежища от посягательств и судопроизводство в строго определённом законом порядке. Важным социальным элементом конституция признавала частную собственность, которая объявлялась «священной» (за её нарушение следовали строгие санкции). Более того, рассматриваемая конституция даже пыталась сформулировать и нравственные начала зарождающегося гаитянского общества: «Гаитянином заслуживает быть только тот, кто является хорошим отцом, хорошим сыном и в особенности хорошим солдатом (ст. 9). В статье 17 подчёркивалось, что «уважение к своему руководству, подчинение и дисциплина строго необходимы».

Таковы были основные положения первых на латиноамериканском континенте конституций. Они являлись подлинно демократическими и значительно опережали своё время. Но что по-настоящему важно – они осуществлялись на практике, не были фиктивными.

Первая революция в Латинской Америке, слившаяся с войной за независимость, одержала победу. Было уничтожено рабство, возникло самостоятельное государство, началось формирование гаитянской нации. События в Сан-Доминго проходили под влиянием революционно-освободительной войны, завершившейся образованием США, под непосредственным влиянием французской революции. В то же время это была одна из самых своеобразных революций: ее движущей силой и основными участниками стали негры-рабы. Своеобразие вызвало дополнительные трудности — к тем, которые возникают при создании новой государственной, правовой и социально-экономической системы. Но принципиальное

[1] Конституция Сан-Доминго 1805 г. / Пер. и прим. Боба Корбетта, Нью-Йорк, 1805.

буржуазное направление развития, определившееся победой революции, оставалось неизменным при самых неблагоприятных для этого развития поворотах в истории страны. Победа гаитянского народа ускорила начало вооружённой борьбы в испанских колониях. Новое государство было для патриотов континента надёжным оплотом в их борьбе с колониализмом и испанской монархией.

Summary

The article is about the beginning of the long road to independence of the Latin American countries, about their legal formation. San-Domingo being the richest French colony had a great economic importance to the metropolis. However, prevailed for a long time slave system, exhausting and exploiting locals, for the most Blacks and Latinos part, led to the uprising. The main encounter for this was a French revolution that took place in 1791 year. Spiritual leader and pillar of the revolution has become general-in-chief named Toussaint Louverture. Freed from total colonial French dominion and slave system, San Domingo gradually developed its inside legal and social mechanisms. All this resulted in a declaration of independence and declaration of Constitution 1805. It was the first constitution in Latin America. The main provisions of this Constitution contained a prohibition of slavery and basic democratic liberties. After all his studies, the author of the article has found that a huge number of the San-Domingo Constitution was taken from the main document of French revolution – the «Declaration of the rights of man and of the citizens». It let us an opportunity to consider the Declaration as the basis of San-Domingo Constitution.

Key words: San-Domingo, Latin America, Toussaint Louverture, constitution, slavery, freedom.

А.А. Климкина

Религиозные тексты как источник права Древней Руси

Аннотация: в данной статье рассматриваются религиозные тексты как источник права Древней Руси, освещается вопрос проникновения таких текстов на Русь, проводится анализ их влияния на возникновение и развитие древнерусского права. Прежде всего, анализируются византийские источники, пришедшие на Русь вследствие её крещения Владимиром. Внимание уделено и полемике между А.С. Павловым и Н.С. Суворовым на предмет католического влияния на право Древней Руси. Целью статьи является определение значения религии, текстов религиозного содержания в древнерусском праве. Изучение поднятой проблемы в рамках данной статьи опирается на работы авторитетных историков и юристов различных эпох на данную тему.

Ключевые слова: право, источники права, каноническое право, Древняя Русь, церковь, христианство, номоканон, кормчая, рецепция.

Возникновение Древнерусского государства сопровождалось формированием права. Именно тогда были заложены основы правового регулирования государства Русь. Рассматривая источники права Древней Руси, является не целесообразным брать во внимание только лишь внутригосударственные факторы, воздействовавшие на право. Совершенно очевидно, что здесь неизбежно влияние извне в силу экономических, политических, культурных связей с соседними государствами.

Изначально каноническое право изучалось в основном в историко-богословском аспекте, с юридической стороны вопрос затрагивался незначительно. Благодаря трудам А.С. Павлова, Н.С. Суворова и некоторых других исследователей каноническое (церковное) право перешло в область юридических исследований. Помимо вышеупомянутых авторов, эта тема привлекала особое внимание и таких знаменитых дореволюционных юристов и историков, как: Т.В. Барсов., М.Ф. Владимирский-Буданов, А.П. Щапов, В.О. Ключевский и другие. Несколько меньше внимания данной теме уделяют современные исследователи. Но в сегодняшние дни мы можем наблюдать рост интереса к отношениям между государством и церковью. Более того, история государства и права России не может быть невостребованной в силу того, что это история нашего Отечества, и она невероятно интересна. Именно эти факторы и делают данную тему актуальной. Среди современных исследований на данную тематику можно отметить работы А.В. Серегина, Т.Е. Новицкой, Е.В. Климова и др. Эта тема частично освещена и в диссертациях А.В. Агафонова, В.В. Момотова, Ф.М. Майора, В.В. Чемеринской. Наиболее интересные для статьи исследования перечисленных авторов анализируются в данной работе, сравниваются различные точки зрения ученых на религиозные тексты как источник Древнерусского права, их значение.

Согласно «Повести временных лет» Киевский князь Владимир Святославич в X веке крестил Русь по византийскому образцу. Почему же Русь приняла христианство именно из Византии? В то время Русь нуждалась в формировании крепких международных связей, во внутреннем сплочении, в централизации власти, укреплении положения князя. Русский князь видел такую силу, способную удовлетворить потребности своего государства, в византийском христианстве. Византия также являлась наиболее близким государством к Руси в культурном отношении. Основные причины принятия

православия по греческому образцу иллюстрируют то, насколько серьезно Владимир относился к церкви, он приписывал религии огромную роль, что далее скажется на законодательной деятельности князя.

Крещение Руси явилось уникальным и знаковым событием, особенное значение оно имело и для права. Принятие христианства повлекло за собой перевод на древнеславянский язык разнообразных текстов и сочинений религиозного характера и их проникновение на Русь, а, значит, это не могло не повлиять на право Руси. Обычное русское право на момент крещения во многом прямо противоречило учениям христианской морали и церковного права. К таким противоречиям относятся многоженство, способы и условия совершения брака, отпущение жены, наложничество и другое[1]. Эти разногласия постепенно были исчерпаны: произошла христианизация права. Наиболее важные аспекты, итоги этого процесса будут рассмотрены далее.

С принятием христианства церковь получила широчайшие полномочия. Так, церковный Устав князя Владимира о церковных судах разделил юрисдикцию светскую и церковную, опираясь на греческий Номоканон, сборник светского и церковного права Византии. Владимир отказывался вмешиваться в дела церковные и то же самое наказывал своим потомкам. К церковному кругу ведения относились: дела «церковных людей» (монахи, вдовицы), дела мирян, которые касались вероисповедания и христианской морали, а также брачные дела (заключение брака, развод). Помимо судебных полномочий, церковь имела и законодательную функцию, «довольно независимо нормировала семейную жизнь, применяя к местным условиям свои канонические установления»[2].

Такое следование русской церкви за византийскими канонами объясняется тем, что на протяжении очень долгого времени русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху. Более того, представители высшего духовенства на Руси, как правило, были греками. Очевидно, что для них наиболее обычными и удобными в использовании были именно греческие тексты. А.Н. Филиппов отмечал, что византийское духовенство на Руси приспосабливало, адаптировало тексты посредством изменения и толкования

---

[1] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 117–118.

[2] *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 195.

византийских юридических норм к условиям древнерусской действительности, с учетом местных обычаев и нравов[1].

Византийское право реципировалось на Руси в виде Кормчих книг. Это были адаптированные для славянских народов церковные и светские законы, которые употреблялись при управлении церковью и церковным судом в православных славянских странах. Какие же византийские тексты вошли в состав этих сборников? Перечислим наиболее известные. Прежде всего, это два Номоканона: 87 глав и 14 титулов. Вошла в состав Кормчей и Эклога императоров Льва Исаврянина и Константина Копронима, регулирующая сферы брачного права, наследственного, вещного, процессуального и уголовного. В Кормчую Эклога вошла в переработанном 16-главом виде под названием «Леона Царя Премудрого и Константина Верного Царя главезны о совещании обручения и о Брацех и о иных различных винах». Эклога имела широкое распространение среди славянских народов, так как отражала обычаи славян.

Церковь в Византии играла огромную роль, и, здесь очевидно, что все законодательные документы не могли не соответствовать государственной религии. Некоторые законодательные сборники Византии и вовсе составлялись при участии служителей духовенства. Примером может служить Исагога, регулирующая публичное, брачное, наследственное, уголовное право. Среди авторов Исагоги был Константинопольский Патриарх Фотий. Также, первый Номоканон приписывается константинопольскому патриарху Иоанну Схоластику. Таким образом, становится неоспоримым влияние церкви на законодательство Византии. Вследствие активной рецепции на Руси византийского законодательства, греческая церковь косвенно повлияла на право и Древнерусского государства.

Византийское право, как один из источников права Руси, признавалось такими авторитетными исследователями, как В.О. Ключевский, А.С. Павлов, М.Ф. Владимирский-Буданов и другие. Так, В.О. Ключевский посчитал следы влияния византийского права на законодательство Руси настолько убедительными, что посчитал происхождение Русской правды церковным, принимая во внимание нахождение её текста в составе сборниках церковного права: «…Текст Русской правды сложился в сфере не княжеского, а церковного

[1] *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Юрьев, 1914. С. 107.

суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе»[1]. Но такой взгляд не получил признания среди ученых. Так, например, С.В. Юшков писал: «Рецепция светского права была крайне ограниченной: влияние византийского права почти незаметно в уголовном, гражданском и судебном праве Киевской Руси»[2]. Таким образом, Юшков фактически отрицает особое и значительное влияние Византийского права. Я.Н. Щапов присоединяется к такой точке зрения: «…выросло (право. – *Авт.*) на основе внутреннего развития восточнославянских племен, родовых и общинных организаций с едва заметным влиянием на них античного общественного строя Византии»[3]. Действительно, в Русской правде и иных источниках мы не наблюдаем прямых отсылок к византийским нормам. Однако, на наш взгляд, это может означать переработку права Византии, использование его не тождественно источникам, но не означает абсолютное отсутствие влияния на право Руси извне. Именно такой точки зрения придерживался А.Н. Филиппов. Он полагал, что византийские сборники перерабатывались «путем судебной практики, благодаря которой сами нормы приспосабливались к условиям русской жизни того времени".[4] Таким образом, большинство ученых склонны считать, что византийское право всё же имело влияние на право Древней Руси. Фактом является то, что заимствование византийского права было свободным, нормы применялись не тождественно греческим номоканонам. Но такое заимствование имело место быть.

В науке имеется версия, изложенная в трудах Н. С. Суворова, о влиянии западно-католического церковного права на древнерусское право. Суворов считал, что подобные следы в праве Древней Руси присутствуют, он аргументированно изложил свой взгляд на данную проблему в своем исследовании. Однако А.С. Павлов посчитал такую концепцию заблуждением, что обосновывает в своем ответном труде Суворову «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках русского церковного права». Павлов отстаивал традиционную точку зрения о влиянии греческого

---

[1] *Ключевский В.О.* Русская история. С. 185.

[2] *Юшков С.В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 103.

[3] *Щапов Я.Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. Т. 31. М., 1971. С. 77.

[4] *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. С. 107.

Номоканона в славянских странах и считал, что данный факт не нуждается в особых дополнительных доказательствах.[1]

Данная полемика внесла огромный вклад в изучение поставленной проблемы. Это отмечали как современники Суворова и Павлова, так и современные исследователи. Суворовым и Павловым было изучено огромное количество литературы и правовых и религиозных памятников при проведении своих исследований. Как уже отмечалось ранее, именно эти двое ученых положили начало разработке темы канонического права в юридическом аспекте.

Таким образом, вопрос о католическом влиянии на право Древней Руси остается крайне спорным, и потому не берется в особое внимание.

Рассмотрев рецепцию светского и церковного права на Руси, можно сделать вывод о том, что, несмотря на разногласия исследователей о степени влияния на право Древней Руси извне, традиционно принято считать, что такое влияние имело место быть и играло весьма значимую роль. Как же именно повлияло христианство на правовое регулирование отношений на Руси? Как было сказано ранее, была разделена светская и церковная юрисдикция, церкви передавались широкие полномочия. Влияние прослеживается и в государственном праве. В дохристианский период вопрос о престолонаследии являлся спорным и конфликтным. Теперь же было установлено престолонаследие в соответствии с христианскими вероучениями. Были заложены основы политической деятельности, направленной на централизацию государственной власти на основе единоличия старшего наследника династии. Христианизирована была и уголовная сфера. Первоначально данная отрасль регулировалась нормами обычного права. Убийство каралось смертной казнью, воровство – конфискацией имущества, ссылкой на окраины под административный контроль, либо смертной казнью. При принятии христианства на Руси вместе с иноземным правом проникают новые виды наказаний: телесные наказания, членовредительство, отсечение руки, урезание носа. Меняется и взгляд на само преступление: теперь преступление стало

[1] *Лебедева Г.Е.* Из истории изучения канонического права в России // Античная древность и средние века. Вып.30. Екатеринбург, 1999. С. 328–337.

рассматриваться как нарушение церковных предписаний, называлось «грехом». Под влиянием церкви исчезает и жертвоприношение.[1]

Таким образом, рассмотрев основные религиозные источники древнерусского права, проследив их влияние на государственное устройство и право Древней Руси, можно сделать вывод о том, что принятие христианства в качестве государственной религии имело колоссальное значение, влияние на Руси. Правовое регулирование стало строиться на церковных канонах, вероучениям придавалось огромнейшее значение. Каноническое право буквально пронизывало каждую сферу древнерусского права. Можно смело сказать, что религиозные источники являются одними из важнейших в формировании и развитии древнерусского права, хоть и не всегда им уделяется должное внимание при рассмотрении вопроса источников права Древней Руси. Однако нельзя забывать о том, что византийские нормы не перенимались в абсолютном соответствии источникам, они перерабатывались, применялись в соответствии с обычаями, нравами Руси.

Summary

The article considers religious texts as a source of law of the ancient Kiev state, penetration of such texts into the state, analyses their impact on beginning and development of the ancient Russian law. First of all, the attention is drawn on the Byzantine sources which came to Russia as a result of christening of the Kievan state by knyaz Vladimir. The author also discusses the polemic between A.S. Pavlov and V.S.Suvorov about Catholic impact on the law. The purpose of the article is to determin the significance of religion, religion texts in the Kiev State. The research of the problem of forming the ancient Russian law by religious texts is based on historians` and lawyers` scientific articles about it.

Key words: law, ancient Kiev state, sources of law, canon law, church, Christianity, Nomocanon.

А.В. Курчевенкова

Личностные факторы в процессе правоприменения

Вопросы правоприменения в современном обществе приобретают особую актуальность. Господствующая концепция правоприменения не адекватна современной социальной реальности: позитивисты представляют право как закрытую систему, отрицают влияние внешних и внутренних факторов на нее, и сводят правоприменение к

[1] *Климов Е.В.* Религиозная реформа Великого Киевского князя Владимира I и христианизация Древней Руси. Торжок, 2008. С. 235–243.

механическому наложению нормы на факт. Современная парадигма акцентирует внимание на личностные факторы, детерминирующие право и правоприменение. Правоприменитель в эмпирической реальности всегда человек, обладающий личностными качествами и психикой. С точки зрения постклассической теории правоприменение связано с эффективностью и легитимностью норм права, а все эти процессы опосредуются социальными и индивидуальными аспектами. Необходима теоретическая разработка правоприменения в соответствии с социальной реальностью и главенствующей ролью человека.

Ключевые слова: правоприменение, детерминирующие факторы, внутренние (личностные) факторы, субъективные факторы, правосознание, легитимность законов, действенность права, позитивизм, постклассическая парадигма.

Вопросы правоприменения в современном обществе приобретают особую актуальность. Правоприменение как особая форма реализации права, как деятельность профессиональных юристов, способно наиболее оперативно реагировать на изменения в обществе, выявлять и, в исключительных случаях, устранять пробелы в законодательстве. В этой связи необходимо рассмотреть данный правовой институт применительно к современности, оценить его теоретическую разработанность и практическую реализацию.

На сегодняшний день в теории права господствует классическая концепция правоприменения, которая исходит из позитивистской парадигмы. Правоприменение определяется как особая форма реализации права, связанная с деятельностью уполномоченных органов и должностных лиц для обеспечения индивидуальный форм реализации права: использования, исполнения или соблюдения[1]. Согласно этому подходу источником права признаются только писаные нормы, которые принимаются за аксиому, тем самым, исключаются такие явления правоприменительной деятельности как мотивация принятого решения, анализ норм, подлежащих применению, и даже толкование сводится к формально-догматическому методу, который не может применяться при существовании объективных недостатков норм: противоречивости, пробельности, неполноте[2]. А правоприменение становится механической

[1] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 303–306, 321; *Лазарев В.В.* Применение советского права. Казань, 1972. С. 28–30.; Сырых В.М. Теория государства и права. М, 2004. С. 351.

[2] См. подробнее: Правоприменение: теория и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. С. 28–39.

деятельностью обезличенных субъектов по наложению норм закона на юридически значимую жизненную ситуацию.

Но данная концепция на практике сталкивается с рядом проблем, которые она неспособна разрешить. Стремление позитивистов определить право исключительно как деятельность государства и устранить ценностный аспект не может существовать в социальной реальности в свете постклассической парадигмы. Нормативное право детерминируется многими факторами, как внешними, так и внутренними. А ценности, от которых призывают отделить право позитивисты (или исключить их из рассмотрения юриспруденцией), в эмпирической реальности ему имманенты: право предопределено моралью, создано во ее исполнение и воплощает ее в жизнь. Так главный принцип права – справедливость – исключительно моральная категория. Следовательно, правоприменение в эмпирической реальности также детерминируется различными факторами, в первую очередь социально-психологическими. Подходы к перечню этих факторов различны. Наиболее авторитетной представляется точка зрения В.В. Лазарева [1]. В качестве социально-правовых факторов он выделяет и анализирует влияние системы норм права, правосознания (что представляется спорным, и чаще относят к внутренним факторам), общественного мнения и иных неправовых норм. Психологические, внутренние факторы это психические процессы, свойства, образования и состояния личности адресатов применения права раскрывающиеся Лазаревым через мотивацию и ценностные ориентиры, а также личностные свойства правоприменителей. Выделяют и другие факторы, такие как экономика, экология география, поэтому список не является закрытым и может изменяться.

Современные теории признают и разрабатывают тезис о том, что на правоприменение влияют как внешние факторы, так и внутренние. Но проблеме влияния внутренних факторов уделено мало внимания в отечественной науке. Наиболее близко к ней подошли теории социологии и психологии права, основываясь на классической теории о структуре и месте правоприменения. Правоприменение, как форма реализации права через государственные органы и должностных лиц, обладает формализованной

[1] *Лазарев В.В.* Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 54–69.

структурой и регламентацией. В литературе есть расхождения по поводу стадий правоприменительной деятельности, но можно выделить наиболее типичные: а) установление и анализ фактических обстоятельств дела; б) выбор нормы права, подлежащей применению; в) анализ содержания нормы права относительно данного дела; г) вынесение решения и доведение его до сведения заинтересованных лиц. Несмотря на теоретическую разработанность данных стадий, многие теории склоняются к формализации и стремятся наложить эти стадии на жизненные ситуации. Но, как говорилось выше, правоприменение не может быть механической деятельностью и не сводится к наложению нормы права на жизнь.

Внутренние детерминирующие факторы присутствуют на всех стадиях правоприменения, так как правоприменитель в эмпирической реальности всегда человек, обладающий личностными качествами и психикой. Так на стадии установления фактических обстоятельств правоприменитель согласно своему внутреннему убеждению оценивает какие события являются юридически значимыми для данного дела, какие доказательства подлежат приобщению к материалам дела. Формируется внутреннее убеждение правоприменителя, который оценивает и эмоционально реагирует на исследуемые факты. На стадиях выбора нормы права и анализа содержания личностные факторы играют предопределяющую роль. Именно здесь происходит уяснение понятий, выявляются пробелы и неопределенности законодательства. Большое количество неопределенных оценочных норм («грубое нарушение», «уважительные причины», «достаточные основания полагать», «значительный ущерб» и др.) не позволяет устранить из процесса правоприменения психологический фактор [1]. Судейское усмотрение непосредственно связано с толкованием нормы права и выполняет важнейшую функцию пересмотра и исправления законодательства, а также способствует реализации права человека на судебную защиту и справедливость. Несмотря на то, что усмотрение правоприменителя всегда ограничено, эти ограничения

[1] *Марфицин П.Г., Кожевников В.В.* Социологический способ толкования норм права и проблемы усмотрения в правоприменительной деятельности в правоохранительной сфере [Электронный ресурс] // Сайт «Правовые технологии». URL: http://www.lawtech.ru/pub/stat38.htm (дата обращения: 10.03.2014); *Семенов Е.Ю.* Влияние правовой психологии на принятие правовых актов субъектами правоприменения. Автореф. ... кандидата юридических наук. М., 2007. С. 15–22.

связаны не только с текстом закона, а также общепризнанными ценностями и правосознанием. На стадии принятия решения психологический процесс продолжается. На предыдущих стадиях у правоприменителя формируются правовые установки и взгляды, на основании которых он выносит правоприменительный акт. В случае с судебным решением он закрепляет свое отношение к делу и обоснованность решения мотивировочной части, тем самым придает ему нормативность.

Субъективные факторы во многом обусловлены внешними. Такие объективные факторы как политический режим, общественное правосознание и правовая культура интериоризируются в индивидуальное правосознание (на теоретическом уровне правосознания эти факторы выступают как критерий соотнесения правовой реальности с теорией, на практическом - как объект знания, на обыденном – как общественное правосознание и критерий здравомыслия, на бессознательном – как архетипы коллективного бессознательного, опосредованно влияющие на личностные правовые установки). Несовершенство законодательства, в частности коллизии, пробелы, абстрактные нормы вынуждают правоприменителя отходить от нормативной стороны права и обращаться к принципам, которые оцениваются и применяются в соответствии с личными убеждениями правоприменителя. Таким образом, внешние и внутренние факторы взаимообусловлены и способны переходить из одной категории в другую. Исходными идеями и руководящими началами для правоприменителя являются принципы. Основным из которых является принцип справедливости: соответствие должного сущему, предопределяет который правосознание.

Правосознание является ключевым элементом правоприменительной деятельности. Согласно теории В.М, Сырых [1], структуру правосознания образуют не только знания, но и оценки, эмоции и чувства. Специалисты, обладающие необходимыми знаниями способны давать точные и объективные оценки действующему праву, определять его действенность. Но даже специалисты испытывают влияние субъективных факторов: мировоззрения, правовой психологии, социального положения, правовые установок и ценностей. Законодатель регламентировал некоторые элементы правосознания правоприменителя. Закрепление следующих качеств: профессионализм,

[1] *Сырых В. М.* Социология права: учебное пособие. Москва, 2002. С. 83–84, 421–426.

высокая степень ответственности, увлеченность работой, престиж закона, дисциплинированность и аккуратность, – говорят о том, что законодатель не отрицает влияние этих качеств на правоприменение, но необходимо законодательное закрепление некоторых из них, чтобы ограничить произвол должностных лиц, с одной стороны, а с другой обеспечить эффективность закона и реализацию моральных принципов права. Так же многие нормы-принципы содержат дозволения на усмотрение, и некоторые моральные категории[1]. В процессе правоприменения правосознание может действовать не только через правоприменителя. В некоторых случаях субъектами правоприменения являются граждане не обладающими полномочиями должностных лиц, например, присяжные. Тогда определяющим является общественное правосознание или правосознание группы.

Исходя из выше указанного, можно сделать вывод, что ряд норм не имеет рационального объяснения[2]. Так, суд присяжных является иррациональным элементом судебного правоприменения[3]. Нормативное закрепление таких иррациональных положений – это стремление к легитимности, действенности законов. С точки зрения И.Л. Честнова, легитимация зависит от соответствия нормы минимальным нравственным стандартам общества: убеждениям, ожиданиям ценностям, и готовность им следовать[4]. Источник права только тогда считается сформированным, когда начинает регулярно использоваться, становится функционально значимым и, следовательно, легитимным. Таким образом реализация права, чтобы быть легитимной должна осуществляться через конкретизацию законодательства в подзаконных актах, через господствующие практики субъектов права, социальные представления, личностное фоновое знание, типизации и идеализации, индивидуальные

---

[1] В частности, ч 1 ст. 17, ч. 1 ст. 332 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ и др.

[2] *Паламарчук В.М.* Справедливость как принцип правоприменения в правовом государстве // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 144.

[3] Таким иррациональным элементом может быть не только суд присяжных. Так в Великобритании корпус мировых судей полностью состоит из граждан, не обладающих юридическим образованием. Они разрешают большинство совершаемых правонарушений, но санкции по ним не могут превышать £5000 штрафа или 6 месяцев заключения.

[4] *Сидоров С.А., Честнов И.Л.* Механизм правового регулирования в системе социального контроля. Монография. СПб., 2014. С. 198–204.

смыслы и мотивацию[1]. Правоприменение способствует действенности закона, его эффективности. Для этого необходимо опосредование вынесения правоприменительного акта социальными факторами, которые способствуют легитимации закона и оценке его эффективности. После конкретизации права в подзаконном акте и практике оно интериоризируется в мотивацию деятельности конкретного человека и через эти звенья закон реализуется в конечном результате. Таким образом, процессы правоприменения и эффективности права взаимосвязаны и они детерминируются социальными и индивидуальными (внутренними) факторами, которые позволяют нормативному праву быть правом в социальном смысле.

Позитивистские концепции 19 века не могут быть основой современной теории права. Они создали базу понятий, но необходима новая методология, новая интерпретация в соответствии с постклассической парадигмой. Вопросы реализации права и правоприменения, в частности, не являются исключением. Как наиболее значимый процесс реализации права, процесс становления его действенности, правоприменение должно получить теоретическую разработку в соответствии с идеями антропоцентризма и общественной полезности. Необходимо обратиться к природе права: его социальным корням и первоначальным принципам. Не все право создается государством. Государство создает только законы, придает форму праву. Законодательство статично, оно не успевает за развитием общества и не может предусмотреть все социальные феномены, и для восполнения этих пробелов необходимо правоприменение, которое будет действовать в соответствии с принципами права на основе законодательства, а не будет зависеть от последнего, как это происходит сейчас. Таким образом, роль личности и личностей в данном процессе не просто необходима, но ему имманентна.

Summary

Law enforcement issues are of particular relevance in modern society. The dominant concept of law enforcement does not correspond with the contemporary social reality. Positivists see the law as a closed system and deny the influence of external and internal factors on it. They reduce the law enforcement to plain use of norms as universal templates, trying to apply the same rule of law to different situations without paying due attention to the mediating factors. The contemporary paradigm focuses on the personality factors that determine the law and law

[1] *Сидоров С.А., Честнов И.Л.* Механизм правового регулирования… С. 205–209.

enforcement. In empirical reality a law enforcer has personal qualities and mentality. From the perspective of the postclassical theory the law enforcement is connected with efficiency and legitimacy of the rule of law, and all of these processes are mediated by social and individual aspects. It is necessary to theoretically elaborate the law enforcement in accordance with the social reality and the dominant role of the individual.

Key words: law enforcement, determining factors, personality factors, legal awareness, the legitimacy of laws, the effectiveness of law, positivism, postclassical paradigm.

В.С. Матвеева

Влияние реалистической теории правопонимания на развитие судейского правотворчества в США

Научная статья посвящена исследованию проблемы правопонимания, характеристике реализма как философско-правового течения, изучению позитивных и негативных аспектов американского направления правового реализма, а также изучению возможности применения данной теории на практике, на примере осуществления судейского правотворчества в США. В данном исследовании проведен сравнительный анализ концепций Карла Ллевеллина и Джерома Френка, а также рассмотрена полемика между Карлом и Ллевеллином и Роско Паундом относительно идей теории правового реализма. Данное исследование значимо для современного общества, по причине того, что влияние реалистической теории на судейское усмотрение полностью не изучено и требует систематизации мнений ученых и исследователей.

Ключевые слова: правопонимание, правовой реализм, позитивизм, концепция, судейское усмотрение.

«Право - явление политико-юридическое. Оно имеет свою историю и свою развивающуюся во времени практику правотворчества и реализации…. Способы толкования права – это специальные приемы, правила и средства познания смысла правовых норм, используемые сознательно или интуитивно субъектом для получения явности того или иного правового явления» [1]. Существование множества теорий правопонимания создает проблему неопределенности взглядов на одни и те же правовые явления. Несмотря на пересекающиеся идеи концепций разных направлений то или иное явление в праве может иметь различное толкование, а так же неодинаковое положение в системе права. В качестве правового явления в данной научной статье выбрано

[1] Вопленко Н.Н. Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 9. 2007. С. 5.

судейское усмотрение, а исследуемой теорией является реалистическая теория правопонимания. Ввиду того, что в предложенном аспекте проблема не изучена полностью, а идеи теоретиков права касаемо этого вопроса не систематизированы, одной из целей научной статьи является именно создание общего представления о проблеме судейского усмотрения под влиянием идей реалистической теории правопонимания.

В связи с динамичностью социальных отношений законодателю трудно создавать долговременно действующие правовые нормы, поскольку заранее сложно определить направления общественных, экономических и политических изменений и нормативно закрепить все вероятные правовые отношения. Применение судейского усмотрения призвано, отчасти, разрешить эти проблемы, позволяя судьям адекватно реагировать на изменяющиеся условия жизни[1].

Общественные отношения обычно урегулированы в законе таким образом, что при возникновении правового спора может выть вынесено единственное решение, являющиеся законным и обоснованным. Однако многообразие жизненных ситуаций и индивидуальность некоторых из них не всегда позволяют законодателю урегулировать их путем принятия абсолютно определенных норм права. Поэтому многие правовые предписания носят относительный характер, а их применение в конкретной ситуации до известной степени зависит от усмотрения судей либо иных правоприменителей. По этой причине вопрос о понятии, основании, признаках и пределах усмотрения в правоприменительной деятельности, в частности судейского усмотрения, имеет большое теоретическое и практическое значение[2]. «Судейское усмотрение - это предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона и которое предоставляется ему в целях принятия оптимального постановления по делу»[3].

---

[1] *Папкова О.А.* Понятие судейского усмотрения // Журнал российского права. 1997. № 12. С. 105.

[2] *Кораблина О.В.* Понятие и признаки судейского усмотрения в Российском уголовном праве // Вестник АГТУ. 2007. №3(38).

[3] *Корнеев А.П.* Административное усмотрение в применении законодательства об ответственности за правонарушения // Проблемы теории и практики административной

Правовой реализм был вдохновлен идеями Дж. Грэя, Оливера Холмса и Р. Иеринга и достиг апогея своего развития в 1920-1930х годах в рамках работ Карла Ллевеллина и Джерома Фрэнка. Появление данной теории связано с расширением судейского усмотрения и с представлением о том, что закон — это не более как материал, предоставленный в распоряжение судей. Реалисты избегали концептуального подхода позитивистов и натуралистов в пользу эмпирического анализа, а так же стремились показать, что практикующие судьи действительно разрешают дела не на основе правовых норм или других логических доводов, а на основе интуиции, симпатии или антипатии, иррациональных импульсов, то есть фактов "глубинной психологии". Цели реалистов имеют эмпирический характер, так как они стремятся определить психологические и социологические факторы, влияющие на судью в момент принятия решений.

По мнению реалистов, необходимо изучать не позитивное содержание права, а только его действие. При этом подлинная ценность права будет зависеть от того, насколько прогрессирует сама юридическая техника и насколько развиты, различные формы правоприменительной деятельности. Концептуальная позиция реалистов в сжатом виде сводится к следующим положениям: право не стоит на месте, оно постоянно развивается и создается судом; право представляет собой определенное средство достижения социальных функций; общество развивается быстрее, чем существующая в нем правовая система; в судебной практике целесообразно существование границ свободного обращения с правом, ибо в нем возникает разрыв между реальным и идеальным нельзя в полной мере доверять традиционным трактовкам справедливости и права[1].

Карл Ллевеллин в своих трудах отмечал, что суды не применяют правовые нормы, а либо расширяют, либо сужают их; и в том, и в другом случае творчество неизбежно. Это объясняется тем, что, будучи, по сути, серией слов, связью лингвистических символов, всякая норма имеет скрытую способность к расширению. Ошибаясь относительно природы языка,

---

ответственности в свете решений XXV съезда КПСС и Конституции СССР: Материалы науч.-практ. конф. М.. 1979. С. 66.

[1] *Скоробогатов А.В.* Современные концепции правопонимания: Учебно-практическое пособие. Казань, 2010.

воспринимая слова как нечто с фиксированным содержанием, юристы часто сами не замечают производимой ими скрытой работы с нормой, которая заключается в ее переформулировании. Если сомнение действительно существует, то границы правила в отношении данного дела будут неизвестны, пока не представлено решение суда. Задача судьи, таким образом, в том, чтобы переформулировать правило так, чтобы оно без сомнения включало или однозначно исключало данный случай. «Применение правила», таким образом, неверное употребление термина. Скорее он «расширяет» или «сжимает» правило. Судья может просто «применить» его после того, как сначала свободно выберет, включить или исключить данное дело из него[1]. По Ллевеллину, предыдущие решения судей не нормативны, поскольку они носят только описательный характер, а не предписывающий. Ллевеллин знаменит тем, что он создал достаточно занимательную и подробную методологию того каким образом изучение различных стилей и способов, которыми судьи толкуют правовые тексты, из тех слов, понятий, с помощью которых они излагают свои мысли вывести те реальные мотивы по которым юристы могут предсказать и выдвинуть обоснованную гипотезу о том, чем эти судьи, эти правоприменители руководствуются в реальности. Сами по себе нормы, то есть абстрактные положения могут мало поведать нам о том, каким образом разрешать споры либо о том каким образом, возможно, споры будут разрешены в будущем. Постольку поскольку эти нормы могут быть по разному истолкованы и судья ничем неограничен и может выбрать любую интерпретацию, которая ему покажется правильной. Поэтому с точки зрения Ллевеллина применительно к праву мы всегда имеем дело с произволом правоприменителя. И с его точки зрения норма лишь инструмент аргументации тех решений, которые принимают наделенные властью чиновники. Но а сами эти решения могут приниматься по совершенно разными мотивами судьи. Судья принимает решения руководствуясь своими религиозными, этическими убеждениями, своим усмотрением, своим настроением. Задача юристов, которые занимаются юриспруденцией заключается в разборе данных о фактических мотивах и составление алгоритмов, которые обуславливают решения судей, в том или ином штате, в том или ином составе. Позднее

[1] *Llevellin K.N.* The case law system in America // Columbia law review. 1988. Vol. 88. No. 5. P. 1007.

Ллевеллин немного смягчил свои высказывания о праве и выделил в истории права два основных стиля аргументации: «низкий» (то есть техника, когда юристы выводят свои суждения из формальных правил из текста законов, прецедентов, сборников обычаев и т.д.) и «высокий» (где юристы осмеливаются заглянуть за пределы формальных правил и решать дела исходя из соображений политики, справедливости, нравственности и других неформальных моментов). Суть «высокого» стиля аргументации заключается не в простом перетолковывании правовых положений, текстов законов или прецедентов, а в понимании того, какая реальная сила движет судьями и того, какими способами они перетолковывают и излагают правовые тексты для того, чтобы обосновать свой фактический произвол. С этой точки зрения задачей юриста является изучение привычек судей, правоприменителей и обычных мотивов или соображений, которыми руководствуется определенная категория судей либо судьи той или иной категории дел. Поняв какие представления, какие идеи главенствуют в той или иной юрисдикции, в той или иной судебной системе, того или иного штата, юрист сможет делать более или менее соответствующую действительности предсказания о будущем поведении этих судей, то есть как эти судьи будут разрешать аналогичные дела в будущем либо разрешать новое дело исходя из тех мотивов, которые были изучены юристом.

Наиболее радикальную программу правового реализма предложил еще один американский мыслитель и правовед первой половины 20 века Джером Фрэнк. Который критиковал своих соратников по правовому реализму за то, что они ограничивались критикой норм, то есть разоблачали обман, с помощью которого другие правоприменители скрывают фактический произвол тем, что они ссылаются на обязывающую силу правовых установлений. Идеи которые олицетворяли Ллевеллина, Холмса, Дж. Грея и других принято называть нормаскептицизмом по поводу того, что нормы , то есть тексты законов в какой-то мере вообще не определяют ход судебных решений. Дж. Фрэнк предложил зайти чуть дальше, соглашаясь тем, что действительно нормы не предопределяют судебных решений он выдвинул предположение о том что разговор о нормах вообще не имеет никакого значения , о том что нормы, даже отсылки на них никогда в реальности не предопределяют судебных решений. Нормы могут иметь ясный смысл, а могут быть запутанными, туманными, но в любом случае, если судья расположен решить дело так или иначе, он не будет

заниматься словами норм, не будет вдаваться в изощренную судебную аргументацию, он просто напросто найдет возможность так или иначе оценить те факты, которые представлены перед ним сторонами. Сами по себе факты, по Фрэнку, вообще не имеют никакой объективной значимости, так как судья в пределах своего усмотрения может иные правомочия оценивать их в ту или другую сторону. Особенно очевидно это на примере суда присяжных, которые решают судьбу подсудимого высказывая свое мнение именно об вопросах фактов, совершал или не совершал, следует ли доверять или не следует доверять показаниям, а уже задача судьи является чисто техническая, сформулировать меру наказания (в особенности речь идет об уголовных делах). Тонкость в системе суда присяжных в США заключается в том, что присяжные решают вопрос о виновности подсудимого независимо от судьи, их вердикт о невиновности подсудимого обязателен для председательствующего. Профессиональный судья не может дать присяжным какой-либо юридический совет, предупредить возможную ошибку, и даже если он убежден, что вердикт присяжных явно необоснован, ничего не может сделать.[1] И как показывали исследования настоящего времени решения тех же самых судов присяжных разумеется ни коем образом не связаны с правовыми нормами, то есть присяжные избираются из людей которые не являются профессиональными юристами, которые знают очень мало о юридических нормах, и судят на основе тех фактов, о которых им говорит сторона обвинения или сторона защиты. Согласно концепции Джерома Фрэнка, правовые нормы не действуют сами по себе. Ссылка судьи норму - лишь дань мифологическим пережиткам о праве как стабильной нормативной системе и делается она уже после того, как решение фактически созрело в сознании судьи, которому выпал случай решать дело и поэтому право всегда носит характер неопределенности. Никто не может знать «реальное право», пока не последует само решение, вытекающие из конкретного дела, из конкретного случая. Механизм действия права может быть описан совершенно одинаково, базируясь на знании житейского опыта каждого судьи или члена жюри присяжных, которых мы изучаем. Поэтому до тех пор пока судья или член жюри присяжных не приступили к заключению тех фактов, на которых основываются требования\, относящиеся к тому или иному

[1] *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов / 6-е изд. СПб., 2010. С. 562.

делу, по этому вопросу (делу) не существует вообще никакого права. В свою очередь принятое решение не создает правила поведения (норму) для последующих случаев.

Изучение реальной правоприменительной практики показывает, что фактическими мотивами для принятия судьей решения в ту или иную пользу являются такие обстоятельства как: отношение судьи к сторонам процесса, доверие к доказательствам той или иной стороны, уважение к мнению адвокатов, которые представляют интересы сторон, представления о социальной несправедливости, и в малой степени те представления, предсказания, которые судья делает о возможном решении вышестоящей инстанции, а далеко не текст закона. Такое описание, кажется, противоречит самой сущности судебного процесса, ведь судьи верят в то, что они применяют объективное право, а свои субъективные эмоции, симпатии, пристрастия стараются либо подсознательно исключить, либо представить их так, чтобы они не выглядели как решающие факторы при принятии решений. Но для Фрэнка идея о том, что судья может сознательно запретить себе руководствоваться своими эмоциями, сознательными, подсознательными, бессознательными является иллюзией, потому что с психоаналитической точки зрения человек далеко не властен над большинством своих сознательных эмоций, а тем более над своими бессознательными или подсознательными эмоциями. Фрэнк применял психологические наработки Фрейда и его учеников в юриспруденции. Источник этой иллюзии Фрэнк объясняет психологической потребностью судей скрыть свою ответственность за вынесенные решения под ширмой законов. По Френку, есть два мифа, которые предопределяют юридическую жизнь - миф о праве (тот, в котором судья считает себя не связанным со своими собственными убеждениями и фактически прячет за объективные правовые начала свою ответственность) и миф о верховном суде (идея о том, что судьи вышестоящей инстанции могут исправить ошибку инстанций нижестоящих). Последний миф доказывает, что чем выше инстанция, тем меньше у нее полномочий вмешиваться в фактические обстоятельства дела, которые были рассмотрены в нижестоящей инстанции, а решает уже вопросы связанные с правильным толкованием нормы законов и правильности их применения в конкретном деле.

Реалистическая теория права имела много общего с положениями социологической юриспруденции США. Философско-методологической основой концепции Ллевеллина послужили идеи прагматизма. Подобно теоретикам социологического направления в правоведении реалисты подвергли критике юридический позитивизм и призывали исследовать не только правовые нормы, установленные в законах и судебных решениях, но и сам процесс воздействия права на поведение людей. Однако идейные разногласия между реалистами и сторонниками социологической юриспруденции проявились при обсуждении вопроса о том, какое место в правовом регулировании занимают нормативные предписания и правоприменительная деятельность. Применительно к юриспруденции тенденция, которая растворяет право в административном произволе, в конечном счете преобладает среди реалистов, как считали сторонники социологического направления правопонимания. Ее опасность, с точки зрения существования самого права как определенного социального регулятора, была изучена Роско Паундом в его критике правового реализма. В своей работе Роско Паунд критикует отношение реалистов к значению нормы права, а так же принятие текста законов лишь как материал для обоснования судейского произвола.[1] Ллевеллин думал тенденция Паунда к абстракции стало результатом озабоченности концепциями, которые являлись пережитком концептуализма XIX века. Реалисты призывали обратить внимание на зависимость от эмпирических фактов. Широта и глубина суждений Паунда позволило ему осознать ловушки, которые его более узко обученные коллеги не понимают.[2] Его критика 1931 г. содержала аргумент против любых усилий по разработке слишком чистого эмпиризма: «Для того, чтобы значительные факты стали понятными и полезными, они должны быть выбраны по определенному принципу. Какими бы важными они не были, человеческий разум просто действует не на базовой основе этих чистых фактов». Факты не являются надежными априори, считал Р. Паунд[3]

Многие участники движения, подчеркивая практическую направленность реализма, призывали вообще отказаться от теоретических

---

[1] *Pound R.* The Call for a Realist Jurisprudence // Harvard Law Review. Vol. 44. 1931. P. 697.

[2] *Llewellyn K.N.* Pound Exchange over Realism: The Newly Uncovered Private Correspondence, 1927–1931 // Wisconsin Law Review. 1987. P. 921.

[3] *Pound R.* The Call for a Realist Jurisprudence P. 710–711.

исследований в юриспруденции и ограничить ее задачи изучением реальных, эмпирически наблюдаемых фактов. Подобного рода представления сыграли отрицательную роль в развитии реалистической теории права, послужив одной из главных причин, обусловивших довольно низкий уровень ее обоснования по сравнению с иными политико-правовыми учениями того времени. Реалисты не создали целостной, систематически разработанной правовой теории.

Ллевеллин, Фрэнк, Кук и другие реалисты в своих трудах показали, что судебная деятельность имеет значительно более сложный характер, чем ее изображали последователи формально-догматической юриспруденции конца XIX – начала XX в. Правовой реализм в целом представлял собой доктрину, построенную на соединении принципов социологического и психологического подходов к изучению права. Своеобразие этой доктрины заключалось и в том, что практико-прикладная проблематика в ней превалировала над теоретическим содержанием.

Заслугой американского реализма можно считать аргументацию для выяснения конкретных фактов влияющих на исход юридически значимых ситуаций. Изучая психологический настрой, верования и убеждения судей и членов жюри присяжных целью юриспруденции является не изучение абстрактных норм, а выявление мотивов, которые влияют на поведение лиц, которые применяют право, фактически, которые создают право. В этом отношении в данном исследовании рассмотрены два основных направления: нормаскептицизм, в котором утверждается, что судебное решение не предопределяется нормативными текстами законов и прецедентов, но они могут быть предсказаны на основании анализа поведения правоприменителей, и фактоскептицизм, в котором говорится, что поведение судьи вообще невозможно предсказать, потому что в каждом случае мы имеем дело с уникальным набором факторов и нужно принять во внимание слишком много обстоятельств, которые свидетельствуют о психологическом, эмоциональном настрое каждого отдельно взятого судьи и где роль правовых норм сведена на нет. Идеи правовых реалистов первой половины 20 века охватили сразу несколько правовых течений, то есть если сам по себе реализм как философское направление уже не развивается, после того как были сформулированы базовые принципы, то философская проблематика правового

реализма развивалась в различных прикладных направлениях юриспруденции, таких как расовая, феминистская юриспруденция.

Summary

Scientific article deals with the problem of legal consciousness, characteristic of realism as a philosophical and legal trend, the research of positive and negative aspects of the American legal realism, as well as exploring the possibility of the application of this theory in practice, the example of the judicial law-making in the United States . In this research, a comparative analysis of the concepts of Karl Llewellyn and Jerome Frank was made, and the controversy between Charles and Llewellyn and Roscoe Pound ideas regarding theory of legal realism were addressed. This research is significant for modern society, due to the fact that the influence of the realist theory on judicial discretion is not fully understood and requires systematization opinions of scientists and researchers.

Key words: legal consciousness, legal realism, positivism, concept, judicial discretion

Л.Ю. Мидушкина

Была ли концепция справедливой войны авторства Гуго Гроция источником норм современного международного гуманитарного права?

Данная работа направлена на сравнение концепции справедливой войны авторства Гуго Гроция на примере его научного труда «О праве войны и мира» и норм современного международного гуманитарного права, заключенных в положениях Женевских конвенций. Одна из главных целей - выяснить является ли учение Гуго Гроция источником норм международного гуманитарного права. Г. Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» развил систему естественного права, на принципах которой и основана «концепция справедливой войны», которая является обязательной для всех людей и народов. Впоследствии данная концепция оказала большое влияние на развитие международного права.

Международное гуманитарное право в настоящее время является регулятором правил ведения военных конфликтов, что близко по своему смыслу к концепции Г.Гроция. Гуго Гроций считал, что основой международных отношений является не сила, а право и справедливость. В то время как Женевские конвенции основываются на принципах уважения человеческой личности и человеческого достоинства. Таким образом, можно сказать, что рассматриваемые мной принципы имеют одно основание.

Ключевые слова: Гуго Гроций, концепция справедливой войны, международное гуманитарное право, естественное право, Женевские конвенции.

В настоящее время в течение военных действий часто нарушаются нормы международного гуманитарного права, несмотря на то, что многие права закреплены концепцией естественного права, описанной Гуго Гроцием в

его научном труде. Подобный факт сподвиг меня более детально изучить сферу МГП и определить истоки его зарождения, доказывая неотчуждаемость личных прав. Для более полного раскрытия темы были поставлены следующие задачи: изучить первоисточники, провести анализ дополнительной литературы по данной тематике, сопоставить и сравнить нормы МГП и концепции Гуго Гроция.

XVII–XVIII вв. – это эпоха выдающихся достижений философии и науки в Европе. Новое время открывает в новую эпоху в развитие права и экономики. Возникает необходимость в самостоятельных государствах, которые имеют возможность обеспечить развитие и функциональность не только внутренних, но международных связей. На развитие права подобное отразилась в виде того, что правовые учения того времени сделали своим главным предметом изучения и разработки такую отрасль права, как естественное право. Такое новое направление в правоведение получило название «школа естественного права», которая занимала главенствующее место в юриспруденции на протяжении Нового времени. Родоначальником данного направления принято считать голландского юриста, политика и дипломата Гуго Гроция.

Время жизни и деятельности Гуго Гроция (1583–1645) совпало с эпохой начала разложения феодализма. В недрах Западной Европы, прежде всего в городских общинах, уже происходил процесс первоначального накопления капитала и развивались очаги зарождавшегося нового, буржуазного общества. Интересы буржуазного общества, в конечном счете, и выражали произведения Гроция, явившегося одним из создателей буржуазной и прогрессивной науки права.

Гуго Гроций принадлежал к семье ученых: отец его был куратором, а дядя, Корнелис, ректором Лейденского университета. Гуго Гроций в весьма раннем возрасте проявил исключительные научные дарования и уже 14 лет поражал своими знаниями ученых и правителей. Например: будучи в свите посланника Голландии в Париже, он знатно удивил своими знаниями короля Генриха IV, что тот выразил свое восхищение Гроцием. Гроций много времени посвящал изучению произведений древних классиков права и в 1598 г., то есть в свои 15 лет, в Орлеанском университете получил степень доктора прав. Он также выполнял обязанности адвоката в Гааге. Литературное наследие Греция

огромно (свыше 90 работ). Его произведения оказали большое влияние на последующее развитие прогрессивной юридической мысли.

Главную цель права Гроций видел в раскрытии абсолютного, неизменного и неотъемлемого, равного для всех народов, людей и времен права, которое дано самой природой, и потому стоящего выше позитивного права. Гроций раскрывает право в двух значениях. В первом – это моральное качество, которое позволяет человеку иметь определенные вещи или совершать определенные поступки; во втором значении – понятие права отожествляется понятию закона[1].

Если говорить о главном источнике работы, о научном труде Гроция, то в посвящении, которым открывается книга «О праве войны и мира» (1625), указывается, что она написана «в защиту Справедливости»[2]. В нем Гроций разрабатывает идею такого права, которое было бы применимо в любое время, включая и периоды театра войны. Выявить начала справедливости в международных отношениях - основная цель, которую преследует голландский ученый. Бессмысленная жестокость и невероятное кровопролитие, которые обычно сопутствуют военным конфликтам между современными ему государствами, например, в Тридцатилетней войне, встречают тотальное осуждение со стороны Гроция. Ученый оспаривает точку зрения людей, которые утверждают, что в международных отношениях все решает сила и что во время войны всякие законы не действуют. Он пытается иначе разрешить проблему взаимодействия войны и права. Он считает, что ответом на этот вопрос является отделение в законах правил, возникшие «путем установления», от правил, вытекающих «из самой природы» Нетрудно заметить, что здесь Гроций высказывает мысль о существовании так называемого естественного права.

Гроций определяет естественное право как «предписание здравого смысла» [3] ,что выступает критериев для определения дозволенного и недозволенного. Законы естественного права берут свое начало в лоне природы разума, потому они такие же вечные, как и разум. Даже сам Бог не может

---

[1] *Байрачная Л.Д., Данильян О.Г.* Философия права: Учебник. М., 2007. С. 105.

[2] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 642.

[3] Гроций Г. О праве войны и мира. С. 678.

изменить предписаний естественного разума, что доказывает их неотъемлемость.

Таким образом, можно сказать, что источником естественного права является человеческий разум, в котором заложено стремление к спокойному и разумному общению человека с другими людьми.

На этой основе Гроций определяет предписания естественного права (требования разума):

- Воздержись от присвоения чужого.
- Верни чужую вещь, если она оказалось в твоем владении.
- Возмести выгоду за пользование чужой вещью.
- Договора должны выполняться.
- Возмести ущерб, причиненный по твоей вине.
- Воздаяние людям заслуженного наказания [1].

Г. Гроций отчетливо осознавал, что в современном мире нельзя избежать войн. Признавая войны неизбежными, он вместе с тем настоятельно призывал воюющие стороны по возможности смягчать ужасы и жестокости войны; щадить женщин, детей и стариков, по-человечески обращаться с военнопленными, не обрушать гнев победителей на мирных граждан побежденной страны, не допускать напрасных захватов и истребление имущества враждебного народа и т.д. Если же война началась, то она должна вестись ради заключения мира и подчиняться принципам естественного права.

Также Гроций так видоизменил концепцию естественного права, что из нее пропали все теологические корни, присущие периоду феодализма. В результате, главенствующую роль начали занимать политические и правовые аспекты, которые выражали буржуазный характер современности Г. Гроция.

Развивая концепцию естественного права, Гроций создал основы международного права, которыми, в последствии, руководствовались в отношениях с друг другом отдельные развитые государства. Его учение и научные труды в дальнейшем оказали влияние на развитие идеи международного права, которая воплотилась в жизнь при создании Лиги Наций, организации Нюрнбергского процесса и создания ООН[2]. Гроций формулирует

---

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 681.

[2] *Байрачная Л.Д., Данильян О.Г.* Философия права. С. 106.

критерии, которые должны быть выполнены, чтобы государство могло быть полноправным участником мирового сообщества. Не имеет значение размер государства или мощь политического влияния, главное, чтобы государство было стабильным и придерживалось заключенных международных соглашений.

В современном международном праве ощутимо стремление к формированию в системе международного права комплекса норм, непосредственно связанных с правами и свободами личности. В последнее время для обозначения рассматриваемой отрасли предложен термин «международное гуманитарное право»[1].

Международное гуманитарное право и международное право прав человека являются двумя различными отраслями права, которые в то же время взаимно дополняют друг друга. Каждая из этих отраслей права обеспечивает защиту человека от произвола и оскорбительных действий. Права человека неотъемлемым образом принадлежат каждому человеку и обеспечивают его защиту, как в мирное, так и в военное время. Международное гуманитарное право применяется исключительно в ситуациях вооруженного конфликта. Таким образом, во время вооруженного конфликта применяются и право прав человека, и международное гуманитарное право.

Толчком к появлению данной отрасли можно назвать битву при деревеньке Сольферино на территории Италии в июне 1859 г., где сражались друг против друга австрийские и франко-итальянские войска. В результате это битвы на поле осталось 6000 умерших и около 36 000 раненых, которым никто не оказал первую медицинскую помощь. Это оказалось побудительным мотивом создания в 1863 г. в Швейцарии Организации Международного Комитета Красного Креста, а затем созыва в 1864 г. в Женеве международной дипломатической конференции, касающейся положения раненых в ходе конфликта. На этой конференции 22 августа 1864 г. была принята Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, что справедливо относят к началу рождения международного гуманитарного права

Во время войны необходимо соблюдать определенные нормы гуманности даже по отношению к противнику. Эти нормы в основном изложены в четырех Женевских конвенциях и в Дополнительных протоколах к ним:

---

[1] *Фельдман Д.И.* Система международного права. Казань, 1983. С. 62.

- I Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях
- II Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море
- III Женевская конвенция об обращении с военнопленными
- IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны[1].

Женевские конвенции основываются на принципах уважения человеческой личности и человеческого достоинства.

В данных конвенциях рассматриваются вопросы разграничения комбатантов (законных участников войны) и гражданского населения, различения военных и гражданских объектов, защиты, культурных ценностей, режима военной оккупации, обращения с военнопленными, положения раненых и больных, защиты гражданского населения. Особое внимание надо уделить Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (Четвертая конвенция, ратифицирована СССР 17 апреля 1954 г.), а также Дополнительному протоколу от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Именно в них сосредоточены большинство норм международного гуманитарного права, которые можно сопоставить с нормами концепции справедливой войны Гуго Гроция.

Конвенция побуждает находящиеся в конфликте стороны заключать местные соглашения об эвакуации из осажденного или окруженного района раненых и больных, инвалидов, престарелых, детей и рожениц и о пропуске в этот район санитарного персонала. Во всяком случае, ни при каких обстоятельствах не могут быть объектом нападения организованные для оказания медицинской помощи гражданские больницы. Конвенция рекомендует располагать такие больницы как можно дальше от военных объектов. Таким образом, гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, связанных с военными действиями. Протокол I к Женевским конвенциям 1954 г. устанавливает, что при всех обстоятельствах гражданское население и гражданские лица не могут

[1] Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. М., 1994. С. 246.

являться объектом нападений. Акты насилия, связанные с террористическими нападками на населения, недопустимы.

К сожалению, эти нормы грубо нарушались в ходе второй мировой войны. На Международном военном трибунале в Нюрнберге в 1945 — 1946 гг. главным военным преступникам было предъявлено обвинение в преступлениях против мира, нарушениях законов и обычаев войны и преступлениях против человечности.[1] Указание данных положений в качестве основания привлечения лиц к международной уголовной ответственности еще раз подчеркнуло недопустимость жестокого обращения с ранеными, больными, военнопленными, мирным гражданским населением в ходе войны и важность норм международного гуманитарного права.

В заключении, можно сказать, что принципы справедливой войны, сформулированные Гуго Гроцием, и нормы международного гуманитарного права, в частности Женевские Конвенции и Дополнительные протоколы к ним, в большинстве случаев идентичные, а учитывая хронологию, можно утверждать, что научный труд Гуго Гроция «О праве войны и мира» вполне мог стать фундаментом для формирования норм международного гуманитарного права.

Но также, стоит отметить, что в принципах концепции справедливой войны есть некоторые противоречия с нормами современного международного права, что вполне можно объяснить уровнем развития права, как науки, и правопонимания в XVIII веке, особенно международного права. Также в нормах международного гуманитарного права есть принципы, которые привнесены и берут свои истоки в научных трудах других известных правоведов.

Summary

This work focuses on comparison of the concept of just war authorship of Hugo Grotius on the example of his scientific work "On the Law of War and Peace" and norms of modern international humanitarian law, contained in the Geneva Convention. One of the main goals is to find out whether the doctrine of Hugo Grotius is the source of international humanitarian law. Hugo Grotius in "On the Law of War and Peace" has developed a system of natural law that became a

[1] *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. М., 2009. С. 158.

foundation for "the concept of a just war ", which is mandatory for all people and nations. Subsequently, the concept has had a great influence on the development of international law.

International humanitarian law is currently the basement of the rules of armed conflict, which is close in meaning to the concept of H. Grotius. Hugo Grotius believed that the basement of international relations is not a force, but law and justice. Alongside the Geneva Conventions are based on respect for the human person and human dignity. To summarize, it can be said that considered principles have the same basis.

Key words: Hugo Grotius, the concept of a just war, international humanitarian law, natural law, the Geneva Conventions.

Е.В. Миришанова

Психологическая теория права как один из подходов к пониманию права, её сущность и анализ

Статья посвящена осмыслению психологической теории права как одного из типов правопонимания. Цель статьи - проанализировать психологическую теорию права с помощью трудов её основоположника и выявить ключевые положения теории. Раскрывается сущность права, а также рассматриваются различные классификации права. Обосновывается идея о том, что право необходимо искать в психике индивида, а не во внешнем мире. На основе анализа выявляется роль эмоций в возникновении и регулировании права.

Ключевые слова: психологический тип правопонимания, эмоции человека как источник права, интуитивное и позитивное право, два вида этических эмоций: моральные и правовые.

Появление психологической теории связано с процессом становления психологии как самостоятельной отрасли знаний на рубеже XIX и XX вв. Как раз с развитием психологии как науки происходит обновление общей теории права и государства, Л.И. Петражицкий предлагает психологическое воззрение на право. Одна из возможных причин исследовательского интереса к творческому наследию Л.И. Петражицкого состоит в том, что его теория права, в рамках которой понятие права определяется как продукт сложных, эмоционально-интеллектуальных мотивационных процессов в сознании субъекта, предлагала образ права, радикально отличавшийся от современных ему представлений. Ученый не считал возможным рассматривать право как отчужденный от субъекта феномен, никак не связанный с активностью его сознания. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого стала объектом

пристального внимания и исследователей уже при его жизни. Свои отклики на работы Л.И. Петражицкого оставили многие его современники – известные отечественные правоведы и философы: Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Е.Н. Трубецкой, С.А Муромцев, А.А. Исаев, Г.В. Плеханов и др.

В настоящее время в России происходит возрождение интереса к творческому наследию Л.И. Петражицкого. В последние десятилетия появились монографии, научные статьи, посвященные психологической теории и ее основоположнику. Авторы всех наиболее значимых курсов по истории правовых учений обязательно посвящают разделы своих работ психологической теории права (В.С. Нерсесянц и др.). Анализ творчества Л.И. Петражицкого, как правило, проводится на основе его труда «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», где изложены основные положения психологической теории права. Наиболее значительными специальными работами по теме исследования, изданными в последние годы в России, являются труды профессоров И.Ю. Козлихина и А.В. Полякова, доцента Е.В. Тимошиной, подготовленные на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

В настоящей статье исследуется система правовых идей о сущности права, сложившаяся у Л.И. Петражицкого, а также критика различных аспектов психологической теории права со стороны других специалистов.

Согласно психологической теории государство образовалось в результате деления общества по психологическим признакам: одни индивиды способны только подчиняться и подражать, другие способны и хотят управлять. Право коренится в психике индивидов. Эмоции, то есть импульсивные переживания, заставляющие человека совершать определенные действия, служат главным побудительным элементом психики. Именно они заставляют людей совершать поступки. Л.И. Петражицкий писал: «Мы переживаем ежедневно многие тысячи эмоций»[1]. Одни эмоции он называл жизнеобеспечивающими эмоциями

[1] *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2005.

(в качестве примеров можно привести такие, как жажда, голод, сон), другие - этическими эмоциями. Именно благодаря этическим эмоциям человек и проявляет себя как социальное существо. Этическая эмоция — это внутреннее повеление индивида, которое всегда направлено на других людей. Этические эмоции в свою очередь бывают двух видов: моральные и правовые. Моральные эмоции (то есть односторонние) это переживания только нашего долга по отношению к другим, без признания за другими права требовать исполнения этого долга. Он приводил такой пример: Если мы подаем из чувства долга милостыню, то у нас не возникает представлений, что нищий вправе требовать какие-то деньги. Второй вид – правовые эмоции, это переживания нашего долга по отношению к другим, с признанием за другими права требовать исполнения этого долга (Пример: работодатель признает за рабочими право требовать оплаты их труда). Правовые эмоции являются двусторонними, а возникающие из них правовые нормы носят атрибутивно-императивный (предоставительно-обязывающий) характер. Л.И. Петражицкий исходил из того, что право коренится в психике индивида. Он утверждал: «Юрист поступит ошибочно, если станет отыскивать правовой феномен «где-то в пространстве над или между людьми, в социальной среде» в то время как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там». То есть, согласно психологической теории , источником права выступают эмоции человека, а психика людей - фактор, определяющий развитие общества, в том числе его мораль, право, государство. Право начинается не с исполнения обязанностей «посторонними лицами», а с «самих обязанных». Это и является фундаментом, на котором может быть построено здание правовой культуры, прочного и стабильного правопорядка.

Л.И. Петражицкий разделял тезис о том, что право содержит в себе совмещение свободы одних со свободой других, устанавливает мир и порядок в обществе. Психологическая теория права различает позитивное право, официально действующее в государстве, и интуитивное право, истоки которого

коренятся в психике людей и складываются из того, что они, их группы и объединения переживают как право:

1) позитивное право – действующие нормативные правовые акты, право, установленное государством, волей законодателя;

2) интуитивное право - право, с которым человек в своих отношениях с другими людьми, сталкивается на каждом шагу.

Действие права состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, в-третьих, в воспитании народной психики, в очищении от злостных, антисоциальных склонностей, в укреплении противоположных склонностей.(педагогическое действие права), что подтверждают слова Льва Петражицкого: «Миссия будущей науки политики права состоит в сознательном ведении человечества в том же направлении, в каком оно двигалось пока путем бессознательно-эмпирического приспособления, и в соответственном ускорении и улучшении движения к свету и великому идеалу будущего». При решении вопроса о возникновении права, нравственности и т.п., их развитии, изменениях в содержании обязательного по праву или нравственным предписаниям поведения и тому подобных вопросов невозможно было бы игнорировать общество, социальную среду, но особенностью психологической теории как раз и является изучение права как фактора и продукта социально-психологической жизни. Л.И. Петражицкий говорит даже о законах массовой психологии, о процессах, аналогичных борьбе за существование и естественному отбору, которые он называет «эмоциональным подбором».

С опубликованием первых трудов Петражицкого о эмоциональной теории права в юридической науке возникло неоднозначное к его теории отношение. Ничего нового в теории Петражицкого не увидел историк русского права профессор В.И Сергеевич. Он отмечал, что у Петражицкого

правом считается и заключение договора с дьяволом [1]. Критикой психологической теории права занимались и другие известные правоведы, такие как Б.Н. Чичерин, П.И.Новгородцев и др. Одни считали, что недостатки психологической теории заключаются в индивидуальном характере нормы права, которую рассматривал Л.И. Петражицкий, и пытались защитить право от дальнейшей субъективизации. Б.Н. Чичерин справедливо подчеркивал, что право признает реакцию одного индивида на действие другого, а это немыслимо без общего закона, признаваемого всеми. Право обращено, прежде всего, ко многим, но не обязательно, чтобы все, к кому обращено право внутренне переживали, эмоционально чувствовали ту или иную норму права.

П.И. Новгородцев считал, что юриспруденция не должна заниматься психологическим анализом правовых переживаний, не должна жертвовать наукой ради казуальности. Он упрекал Л.И. Петражицкого в чрезмерном размывании самого понятия «право», отмечая, что согласно логике данной теории, явлением права может быть игра в карты, фантазии сумасшедшего и т.д.[2].

В советский период прослеживается определенный общественный интерес к психологической теории (она сохраняла свое влияние благодаря работам известных советских правоведов - М.А. Рейснера, П.И. Стучки, Е.Б. Пашуканиса), однако, в силу монополии идеологической доктрины обращение к наследию ее автора было односторонним, поверхностным и не преследовало цели выявить ее подлинную сущность.

Автор новой концепции коммуникативного правопонимания А.В. Поляков не согласен с выделением Л.И. Петражицким лишь двух реальностей - физической и психической, поскольку еще со времен Платона известен и ее третий вид - мир чистого смысла и идей. Без признания этой сферы трудно объяснить существование объективного права.

---

[1] *Сергеевич В.И.* Мой ответ г. Петражицкому. СПб., 1910.

[2] *Новгородцев П.И.* Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник, 1913.

Подводя итог рассмотрению психологической теории права, необходимо отметить следующее. Психологическая теория права значительно отличается от традиционных воззрений в области юриспруденции, тем, что выдвигает новую точку зрения на явления права и нравственности, намечает новые темы для новых исследований. Данная теория обращает внимание на психологические процессы, которые тоже выступают реальностью наряду с процессами экономическими, политическими и т.д. Нельзя издавать законы (т.е. творить позитивное право) без учета социальной психологии, нельзя применять их, не учитывая психологического мира индивида. Ценно в этой теории то, что она акцентирует внимание на эмоциональной стороне человеческого поведения. Однако она преувеличивает роль психологического фактора в правовой жизни, например, при рассмотрении права не как реальности, а лишь как комплекса "психических переживаний", а также утверждая, что права и обязанности существуют лишь в сознании того, кто в данную минуту переживает правовые мысли. Не смотря на это, возникновение психологической теории происхождения государства было в определенной степени большим прорывом в юридической науке. Интерес обществоведов к проблемам психологической науки заметно возрос, когда в ней возобладали экспериментальные методы исследований и начали складываться крупные школы, расходившиеся в трактовке психики. Воспринятые социологами и юристами идеи этих школ и положили начало формированию новых направлений в юридической науке.

А.П. Оганесян

Понятие «судейское усмотрение» в работах армянских правоведов

Предметом исследования данной статьи являются труды армянских учёных о судейском усмотрении и их теоретические разработки. Автор рассматривает проблему многосторонности данной дефиниции, неоднозначность в её толковании. Актуальность исследования сохраняется и на сегодняшний день, так как формулировка чёткого представления понятия «судейское усмотрение» имеет огромное значение для практического применения права. Труд может быть использован для дальнейших теоретических

исследований и поможет сформулировать представления Э.Г.Вартапетяна, А.Гамбаряна и Р.С. Данелян об усмотрении судьи.

Ключевые слова: судейское усмотрение, судейское усмотрение как необходимость, судейская необходимость как сфера судебной политики, философско-правовое объяснение судейского усмотрения, принцип индивидуализации наказания.

Проблема выявления понятия «судейское усмотрение» обсуждалась многими теоретикам и известными учёными права не только в Армении, но и в других странах. Юристы рассматривали многие научные концепции и выделяли своё понятие, характеризуемое определёнными признаками. Однако одной из общих черт в работах правоведов из разных стран было понимание актуальности и необходимости исследования данной дефиниции.

По мнению Л.Н. Берг, государства, вовлекаясь в процесс интеграции, параллельно формируют и совершенствуют становление правового государства. Особой же властью правового государства является судебная власть. «Эффективная деятельность данной ветви власти в вопросах защиты права до конца не решена»,- отмечает правовед. Она пишет: «Чёткое представление о том, что есть судебное усмотрение, о его видах и пределах имеет огромное значение для правоприменительной деятельности». Именно поэтому актуально выделение правильного и точного понятия «судейское усмотрение»[1].

Деятельность же армянских юристов, их труды помогут понять, как представляют понятие «судейское усмотрение» жители относительно небольшой страны. Кроме того, некоторые правоведы Армении (в частности, Э. Вартапетян, А. Гамбарян и Р. Данелян) изучали понятие «судейское усмотрение» на примере российского законодательства, обсуждали и систематизировали работы иностранных коллег. Это лишний раз подчёркивает актуальность изучения данного термина.

Но проблема заключается в том, что понятие многостороннее, имеет много противоречий из-за того, что теоретических определений множество, но какое конкретно универсальное и более точное – не понятно и официально не установлено. Отсюда возникает тезис моей работы: точное понятие «судейское усмотрение» ещё не сформулировано, однако существует несколько понятий, каждое из которых по-своему объяснено правоведами.

---

[1] *Берг Л.Н.* Судейское усмотрение и его пределы (Общетеоретический аспект). Автореф. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 3.

Целью научного исследования является анализ и рассмотрение «судейского усмотрения» с различных сторон армянскими учёными и правоведами, подтверждения гипотезы о том, что точного и конкретного понятия не существует и что разные учёные видят отдельные аспекты дефиниции.

В рамках данного исследования предполагается осуществить следующие задачи:

- анализ научных трудов Э.Г. Вартапетяна, А. Гамбаряна, Р.С. Данелян ;
- выявление понятия «судейское усмотрение» в каждой работе;
- рассмотрение проблемных вопросов в каждой работе (нахождение противоречий, нескольких несоответствующих друг другу точек зрения) и сравнение их решений.

Эрик Вартапетян, будучи в 2007 г. аспирантом Московской Государственной Юридической Академии им. О.Е. Кутафина, написал статью «Судейское усмотрение как необходимость». В своей работе автор выделяет такие проблемы, как ограниченность закона (что непосредственно ведёт к обязанности судьи рассмотреть данное дело, исходя из своих убеждений) и отсутствие единой общепринятой формулировки понятия «судейское усмотрение», что приводит к появлению различного толкования данного термина.

Автор приводит в пример несколько точек зрения, раскрывающих суть дефиниции. Точка зрения одной группы правоведов делает самым главным критерием усмотрения опору на закон. Например, Н.Б. Зейдер в своей работе «Судебное решение по гражданскому делу»[1] писал, что судейское усмотрение заключается в компетенции суда конкретизировать спорные вопросы в законе. К. Комиссаров[2] же акцентировал своё внимание на том, что судья при отсутствии прямого решения должен выбрать наиболее подходящее решение, исходя из того, что предполагал законодатель.

Э.Г. Вартапетян также пишет о других учёных, которые рассматривают в своих работах определённые принципы. Он приводит точку зрения А. Боннера,

---

[1] Цит. по: *Вартапетян Э.Г.* Судейское усмотрение как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 384.

[2] *Вартапетян Э.Г.* Судейское усмотрение как необходимость. С. 385.

который считает, что суд должен решать вопросы согласно «обстоятельствам дела, общих положений закона, принципов права, экономических законов развития общества и норм морали»[1]. Однако получается, что при таком большом количестве учитываемых принципов остаётся минимальное место для воли судьи. Несмотря на это, М.И. Брагинский[2] также считает, что судейское усмотрение должно исходить из принципов «разумности, добросовестности, целенаправленности и моральности».

А. Барака можно отнести к группе, которая считает что работа судьи - выбор из законных альтернатив, которые предусмотрены для решения какого-либо конкретного дела[3]. Так же считал и учёный И. Петрухин, и Д.М. Чечот, писавший о свободе судьи в выборе решения[4].

Для армянского учёного наиболее полным является определение О. Папковой, которую лучше отнести к последней выделенной нами группе. Она считала, что судейское усмотрение – «предусмотренная юридическими нормами, осуществляемая в процессуальной форме, мотивированная правоприменительная деятельность суда, состоящая в выборе варианта решения правового вопроса, имеющая общие и специальные пределы»[5]. Однако даже решение этих правовых вопросов должно происходить в соответствии с законом. И всё же, на мой взгляд, часть определения довольно туманна, тогда как я считаю, что полное определение должно содержать конкретику и ясность, чтобы судья смог реализовать его в жизни.

Также спорно положение Э. Вартапетяна о мнении Рональда Дворкина. Автор статьи заявляет, что у Р.Дворкина нет судейского усмотрения[6]. Нельзя с этим согласиться: Дворкин хоть и не прямо, но даёт понять, что усмотрение существует в слабом смысле (оценке, пересмотре решений) и сильном смысле (когда общие стандарты рациональности, справедливости и эффективности

---

[1] *Боннер А.Т.* Применение закона и судейское усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 36.

[2] *Брагинский М.И.* Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1995. № 7. С. 99.

[3] *Барак А.* Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13.

[4] *Чечот Д.М.* Административная юстиция (проблемы применения). Л., 1979. С. 68, 72.

[5] *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М., 2005. С. 39.

[6] *Вартапетян Э.Г.* Судейское усмотрение как необходимость. С. 386.

имеют главное значение)[1]. Это ещё раз подчёркивает проблему обширности понятия и разного понимания даже мнений, приводимых уважаемыми правоведами. Именно из-за них и возникают противоречия.

Следующий проблемный вопрос, который затрагивает армянский учёный, – принципы судейского усмотрения. Он выделят свободу как основной принцип, но отмечает, что она проявляется при применении факультативных норм. В работе упоминается про ограничительный характер свободы, так как, несмотря на наличие таких конструкций как «суд вправе», законодатель может ограничивать свободу усмотрения. Ведь недопустимо, чтобы суд «брал на себя функции законодателя, подменял его»[2], иначе произойдёт смешение функций ветвей власти. Возникает противоречие: как использовать свободу судьям, если они не могут поставить себя на место законодателя и попытаться выявить скрытые цели и смысл? Ответ на этот вопрос также не раскрыт в труде учёного.

Более того, исходя из суждений Э. Вартапетяна, можно предположить, что именно излишняя свобода и приводит к судейскому произволу. Прикрываясь «маской закона», судья временами совершает несправедливые поступки.

В итоге автор при помощи своих суждений и примеров, на основе Гражданского Кодекса, Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации, подчёркивает, что данное необходимое понятие имеет свои недостатки, недоработку, и всё же пишет, что оно должно строиться на определённых общепринятых принципах, что эта дефиниция необходима в правоприменительной практике.

Артур Гамбарян, кандидат юридических наук, доцент, старший прокурор Отдела Правовой поддержки Европейской интеграции Генеральной Прокуратуры Армении, писал о том, что судейское усмотрение неразрывно связано с выбором, который возникает при решении какого-либо дела, а значит, это – явление, существующее в любой правовой системе.

Актуальность обсуждения данного вопроса автор подтверждает спорами между юристами, которые начались в то время, когда влияние позитивизма

---

[1] *Дворкин. Р.* О правах всерьёз. / Пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой; отв. ред. Л.Б. Макеева. М., 2004. С. 59.

[2] *Вартапетян Э.Г.* Судейское усмотрение как необходимость. С. 389.

начало уменьшаться. Для учёных было важно понять: существует ли судейское усмотрение и необходимо ли его наличие.

Одной из самых ярких полемик оказались обсуждения между Г. Хартом и Р. Дворкиным. В то время как Г. Харт считал, что именно из-за пробелов в законодательстве и возникает судейское усмотрение, Р. Дворкин утверждал, что «право - самодостаточная система»[1] и что при решении споров судья должен опираться на нравственность и моральные устои общества. Для последнего правоведа судья – некий Геркулес, который способен, проведя сложный анализ принципов и правил, справедливо решить исход дела.

Некоторые теоретики дискутируют по поводу соотнесения понятий «судейская политика» и «судейское усмотрение». Однако между данными дефинициями нельзя ставить знак «ровно». Они различаются в своей «институциональной плоскости»[2]. Так, только высшие суды могут использовать судейское усмотрение как часть своей судебной политики. Более того, судейское усмотрение возможно на всех этапах деятельности по применению права, в то время как судебная политика касается лишь вопросов, имеющих общегосударственную значимость.

Армянский теоретик также приводит к выводу, что особую роль в проблеме играет то, что, хоть понятие и упоминается в постановлениях Конституционного Суда РА, актах Кассационного суда РА, данная дефиниция законодательно не определена ни в одном нормативно-правовом акте Республики Армения.

Именно из-за этого исследователь пытается отыскать определение дефиниции в различных словарях[3]. Общим можно назвать стремление лингвистов выделить в определении «судейского усмотрения» такие качества, как наличие присущего лично человеку мнения, воли, которая сформировалась как часть его мировоззрения в результате выбора. Также нередко лингвисты соотносят понятие «судейское усмотрение» с понятием «дискреционное

---

[1] *Dworkin R.* Judicial Discretion // The Journal of Philosophy. 1963. Vol. 60, No.21. P. 624–638.

[2] *Гамбарян А.* Судейское усмотрение как сфера судебной политики // Вектор науки ТГУ. 2011. №2 (5). С. 26.

[3] *Агаян Э.Д.* Толковый словарь современного армянского. Ереван, 1976. С. 811. *Джаукян Г.Б.* Толковый словарь современного армянского языка. Т. 3. Ереван, 1974. С. 283.

полномочие», что означает возможность какого-либо органа принимать целесообразные решения.

Более углублённо автор рассматривает и отдельные труды известных правоведов, объединяя их взгляды в теоретические группы. Первая группа считает главной основой судейского усмотрения свободу и субъективность права. Однако исследователь отмечает невозможность субъективности понятия «судейского усмотрения» в силу того, что решения принимаются на благо общества и согласно принципам, принятым в нём. Также за этим решением осуществляется особый контроль, что не характерно для простого волеизъявления.

Сторонники второй группы пишут о рассмотрении конкретного юридического дела и связи судейского решения с «психологической и интеллектуальной деятельностью судьи» [1]. Здесь акцент делается на субъективном аспекте. В таком контексте писала Погорелова Н.С.

Третью теоретическую группу в классификации А.Гамбаряна образуют теоретики, которые считали основной характеристикой усмотрения судьи и её важнейшим компонентом выбор для того, чтобы найти наилучшее решение для данного дела. К этой группе исследователь относит О. Попкову, определение которой считал полным в своей работе Э. Вартапетян.

Именно из-за множественных теорий выделяют многие виды усмотрения, которые рассматривает в своей работе А. Гамбарян [2]. Например, сильное усмотрение и слабое существуют в концепции Р.Дворкина. Р.Патенден отмечает открытое, скрытое, отклоняющееся усмотрение. Наиболее приемлемой считается классификация на: усмотрение, возникающее на основании относительно-определённых норм; возникающее на основании аналогии права и закона; возникающее на основании оценочных правовых понятий и возникающее на основании коллизионных норм.

Казалось бы, такая достаточно хорошо развитая теоретическая база предполагает воплощение её в жизнь. Однако на практике именно из-за того, что судьи по-разному понимают меру и предел своего судейского усмотрения, принимают во внимание разные принципы, нередко возникают правоприменительные ошибки.

---

[1] *Гамбарян А.* Судейское усмотрение как сфера судебной политики. С. 29.

[2] *Гамбарян А.* Судейское усмотрение как сфера судебной политики. С.30–31.

Несмотря на это, А. Гамбарян считает, что судейское усмотрение помогает судебной власти осуществлять свои функции. Закон не всегда сможет предусмотреть все изменения, произошедшие в обществе, именно поэтому судья, опирающийся на общепринятые нормы и принципы, сможет справедливо решить исход дела.

Перейдём к рассмотрению точки зрения еще одного армянского правоведа, Риты Суреновны Данелян, кандидата юридических наук и доцента[1], которая обращается к философско-правовой стороне данного вопроса. Она пишет, что сначала появилось такое понятие, как «принцип индивидуализации наказания» в работе Карла Маркса[2]. Однако отмечалось, что данный принцип должен осуществляться не судьёй, он писал, что каждое правонарушение влечёт за собой определённое наказание, но если этим будет заниматься судья, то это станет началом судейского произвола.

Несмотря на то, что сама Р.С. Данелян считает, что необходимо сузить судейское усмотрение для повышения авторитета суда, она обращается также к работам В.И.Ленина[3], который писал о том, что необходимо брать во внимание «местные особенности». Но правовед считает, что во времена В.И.Ленина суду предоставлялись широкие полномочия из-за того, что закон не мог регулировать все возникающие правовые ситуации. Сейчас, несмотря на то, что Россия давно преобразилась, судейское усмотрение становится только шире, хотя, как пишет Р.С. Данелян, можно считать задачи индивидуализации наказания задачами закона.

Обращаясь к советским исследованиям для рассмотрения истоков широкого усмотрения, Р.С. Данелян приходят к выводу, что индивидуализация наказания предполагает справедливое наказание и меры, применяемые к правонарушителю. Рассматривая данные аспекты, об индивидуализации наказания писали И.И.Карпец[4], Л.Л.Кругликов[1], Н.Ф. Кузнецова[2], Б.А. Куринов и другие.

---

[1] *Данелян Р.С.* Судейское усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты. М., 2007.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. С. 34.

[3] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинение. Т. 39. С. 155–156.

[4] *Карпец И.И.* Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 10.

Считалось также, что суд обязан помнить о законе, в частности о принципах равенства всех перед судом, принципах справедливости. Однако армянский правовед считает, что эти функции вполне мог выполнить и законодатель, тем самым подчёркивая, что нельзя доверять судьям, этим «почтенным и благопристойным особам»[3].

И всё же, стараясь рассмотреть данную проблему с разных точек зрения, кандидат юридических наук приводит в пример мнение профессора М.В. Баглая, написавшего вступительную статью для книги А.Барака[4]. Он считает необходимым судейское усмотрение. Р.С. Данелян соглашается с профессором Баглаем в том, что судейское усмотрение тесно связано с толкованием. Но тут возникает следующая проблема: как истолкует закон судья? Слова в языке достаточно двусмысленны. Судья же, выбирая тот или иной смысл, должен ко всему этому также попытаться выявить цель и замысел законодателя. Здесь армянский правовед признаёт, что судейское усмотрение неизбежно. И всё же оно должно быть в рамках разумности, отличающейся способностью меняться и преобразоваться[5].

Несмотря на то, что кандидат юридических наук считает, что понятие проблемно, она приводит некоторые общие положения для попытки разъяснения термина. Для философов судейское усмотрение – выбор соответствующих делу фактов, выбор наиболее подходящего метода применения решения и выбор среди нормативных возможностей. Однако представители данной науки также признают наличие абсолютного судейского усмотрения.

Более того, базовой структурой для исследуемой нами дефиниции называются справедливость, мораль и честность. Учёные науки, изучающей реальность и познание, считали, что именно судья через эти основы сможет отобразить ценности всей нации.

---

[1] *Кругликов Л.Л.* Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации. Автореферат дисс….д-ра юрид. наук. М.,1985. С. 11–12.

[2] *Кузнецова Н.Ф., Куринов Б.А.* Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 92.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 34.

[4] *Барак А.* Судейское усмотрение.

[5] Философский словарь. М.,1986. С. 402–403.

Таким образом, анализируя философские понятия и понятия теоретиков-юристов, можно сказать, что в этой работе отображена следующая главная мысль: судья как человек, способный рассматривать правовые ситуации, не отображённые в законе или отображённые неясно, должен помнить про осуществление своей главной цели – восстановление справедливости.

Э. Вартапетян, А. Гамбарян и Р. Данелян являются современными теоретиками права. Анализируют эти исследователи применение дефиниции «судейское усмотрение» в работах и трудах учёных разных стран. Касательно Армении её рассматривает лишь А. Гамбарян. Соответственно, эта работа будет полезна для ознакомления и российским юристам. Перейдём же непосредственно к выводам.

На основе их работ можно сделать вывод: армянские правоведы не выводят чётко своего определения судейского усмотрения. Скорее, их задачей было объединить учения нескольких правоведов для освещения уже выдвинутых в науке точек зрения. Начальная гипотеза подтвердилась: понятие обширно, до сих пор чётко и ясно не сформулировано. В работах можно увидеть три понимания судейского усмотрения: судейское усмотрение как неотъемлемая часть общества; судейское усмотрение как сфера судебной политики, часть судебной власти; судейское усмотрение как философско-правовая дефиниция, сдержанная в пределах справедливости, морали.

Несмотря на схожесть, внутри этих статей приводятся примеры проблемных элементов различных концепций. Например, спорным остаётся проблема видов судейского усмотрения, от которых зависит свобода судьи; также некоторые особенности проявляются лишь в отдельных отраслях права (например, Р.С. Данелян писала, что в уголовном судопроизводстве судья не может судить по аналогии). Возникает также вопрос предотвращения ошибок и произвола, который рассматривается по-разному учёными.

Следует отметить, что чёткое понятие судейского усмотрения не прописано в законе (ни Российской Федерации, ни Армении). Имеются некоторые языковые конструкции типа «суд вправе», но каждый судья по-своему понимает эти выражения: нет чёткого ограничения, предела. Одним из «ограничителей» судейского усмотрения являются законные нормы. Но что делать, когда сам закон не предусматривает конкретные полномочия судьи в данном аспекте? Вопрос до сих пор остаётся без ответа.

Следовательно, самым важным является сейчас, на мой взгляд, продолжение развития научной разработки понятия и соотнесение его с реальностью. На данный момент, согласно работам Э. Вартапетяна, А. Гамбаряна и Р.С. Данелян, судейское усмотрение – необходимая сфера судебной политики, представляющая собой определённые полномочия судьи, ограниченные законом, принципами справедливости и моральными устоями в обществе.

Summary

The subject of this research is the studies of Armenian scientists about judicial discretion and their theoretical developments. The author considers the problem of the versatility of this definition, the ambiguity in its interpretation. The relevance of research persists nowadays because the formulation of a clear idea of «judicial discretion» has a great importance for the practical application of law. The study can be used for further theoretical research and can help to formulate concepts about judge's discretion made by E.G. Vartapetyan, A. Gambaryan, R.S. Danelyan.

Key words: judicial discretion, judicial discretion as a necessity, judicial discretion as a sphere of judicial policy, legal and philosophical explanation of judicial discretion, the principle of individualization of punishment.

М.В. Политико

Юридическое отношение согласно взглядам Г.Ф. Шершеневича

Статья посвящена конструктивному осмыслению и раскрытию такого правового термина, как «юридическое отношение». В рамках статьи было проанализировано толкование термина «юридического отношение», данное Г.Ф. Шершеневичем, сравнение основных положений и концепций, данных ученым, с теориями других видных европейских теоретиков и выведение общих и различных дефиниций, касаемо рассматриваемого вопроса. Проанализированы основные труды в сфере теории права одного из выдающихся отечественных ученых – правоведов Г.Ф. Шершеневича и других ученых, вовлеченных в раскрытие задач, описанных ранее.

Ключевые слова: юридическое отношение, признаки юридического отношения, объективная и субъективная сторона юридического отношения, объект права, субъект права, субъективное право, юридическая обязанность.

Юридическое отношение – один из тех специфических институтов права, затрагивающий практически все сферы частноправовых отношений. Исходя из этого, само явление юридического отношения представляет особенную значимость и ценность для изучения со стороны многих ученых –

теоретиков в области гражданского права. Среди таких ученых, особое положение занимает Габриэль Феликсович Шершеневич.

Итак, для начала, необходимо выявить основные моменты его биографии и научные достижения как прямо, так и косвенно касающиеся рассматриваемой темы. Г.Ф. Шершеневич – русский ученый-цивилист, профессор Казанского и Московского университетов. Свою правоведческую деятельность Шершеневич начал именно в столице нынешней республики Татарстан, когда поступил на юридический факультет Казанского университета. Несмотря на достаточно долгую научную деятельность в сфере торгового права, Г.Ф. Шершеневич, после назначения на пост профессора кафедры торгового права и торгового судопроизводства Казанского университета, перемещается на кафедру гражданского права и судопроизводства. В рамках научной деятельности в вышеупомянутом университете, ученым были написаны следующие труды, ставшие одной из основ отечественного гражданского права: «Наука гражданского права в России» (1893), «Учебник русского гражданского права» (1902), «Курс гражданского права» (1901 – 1902) и другие не менее значительные труды и монографии[1].

Таким образом, Г.Ф. Шершеневич являлся весьма компетентным теоретиком в решении правовых вопросов, а, конкретно, вопросов цивилистики. В рамках же данной научной статьи, будет затронута только одна, но достаточно значительная тема в сфере гражданского права - юридическое отношение. Шершеневичем были рассмотрены и проанализированы взгляды таких видных теоретиков различных эпох, как Савиньи, Дернбург, Беккер и т. д. Не обделил вниманием он и отечественных цивилистов, например, Коркунова[2] с его трудом по «Теории права».

Прежде всего, хотелось бы начать с содержания такого обширного правового явления, как «юридическое отношение», или же, иначе говоря, его строения. Итак, в начале, необходимо дать определение этому термину согласно точке зрения ученого, которую он выразил в одном из выпусков своего труда по «Общей теории права»: «юридическое отношение есть та сторона бытового, жизненного отношения между людьми, которая определена

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права (по изданию. 1914 г.). М.. С. 335.

[2] *Коркунов Н.* Лекции по общей теории права. СПб., 1897. С. 140–141.

нормами объективного права». Данное определение можно условно разделить на две смысловые части. Первая: «юридическое отношение – это сторона бытового, жизненного отношения между людьми». В данном тезисе в понятной мере выражается взгляд ученого не только с теоретической стороны вопроса, но и с практической или, скорее, житейской ее части. Под формулировкой же второй части подразумевается, что юридическое отношение, как явление, не может быть регламентировано кем-либо конкретно, а может быть сформулировано лишь согласно объективной действительности.

Помимо Шершеневича, многие ученые-теоретики занимались вопросом генезиса юридического отношения и соотношения этого правового термина с другими. Так, например, С.А. Муромцев достаточно серьезно занимался проблемой разграничения понятий «юридическое отношение» и «правовое отношение»[1]. В его теории, юридическое отношение выступает лишь как правоотношение в узком смысле понимания. В дополнение к этому, не менее видный ученый в сфере теории права, С.С. Алексеев рассматривал генезис юридического отношения, а, конкретно то, что отправными точками в формировании этого термина являются реальные фактические отношения[2].

Взяв во внимание концепции теорий ученых, описанных выше, а также результат анализа основных трудов Г.Ф. Шершеневича, можно выделить ряд основных признаков, свойственных юридическому отношению:

1) Возникновение юридического отношения берет свое начало из отношений, которые возникают между лицами, основываясь общими правилами поведения, учрежденные государством;

2) Степень развитости юридических отношений обусловлена уровнем социально – экономического и духовного развития общества;

3) Волевой характер юридического отношения. Стороны юридического отношения, руководствуясь волей, действуют в рамках законодательства и опираются на конкретные цели, тем самым, действую непроизвольно;

4) Связь между лицами в рамках юридического отношения основывается на субъективных правах и обязанностях, фиксирующих меру

---

[1] *Муромцев С.А.* Очерки общей теории гражданского права. Ч. 1. М., 1877. С. 44.

[2] *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 90.

должного поведения (данные институты правового отношения будут рассмотрены в дальнейшем);

5) Каждое юридическое отношение носит индивидуализированный характер, который регламентирован нормами права.

Примечательно к третьему пункту признаков, можно отметить противоположную точку зрения, сторонником которой является М.М. Агарков[1]. В ней, он отмечает отсутствие волевого характера юридического отношения в связи с тем, в ряде случаев правоотношения определенного вида (процессуальные) могут пройти все стадии своего развития помимо волевых актов их участников

Стоит отметить тот факт, что юридическое отношение, как, собственно, и право, может трактоваться по – разному, исходя из его объективного и субъективного смысла. В первом случае, данный вид отношений возникает только в случае наличие двух обстоятельств: первое – действие бытовового отношения, второе – вмешательство объективного права. Иначе, говоря словами самого ученого: «Юридическая сторона возникает в бытовом отношении, как только в него вмешивается объективное право, и юридическая сторона исчезает, как только объективное право перестает определять бытовое отношение присущими ему средствами». В данном виде, описываемая теория во много схожа с концепцией Савиньи о Римском праве[2], которая и подтверждает воззрения Г.Ф. Шершеневича. В случае восприятия юридического отношения со стороны субъективного смысла, необходимо наличие большего количества необходимых элементов: с точки зрения публичного права, это: субъект, объект и правовая обязанность; с точки зрения частноправовой сферы отраслей права: субъект, объект, правовая обязанность и субъективное право. Некоторое различие, во – многом, объясняется тем, что в сфере публичного права не обязательно наличие заинтересованности субъекта в реализации тех или иных правил поведения. Само же юридическое отношение в его субъективно-смысловом понимании заключается в том, что данная форма отношения обязательно должна быть

[1] *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. I. М., 2002. С. 191.

[2] *Савиньи Ф. К.* Система современного Римского права. Т. I. М., 1995. С. 115–121.

связана с субъектом права или же обязана быть ему присвоена с той целью, чтобы в процессе субъектной активности возникали юридические последствия.

Так как юридическое отношение – это специфический институт, имеющий ряд собственных элементов, необходимо разобрать каждый из этих элементов в отдельности. Субъект юридического отношения – один из важнейших структурных элементов юридического отношения, который, согласно теоретическим взглядам Г.Ф. Шершеневича, употребляется в ряде его трудов исключительно, как субъект права. Итак, субъект юридического отношения (субъект права) - «это тот, кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право» (иначе, субъект права можно называть лицом). Ни один человек не может стать субъектом права, если он не будет существовать ряда специфических обстоятельств, таких как правоспособность и дееспособность. Шершеневич по-своему дает определение двум этим понятиям. По его мнению, правоспособность или «правовая личность» - это «способность стать и быть субъектом права». Что же касается дееспособности, то у теоретика также есть ряд тезисов касаемо этого вопроса. Во – первых, он выделяет активную и пассивную дееспособность. Главное их различие состоит в продукте активности лица в рамках юридического отношения: в первом случае – это право лица, а во втором – обязанность. Также, Г.Ф. Шершеневич, уже наряду с другими учеными – правоведами, выделяет общую и специальную дееспособность, и это разграничение уже зависит не от самого лица, а обстоятельств, в сфере которыхлицо осуществляет свою деятельность.

Следующим, по правовой логике, элементом института юридического отношения является объект права. Данному элементу Г.Ф. Шершеневич уделяет весьма серьезную долю своего внимания, так как, по его мнению, изначально, объект права разъяснить и раскрыть весьма непросто. Путем достаточно скрупулезных размышлений, теоретик приходит к одному из выводов, каким образом возможно дефинировать это понятие: объект права – это «все то, и только то, на что направляется известная деятельность какого-нибудь определенного субъекта, требуемое нормами права поведение обязанного, который руководствуется волей». Проанализировав данный тезис, возможно формулирование более подробного описания объекта юридического отношения. Главным словом, которое можно вычленить из вышенаписанного

понятия, является воля. И воля эта должна обязательно исходить от субъекта, иначе ни о какой реализации юридического отношения не может быть и речи, собственно поэтому Г.Ф. Шершеневич и выделяет в собственном термине не субъекта, а, именно, «обязанного». Ученым в достаточно профессиональной манере даны и разъяснены все черты, свойственные объекту юридического отношения. Весьма любопытно, как правовед разъясняет образ лица, как объекта, ведь некоторые ученые – теоретики смотрят на этот факт через призму строгой зависимости объекта от субъекта отношения. Шершеневичу же такое раскрытие вопроса не предполагается более или менее возможным. Да, конечно, он отчасти согласен с такой точкой зрения, однако «права личной власти представляют ту особенность, в которой они построены на начале взаимности». К примеру, можно взять сферу семейных отношений, а, конкретно, институт брака и семьи: ведь, если муж имеет право на свою жену, то и жена имеет право на своего мужа, то же касается и отношений родителей и детей. Однако, не стоит забывать и тот факт, что, на практике, взаимности, описанной выше, может и не существовать.

В дополнение, ко всей классификации видов объектов, среди которых Г.Ф. Шершеневич выделил лицо, вещь и действие, существует и несколько иных классификации, дополняющих существующую: во–первых, выделяется такой интересный вид, как право на собственную личность, который был выдвинут Пухтой[1]; во-вторых, некоторые экономисты выделяют, наряду с уже существующими в классификации хозяйственными благами, третий вид – отношения в купе с субъективными правами. Таким образом, объект юридического отношения позиционируется как весьма обширный элемент, в отношении которого существует ряд неоднозначных теорий.

Следующими аспектами, подлежащими рассмотрению в рамках теории Шершеневича о юридическом отношении, являются субъективное право и юридическая обязанность. Считается весьма целесообразным и правильным разбирать эти два понятия вместе, так как в теории права они практически всегда соотносятся и логически сопоставляются: субъективному праву соответствует утвержденная со стороны объективного права обязанность; где есть субъективное право, там непременно имеется и правовая обязанность. Такое соотношение, описанное выше, является наиболее популярным, однако

[1] *Пухта Г. Ф.* Институции Римского права. Т. I. М., 1997. С. 217–220.

сам Г.Ф. Шершеневич является сторонником немного другой концепции. Рудольф фон Иеринг в одном из своих выдающихся трудов описал «пассивное действие права» [1]. Под ним он понимал ситуацию, в которой правовая обязанность может обойтись и без соответствующего ей субъективного права. Это бывает в тех случаях, когда интерес, составляющий содержание соответствующего права, еще только зарождается или прекратился только временно. Что же касается стороны субъективного права, то его юридическая сторона складывается из обеспеченности интересов, которые базируются на власти субъекта права, обеспеченного нормами объективного права – данная дефиниция сформулирована исходя из симбиоза определений, выделенных рядом видных европейских ученых, чьи тезисы были систематизированы и описаны Г.Ф. Шершеневичем в основных его трудах.

Раскрытие Г.Ф. Шершеневичем предмета юридического отношение, а также обоснование многих теоретических воззрений связанных с этим правовым институтом позволяют сформулировать ряд выводов, формирование которых возможно лишь после изучения основных трудов отечественного правоведа. Во-первых, Г.Ф. Шершеневич являлся сторонником юридического позитивизма, что подтверждается многочисленными цитированиями и выражением благосклонности по отношению к идеям и воззрениям такого выдающегося позитивиста – этатиста, как Р. фон Иеринг. Во-вторых, Проведенный анализ основных трудов Шершеневича показал, что ученый уделял большое внимание проработке дефиниций, имеющих особое значение для правовой науки. Это, в частности, подтверждается в его трудах «Общая теория права» и «Общее учение о праве и государстве», в которых он дает определение таким понятиям как объект и субъект юридического отношения, субъективное право, юридическая обязанность, опираясь на различные теоретические воззрения.

В завершение хотелось бы отметить, что Г.Ф. Шершеневичем была проделана колоссальная работа о систематизации основных теоретических воззрений, а также их постановке в противовес своим собственным с той целью, чтобы вывести конкретные дефиниции и выводы, которые стали

[1] *Иеринг Р. фон.* Борьба за право.1872. С Пб., 1987. С. 135–147.

базисом для формирования и упрочения в юридической действительности такого непростого и емкого понятия, как «юридическое отношение».

Summary

The scientific article is devoted to the constructive understanding and disclosure of such legal term as "legal relation". Under the article, it were addressed the following aspects: the term "legal relation", and its explanation by scientists and lawyers, G. F. Shershenevitch; comparison of key terms and concepts, displayed by the scientists, with the theories of other prominent European theorists and removal of common and different definitions regarding the issue under consideration. From the title and subject matter of the article, author analyzed the basic works in the field of theory of law one of the outstanding Russian scientists - jurists, G. F. Shershenevitch and other scientists involved in the disclosure of the tasks described earlier. Current work is clearly specifies and considers the term "legal relation" with the purpose that it was applicable to practically implement in the current system of legislation and law enforcement practice.

Key words: legal relation, signs of legal relation, objective and subjective side of legal relation, object of right, legal subject, equitable right, legal duty.

А.А. Ружанова, Г.В. Харьковский

Основные положения политики права Л.И. Петражицкого

«Л.И. Петражицкий принадлежит к числу тех первостепенных мыслителей, чьи новаторские идеи настолько опережали свою эпоху, что их истинное значение выявляется лишь спустя определённый промежуток времени»[1], – говорил Г.Д. Гурвич (ученик Льва Петражицкого). Действительно, в настоящее время учения Л.И. Петражицкого, которое Е.В. Тимошина определяет, как неклассическая теория права[2], весьма актуальны. Ведь именно в данный моменты развития общества человек играет главную роль в реализации права, как субъект правоотношений и как главный приёмник права, который словно антенна воспринимает ту или иную правовую норму законодателя и по-своему через «детектор» правосознания её анализирует, а в последствии интерпретирует. Он говорил, что важно использовать право, как главный инструмент формирования альтруистических мотивов поведения, нужно научиться социально-психологически предвосхищать реакцию и отношение общества на нововведения, управлять этой тенденцией с помощью рациональной

[1] *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. С. 284.

[2] Т*имошина Е.В.* Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания. Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2013. С. 48.

социальной политики. Средством такого социального управления должна была стать новая наука – политика права, речь о которой и пойдёт в данной статье.

Ключевые слова: политика права, эффективность, правоприменение, правосознание, неклассическая теория, психологически, реализация права, альтруистические мотивы, силлогизм, легитимация.

Необходимость управления процессом «правопроизводства» при помощи правовой политики, с точки зрения Л.И. Петражицкого, предполагает прежде всего выяснение «причинного действия права» как психологического фактора общественной жизни. Право, как причина, оказывая в процессе социального приспособления соответствующее мотивационное и педагогическое воздействие на психику человека, обусловливает этический прогресс как следствие. Для того, чтобы возможно было сознательно и разумно воздействовать на развитие права, создать прочные руководящие принципы и школу соответственного правильного мышления, законодателю нужно предварительно исполнить определённые работы. Необходимо прежде всего – считал Петражицкий - ознакомиться с тем материалом, на который право воздействует и который оно стремится улучшить - этикой человека и масс. Законодатель должен изучить те стороны человеческого характера, которыми право может воспользоваться для возбуждения тех или иных мотивов, для побуждения к тем или иным действиям или упущениям. Однако психическое воздействие права на человека не ограничивается непосредственным результатом в виде достижение известного желательного действия или воздержания от такового, а оставляет хороший или плохой след в душе человека, вводит разные элементы в его характер, образует кристаллизации и отложения в смысле изменения самой психической природы индивида и масс.

Петражицкий увидел в праве высшую социальную ценность, поставил его выше нравственности (потому что нравственность – лишь элемент права, его составляющая). Нравственность и право запечатлены не в текстах юридических догм, а в психологическом состоянии субъекта, как прямом источнике поступков человека. Здесь важную роль играет правосознание человека. Ведь правосознание – духовное воспроизведение правовых норм. Право реализуется в правосознании, в психологии людей, которые являются непосредственной побудительной силой к совершенствованию определённых поступков или воздержаний от таковых. Правосознание, психологическое

отношение к праву – важнейшие факторы, непосредственно влияющие не только на поведенческие акты индивидов, но и на правоприменительную деятельность.

Главным побудителем человека к действиям являются эмоции. Эмоции – основные элементы психической жизни, все внешние и внутренние стимулы должны пройти сквозь их призму. Действия и суждения людей, полагал мыслитель, - простые следствия этого процесса. Эмоции образую причину поведения. Бывают следующие эмоции: репульсивные – отталкивающая, аппульсивные – привлекательная эмоция, основные переживания- само представление субъектом тех или иных поступков, которое по отношению к нему непосредственно обладает отталкивающей или привлекающей силой[1]. Это подтверждает сущность эмоций как главных регуляторов поведения человека. Они являются неким императивом, который противоречит эгоизму субъекта. Петражицкий выделяет также бланкетные эмоции, вызывающие нравственное и правовое поведение. Они обладают своеобразным, мистически-авторитетным характером, переживаются как внутренняя помеха свободе, как принуждение в сторону того поведения, которое соответствует содержанию соответствующей эмоции. Бланкетные эмоции порождают два вида переживаний, которые ведут к выполнению нравственных и правовых обязанностей. Те обязанности, в связи с которыми человек свободен по отношению к другим, в связи с которыми другим лицам ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, являются нравственными. Те же обязанности, в связи с которыми человек сознает себя несвободным по отношению к другим, в связи с которыми то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне как нечто должное, являются правовыми [2] .Поэтому сам психофизический мир личности необходимо изучать, чтобы правильно на него воздействовать.

---

[1] *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Ред. И.Ю. Козлихин, Ю.А. Сандулов. СПб., 2000. С. 35. Петражицкий также определяет право, как эмоциональное императивно-атрибутивное переживание отдельного лица. Императивно-атрибутивные эмоции в отличии от императивных моральных эмоций не предоставляют никому право требовать их безусловного исполнения. Происходит выбор человеком определённого типа поведения, установление внутреннего императива наряду с предписанным внешним.

[2] *Грищенко Н.П.* Психологическая теория права Л.И. Петражицкого // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 8.

Под самой политикой права Лев Петражицкий понимал план постепенных государственно-правовых реформ в сфере педагогики правовых эмоций, борьбу за право, высокую юридическую культуру чиновников и простых граждан. Она призвана совершенствовать человеческую психику, очищая ее от асоциальных наклонностей, и направлять индивидуальное и массовое поведение посредством соответственной правовой мотивации в сторону общего блага. Цель политики права - служить прогрессу и усовершенствованию правопорядка путем научной, методической и систематической разработки существующих проблем. Л.И. Петражицкий предлагал обратить внимание на постепенную гуманизацию человеческой психики в сфере правовых явлений в ходе исторического развития. Нормативные факты должны воздействовать на психику индивидов для создания в обществе желательной системы эмоций (права), вызывающих, в свою очередь, надлежащее поведение. Для этого необходимо эффективное законодательство, которое нужно систематизировать, унифицировать, рационализировать. Тогда с его помощью политика права, постоянно направляя мышление и поведение людей в более высоконравственное русло, способна цивилизовать общество, его правовой строй, предопределяющий жизнь и деятельность всякого гражданина.

Чрезвычайно важна одна из проблем, поставленная Петражицкий при разработке идеи политики права - вопрос о правовом воспитании, о правовой педагогике. Л.И. Петражицкий выдвинул принцип целостного формирования личности начиная с детского возраста. «Родители и воспитатели должны вообще обращать серьезнейшее внимание на развитие в детях сильной и живой правовой психологии... Притом важно развитие, так сказать, обеих сторон права, внушение прав других и их святости, сильного уважения к ним, но точно так же и собственных воспитываемых прав, и уважения к ним». Так же теоретик уделял чрезвычайно важную роль семье в области правового воспитания: «Если в семье господствует правовой хаос, самодурство, произвол, в частности, никто и ничто не внушает ребенку определенных и твердых правовых принципов, то и нет почвы для развития нормальной интуитивно-правовой психики, а получается состояние более или менее близкое к правовому идиотизму, и эвентуально, в будущем преступная психика и

соответственное поведение»[1]. Воспитание посредством подавления личности ребенка, при котором ему не выделяется хотя бы малая сфера его неприкосновенных прав, небезразлично по своим правовым результатам в будущем.

Безусловно, создание новой нормы - это сложный процесс, который требует от законодателя не просто формальных знаний юриспруденции, а прежде всего, информацию о аудитории, на которую будет распространяться будущая норма права, (её ценности, представления о праве, культуру, характер, мышление и так далее), только после этого её можно выносит на обсуждение и подписание в представительный орган. Так же необходимы знания других наук, таких как: психология, антропология, социология, логика, философия права, этика, культурология и так далее. Благодаря именно комплексным знаниям законодатель может спроектировать очень эффективную норму.

Идеи политики права очень актуальны в наше время, мы думаем, никто не будет отрицать этого. Любой здравомыслящий человек желает жить в справедливом государстве, т.е. в правовом, где существуют формальное равенство, фактическая свобода, уважение и соблюдение прав человека. Однако, чтобы такое общество существовало нужно воспитывать и обучать человека таким ценностям, которых придерживаются все члены общества, независимо от пола, расы, религиозных убеждений, традиций, культуры и т.д. Л. И. Петражицкий утверждает, что воспитание возможно с помощью правовых норм, но не просто закрепленных на листе закона норм, а таких, которые бы могли мотивировать человека соблюдать и уважать права других людей. Новая задача законодателя должна состоять в познании человеческой психики, мышления, представлений, интересов, а также в выяснении той самой мотивационной силы. Законодатель должен предвосхищать реакцию населения на вводимые законы, а для этого надо изучать его психическое (эмоциональное) отношение к планируемым нововведениям. Прежде чем проектировать какую – либо правовую норму, законодатель обязан учитывать множество факторов: 1) - что будет выражать данная норма; 2) - какие общественные отношения она будет регулировать;3) - на кого она будет распространяться (если это человек, то знать его эмоции, психику, культуру, обычаи, уровень правовой культуры,

[1] *Машкович К.В.* Правосознание и нравственность в психологической теории права Л.И. Петражицкого // История государства и права. 2007. № 12. С. 37.

религиозные убеждения, менталитет); 4)–выяснить отношение населения к создаваемой норме права т.е. будет ли легитимация этой нормы, с помощью социально-правовых и психологических методов: анкетирование, социальный опрос, голосование, а также при создании благоприятных условий, проводить социологический эксперимент (внедрение нормы на определённую территорию, в рамках, к примеру одного субъекта, благодаря чему люди, находясь в рамках данной нормы, способны выразить эффективность введённого правила поведения – нормы в действии), а также с помощью школы правового воспитания.

После выполнения вышеперечисленных пунктов можно выдвигать данную норму права на обсуждение в представительный орган (законодательную власть). Только тогда, когда законодатель будет проводить такую процедуру проекта правовой нормы, большинство общества будет её соблюдать и «работать» с ней. Будет очень эффективно, если законодатель попробует использовать метод силлогизма[1]. Эффективным является метод силлогизма, включающий посылки принятия закона.Первая посылка – закон, вторая посылка – последствия после принятия закона. Определить какие последствия произведёт проект, если его объявить, как закон. Если последствия соответствуют задаче права, то его совпадение доказывает разумность закона.

Таким образом, идея создания политики права в работах Петражицкого, без сомнения, носит новаторский характер. Наука «политика права» должна исходить из определения существа права и его познания, как явления продукта и фактора культуры. Победу над чертами характера, передвижение основ права на более высокий этический уровень – это фундамент, который составляет существо нашей программы, нашей культуры и прогресса, причину и основание надежды на приближение к идеальному, для достижения которого нужно привлечь все средства, доступные человеческому познанию. Обоснование правовой политики как психологической и юридической науки в тесной связи с правовой педагогикой открыло новые рубежи в развитии этой дисциплины, в познании и использовании социальных функций права и не утратило своего значения и в наше время.

---

[1] *Тимошина Е.В.* Логические принципы организации теоретико-правового знания и классификации наук в философии права Л.И. Петражицкого // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 814.

Summary

«L.I. Petrazhitsky is one of those eminent thinkers whose innovative ides passed so much ahead of their epoch that their real significance can only be revealed after a certain time,» - said G.D. Gurvich (a disciple of Leo Petrazhitsky). Indeed, today L.I. Petrazhitsky`s doctrine, which is defined by E.V. Timoshina as non-classical theory of law, is highly topical. For it is in this period of social development that an individual plays the main role in implementation of rights as being the subject of legal relationship and the main receiver of the law who, like an antenna, receives this or that rule of law from the legislator and perceives it in his own way by analyzing it via sense of justice as a «detector», and then interprets it. He argued that it was vitally important to use law as the main instrument for forming altruistic motives of behavior and that it was necessary not only to learn how socially and psychologically to foresee the community reaction and attitude to various innovations but what is more important, to take control over this trend through a reasonable social policy. A means of such social control was seen to be developed by a new branch of science, namely the Policy of Law, which is at issue in this article.

Key words: policy of law, efficiency, law enforcement, legal awareness, non-classical theory, psychology, implementation of rights, altruistic motives, syllogism, legitimating.

И.М. Самаркин

Разработка Первой Советской Конституции

В наши дни вопрос разработки Первой Советской Конституции имеет большую актуальность для исследователей. Интерес основан на том, что впервые в российской истории появилась писанная Конституция. В ходе работы мы рассмотрим, как создавалась Конституция РСФСР 1918 года и кто принимал участие в разработке этого важного для страны документа. Принятие Конституции имело важнейшее значение для правовой истории нашего государства. Впервые провозглашались уничтожение частной собственности, обеспечение всей полноты власти трудящимися, а также декларировалась уничтожение эксплуатации человека человеком.

Ключевые слова: Конституция РСФСР, Советское право, ВЦИК, Советское государство, Советы, Основной закон.

Целью статьи является прослеживание хронологии принятия Конституции РСФСР 1918 г. и анализ критики Основного закона её создателями и исследователями на протяжении всего XX в.

Известно, что причиной принятия Конституции является наведение конституционного порядка в целях сохранения целостности и безопасности РСФСР, преодоления социальной и политической катастрофы, наступившей в

результате подписания Брестского мира (с последующим оккупацией большей частей западных территорий бывшей Российской Империи) и Гражданской Войны. В течение ноября-декабря 1917 г. большевики приняли серию нормативно-правовых актов, регулирующих экономические основы и национально-государственное устройство страны. Документы, являвшиеся основой Конституции, считались «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Декларация прав и обязанностей трудящихся», а также обращение В.И Ленина к «Рабочим, крестьянам и солдатам». [1] Провозглашались также основные принципы советской внешней политики - борьба за мир, против колониального угнетения, за осуществление права наций на самоопределение в международном масштабе.

В течение последующих двух с половиной месяцев большевики о поручении III съезда не вспоминали. 1 апреля на заседании ВЦИК Я.М. Свердлов объяснил это тем, что все «были заняты другой работой»[2]. Между тем, к весне 1918 г. страна распалась на ряд самостоятельных советских республик с собственными правительствами[3]. Все они считали себя независимыми и СНК во главе с Лениным не подчинялись. Это означало, что система власти, построенная на передаче основных властных функций низовым органам, пришла в противоречие с потребностями централизованного государства.

После принятия основополагающих документов 8 апреля 1918 г. Я.М. Свердлов сообщил, что президиум ВЦИК определил следующий состав комиссии по подготовке проекта Конституции: от большевиков – М.Н. Покровский, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов(Свердлов, Яков Михайлович), от левых эсеров - Д.А. Магеровский и А.А. Шрейдер, от максималистов (с правом совещательного голоса) – А.И. Бердников. От наркоматов в комиссию были включены В.А. Аванесов, М.А. Рейснер, Д.П. Боголепов, Э.М. Склянский, Н.И. Бухарин, М.И. Лацис. ВЦИК утвердил этот состав. Вскоре состав комиссии был расширен. Председателем был Я.М. Свердлов, заместитель председателя – М.Н. Покровский, секретарем – В.А. Аванесов. Большевики составляли большинство в комиссии. К работе приступили 5 апреля 1918 г.

---

[1] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 12, 17, 321; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 34.

[2] Третий Всероссийский съезд… С. 94.

[3] Доклад о деятельности народного комиссара внутренних дел // Исторический архив. 1956. № 5. С. 75.

Тогда по предложению Я.М. Свердлова, было решено поручить М.А.Рейснеру и И.В.Сталину подготовить доклады об национальным устройстве Российской республики для дальнейшей разработки Конституции РСФСР.

Основной этап разработки Конституции охватывает период от 20 апреля до конца июня 1918 г. В это время состоялось 8 заседаний комиссии. Проект Конституции, предлагавшийся левыми эсерами, был отклонён. Одновременно с конституционной комиссией работал Народный комиссариат юстиции. После ухода левых эсеров из юстиции, Наркомюст возглавил П.И. Стучка.

В июне 1918 г. Наркомюст работал самостоятельно над проектом Конституции. 11 июня на заседании коллегии было решено передать проект Конституции М.А. Рейснеру. Очевидно, нужно было ускорить работу по создании первой конституции РСФСР. На тот момент времени, Михаил Андреевич Рейснер работал профессором в Петроградском университете, куда он попал после Октябрьской революции 1917 г. С октября 1917 г. М. А. Рейснер активно включился в советское строительство. По предложению В.И. Ленина Рейснер был назначен заведующим вновь создаваемым отделом законодательных предположений и кодификаций Народного комиссариата юстиции. М.А. Рейснер был одним из основателей Коммунистической академии как центра марксистской социальной науки и одним из основателей Русского психоаналитического общества и работал в Наркомпросе в 1918 году[1].

По мере приближения V съезда Советов, а проект Основного закона не был готов. 17 июня был принят документ в качестве первой части проекта Конституции текст «Декларация прав и обязанностей трудящихся», а также проект раздела об избирательном праве.

26 июня 1918 года ЦК рассмотрел вопрос о Конституции. У правоведов и историков сложилось мнение, что к съезду о вопросах принятия Конституции РСФСР нужно было снять с повестки в связи с недостатком времени на подготовку Основного закона. Тем не менее и короткий срок, очевидно, не устраивал Центральный Комитет РКП (б). 26 июня 1918 г. ЦК рассмотрел вопрос о Конституции.

---

[1] М.А. Рейснер (Michael von Reusner) // Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: Т. 2. М–Я. СПб., 2010. С. 282.

Создалось мнение, что к съезду представить проект в полном виде не удастся, тем более что первоначально его открытие намечалось на 28 июня. По словам Я.М. Свердлова, некоторые члены ЦК, в том числе и В.И. Ленин, считали, что вопрос о Конституции следует снять с повестки дня съезда. Я.М. Свердлов настаивал на том, что следует принять Конституцию хотя бы в наиболее разработанной и наиболее практически необходимой части - о Советах. Так считали председатель Конституционной Комиссии Я.М Свердлов и некоторые члены ЦК (в том числе В.И Ленин). После заседания пятого съезда Советов 3 июля 1918 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован готовый проект Конституции. Конституция была принята V Всероссийским съездом Советов на заседании 10 июля 1918 года[1].

В ноябре 1918 г. на VI съезде Советов в Конституцию была внесена поправка, согласно которой ВЦИК переставал действовать как постоянный орган и должен был собираться на сессии 1 раз в 2 месяца. Это решение обосновывалось тем, что в условиях Гражданской войны значительная часть членов ВЦИК находилась за пределами Москвы и не могла выполнять свои обязанности. Функции ВЦИК передавались вновь созданному Президиуму ВЦИК, который и стал постоянно действующим законодательным органом. Его численность составляла приблизительно 80 человек. Таким образом, власть в огромной стране оказалась в руках узкой группы правовых нигилистов.

Весной 1918 г. в статье с символическим названием «Конституция гражданской войны» П.И. Стучка писал: «...Переходная эпоха, в которой "только движение постоянно», не укладывается в твердые рамки писаного закона". В эту переходную эпоху «государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата, а диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словами «писаный закон»[2]. При таком подходе к праву нарушение большевиками собственной Конституции становилось лишь вопросом времени.

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал историческую неизбежность и необходимость диктатуры пролетариата в переходный от капитализма к социализму период. Накануне Великого Октября Ленин вновь и специально обратился к этому вопросу в своей работе «Государство и революция».

---

[1] *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года / 2-е изд., перераб. М., 2003. Гл 1.

[2] Пролетарская революция и право. 1918. № 3–4. С. 15.

«Свержение буржуазии, – писал он, – осуществимо лишь превращением пролетариата в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства все трудящиеся и эксплуатируемые массы»[1].

Конституция РСФСР не предусматривала вмешательства партийных органов в непосредственное управление государством. Но через непродолжительное время именно Коммунистическая партия поглотила функции исполкомов Советов и превратилась в подлинный высший орган государственной власти. Так М.А. Рейснер считает, что к написанию Конституции подошли довольно небрежно. В соответствии со ст. 10 властью в стране становились Советы: "Вся власть в пределах... республики, принадлежащей всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах".

Но ст. 12 Конституции фактически отменяла ст. 10, превращала ее в политический лозунг, и «верховной властью» (а в ст. 24 употреблялось выражение «высшая власть») наделяла Всероссийский съезд Советов.

Левый эсер А.А. Шрейдер объявил Конституцию 1918 г. «диспозицией большевистской атаки». Список вопросов, подлежавших ведению большевистского центра, левые эсеры посчитали непомерно большим. Они разрабатывали свой проект с разделами "О пределах власти и об обязанностях местных и центральных органов власти" и "О предметах ведения центральной власти", придут к пониманию того, что власть - это не право командования, а возможность исполнения обязанностей перед народом и что всякая политическая и административная конкуренция в этом деле шла бы только на пользу. Но тогда, в 1918 г. эсеры еще плохо понимали, чем может обернуться демократия в стране с недемократической культурой, и переломить ситуацию в Конституционной комиссии особо не пытались[2].

Выступление Мартова вызвало у делегатов съезда бурю негодования. Между тем в течение 1919–1920 гг. большевики действительно перечеркнули идею непосредственного участия масс в управлении государственном. Помимо несозыва всероссийских съездов Советов, они допустили целую серию нарушений Конституции, причем делалось это на вполне законных основаниях:

---

[1] *Ленин В.И.* Государство и революция. Петроград, 1918.

[2] Республика Советов. Берлин; Милан. 1920. С. 32.

VI съезд Советов постановлением «О точном соблюдении законов» разрешил советским органам и должностным лицам отступать от законов в ситуации, вызванной условиями Гражданской войны и борьбой с контрреволюцией. Ни Ленин, ни кто-либо другой из его ближайших соратников никакой беды в этом не видели. В 1920 г. на VIII съезде Советов Ленин даже не оправдывался, а спокойно объяснял: «До сих пор мы работали в Совете труда и обороны без всякой конституции. Рамки ведения Совнаркома и Совета труда и обороны были плохо определены; иногда мы выходили за пределы и поступали как законодательное учреждение. Но на этой почве ни разу не было конфликтов. Мы решали эти случаи немедленным перенесением их в Совнарком»[1]. Не было ни одного закона, вводившего правовую ответственность для членов Политбюро, ЦК РКП(б) или Совнаркома. Даже А.В. Луначарский, считавшийся самым интеллигентным из большевистских руководителей, не постеснялся написать: «Законы Конституции не распространяются на ЦК»[2]. [14,15.]

Необходимо отметить явные противоречия в написании главы об избирательном праве. Ст. 10, 12, 24 Конституции РСФСР 1918 г. предусматривали многоступенчатую систему выборов. Прямыми были только выборы в сельские и городские Советы, тогда как выборы на губернский съезд Советов проходили в 3 этапа. Порядок выборов не был определён (открытое или тайное).

В гл. 14 говорилось, что «выборы проводятся согласно установившимся обычаям». Разница в представительстве крестьян и горожан не была значительной, потому что большевики фальсифицировали большинство выборов. То есть, выборы превратились в фикцию. По Конституции РСФСР 1918 года избирательные права предоставлялась всем вне зависимости от национальности и расы. Но в то же время Конституция создавала категорию «лишенцев». Согласно ст. 65, избирательных прав лишались различные «буржуазные», «эксплуататорские» элементы (лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, частные торговцы), а также священники, бывшие служащие и агенты полиции и некоторые другие лица. Мы видим, что в

---

[1] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 155.

[2] *Луначарский А.В.* Письмо Ленину от 13 января 1922 г. // Власть и интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б). ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. М., 1999. С. 33; *Земцов Б.Н.* Конституционные основы большевистской власти (Первая Советская Конституция 1918 года) // Российская история. М., № 5. 2006. С. 65–74.

губернских съездах, на которых проходят выборы от сельского населения принимают участие не только депутаты сельского населения, но и депутаты от городов, к тому же в двойной пропорции (избранные от Городских Советов и прямо от городов на выборах). И когда на этих губернских съездах будут избирать депутатов на всероссийский съезд, то, само собою разумеется в числе депутатов пройдут не только жители сёл и деревень, но жители городов, что, конечно, ещё понизит пропорцию представительства сельского населения в Центральном органе всей России, решающим её судьбы. Избирательный закон составлен таким образом, что представительство городского населения обеспечено в значительно большей пропорции, чем населения сельского. Сделано это в интересах партийных, так как деревня имеет меньше склонности к большевизму, чем городское население. И крестьянство, составляющее чуть ли не 80% всего населения страны, имело представительство значительно слабее, чем рабочее представительство[1].

Интересным фактом является, что в погоне за благоприятным исходом выборов, большевики возлагали надежды на детей(происходило чаще всего в сельских уездах). Если по мнению местного Совета взрослое население данной местности не слишком благоприятно относились к большевикам, и на выборах они могли б провалиться, то такому местному Совету достаточно было понизить возрастной ценз (кстати предел понижения в законе не указан). Благодаря участиям детей, выборы считались состоявшимся[2].

В силу этого Конституция 1918 года несла в себе агрессию, направленную на борьбу с врагами социализма. Из всего вышесказанного статьи 65 в Конституции РСФСР отрицалась частная собственность. В.И. Ленин писал: «Мы ничего частного не признаем»[3]. Вся Советская Конституция 1918 года с точки зрения демократических критериев были фиктивными и несостоятельными, отрицая основные параметры конституционного права – принцип разделения властей, ответственное правительство, защита прав и свобод гражданина[4].

---

[1] *Тропов И.А.* Конституция РСФСР 1918 года и опыт организации Советов на местах. // Правовое общество. С. 95–99.

[2] *Оберучев К.М.* Советы и Советская власть в России. Нью-Йорк, 1919.

[3] *Ленин В.И.* Письмо Д.И. Курскому от 17 мая 1922 г. // Полное собрание сочинений. Т. 44.

[4] *Поляковская Н.М.* Патернализм советских конституций.

Поэтому в новом социалистическом государстве применялось насилие для уничтожения политических и неблагонадёжных политических элементов. Также был отмечен угрожающий масштаб злоупотребления полномочий между центральными органами ВЦИК и местными Советами во время Гражданской войны[1].

К.М. Оберучев считает, что большевики смогли захватить власть благодаря популистскими обещаниями политических лидеров и критикует Конституцию 1918 года. Он так же сделал вывод, что все политические обещания, провозглашённые самими большевиками во время первой русской революции, были фактически воплощены в самой Конституции.

Взяв курс на расширение социальных прав трудящихся (на труд, отдых, образование, медицинскую помощь, социальное обеспечение в случае болезни и в старости), большевики, на первый взгляд, делали качественный скачок в борьбе за лучшую жизнь для всех людей[2]. Однако отрыв политических и социальных прав от гражданских (неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, права на участия в выборах центральных и местных органов власти и т.д.) и лишение или ограничение прав так называемых нетрудовых элементов советского общества ставили под вопрос широко разрекламированные преимущества советской демократии перед буржуазной. Кроме того, порожденная Первой мировой и Гражданской войнами хозяйственная разруха существенно ограничила возможности советского государства в ликвидации социального неравенства граждан. Вдобавок государство диктатуры пролетариата применяло насилие не только к классово чуждым и враждебным элементам, но и к самим трудящимся - рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции. На практике большевики стремились не к улаживанию социальных конфликтов на правовой основе, а к уничтожению самих носителей этих конфликтов. В этой ситуации возникла и опасность неограниченного вмешательства государства в жизнь общества в виде установления контроля за исполнением частными работодателями трудового

---

[1] *Булюлина Е.А.* Советские органы власти в 1918 г. – первой половины 1920 г. // Власть. М., 2010. №11.С.140–142.

[2] 29 октября 1917 г. был установлен 8-часовой рабочий день, 24 декабря принято решение о страховании на случай безработицы, 5 февраля 1918 г. появился декрет ВЦИК «О страховании на случай болезни», 14 июня 1918 г. СНК ввело ежегодные оплачиваемые двухнедельные отпуска рабочих и служащих и т.д.

законодательства, определения социальных групп, нуждающихся в льготах и поддержке и т.д. Иначе говоря, здесь таилась угроза перерастания классовой диктатуры в тоталитаризм с установлением режима личной власти вождя и почти поголовным равенством граждан в нищете, что и произошло в СССР с конца 1920-х гг.

Таким образом, сама Конституция РСФСР просуществовала около 7 лет. За 7 лет произошли огромные территориальные изменения. Были проведены административные реформы, шло активное восстановление экономики страны. По сути дела, Конституция 1918 г. была революционным законом, отражающим переходный период от капитализма к социализму. Советское государство изменилось в политическом плане. Власть де–юре принадлежало Советам, но де-факто принадлежало центральным органам(ВЦИК). Также вся власть принадлежала уже одной партии(большевиков) в РСФСР и продолжала укреплять свое правовое положение в СССР и во всём мире. Этими и другими законами Советское государство установило важнейшие конституционные принципы и институты. В них было закреплено новое общественное устройство, пришедшее на смену старому.

Была отражена новая форма государственного единства, заложены основы конструкции государственного механизма, созданного на месте сломанного аппарата буржуазно-помещичьего государства. Наконец, были провозглашены и материально обеспечены основные демократические права и обязанности трудящихся.

Существовал разнобой в организационной и кадровой структуре Советов, а также в их повседневной деятельности. Советы зачастую руководствовались не столько распоряжениями Центра, сколько местными условиями и интересами местного населения, либо – и таких случаев тоже было немало – личными, корыстными интересами советских управленцев. Это вынуждало высшее партийно-государственное руководство, также вопреки Конституции, с одной стороны, уменьшать властные полномочия Советов, а с другой – усиливать контроль над ними со стороны партийных органов.

Первая Советская Конституция обобщила весь этот теоретический и практический материал, подвела итог начальному периоду строительства Советского государства. Закрепив первые победы Советской власти,

Конституция обеспечила правовые условия для строительства социализма в нашей стране.

Summary

Nowadays the question of the development of the First Soviet Constitution has a great actuality for law researchers. The interest based on the appearance of the written Constitution. We can look how the Constitution of 1918 was appeared and who took part in development of the important document of USSR. The adoption of the First Soviet Constitution had the great event in the history of our country. The fact is that in the Constitution some articles were written about the annihilation of the property, the security of the full authority of the working people and the declaration of cancelling the exploitation of the people.

Keywords: the Constitution of RSFSR, the Soviet law, the Soviet country, the Main law.

Семенова Е.А.

Гуманистические концепции в трудах В.Ф. Малиновского и их влияние на развитие права

Данная статья посвящена изучению идей выдающегося теоретика международного права и сторонника гуманистических ценностей В.Ф. Малиновского их влияния на развитие права в России. Проанализированы основные его работы и такие основополагающие идеи, как отмена рабства, отказ от войн, необходимость принятия мер по охране международного мира. Эти идеи актуальны и по сей день, когда вооруженные конфликты до сих пор имеют место. В работе продемонстрировано, что данные концепции, основанные на гуманистических догматах, имели свое влияния и широкое распространение, как в России, так и в мире в целом, так как идеи Малиновского опередили свое время и начали воплощаться в жизнь лишь в XX в.

Ключевые слова: теория вечного мира, международный мир, международное право, гуманистические концепции

В статье рассматривается непосредственное влияние гуманистических концепций, описанных в работах В.Ф. Малиновского, на развитие права, как в России, так и за рубежом. Несмотря на достаточно широкое понятие «гуманистических концепций», говоря об идеях этого теоретика права будет целесообразным сузить данное понятие, остановившись лишь на двух конкретных ценностях – ценность международного мира и ценность человеческой жизни. В виду последних событий и реальной возможности начала кровопролитной войны на территории Украины, мы задаемся вопросом – как избежать этого?

Василий Федорович Малиновский, один из первых известных демократически-мыслящих общественных и политических деятелей и теоретиков права в истории Российского государства, видел решение проблемы международных конфликтов в необходимости не только прекратить все войны между государствами, но и «истребить саму мысль» о возможность их возникновения.

Кроме того, как сторонник естественно-правовой школы, Малиновский провозглашал свободу и равенство основными ценностями человека и считал недействительными любые отношения между людьми, не основывающиеся непосредственно на принципах свободы и равенства, и, следовательно, считал необходимым упразднение института крепостничества как такового.

Взгляды Малиновского представляются крайне интересными не только в виду их исторической значимости, но и в силу того, что вклад этого человека в развитие современного международного права не был по достоинству оценен современниками и в настоящее время мало изучен.

Василий Федорович Малиновский, окончив философский факультет Московского государственного университета, долгое время работал за рубежом в качестве переводчика.

Вернувшись в Россию Малиновский продолжил государственную деятельность и внес огромный вклад в развитие института прав человека. Когда Александр Павлович утвердил комиссию для создания проектов по отмене крепостного права, Василий Федорович был одним из первых, кто выдвинул свои идеи. В записке князю Кочубею «Об освобождении рабов» Малиновский подробно изложил свои мысли о необходимости упразднить крепостничество в стране, старательно излагая свои крайне прогрессивные и демократические на тот момент взгляды.

Также, по возвращении в Россию, в 1802 г., Василий Федорович начал выпускать собственный журнал «Осенние вечера», в котором был опубликован ряд его работ, в том числе, и самая известная – «Рассуждения о мире и войне». Именно поэтому в качестве основы данной статьи мною было решено остановиться именно на этом произведении В.Ф. Малиновского, как на фундаментальном его труде, вмещающем в себя все его основные идеи, взгляды, предложения и прогнозы.

«Рассуждения о мире и войне» - произведение В.Ф. Малиновского, посвященное концепциям международного мира и безопасности, ценности человеческой жизни.

Как сторонник теории общественного договора, Малиновский считал, что вступая в войну, государство тем самым нарушает «контракт», заключенный со своими гражданами, лишая их защиты, которую обязалось предоставлять.

Теоретическая часть работы, написанная еще в 1790 г. в Англии, представляет собой своеобразный сопоставительный анализ, с помощью которого автор доказывает, что ни одно оправдание войны, по сути, не является убедительным. Война, как универсальная панацея от перенаселения, война, как путь для истинного героизма, война, как способ экспансии государства, война, как фактическая часть менталитета - все эти тезисы автор логично разбивает, утверждая, что ни один плюс войны никогда не сможет перевесить все те минусы, которые несут за собой вооруженные конфликты- экономический спад государства, невосполнимые человеческие потери и напряженная политическая ситуация.

Существует немало трактатов, посвященных проблеме войны. Огромное количество философов поддерживали идею отказа от войн как таковых.

К примеру, одним из первых философов активно высказывающимся против военных действий стал Эразм Роттердамский, который в XVI в. в труде «Жалоба мира» описывает все ужасы войны, подчеркивая ее противоречащую человечности природу - «война... противна всему существу: война — первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны всё цветущее загнивает, всё здоровое гибнет, все прочное рушится, всё прекрасное и полезное уничтожается, всё сладкое становится горьким».

Примерно в это же время, испанский богослов Франсиско де Витория развивает идею «справедливой войны». Он представляет вооруженный конфликт – крайней, но все же приемлемой мерой решения вопросов. Согласно его воззрениям, объявлению войны должны предшествовать попытки урегулирования конфликта мирным путем. Во время непосредственных военных действий государство должно, в первую очередь, задумываться о защите мирных граждан, а любой гражданин, поддерживающих доктрину пацифизма должен иметь права отказаться от участия в войне. Несмотря на такую позицию, де Витория также ратовал за объединение государств, подобно

проектам европейской интеграции, описанным выше. Последователь Франсиско де Витория – Франсиско Суарес также придерживался концепции «справедливой войны» и даже впервые разработал условия, при которых вооруженный конфликт может считаться справедливым[1].

Наконец, Иммануил Кант в трактате «К вечному миру», который на сегодняшний день считается основным в изучение вопроса международного мира, придерживается позиций своих предшественников и считает, что миру необходимо полностью отказаться от войн. Как и Эразм, Кант провозглашает, что «никакой войны не должно быть, ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами... Можно сказать, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве... ведь состояние мира это единственное гарантированное законами состояние твоего и моего среди множества живущих по соседству друг с другом людей...» Для ликвидации непосредственно вооруженных конфликтов человечеству, по мнению Канта, необходимо заключить союз о взаимопомощи и на его основе создать федеративное государство. Подобно де Витория и Суаресу, Кант подразделяет войны на «справедливые» и «несправедливые», подчеркивая неправомерность последних.

Подобным образом, можно сделать вывод о том, что основная идея работы В.Ф. Малиновского «Рассуждения о войне и мире» являет собой не только синтез теоретических положений, описанных философами до него, дополненный его личными практическими предложениями, описанными во второй части, написанной в 1798 г., но и источником для работ таких известных философов как Иммануил Кант и Иеремия Бентам, опубликовавших свои размышления уже после написания «Рассуждения о мире и войне».

Работа Малиновского, выпущенная в 1803 г., не была по достоинству оценена современниками, которые сочли ее неоригинальной и чересчур утопичной . Единственным нововведением, «официально» признанным за В.Ф. Малиновским в его «Рассуждениях», стало его предложение по упразднению института посланников, которые, по мнению автора, распространяют дезинформацию, которая часто являет собой причины войн и межнациональных конфликтов.

---

[1] *Чубарьян А.О.* Российский Европеизм. М., 2006. С. 106–112.

Помимо этого, Малиновский в своей «практической» части представил и свой собственный проект Европейского союза. Согласно его идее, страны должны были объединиться, как и в проекте Канта, на базе договора, на добровольной основе и придти к заключению такого договора необходимо было мирным путем.

Согласно идеям Малиновского, новообразованное государство должно было основываться на принципах равенства между всеми участниками, сохранения их суверенитета и неотвратимости наказания в случае каких-либо нарушений.

Во второй, практической части своей работы Малиновский, несмотря на свою позицию апологета фактического пацифизма в начале, предлагает принять явление войн как санкцию – «война законна, когда она есть казнь народа; буде же она начинается самопроизвольно, без суда и решения беспристрастных, она есть убийство». Так автор фактически продолжает политику разделения вооруженных конфликтов на «справедливые» и «несправедливые», подобно своим предшественникам.

Вооруженные конфликты – животрепещущая тема и сегодня. Однако, по сравнению с XIX в., начало которого В.Ф. Малиновский еще застал, объем агрессии и войн значительно снизился. Несмотря на то, что, к сожалению, война за территории сменилась войной за ресурсы, все государства в мире задумываются над ограничением возможностей проявления вооруженной агрессии – наглядно проследить это можно особенно по окончании Второй мировой войны, когда концепции государственной безопасности вышли на первый план, в том числе и для России. Начиная с середины двадцатого века, Россия подписала большое количество договоров о сокращении вооружения, таких как: договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений - 1991, 1993, 2010 гг.; об ограничении стратегического вооружения – 1972, 1979 гг., договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. и многие другие. И, несмотря на увеличение бюджетных средств, затрачиваемых на военно-промышленный комплекс в России, современный политический курс относительно международных отношений, и, в особенности, войн, демонстрирует отсутствие внутренней агрессии, но готовность к защите, и, если понадобиться, ведению тех самых «справедливых» войн по защите собственных территорий и граждан.

Идеи же, выдвинутые Малиновским, касаемо ценности человеческой жизни, неприкосновенности и свободы, начали воплощаться в жизнь уже в середине XIX в., когда в 1861 г., наконец, было отменено крепостное право, а конец XX в. ознаменовался для нашего государства переходом к демократическому режиму и безусловному признанию прав человека.

Подводя итог, можно сказать, что работы Малиновского имели определенное влияния на развитие истории и права в России. Его концепции и идеи имеют огромное значение и сегодня. В частности, важно отметить, что Россия после второй мировой войны приняла участие в международных соглашениях и организациях, которые ограничивают права государства на необоснованное применение силы.

В то же время важно помнить, что в той или иной форме международные конфликты имеют место и на современном этапе развития мира, но количество их значительно сократилось, и, на мой взгляд, в этом есть заслуга и В.Ф. Малиновского.

Все философы, изучающие эту проблему, приходили к выводу, что рано или поздно, человечество должно придти к миру. Таким образом, несмотря на некоторую идеализацию идей Василия Федоровича Малиновского, они уже частично начали претворяться в жизнь и имеют все шансы на полную реализацию в будущем.

Summary

This article is dedicated to the research of the ideas of Vasilii Malinowski - one of the greatest theorists of the international law and a supporter of humanistic values and his influence on the development of law in Russia . This article analyzes his main proceedings and such basic ideas as the abolition of slavery , the abolition of war , the need to take measures to protect an international peace . These ideas are highly relevant nowadays when armed conflicts still occur.

The article demonstrates that these concepts based on humanistic tenets had their influence and widespread both in Russia and in the world in general despite the fact that Malinowski's ideas were ahead of their time and began to be implemented only in the 20th century

Article appears to be the research that allows to explore Malinowski contribution to the theory of law. Work can be used in terms of studying of the international law , theory of law , history, as well as for further research on the role of Vasilii Malinowski in the development of law in general.

Key words: perpetual peace, war, humanistic values, Malinowski, international peace, international law.

И.В. Тутаев

Изучение римского права в СССР: основные труды и их авторы

После Революции 1917 Советская власть произвела коренные изменения в правовой системе, в которой римскому праву, как основе буржуазного права, совершенно не было места. Целью научной работы является выяснить, продолжало ли изучаться римское право, принципы которого противоречат идеологии правящей коммунистической партии, а также выделить основные этапы его изучения, охарактеризовав их соответствующими признаками, после чего будут сделаны выводы о статусе римского права в СССР. Автор при подготовке руководствовался научными трудами таких видных юристов, как И.Б. Новицкий, А.И. Косарев, В.Э. Грабарь и многие другие.

Ключевые слова: римское право, изучение, рецепция, Советский Союз, Советский период буржуазное право, право эксплуататорских классов, учебные пособия, цивилисты.

Римляне были бесспорно выдающимся народом. Их достижения были настолько велики, что мы храним и пользуемся их достижениями и по сей день. Одним из таких достижений является римское право. Оно носит не только духовно-культурную ценность, но также и правовую, что особенно важно для юриспруденции. После падения Западной Римской Империи в 476 г. варвары, которые основали свои королевства на обломках великой державы, чтобы укрепиться на завоёванных территориях перенимали не только местные традиции и обычаи, но и принципы римского права. Начался процесс, так называемой рецепции[1], толчком к которому послужило появление в XI веке университета в Болонье. В Средние века римское право не только изучалось, но и развивалось, подтверждением чего может послужить появление в Германии, так называемого, пандектного права. С развитием рыночных отношений римское право в связи со своей чёткостью, точностью и логичностью легло в основу права буржуазной правовой системы во многих европейских странах в XVII веке. Нормы хоть и искажённые, но всё же подобные нормам римского права можно найти и в России допетровских времён[2]. Но рецепция как таковая коснулась Российской империи в период XIX - начале XX веков, подтверждением чему может послужить существование хотя бы таки институтов, как частная собственность и сервитуты. Но после революции 1917 года и изменения формы государства всё, в том числе и право, подверглось

[1] *Косарев А.И.* Римское право. М., 1986. С.110–113.

[2] *Косарев А.И.* Римское право. С. 136.

коренным изменениям. Вопрос, который поднимает автор: что же стало с римским правом в Советский период и какие основные труды были написаны на эту тему в данный период.

Актуальность этой проблемы достаточно велика. После распада СССР в 1991 г. Российская Федерация, уже новое государство, встала на рыночный путь развития, в основе права которого и лежит римское право. Советское же государство если не всё, так многие принципы римского права отвергала, как пережитки буржуазного общества. Тем не менее, то какое значение придавалось этому праву и то, как оно изучалось, в социалистическом обществе, где оно не воспринималось, позволит нам взглянуть на это право с другой стороны и это, соответственно, может помочь в более глубоком и детальном его анализе.

Освещённость же этой проблемы желает оставлять лучшего. Как таковой научной литературы советских времён, посвящённой актуальным вопросам римского права нет. Существуют лишь различные учебные пособия по изучения римского права, написанные для высших учебных заведений Советского Союза. Трудов современных исследователей, посвящённых данному вопросу также сравнительно мало.

В 1917 г. произошла Октябрьская Революция, результатом которой стало установление Советской власти. В 1918 же г. была создана первая Советская Конституция. Владимир Ильич Ленин утверждал, что Советская Конституция - совершенно беспрецедентный пример в истории: «В мире не бывало таких конституций как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всём мире»[1]. Действительно, Конституция стремилась создать новое общество, о котором грезили революционеры, но при более детальном изучении окажется, что некоторые положения римского права можно найти и в ней. Забегая вперёд, можно отметить, что эти положения можно встретить и в последующих Конституциях. Татьяна Анатольевна Алексеева в своём труде "Принципы римского права в Советских Конституциях" выделяет несколько характерных схожих признаков. Так, например, Конституции закрепляли республиканскую форму правления[2].

---

[1] *Алексеева Т.А.* Принципы римского права в Советских Конституциях // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. №4. (256). С. 31.

[2] *Алексеева Т.А.* Принципы римского права в Советских Конституциях С. 31–34.

Такой же строй существовал и Древнем Риме. Сенат и многие другие республиканские институты существовали почти на протяжении всей истории Древнего Рима. В Конституциях было также установлена народовластие через Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, аналогично как в Риме существовали народные собрания по трибам, центуриям и куриям[1]. И, наконец, в обеих правовых системах мы не находим места разделению властей[2].

Рецепция или совпадение? Вряд ли совпадение, поскольку советские юристы могли поступить так же, как это делали немецкие юристы, толкуя Саксонское Зерцало. Они отмечали, что любое совпадение с каким-либо принципом римского права было полностью случайным[3]. Можно это расценить как рецепцию, опираясь на слова советского юриста и политика Петра Ивановича Стучки: «Как ни странно, но и нам , революционерам права, приходится с известным научным увлечением опять и опять останавливаться на праве давно забытых времён, на римском праве»[4]. Также П.И. Стучка ратовал за интеграцию марксистко-ленинской теории с римским правом.

Однако это точка зрения опровергается утверждением Владимира Ильича Ленина: «Мы ничего "частного" не признаём, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»[5]. Это одно из самых главных отличий римского права от советского. В отличии от советской действительности римская же признавала частную собственность. Также Ленин говорил: «Применять надо не corpus juris civilis, а наше революционное правосознание»[6]. Де-факто римское право было признано противоречащим партийной коммунистической идеологии. После смерти Ленина и с началом репрессий дальнейшее исследование и изучение римского права было затруднено. И потому в период до 1945 г. мы не встречаем каких-либо значимых советских трудов на эту тему.

В послевоенный период начинается демократизация сознания. И к римскому праву стали относиться гораздо либеральнее. В высших учебных

---

[1] *Алексеева Т.А.* Принципы римского права в Советских Конституциях. С. 34–35.

[2] *Алексеева Т.А.* Принципы римского права в Советских Конституциях. С. 37–38.

[3] *Соломонова С.А.* Частное право Германии: Саксонское зерцало и Германское Гражданское уложение. СПб. 2013. С. 12.

[4] *Косарев А.И.* Римское право. С. 110.

[5] *Косарев А.И.* Римское право. С. 5.

[6] *Косарев А.И.* Римское право. С. 5.

заведения в составе истории государства и права начинают преподавать римское право. Одним из первых его преподавателей был Иван Борисович Новицкий, виднейший цивилист, который в 1948 г. написал учебник «Римское право», а чуть позже, в 1952 – «Римское частное право» совместно с Иваном Сергеевичем Перетерским. И.С. Перетерский также издаёт перевод Дигест Юстиниана, одного из самых видных и важнейших источников римского права. Это были первые советские учебники по римскому праву, которые содержали основные понятия данного предмета: источники римского права, иски, лица, семейно-правовые отношения, вещные права, обязательственные отношения. Примечательно то, что даже не смотря на то, что это всего лишь учебные пособия, каждый из авторов выделяет право буржуазное и право социалистическое. Римское частное право, конечно же, они относят к праву буржуазному, поскольку оно названо «правом рабовладельцем» подобно «праву эксплуататорских государств»[1]. Тем не менее, эти учебники по-своему объективны и мнения авторов по данному вопросу не выражены.

В 1964 г. была издана статья выдающегося юриста Владимира Эммануиловича Грабаря, посвящённая значению термина jus gentium. Сама по себе статья будет интересна тем, кто занимается международным правом. Но для нас примечательно то, что в этой статье, он отмечает всех известных ему на тот момент учёных, занимавшихся римским правом[2]. Советских юристов-романистов он перечисляет немного: Иван Борисович Новицкий, Иван Сергеевич Перетерский и Галанза Пётр Николаевич. Однако вместе с тем, он отмечает, что римское право также интересует юристов-международников и историков, хотя в своих трудах они едва его касаются и в целом пользуются результатами работ юристов-романистов[3]. Из чего можно сделать вывод, что полноценными научными трудами, описывающие те или иные явления в римском праве их достаточно трудно назвать.

Помимо переизданий учебников И.Б. Новицкого, также появились учебник Олимпиада Соломоновича Иоффе «Основы Римского Гражданского права» в 1974 г. и сборник схем по римскому праву для студентов в 1979 г.

---

[1] *Новицкий И. Б.* Римское право. М. 2012. С. 15-18.

[2] *Грабарь В.Э.* Первоначальное значение римского термина jus gentium // Из научного наследия проф. В.Э. Грабаря. Тарту. 1964. С. 10–17.

[3] *Грабарь В.Э.* Первоначальное значение римского термина jus gentium. С. 10

С теоретической точки зрения эти учебники эти учебники мало чем отличались от своих предшественников. Основная разница заключается, в основном, в расположении тем, их количестве и в тех или иных дефинициях. Но учебник, написанный «Римское право» Андреем Ивановичем Косаревым в 1986 г., имеет кое-какие отличия от предыдущих упомянутых учебников. Во-первых, темы распределены по этапам развития римского права: раннеримское право, классическое римское право и постклассическое римское право. Также поднят вопрос о рецепции римского права. Интересным является и то, что в этом учебнике затронуты вопросы уголовного римского права и римского судопроизводства, чего нет в предшествующих учебных пособиях. Это вполне может быть объяснимо тем, что И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский акцентировали своё внимание на гражданском римском праве, а не на уголовном.

Вступительная часть, написанная Евгением Владимировичем Скрипилёвым для этого учебника, содержит рассуждения о значении римского права не только для буржуазных стран, но и для стран социалистического лагеря, но это не особо вселяет надежду, поскольку роли римского права в условиях Советской действительности уделено не так много внимания и какого-либо детального анализа нет. В своём труде и сам А.И. Косарев описывает свои мысли о данной проблеме, однако, и они особой ценности не имеют, поскольку автор не проводит сколько-нибудь детального анализа. Он лишь приводит довод о том, что в советском праве могут быть институты, подобные римским, но он это объясняет историческим развитием[1].

Римское право на момент написания учебника А.И. Косаревым уже стало отдельным предметом, преподаваемым на кафедрах гражданского права юридических факультетов.

В эпоху Перестройки, в 1989 г., появляются новые учебники по римскому праву Виктора Георгиевича Ульянищева и Милана Бартошека. Но они сами по себе содержали мало чего нового и достойного внимания. Несмотря на зарождение политического плюрализма в годы правления М.С.Горбачёва, доля трудов, посвящённых римскому праву по прежнему была сравнительно мала.

---

[1] *Косарев А.И.* Римское право. С. 144–145.

В 1991 г. заканчивается относительно долгая история Советского Союза. Россия встала на рельсы рыночного развития, в основе которого лежит римское право. К нему вновь проснулся интерес.

Из всего сказанного выше можно сделать несколько выводов. Во-первых, исследование и изучение римского права не было активным в период существования Советского Союза. Связано это с тем, что оно противоречило действующей идеологии и было запрещено по крайней мере в довоенный период и весьма ограничено в послевоенный. Во-вторых, даже несмотря на некоторую демократизацию сознания после Великой Отечественной войны трудов по римскому праву было не так много по причинам указанным в первом выводе, и в основном представляли собой учебные пособия для высших учебных заведений, которые особого вклада в развитие римского права не внесли. В-третьих, изучение римского права и появление в 70-х гг. XX в., скорее всего, обусловлено развитием международных отношений и торговых отношений с буржуазными странами, для успешного ведения которых требуется знания римского права. В целом, значение римского права было практически сведено до минимума, но оно не было уничтожено полностью, оно продолжало существовать в СССР.

Summary

After the Soviet government was established it radically changed jural system so there was no place for roman law, which was considered as the basis of bourgeois law. The main goal of this scientific work is to find out the attitude to roman law during the Soviet period, where the law was based on the ideology of communist party, main stages of its research with their essential characteristics and to make some conclusions. The author was guided by works of famous specialists in civil law: Novitskiy Ivan Borisovich, Kosarev Andrei Ivanovich, Grabar' Vladimir Emmanuilovich etc.

Key words: roman law, researching, reception, The Soviet Union, the Soviet period, bourgeois law, exploiter classes law, textbook, specialists in civil law.

К.В. Хотулев

Идеи западных авторов в трудах Д.И. Каченовского

Статья посвящена выдающемуся профессору юридической кафедры Харьковского университета, одному из первых теоретиков международного права в России, признанному Английским юридическим сообществом специалисту, культурологу, Дмитрию Ивановичу Каченовскому (1827–1872). Автор статьи сосредоточился на изучении вопроса

противостояния Д.И. Каченовского отечественной школе права как человека, известного своими западническими взглядами, сформировавшимися под влиянием трудов таких авторов как профессор Вурм, И. Пасси, Л. Блан, О. Конт, Ф. Лоран, Г. Гроций и др.

В статье дана краткая характеристика ведущих философско-правовых течений, основных идей международного права и права государственного, существовавших в XIX в. в Западной Европе, выделены основные идеи западной школы права, которые повлияли на труды Д.И. Каченовского, а также дана оценка противостояния, существовавшего между отечественной и западной правовыми школами.

Ключевые слова: международное право, гуманизм, институт международного права, социализм, анархизм, национализм, государственные науки, идеализм, позитивизм, западники, славянофилы, невежество, Великие реформы Александра II.

Благодаря своей теоретической деятельности в сфере международного права Д.И. Каченовский был известен не только в России, но и в Европе. Уже сам тот факт, что он был юристом-международником, который увлекался культурой Западной Европы, наводил на Д.И. Каченовского подозрения в западничестве. Его обвиняли в англоманстве и в подражании Западу, пытались доказать, что его научные методы не верны и не должны быть использованы в России. Однако был ли таким ненавистником Родины Д.И. Каченовский? Какие западные авторы повлияли на его научную деятельность? Как развивалось противостояние Дмитрия Ивановича и отечественной школы международного права? На эти вопросы автор попытается дать ответы в приведенной статье.

Тема исследования актуальна связи с появившимся в современной российской науке противостоянием вновь возрождающихся кружков «западников» и «славянофилов», которые не могут договорится о роли России в мире и пути ее развития. Также данная тема интересна в связи с недостаточным количеством информации, освящающей деятельность Д.И. Каченовского. В основном, информация о нем может быть почерпнута из его трудов, некрологов и воспоминаний о нем, но сколько бы крупных исследований деятельности профессора Каченовского не проводилось.

Дмитрий Иванович Каченовский родился в 1827 г. в городе Карачеве Орловской губернии. Он являлся дальним родственником профессора философии М.Т. Каченовского (1775–1842), занимавшего должность ректора Московского университета (1837–1842). В 1847 году он получил диплом кандидата прав и начал подготовку к сдаче экзамена на магистра. По словам профессора А.Н. Стоянова, ученика Д.И. Каченовского, Дмитрий Иванович

избрал международное право, как сферу своей будущей деятельности, после изучения римского и гражданского права[1]. В 1849 г. он блестяще защитил свою магистерскую диссертацию «О владычестве над морями» (не была опубликована) и после этого получил должность руководителя кафедры международного права Харьковского университета. В 1855 г. защитил в Москве докторскую диссертацию «О каперах и призовом судопроизводстве» и получил высокое звание профессора международного права. В этой работе он выразил одну из своих главных идей о запрете каперства в отношении нейтральных судов, которая была в последствие выражена в Парижской декларации 1856 г. Наивысший пик публицистической деятельности Д.И. Каченовского был достигнут в 1855–1865 гг. Этому промежутку принадлежат почти все его работы, опубликованные как в различных отечественных журналах и газетах («Русский вестник», «Русская речь», «Журнал Министерства Юстиции» и др.), так и в западноевропейских изданиях («Papers Read Before the Juridical Society», «Revue de droit international», и др.). К 1864 г. Д.И. Каченовского заболел чахоткой. В последние годы своей жизни Дмитрий Иванович продолжал преподавание международного права и государственности западноевропейских стран в Харьковском университете, а также увлекся искусствоведением. Д.И. Каченовский скончался в 1872 г. в возрасте 45 лет от чахотки[2].

Как уже было выше сказано, Дмитрий Иванович Каченовский получил блестящее образование. За годы своей учебы он познакомился с трудами огромного числа западных теоретиков права и государства. Еще в университете он был восхищен трудами Гроция «О праве войны и мира», голландского юриста Бинкерсгука, объяснившего наиболее сложные проблемы международного права, Мэна с его сравнительно-историческим подходом к юриспруденции и Лорана, автора «Истории международного права и международных отношений»[3]. Во многом именно эти авторы предопределили направленность дальнейшей научной деятельности Дмитрия Ивановича, связанной «с самым гуманным правом – правом международным»[4]. Следуя идеям Р. Моля, Д.И. Каченовский полагал, что роль личности возрастает в XIX

---

[1] *Стоянов А.Н.* Воспоминания о Д.И. Каченовском. Харьков, 1873. С. 9.

[2] *Стоянов А.Н.* Воспоминания о Д.И. Каченовском. С. 29.

[3] *Ястржембский В.А.* Д.И. Каченовский как ученый и преподаватель. Харьков, 1905. С. 14.

[4] *Каченовский Д.И.* Курс международного права. Ч. 1. Харьков, 1866. С. II.

веке и начинает превалировать над ролью государства, в отличие от древности, где государство поглощало индивидуальность[1]. Вообще идеи гуманизма были очень близки Дмитрию Ивановичу. Человечность и гуманность он искал во всем, будь то международное право или науки государственные. Поэтому Д.И. Каченовский был приверженцем многих авторов, писавших о важности гуманизма. С этими направленностями души Д.И. Каченовского и связана его научная деятельность.

Надо отметить, что многие знания о международном праве и государственности европейских стран Дмитрий Иванович получил во время своей поездки в Западную Европу. Так, посещая крупнейшие страны Европы Дмитрий Иванович знакомился со знаменитыми философами и публицистами того времени. Там он не спроста познакомился с профессором Гамбургского университета Фридрихом Вурмом, известным публицистом того времени, противником революционных методов, прогрессиста и гуманиста. Этот человек оказал большое влияние на дальнейшую научную деятельность Каченовского. Так предложение Вурма о создании международной газеты для обсуждения важнейших вопросов международного права (идея, надо сказать, не увенчавшаяся успехом, по причине смерти профессора) вылилась в одну из центральных идей всех трудов профессора Каченовского о международном праве[2]. Эта идея заключается в создании международного сообщества юристов-международников, которое будет способно выработать решения по урегулированию важнейших международных конфликтов и, возможно, кодифицировать международное гражданское право. Эта идея была выражена Д.И. Каченовским в его выступлении перед Лондонским юридическим сообществом, которое тоже происходило во время его заграничной поездки[3]. Стоит отметить, что именно этой идеей Дмитрий Иванович предвосхитил создание института международного права, появившегося 8 сентября 1873 г. (к сожалению, для профессора Каченовского, он не застал воплощения этого триумфа своей мысли в жизнь).

---

[1] *Каченовский Д.И.* О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862. С. 94.

[2] *Каченовский Д.И.* Христиан Фридрих Вурм // Русский вестник. 1859. Март. Т. 2. С. 143–144.

[3] *Katchenovskiy D.I.* On The Present State of International Jurisprudence // Papers Read Before The Juridical Society. 1863. T. 2. C. 110.

Во Франции, Д.И. Каченовский познакомился с замечательными публицистами и философами того времени социалистом Луи Бланом и анархистом Пьером Жозефом Прудоном. Если идеи анархизма второго не оказались близкими Каченовскому, то идеи социализма показались ему весьма интересными. Это выразилось в идеях Каченовского о необходимости развития избирательного права в России, об увеличении доли самоуправления. Однако Луи Блан был не единственным, кто повлиял на представления профессора Каченовского о местном самоуправлении. Когда Д.И. Каченовский путешествовал по Англии, он был поражен системой избирательного права и местного самоуправления этого государства, уровнем правосознания подданных английской короны и идеями либерализма, царившими там.[1] В Лондоне Каченовский познакомился с А.И. Герценом, социалистические идеи которого произвели неоднозначное впечатление на Дмитрия Ивановича. Стоит все же отметить, что идеи классовой борьбы были частично переняты Каченовским.

В Италии же Каченовский познакомился с речью профессора Туринского университета Т. Мамиани «О новых началах европейского права». В этой речи профессор выражал свои идеи относительно государственного единства, которое, по мнению Т. Мамиани и П. Манчини, должно строиться на единстве нации. Как отмечает в своих воспоминаниях о Д.И. Каченовском М.М. Ковалевский, Дмитрий Иванович был увлечен этими идеями и с удовольствием в последствие читал лекции студентам об этих воззрениях. Однако со временем отношение Д.И. Каченовского к данным идеям несколько изменилось. Профессор осознал их невозможность в условиях современного ему мира, так как ни одно государство не смогло бы сохранить своей целостности. Поэтому эти воззрения трансформировались у него в идеи, связанные с возможностью сплочения отдельных регионов и областей по национальному признаку (национальные федерации). Таким образом, можно увидеть попытку Д.И. Каченовского сочетать идеи легитимизма с идеями национализма[2].

Многие современники Д.И. Каченовского писали о его особенной любви к государственности Западной Европы, отношению к международному праву там

---

[1] *Стоянов А.Н.* Воспоминания о Д.И. Каченовском. С. 23–25.

[2] *Каченовский Д.И.* Курс международного права.

и их становлению на протяжении веков. Эта его привязанность к вышеперечисленным наукам вызывала огромное порицание в отечественном научном и публицистическом сообществах, бывших в достаточной степени консервативными и связывающих любые проявления политических наук с привнесением раздора в общество. То есть, единственной приемлемой формой правления признавалась та, которая существовала – абсолютная монархия. Остальные предложения не подлежали даже рассмотрению, считались разрушительными и неспособными к созданию государства, а лишь к его разрушению. Во многом такое отношение к государственным наукам было вызвано реакционной деятельностью императора Николая I (1825–1855), связанного с выступлением декабристов 14 декабря 1825 г., в частности введением «Общего устава Императорских российских Университетов 26 июня 1835 г.», согласно 11 ст. которого, спектр политических наук был серьезно сокращен (политическая экономия и статистика единственные дисциплины, что остались), а сами вышеуказанные науки перешли в разряд философских. Дмитрий Иванович был не согласен с такой позицией отечественных ученых, получая материалы для своих рассуждений из лучших политических сочинений Англии и континентальной Европы того времени. В особенности опираясь на труды своего знакомого по заграничным поездкам Ипполита Пасси, написавшего труд о формах правления (в своем труде И. Пасси указывает, что для каждого государства характерна своя форма правления), а также на трудах Джорджа Льюиса, посвященных той же тематике (Дж. Льюис считал, что «формы правления сами по себе уже прекрасны, если отвечают условиям и историческим привычкам народа»)[1]. Д.И. Каченовский был убежден, что государство может являться объектом изучения[2]. Политическая же наука, по мнению Каченовского, изучает государство, несмотря на все индивидуальные отличия различных стран, как нечто, что справедливо для каждого человеческого общества, без которого человечество не смогло бы называться самим собой. Более того, профессор Каченовский считал, что сокрытие этих наук может пагубно повлиять на развитие России. Ведь, если государство проводит неэффективную политику, то незнание об этом может лишь усугубить ситуацию. Наука же способна открыть глаза политических деятелей

[1] *Стоянов А.Н.* Некролог Д.И. Каченовского. Харьков, 1874. С. 7.

[2] *Каченовский Д.И.* О современном состоянии… С. 35.

и народа на угрозы, которые нависли над государством, а соответственно выработать совместные решения этих проблем[1].

Научное сообщество Российской империи середины XIX в. было поглощено идеализмом (Ф. Шеллинг, Г. Гегель) и не признавало позитивистского движения (О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер и др.), развивавшегося на Западе. Эта позиция не была близка Д.И. Каченовскому, хотя он и называл себя идеалистом[2]. Тем не менее, Дмитрий Иванович активно пользовался методами позитивизма, анализируя документы, рассматривая в своих трудах реальные ситуации, то есть основывал свои труды на позитивном материале, хотя и не был знаком с трудами О. Конта и Ф. Бэкона напрямую. Идеи о необходимости «проверенного опыта как фундамента человеческого знания» Д.И. Каченовский почерпнул из книги «О. Конт и позитивизм» Джона Стюарта Милля и трудов Джорджа Корнваля Льюиса. Стоит отметить, что эти авторы занимались скрупулезным анализом трудов позитивистов того времени.[3] Дмитрий Иванович в своих трудах использовал метод обратной дедукции, который по Дж.С. Миллю считался главным фактором научности. То есть, профессор Каченовский выстраивал свой эмпирический вывод на большом количестве проверенных фактов, на его базе он получал частные выводы, которые также подкреплял фактическими примерами из прошлого или настоящего. Д.И. Каченовский считал, что наука юриспруденция практическая, а в своем «Курсе международного права» добавлял, что именно материальные отношения влияют больше всего на международные сношения. Однако было бы некорректно считать, что Д.И. Каченовский был крайним позитивистом. Отнюдь, профессор Каченовский был убежден, что свобода, чувство и любовь должны быть основным началом в жизни людей. Возможно, на эти его идеалистические представления повлияли труды Жан-Жака Руссо. Таким образом, Дмитрий Иванович в своих трудах пользовался синтезом двух научных подходов: позитивизмом и идеализмом[4].

---

[1] *Каченовский Д.И.* О современном состоянии… С. 107

[2] *Каченовский Д.И.* О современном состоянии… С. 30.

[3] *Ковалевский М.М* Д.И. Каченовский: Характеристика Д.И. Каченовского в связи с личными о нем воспоминаниями. Сообщение в торжественном заседании Харьковского юридического общества. Харьков, 1904. С. 11–12.

[4] *Гиршман Л.Л.* Влияние Д.И. Каченовского на современников. Харьков, 1905. С. 9–10.

Теперь следует разобраться в тех обвинениях в западничестве и англоманстве, которые были предъявлены Д.И. Каченовскому многими его современниками. Большинство своих работ Дмитрий Иванович публиковал в западническом журнале «Русский вестник» под редакцией известного западника М.Н. Каткова. Там он публиковал свои статьи об успехах западных авторов в сфере международного права, государственных наук и истории, писал воспоминания о наиболее известных из них и обзоры на их труды. Библиография Дмитрия Ивановича пропитана восхищением от западных идей. Во многих статьях он не скрывал своего сожаления об отставании России от Европы в сфере политических наук.

Действительно, Д.И. Каченовский не скрывал, что считает Россию отстающей от западноевропейских держав в сфере юриспруденции и государственных наук. Он утверждал, что невежество являлось коренной причиной этого отставания. Дмитрий Иванович писал, что наиболее богатые и властные слои населения России, которые «обирали свой народ в мирное время и возлагали на него огромные надежды во времена великой опасности» (здесь отражается увлечение Д.И. Каченовского социалистическими идеями Луи Блана и, отчасти, Герцена)[1], не способствовали развитию этих наук в нашем отечестве. Напротив, именно эксплуатация крестьянства породило невежество в народе, который стал очень легко принимать ту жизнь, которую ему уготовили хозяева, а соответственно развитие государственных наук и юриспруденции оказалось не нужным, так как правящие слои были всем обеспечены. В вводной части своего «Курса международного права» Д.И. Каченовский пишет, что на эту отсталость также повлияли территориальное расположение Руси (ее удаленность от павшей Западной Римской империи, окружение Руси враждебными народами), отсутствие благоприятного дорожного или водного сообщения с Европой, а также на отсутствие необходимости сотрудничества с Европой в средние века (все насущные проблемы можно было решить без вмешательства из вне)[2].

Д.И. Каченовский выступал с критикой Славянских съездов в Санкт-Петербурге и Москве в 1867 году и в Праге и Вроцлаве в 1868 году. Он полагал, что идеи объединения славянских народов под эгидой России, высказанные на

---

[1] *Ястржембский В.А.* Д.И. Каченовский как ученый и преподаватель. С. 19–20.

[2] *Каченовский Д.И.* Курс международного права. С. I–III.

этих съездах опасны, так как неминуемо приведут к столкновению интересов России со странами, где славянские народы проживают (Австрия, Османская империя). Эта позиция была высмеяна корреспондентами славянофильской газеты «Москва», которые обвинили Дмитрия Ивановича в западничестве и неспособности его радоваться за успехи Родины[1].

Однако стоит ли относится к персоне Д.И. Каченовского, как к человеку, не переносившему свою родину[2], считавшему ее безнадежно отсталой и критиковавшего все ее успехи? Отнюдь нет. Лично знакомые с ним коллеги писали в своих воспоминаниях о Д.И. Каченовском, что он всегда с трепетом относился к успехам своей страны и искренне расстраивался ее поражениям. Будучи гуманистом и прогрессистом, профессор Каченовский с восторгом воспринял Великие реформы Александра I, а особенно отмену крепостного права и судебную реформу 1864 года. Из воспоминаний о профессоре известно, что он был присяжным заседателем и на заседания одевал свою «лучшую, праздничную одежду». Каченовский был так рад Великим реформам, что даже написал статью для французской газеты «Revue de droit international», в которой раскрывал суть этих реформ для западноевропейской публики, показывая тем самым, что Россия переходит на новый этап своего развития. Да и могло ли быть иное отношение Д.И. Каченовского к западной науке и культуре? Скорее всего, нет. Ведь именно в Европе зародились идеи гуманизма и политические науки, которые были так интересны Дмитрию Ивановичу. Славянофильство же, по мнению Д.И. Каченовского, было достаточно примитивным течением, признающим лишь индивидуальные черты России, считавшим ее развивающейся отдельно от Европы. Это казалось в высшей степени странно Дмитрию Ивановичу, ибо он считал, что Европа уже давно отбросила тот путь развития, который все еще практиковался в России[3].

Д.И. Каченовский был полностью уверен, что Россию ждет великое будущее как в общественной сфере, так и в научной. Для того, чтобы помочь своей родине он как можно больше времени проводил в университете, преподавая студентам международное право и государственное право

---

[1] *Де Пуле М.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский // Вестник Европы. 1874. № 1. С. 570.

[2] *Де Пуле М.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский. С. 570.

[3] *Де Пуле М.* Харьковский университет и Д.И. Каченовский. С. 572–573.

европейских стран, стараясь донести до них просветительские идеи, появившиеся на Западе Европы. Не зря в своем «Отчете о путешествии по Западной Европе» он пишет, что целями его поездки были: «ознакомление с современным состоянием международного права; расширение знаний о государственных науках; наблюдение за работой учреждений ведущих стран Европы», для наиболее точного раскрытия наук международного права и права государственного студентам[1].

Подводя итоги, следует сказать, что Д.И. Каченовский бесспорно являлся представителем западнического течения. В основу его трудов легло большое количество идей западноевропейских философов, юристов и публицистов. Однако иначе и не могло быть, ведь, получив разностороннее образование, Дмитрий Иванович отлично осознавал, что именно Европа дала жизнь всем политическим и юридическим наукам, а соответственно черпать знания об этих науках следует из трудов западных авторов. Противостояние Д.И. Каченовского российской научной доктрине того времени носит скорее просветительский характер, так как Дмитрий Иванович всегда добивался искоренения невежества. И какие бы обвинения в западничестве и англоманстве не возводили на него недоброжелатели и славянофилы, Дмитрий Иванович Каченовский всегда оставался искренне преданным своей Родине.

Summary

Article devoted to an outstanding Russian professor of university of Kharkov Dmitri Katchenovskiy (1827–1872), who is supposed to be one of the first international law theorists in Russia, highly appreciated specialist by London's Juridical Society and a well-known publicist of his time. The author of this article concentrated on representing the confrontation between professor Katchenovskiy, famous for his western oriented views, which were shaped by the influence of such eminent western scientists as professor Wurm, Hippolyte Passy, Louis Blanc, August Comte, François Laurent, Hugo Grotius etc., and Russian scientific society.

The information about leading international law and political science theories, which were formed and highly respected in the XIX century is given in article. Moreover, information presented in the text covers main ideas, which appeared in western law science and had a great influence on the works of D. Katchenovskiy.

[1] *Каченовский Д.И.* Отчет о путешествии по Западной Европе профессора Д. Каченовского в 1858–59 годах. Харьков, 1860. С. 18.

Key words: international law, humanism, Institute of International Law, socialism, anarchism, nationalism, political science, idealism, positivism, westernism, slavophilism, ignorance, The great reforms of Alexander II.

Е. В. Цой

П.Д. Калмыков об авторском праве

Статья посвящена одному из первых российских изданий об авторском праве, — исследованию профессора П.Д. Калмыкова, которое затрагивает историческое развитие литературной собственности.

Ключевые слова: авторское право, литературная собственность, история, права сочинителей.

Признание и защита исключительных прав авторов на результаты их творческой деятельности есть одно из важнейших условий развития науки, литературы и искусства во все времена. Авторское право не только создает условия для занятия творчеством, но и обеспечивает правовое признание и защиту работ авторов, закрепляя за ними такие основополагающие права, как владение, пользование, распоряжение и, несомненно, получение доходов от созданных ими произведений, и в то же время регулирует условия для использования их интеллектуального труда в интересах общества. Историю развития авторского права в России можно обозначить как ряд попыток нахождения оптимальной грамотной правовой защиты прав авторов, которая способна сопоставить потребности общества с интересом автора в получении материального вознаграждения за свой труд. В связи с этим важно обратиться к истокам отечественного авторского права и рассмотреть первые научные публикации, посвященные этой теме. Одним из первых, кто начал исследование авторского права в России является выдающийся профессор права П.Д. Калмыков.

Профессорская деятельность П.Д. Калмыкова началась в ту эпоху, когда наука права только зарождалась в нашей стране. Петр Давыдович Калмыков был сыном небогатого дворянина Московской губернии. Оставшись круглым сиротой в раннем возрасте, он вырос на попечении своего дяди И.М. Фролова, в доме которого получил хорошее первоначальное образование. В 1822 г. мальчик отдали в 3-ю петербургскую гимназию, а в 1827 г. он поступил на филологическое отделение Санкт-Петербургского университета. В ноябре 1827

г. по высочайшему повелению в русских университетах были избраны двадцать молодых людей, которых положено сначала отправить на 3 года в Дерпт, а после- еще на два года за границу для приготовления к профессуре по юридическим наукам. В числе избранных студентов был П.Д. Калмыков. Уже через год профессоры из Дерпта подтвердили, что он вполне подготовлен для самостоятельных занятий. Избрав по предложению М.М. Сперанского юридические науки, в ноябре 1830 г. П.Д. Калмыков уехал за границу, где ему выпал замечательный шанс прослушать лекции знаменитых профессоров, таких как Савиньи, Гегеля, Ганса. По возвращении в Россию в июне 1834 г. его причислили ко Второму отделению Собственной Его Величества канцелярии, а в 1835 г. он преподавал на кафедре энциклопедии законоведения и русского государственного права в Санкт-Петербургском университете. В 1837 г. П.Д. Калмыкову присуждается звание ординарного профессора. Курс энциклопедии законоведения он читал до конца своей жизни. Его профессорская деятельность не ограничивалась только энциклопедией законоведения, он так же вел другие предметы, как уголовное право — в Училище правоведения, историю русского права — в Александровском лицее. Кроме того, он был директором 1-й гимназии в Петербурге с 1840 по 1849 г. и многое сделал для этого учебного заведения.

П.Д. Калмыков был поистине выдающимся человеком своего времени и талантливым преподавателем. Его лекции, полные теплым чувством человечности и глубоким уважением к началу законности, производили сильное впечатление на публику. Он даже давал приватный курс по философии права. Один из его учеников воспоминал о занятиях у П.Д. Калмыкова: «Всегда серьезный, почти мрачный, но изысканно вежливый и деликатный, он поражал нас сдержанно-страстным отношением к своему предмету выражавшимся во всем — в голосе, в тоне, в образной речи, в пафосе, с которым он говорил об уважаемых им ученых или восставал против несимпатичных ему форм уголовной кары, например против смертной казни, против телесного наказания и наложения клейм (что в тогдашнее время было не совсем безопасно для профессора). Он, очевидно, хотел передать слушателям не только свои сведения, но и свое настроение…»[1]. Как личность П.Д. Калмыков отличался

[1] Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения. 1849–1855 гг. // Русская старина. 1886. Т. 50. С. 213–214.

высокими нравственными качествами и был горячо предан науке. Он всегда приветствовал молодых людей, увлеченных наукой, и с любовью руководил их занятиями, не щадя ни своего времени, ни сил.

Талантливый профессор права поистине обладал преподавательским даром, о чем свидетельствуют воспоминания его ученика: «Учились мы у Калмыкова усердно и довольно успешно. Охота, с которой мы слушали Калмыкова, свидетельствует о том, что, несмотря на всю нашу неразвитость и неподготовленность, хорошие профессора могли сделать из нас... порядочных учеников» [1]. Некоторые его товарищи по университетскому преподаванию называли его «патриархом юридических наук, правды и чести». Несмотря на то, что напечатать он успел не многое, его труды невозможно оставить без внимания.

В целом, в XIX в. начинаются масштабные исследования авторского права. Именно в этот период начинает официально формироваться система правового регулирования творческой деятельности. К изучению авторского права обращались известные дореволюционные правоведы - Г.Ф. Шершеневич, И.Г. Табашников, В.Д. Спасович, С.П. Никонов, Д.А. Коптев, Ю.И. Гамбаров, А.В. Панкевич, Я.А. Канторович, А. Борзенко и другие. П.Д Калмыков первым начал изучение права литературной собственности. Его произведение «О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России» (1851) является одной из немногих работ, где представлен исторический экскурс формирования авторского права в России. Однако он ссылался на недостаточность исторических материалов, датированных ранее XVIII в.

Прослеживая исторический путь авторского права, автор в своем исследовании затрагивает период с древнейших времен до изобретения книгопечатания, когда литературная деятельность не была широко распространена в гражданском обществе и занимала в нем незначительное место, и до первой четверти XIX в. В эпоху, когда книгопечатание производит переворот в умственной и нравственной жизни общества и литературная деятельность оживилась. Появляется совершенно новый объект в сфере имущественных отношений – произведения литературы. Они помимо своей эстетической и духовной ценности представляют и экономическую ценность,

[1] Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения. С. 215.

от которой можно было получить материальный доход. Законодательству необходимо было не только закрепить этот новый вид имущественных отношений, но и создать правовую базу для его защиты. П.Д. Калмыков подробно рассматривает отношения сочинителя, издателя и общества в эпоху царствования Романовых – от царя Михаила Федоровича до императора Николая Павловича.

Законодательное оформление авторского права претерпело долгий период. Это во многом было связано с причинами общекультурного характера, так как понятие литературной собственности было неясным и сбивчивым и идея авторства долго формировалась в общественном сознании того времени. Долгое время существовало представление о том, что письменные тексты являются общей собственностью и не принадлежат определенному лицу, поэтому каждый имеет право их переписывать, так как с преобладанием на Руси летописей, богослужебных и богословских книг не было индивидуального автора, а его заменяли церковь и государство. С точки зрения П.Д.Калмыкова, в Древней Руси «сочинители, редко встречавшиеся, пользовались по большей части только честию авторства, и то не всегда; имена немногих из них сохранились в послесловиях рукописей; простые светские писатели обыкновенно скрывали свои имена, и их творения, правда чрезвычайно редкие, делались собственностью всех; переписчик или тот, замышлением которого он переписывал, делался полным хозяином созданной книги, пользовался ею сам или продавал ее и иным образом отчуждал. Все это способствовало преобладанию понятия об общей собственности всех над книгами...» [1]. Прослеживая эволюцию авторского права, можно отметить, что защиты в виде привилегий перешла к защите в форме закона, Это впоследствии расширило масштабы правовой защиты, которая затрагивала как право собственности, так и интересы распространителя и автора. Так, авторское право обретает не только имущественный характер, но и личный, в котором заключается охрана личности автора и его творческих интересов. П. Д. Калмыков превозносил значение авторского права, усматривая в нем смысл культурного катализатора в государстве: «Материальное направление... увлекает за собою деятельность

[1] *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России. // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Кн. 10. С. 105.

большей части людей; но, по неизменному закону истории, источник духовной жизни в гражданских обществах никогда не иссякает; напротив того, при каждом... чрезмерном усилении господств материальных интересов он бьет вечно новым, животворным ключом»[1].

Так, он выделяет литературную собственность «в обширном смысле» и собственность литературную «в тесном смысле». В первой интерпретации литературная собственность обозначается как «1) собственность сочинителя на подлинник или рукопись и право на вознаграждение за его труд; 2) право личного обязательства между сочинителем и издателем по договору, касающегося первого издания и продажи подлинника, размноженного в определенном количестве экземпляров; 3) право на дальнейшее размножение и продажу» [2] . В его работе отмечаются два способа распространения произведения– «изустный» и «письменный». Первый вид ограничен определенным временем, местом и каким-либо количеством людей и состоит в устном сообщении умственного произведения посредством чтения или представлением драматического произведения на сцене. Письменный способ состоит в размножении подлинника в известном количестве экземпляров посредством издателя и других второстепенных лиц, которые дадут работе автора материальную форму, а так же книгопродавца, доставляющего экземпляры сочинения потребителям. П.Д. Камыков обозначал писателя- отдельным предметом, а публику- собирательным, «… из них каждый находится в известном юридическом отношении к друг другу, на каждом из коих лежат взаимные права и обязанности. Но здесь представляется еще третий предмет, который возбуждает столь же заботливое внимание юриста. Это- способы сообщения умственного произведения публике для удовлетворения её потребностям»[3].

«Издатель есть тот, кто берет на себя производства всех механических работ, необходимых для сообщения книги публике. Он приводит своим капиталом в движение деятельность типографщика, книгопродавца и некоторых других второстепенных лиц... Отсель рождается необходимость определить с точностью юридически взаимные отношения сочинителя и

---

[1] *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще… С. 99.

[2] *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще… С. 9–10.

[3] *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще… С. 7.

издателя. Издатель, в юридическом смысле, есть повешенный сочинителя, подряжающийся размножить подлинные и пустить в оборот экземпляры» [1]. Договор между сочинителем и издателем представляет особый род договора, заключающий в себе все главные признаки доверенности и подряда. Касательно сущности запрета контрофакции или противозаконного перепечатывании автор полагал, что права автора должны быть защищены положительным законом, который давал сочинителю или издателю привилегию на исключительное перепечатывание его сочинения в течение известного и продолжительного срока. При жизни П.Д. Калмыков готовил подробное исследование о литературной собственности, но не успел его завершить.

Среди большого числа подходов к трактовке юридической природы авторского права в дореволюционный период П.Д. Калмыков был близок к теории, в которой считалось, что все умственные произведения (произведения литературы, науки, музыки и искусства) относятся к одному виду собственности и право авторов на их произведения принадлежит к категории вещных прав. В связи с этим, появлялся новый институт собственности, аналогичный с правом собственности на телесные вещи. Основанием собственности считался труд. Произведения литературы, науки и искусства не только в материальном, но и в духовном содержании представляют такой же продукт индивидуального труда, который может быть объектом в гражданском обороте. Следовательно, к умственным произведениям применяются все принципы собственности, как неограниченность, безусловность, бессрочность. Эта теория получила широкое распространение среди французских писателей XVIII в. В российской юриспруденции ей придерживались И.Г. Табашников, С.П. Никонов, М.А. Филиппов, Ю.С. Гамбаров. В частности, И.Г. Табашников отмечал: «Срочность этого права [авторского – *Е.Ц.*] не вытекает из его существа, из его главнейших свойств, есть лишь результат неблагоприятно сложившихся обстоятельств» [2]. Однако, данную теорию подвергали критике многие правоведы и экономисты. Они отрицали литературную собственность из-за отсутствия в этом понятии объекта собственности, самой вещи. Поэтому с их позиции литературная собственность немыслима как юридическое понятие,

---

[1] *Калмыков П.Д.* О литературной собственности вообще… С. 9.

[2] *Табашников И.Г.* Литературная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права. Т.1. СПб, 1878. С. 291.

составляющее в себе реальный вид собственности, а выражалась только как метафора.

Существовали также другие теории, которые пытались раскрыть природу авторского права. Так, деликтная теория полностью отрицала существование авторского права, но при этом обосновывала необходимость защиты и охраны авторского права по причине неправомерности контрафакции исключительно на основе уголовных предписаний. Я.А. Канторович пишет: «Цель юридической защиты клонится... к предоставлению известным лицам исключительных возможностей совершения известных действий, с запрещением всем прочим возможности подражания... эти права следовало бы назвать “исключительными”»[1]. Г.Ф. Шершеневич считал, что «при отсутствии сочинений, отражающих творческую деятельность автора, не могло быть речи об авторском праве и его защите» [2] . Запрещение перепечатки чужого произведения, закрепленное в положительном законе, влечет за собой обязательства из деликта. Это создает основания наступления авторского права, хотя деликтная теория не в состоянии определить содержание самого права.

Стоит отметить теорию, которая относила авторское право к категории обязательного права и была основана на договоре между автором и публикой. При существовании определенной фикции о молчаливом соглашении, возникающем при обнародовании произведения не только современной публике, но и будущим потомкам, автор, отдавая на продажу книгу, обязывается её не перепечатывать.

В.Д. Спасович и А.П. Мальшинский полагали, что авторское право как «совершенно особенное имущественное право» исторически родилось из привилегий и по существу выражает собой монополию автора на издание и продажу своего произведения. А.В. Панкевич, Я.А. Канторович и Г.Ф. Шершеневич основывались на исключительном имущественном праве, которое осуществляется, главным образом, через распространение произведения. Л.А. Камаровский, напротив, видел авторское право как «совершенно своеобразное» личное право. А.Б. Думашевский рассматривал

---

[1] *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Пг., 1916. С. 45.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891 С. 120.

авторское право как синтез личного права автора на обнародование произведения под своим именем и имущественного права на гонорар.

Указанные теории, а так же широкий спектр других, не отмеченных в статье, не дали универсальной трактовки природы права, так как авторское право изначально слишком сложное по своему содержанию и охватывает широкий круг отношений по поводу создания, защиты и оборота объекта.

Знаменитое утверждение П. Д. Калмыкова о том, что «наука права есть наука опытная»[1], было смелой мыслью для русского юриста того времени и в наши дни не потеряло своей актуальности. Путём теории открывается «великая истина науки», предшествуя также надежным путем опыта. Поэтому не только с фактической стороны, но и с философской постигаются как общие, так и основные истины предмета науки права, которые открываются путем лишь опытного исследования. Ряд положений, выдвинутых П.Д. Калмыковым, восполняют заметный пробел в историографии по авторскому праву и, безусловно, его исследования в сфере интеллектуальной собственности представляют особую ценность, так как он первый в отечественной юриспруденции на научном уровне затронул понятие литературной собственности, и в дальнейшем его правовые взгляды были развиты другими известными правоведами. Все это дополняет и расширяет сферу научного знания в сфере юриспруденции, что способствует пониманию основных принципов и идей современного авторского права.

Summary

The article is devoted to the one of the first Russian publications about the copyright — the Professor P. D. Kalmykov's research which contain historical movement of literary property.

Key words: the copyright, literary property, history, authors rights.

А.А. Шишанова

Конституционный судья как субъект толкования права в реалистической концепции М. Тропера

С недавнего времени в правовой школе Франции возникло новое течение, заключающееся в попытках прочтения нормативизма с позиций правового реализма, как

[1] *Калмыков П.Д.* О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 3.

результат развития этого течения появилась реалистическая теория толкования, автором которой является Мишель Тропер, профессор права в Университете Париж-10 Нантер. Предметом исследования является конституционный судья, выступающий как субъект аутентичного толкования. Актуальность данной темы заключается в том, что, реалистическая теория толкования неореалиста Тропера имеет наряду с преимуществами и некоторые недостатки, которые вызывают неоднозначное понимание идей профессора, приводящее к возникновению споров относительно содержания теории. Основные положения теории описывают функции субъектов толкования с совсем непривычной, отличной от тех очевидных истин, на которых юристы привыкли строить свое понимание современного права, стороны.

Ключевые слова: реалистическая теория толкования, конституционное толкование, М. Тропер, О. Пферсманн, субъекты толкования, аутентичное толкование

Вопрос о субъектах толкования права в рамках данного исследования будет рассмотрен через призму статей и исследований французского правоведа, почетного профессора права в Университете Париж-10 Нантер – Мишеля Тропера. Тропер является автором реалистической теории толкования, которая появилась в результате возникновения нового течения в правовой школе Франции, заключающегося в попытке прочтения нормативизма с позиций правового реализма.

Актуальность данной темы заключается в том, что, во-первых, в результате сегодняшнего усложнения существующей системы права, в результате появления тенденции использования все больших абстрактных понятий в текстах норм, значение процесса толкования норм права значительно возрастает, а роль субъектов, толкующих право, вызывает теперь еще больший интерес для исследования. Во-вторых, реалистическая теория толкования неореалиста Тропера, начавшая свое развитие в 1990-х годах, является достаточно молодой и имеет наряду с преимуществами и некоторые недостатки, которые вызывают неоднозначное понимание идей профессора, приводящее к возникновению споров относительно содержания теории.

Автор делает акцент на роли конституционного судья в процессе толкования норм права. Таким образом, предметом исследования является конституционный судья, выступающий как субъект аутентичного толкования. В статье предпринимается попытка анализа особой роли Конституционного судьи в процессе толкования правовых норм, его полномочий и границ свободы при осуществлении этой деятельности согласно реалистической теории.

Соответственно будет проведен анализ работ исследователей по данной тематике (самого М. Тропера, а также Г. Кельзена, О. Пферсманна и М.В. Антонова), сравнение точек зрения Тропера и его оппонента О. Пферсманна по поводу содержания правового позитивизма и особой роли конституционного толкования, дано определение природы конституционного толкования, его особенностей, выявлена особая роль конституционного судьи как субъекта толкования права, границ свободы его деятельности.

Для начала, необходимо выяснить основные моменты, в которых заключается реалистическая теория М. Тропера. Сущность данной теории авторам была изложена в статье «Реалистическая теория толкования». По словам профессора: «Реалистическая теория – это разновидность юридического позитивизма – научной доктрины, которая пытается сконструировать правовую науку по образцу модели, производной от эмпирических наук»[1].

Теория, представленная Тропером, основана на концепции толкования Кельзена, хотя имеет и некоторые расхождения с ней, основные моменты ее можно выразить в трех признаках:

1. Толкование – это акт волеизъявления, а не понимания.
2. Объект толкования – не нормы, а формулировки и факты.
3. Субъекты, осуществляющие толкование, наделены специфической властью[2].

Французский мыслитель, вслед за Кельзеном, придерживается мнения, что правотворчество и правоприменение – один и тот же процесс. По мнению Тропера, властный орган, который осуществляет аутентичное толкование, самостоятельно создает правовые нормы, регламентирующие их компетенцию, а не выводит их из предполагаемой основной нормы.

Закон включает в себя не одну норму, а многие вероятные нормы, которые соответствуют допустимому толкованию. Правоприменитель, автор толкования, и должен выбирать между этими многообразными нормами. Сама по себе норма не может быть наделена значением, так как она сама является значением и поэтому не может быть истолкована, по причине того, что невозможно определить значение значения. Таким образом, единственный

---

[1] *Тропер М.* Реалистическая теория толкования / Пер. с франц. О. Лысенковой // Сравнительное конституционное обозрение. 2006.№ 1. С. 136.

[2] *Тропер М.* Реалистическая теория толкования. С. 136.

возможный объект толкования – это текст или факт, которые являются обладателями значения.[1] Норма – это не значение акта волеизъявления, так как некий акт волеизъявления обретает значение нормы только в том случае, если какой-либо другой подобный акт придает первому акту подобное значение.[2] А что есть этот акт волеизъявления? Для нахождения ответа на этот вопрос необходимо ознакомиться с двумя разными теориями относительно данной проблемы, введенными Кельзеном[3]. Первая теория определяет толкование как функцию сознания – у любого правового текста лишь единственное верное решение и толкователь должен только раскрыть этот смысл с помощью применения разных методов. Вторая теория подразумевает толкование как функцию воли – текст не обладает иным верным содержанием, кроме того, которое было определено субъектом толкования права

Согласно реалистическому толкованию Тропера, толкование - это акт не установления смысла нормы, а создания этой нормы, ее юридического значения, так как, по мнению Тропера, норма не существует до момента ее толкования, в чем, кстати, он следует Г. Кельзену.

Тема конституционного толкования занимает центральное место как в исследованиях неореалиста Тропера, так и в работах представителя правового нормативизма Отто Пферсманна, с которым они ведут некую полемику по поводу содержания правового позитивизма, реалистической теории и особой роли конституционного толкования. Их спор выразился в дискуссии, состоящей из двух полемических статей Пферсманна и одной статьи Тропера, в которой он отвечает на критику своего противника.

Существенная разница в идеях Тропера и Пферсманна заключается в том, что для Пферсманна сущность права постигается через нормы, когда для Тропера же право является существующим и проходящим свое развитие в действиях субъектов права, в особенности, его правоприменителей.

---

[1] *Тропер М.* Реалистическая теория толкования. С. 140.

[2] *Антонов М.В.* Современная теория права во Франции: реалистический подход к праву в концепции Мишеля Тропера и спор о неореализме в толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 329.

[3] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Пер. с нем. С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова. Вып. 1. М., 1987. С. 8.

Основной спор между Тропером и Пферсманном возникает относительно того, что, по убеждениям Тропера, у судьи есть право выносить любое по содержанию решение, не встраивая его в логическую смысловую иерархию правопорядка. Тропер даже допускает возможность вынесения решения вопреки этой смысловой иерархии, когда же Кельзен, например, был уверен, что правопорядок должен являть собой смысловое единство. Как раз с этой позицией Тропера и есть основное несогласие Пферсманна, которое он обосновывает в своих критических статьях.

В своих исследованиях М. Тропер, разбирая некоторые примеры из судебной практики, приходит к мнению, что своеобразие конституционного толкования не связано с конституцией как с особым предметом толкования, а его особенность заключается в том, что в правовом порядке с его помощью устанавливается иерархия нормативно-правовых актов. Автор предполагает, что такая иерархия не существует до самого аутентичного акта толкования. Даже если эта иерархия прописана в конституции, она является лишь только потенциальной и может быть изменена в процессе конституционного толкования. Тропер утверждает, что значение и содержание правового текста не будут установлены, определены до момента толкования. Отсюда вывод, что норма права возникает не в результате законодательной деятельности, а в процессе толкования установленных законодательством норм[1].

Существуют две разные теории относительно проблемы конституционного толкования, введенные Кельзеном, определяющие толкование как функцию сознания и как функцию воли, о которых мы уже упоминали ранее.

Согласно Троперу под органами толкования конституции следует понимать не тех лиц, которые занимаются толкованием конституции, а тех, кто создают акты, которые были названы Кельзеном «актами аутентичного толкования». То есть те акты, с которыми правовой порядок связывает последствия, которые не подлежат дальнейшему оспариванию, и которые включены в текст, являющийся объектом толкования.

Тропер выделяет две особенности конституционного толкования:

1. Обычно конституционное толкование осуществляется коллективно.

---

[1] *Тропер М.* Конституционное толкование / Пер. с фр. М.В. Антонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 4. С. 91.

2. Существует не только толкование, производимое судами высшей юрисдикции, но также и толкование, которое осуществляется несудебными органами[1].

В нашем случае нас интересует только то толкование, которое осуществляется судебными органами, а именно, Конституционным Судом.

Орган толкования связан многими сдерживающими факторами, отсюда и возникает невозможность утверждать, что такой орган свободен в выражении своей воли

Когда ведется речь о свободе определенного властного органа, то можно предположить, что такой орган будет освобожден из-под закона причинности. Следуя традиционной теории, возникает тезис о том, что при отсутствии органов конституционного контроля, законодатель волен принимать любые законы с любым их содержанием. Однако же следуя идеям Тропера, властный орган является свободным (причем, именно юридически свободным) лишь в том, что у него есть возможность сделать выбор между несколькими вариантами поведения. Следовательно, свобода толкования означает лишь то, что, если у органа толкования есть право давать аутентичное толкование, то любые акты толкования, которые были произведены данным субъектом, будут обладать одинаковой степенью действительности (эти акты будут инкорпорированы в текст, который будет являться объектом толкования, отсюда возникнут особые юридические последствия)[2].

Касаясь проблемы свободы судьи давать толкование и границ его деятельности относительно этого вопроса, возникают две трудности, которые нуждаются в дополнительном объяснении.

Следуя Троперу, у судьи есть право толковать согласно своей воле, но при этом существует некое ощущение связанности судьи в данном процессе. В том случае, если судья не связан значением текста (когда это значение первоначально уже задано), и если он выражает свою волю при толковании, то возникает ощущение, что таким образом он может изменять варианты толкования так, как ему захочется. Но, однако, если брать во внимание

---

[1] *Тропер М.* Конституционное толкование. С. 93.

[2] *Тропер М.* Свобода толкования у конституционного судьи / Пер. с фр. М.В. Антонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 4. С. 191.

судебную практику всех лет, то можно увидеть, что решения судей отнюдь не кажутся такими, которые были бы сделаны по первому желанию их воли, как им хочется, решения являются очень последовательными, разумными. Значит нельзя утверждать, что решения судей из-за того, что им дана некоторая свобода будут непредсказуемыми. Отчего это выходит, если у судьи все-таки есть свобода толкования? Можно предположить, что судьи при применении и толковании права чувствуют себя связанными морально. Однако судьи, даже если и существует некая скованность их действий моралью (хотя здесь возникает спорный вопрос в отношении того, что именно каждый судья считает соответствующим морали, и сходятся ли их представления о ней), чувствуют себя связанными также юридически. Систему сдерживающих факторов, которая и создает ограничения для свободы судьи как толкователя, можно назвать юридическим понуждением. Это юридическое понуждение можно истолковать как в узком, так и в широком смысле. Если рассматривать это понятие в узком смысле, то, обращаясь к цитированию философа-лингвиста Джона Серля, Тропер утверждает, что понуждение – это результат правил, которые не ограничиваются предписыванием поведения, но конституируют это поведение в таком смысле, что именно их соблюдение позволяет квалифицировать поведение так, а не иначе[1]. В широком же смысле, понуждение понимается в том смысле, что нормы ставят индивида или властный орган в такое положение, в котором стоит действовать определенным образом для того, чтобы данное действие можно было квалифицировать как разумное и эффективное.

Также свободу судьи можно считать ограниченной тем, что, несмотря на то, что Конституционный Суд является органом, при котором не существует нижестоящих судебных инстанций, все равно остается и играет немаловажную роль законодатель, который подчинен его юрисдикции. В этом случае ряд актов толкования, произведенных Конституционным судьей произвольным путем, может привести к вопросу о легитимности его действий и к тому, что он может потерять, присущую ему способность определять содержание будущего законодательства.

Тропер утверждает, что ограниченность судьи в вопросе произвольного толкования норм права строится на том, что существует верование судьи в

[1] *Тропер М.* Свобода толкования у конституционного судьи. С. 193.

свою связанность. Это и заставляет судью при толковании конституционных норм придерживаться своей собственной методики толкования и основывать свои решения на собственной практике. У судьи есть абсолютная свобода в том, чтобы в любое время поменять свою практику. Но в его интересах оставить ее неизменной, так как можно сказать, что умеренность – один из главных критериев оценки власти судьи.[1]

В рамках данной статьи была предпринята попытка анализа особой роли Конституционного судьи как субъекта аутентичного толкования согласно реалистической концепции Мишеля Тропера. В результате такого анализа были определены границы свободы судьи при толковании норм права. Задачи, поставленные перед нами, были выполнены. В результате работы над данной статьей установлены моменты, являющиеся особенными при рассмотрении роли конституционного судьи как органа аутентичного конституционного толкования, которые отражены в работах Мишеля Тропера. Область для данного исследования не исчерпана, поэтому возможны также и последующие возвращения к изучению данного вопроса с, возможно, другой стороны или более детальное рассмотрение данной проблемы.

Summary

Recently a new trend has appeared in a French law school, which consists in an attempt to consideration of normativism from the viewpoint of law realism. As a result of it M. Troper and his colleagues have created a realist theory of interpretation which is based on H. Kelsen's theory of interpretation despite having several discrepancies with it. The object of this research is a constitutional judge, who is presented as a subject of interpretation of law. The topicality of this term is account that the realist theory of interpretation has both advantages and disadvantages, which cause polysemantic understanding of professor's ideas and rise of disputes about the matter of this theory. The basic moments of the theory describe the functions of interpreters of law from unusual point, which is different from the agreed notation about this phenomenon.

Keywords: realist interpretation of law, constitutional interpretation, M. Troper, O. Pfersmann, subjects of interpretation, authentic interpretation

[1] *Тропер М.* Свобода толкования у конституционного судьи. С. 195.

СЕКЦИЯ 2
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА, ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Д.В.Алексеев

Причины увольнения министра юстиции Г.Р. Державина

Первые годы правления Александра I ознаменовались масштабными преобразованиями в системе государственного управления. Одним из нововведений стало учреждение министерств. 8 сентября 1802 г. первым министром юстиции в русской истории был назначен Г.Р. Державин. Взгляды Державина во многом не соответствовали интересам и запросам правительствующей, либерально-настроенной верхушки. На основе текстов Манифеста об «Учреждении министерств», распоряжений Еврейского комитета, указов Полного Собрания Законов и распоряжений Сената я проанализирую «особое мнение» Г.Р. Державина по вопросу евреев, по делу графа Северина Потоцкого и вопросу обязанностей министров, которое впоследствии и стало политической причиной увольнения Г.Р. Державина с поста министра юстиции.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, учреждение министерств, министерство юстиции, «особое мнение» Державина, Александр I, причины увольнения Державина.

Начало правления Александра I принято называть временем, когда молодой император увлекается либеральными идеями под влиянием настроений Великой Французской революции 1789 г., его учителя Фредерика Лагарпа и членов Негласного комитета. После вступления на престол Александр вместе с его молодыми сподвижниками обращается к реформам в сфере государственных образований. Одним из главных преобразований начала XIX в. стало учреждение министерств, пришедших на смену петровским коллегиям. Первым министром юстиции в русской истории стал Гавриил (Гаврила) Романович Державин. Этот пост стал для Державина последним в его политической карьере – на посту министра юстиции и по совместительству генерал-прокурора Гавриил Романович продержался 13 месяцев, после чего 7 октября 1803 г. был уволен Александром.

Державин больше известен нам как литературный деятель, его государственная служба остается малоизученной, в связи с чем тема исследования является актуальной. Особый интерес представляет выявление и анализ политических причин и мотивов увольнения Державина с поста министра юстиции.

Основной период государственной деятельности Державина проходил гораздо раньше правления Александра I. Пик развития его политической карьеры пришелся на царствование Екатерины II, когда Державин участвовал в подавлении Пугачевской бунта, занимал ряд чиновничьих должностей, был дважды губернатором Олонецкой и Тамбовской губерний. Особенно важно, что именно в этот длительный период службы – с 1762 по 1796 гг. сформировались его политические взгляды, воззрения, образ. Политический образ Державина состоял из нескольких формообразующих факторов. Во-первых, характер Гавриила Романовича – он был энергичен, постоянно активен и настойчив в своих идеях. Во-вторых, приверженность закону: Державин не принимал и осуждал любые проявления коррупции, взяточничества, чиновничьего произвола и беспорядка в любых административных органах. В-третьих, Державин, таким образом, стал и всегда оставался приверженцем екатерининских времен, законов и устоев.

Для ответа на поставленный вопрос, для понимания и выявления причин увольнения Державина в статье рассмотрены несколько случаев с участием Гавриила Романовича во время его нахождения на посту министра юстиции:

- Вопрос об устройстве Министерств на основе Манифеста об «Учреждении министерств»[1];
- Вопрос о положении евреев на основе распоряжений «Комитета о благоустроении евреев», «Мнения» Державина [2];
- Вопрос по делу графа Потоцкого о сенатском «праве представления» на основе распоряжений Сената.

Во всех случаях позиция энергичного Державина, Державина-консерватора и Державина-приверженца закона и порядка противоречила интересам большинства министров, сенаторов, членов Негласного Комитета и запросам императора Александра, во всех этих делах у Гавриила Романовича формируется свое «особое мнение».

Сразу после распределения Министерств и выхода указа 8 сентября 1802 года об «Учреждении министерств» на первом собрании сенаторов и министров

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. XXVII. СПб., 1830. № 20406.

[2] *Калачев Н.В.* Архив исторических и практических сведений. Кн. IV. СПб., 1862. С. 60–84.

Державин настоял на четком определении границ деятельности министров, о строгой отчетности и порядке среди министров, что важно для Державина как приверженца закона и порядка. Иначе без особых инструкций для глав министерств не будет никакой пользы для государства[1]. Такое заявление вызвало бурю негодований среди остальных министров и сенаторов, хотя порыв к порядку внутри государственных образований Державина не мог быть не принят императором Александром. Протестное мнение графа Кочубея, представлявшего интересы Негласного Комитета и министров, гласило, что главы министерств и без того являются доверенными лицами государя, а, значит, они a priori не могут совершить никаких бесчинств и злоупотреблений, и надзор со стороны Сената и закона над ведениями министерств якобы не нужен[2]. В конечном итоге Александр поддержал и реализовал идею Державина, однако этот эпизод стал началом противоречий между Державиным и остальными министрами, учитывая, что министерства формировались как учреждения – единого целого, общего, состоящего из членов, проникнутых единством политической мысли.

Другим вопросом, пошатнувшим положение Державина, стало дело о положении евреев. Еще до назначения на пост министра юстиции Гавриил Романович предложил свой проект – «Мнение» о преобразовании и изменении положения еврейского народа на территории России, буквально пропитанный антисемитскими настроениями, с множеством принудительных и репрессивных мер в отношении евреев[3]. В 1802 году был сформирован «Комитет о благоустроении евреев» (далее – Еврейский комитет), в который вошли близкие друзья императора граф Кочубей, князь Чарторыйский, граф Северин Потоцкий и министр юстиции Державин. Только состав Еврейского комитета уже мог наводить оппозиционные настроения либеральных друзей Александра I и консервативно настроенного Державина. Однако Александр специально включил в состав Комитета опытного министра, не только потому, что он уже владел информацией и совершил несколько командировок в еврейские поместья, но и потому, что в отличие от молодых чиновников, умел реализовывать идеи на практике.

---

[1] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М., 2002. С. 22.

[2] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. С.23–25.

[3] *Калачев Н.В*. Архив исторических и практических сведений.

Главной задачей вновь сформированного Еврейского комитета была обсудить «Мнение» Державина о благоустройстве евреев и определить их законное положение на территории Российской Империи. Для разрешения вопроса со стороны еврейского народа был приглашен Нота Ноткин. Гавриил Романович в ходе переговоров упорно не отходил от своего мнения, упорно отстаивал его перед остальными членами Комитета. Помимо расхождения в политических воззрениях Державина и «молодых друзей», члены Еврейского Комитета не могли договориться и по вопросу устройства евреев. Комитет в своем большинстве выступал за приобщение евреев к общей гражданской жизни, к направлению их к производительному труду, к беспрепятственному доступу к торгово-промышленной деятельности, свободному передвижению и жительству. Державин же злобно клеветал на евреев, требовал их стеснения в гражданских правах, обособления от гражданского населения. Он старался доказать, что евреи – враги христиан не только в вопросах религии, но и в повседневных отношениях. В житейских действиях евреев скрывается злобный умысел. [1] Острее всего встал вопрос о проживании евреев в деревнях с целью виноторговли. Еврей Ноткин «убеждал комитет оставить евреев на местах, приняв лишь меры против возможных злоупотреблений с их стороны»[2]. Более того, Ноткин пытался подкупить упорного Державина. Гавриил Романович «решился о сем подкупе сказать Государю» [3], и тогда Александр примет соответствующие меры не только в адрес еврея Ноты Ноткина, но и других бесчинствующих членов Еврейского Комитета. Тем не менее, этого не произошло.

Важно отметить, что у некоторых членов Еврейского Комитета (Кочубей, Чарторыйский, Зубов) были владения в Польше и других территориях, где проживали евреи, поэтому в их интересах было выступать на стороне евреев, дабы не потерять лишний источник своего дохода. Более того, в ходе обсуждения вопроса Державин обвинял евреев в корыстных помыслах и эксплуатации крестьян. Таким образом, под обвинения Гавриила Романовича попадали и сами молодые чиновники Еврейского комитета, поэтому появлялась еще одна причина не соглашаться с позицией Державина. Как следствие,

---

[1] *Калачев Н.В*. Архив исторических и практических сведений.

[2] *Калачев Н.В*. Архив исторических и практических сведений.

[3] *Державин Г.Р*. Записки. М., 2000. С. 250.

Комитет не признал, что ответственность за злоупотребления евреев падает и на помещиков, а само предложение министра юстиции о расселении евреев по всей Российской Империи также не было принято Еврейским Комитетом[1]. Таким образом, разногласия в Комитете были неизбежны в условиях политических противоречий ее членов. Понятие прав граждан в понимании молодых деятелей не соответствовало взглядам и амбициям Державина. Причем мы видим, что по делу евреев Гавриил Романович не сразу встал в прямую оппозицию к остальным деятелям, так как изначально общей целью Еврейского Комитета было изучить «Мнение» Державина о переустройстве еврейского народа. Разногласия наступили лишь тогда, когда речь зашла о практической стороне вопроса[2]. О князе Чарторыйском и графе Кочубее Гавриил Романович отзывался следующим образом: «…набиты конституционным французским и польским духом…»[3], а граф Северин Потоцкий вызвал гнев у министра юстиции своим проектом о военной службе дворян.

Дело графа Потоцкого стало важнейшим прецедентом, повлиявшим на дальнейшее развитие отношений министра юстиции Державина с правительственной верхушкой. Для элиты российского общества, сенаторов и других акторов государственной политики империи это дело, прежде всего, важно в связи с вопросом «права представления» Сената Верховной власти.

В Грамоте о вольности дворянства 1785 года было установлено правило, по которому дворяне, поступившие нижними чинами в военную службу и не выслужившие офицерского чина, не могли выходить в отставку до истечения двенадцати лет действительной службы.[4] Закон был забыт, и многие дворяне едва поступив в полк, сразу просились в отставку. 5 декабря 1802 года состоялось повеление о восстановлении прошлого закона в прежнюю силу. Граф Северин Потоцкий, будучи представителем дворянства и либерально-настроенных чиновников, признавал закон унизительным и крайне стесняющим права дворян и выступал за отмену такого проекта. Потоцкий обратился с ходатайством к государю, пользуясь сенатским правом

---

[1] Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования / Сост. И.Г. Оршанский. СПб., 1877. С. 266.

[2] *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Т. I. С. 307.

[3] *Державин Г.Р.* Записки. С. 270.

[4] ПСЗРИ. Т. XXII. СПб., 1830. № 16187.

представления к Верховной власти в случае, когда закон «с великими неудобствами в исполнении» [1]. Державин, вновь демонстрируя свою приверженность Екатерине и ее законам и устоям, выступал против заявления графа Потоцкого. Как оказалось, здесь пересеклись уже настроения Державина и самого Александра - император «не мог запретить мыслить, кто как хочет» и предоставил дело для решения Сенату, где, очевидно, большинство мнений сенаторов выступали против Державина. Порядок проведения слушания записки Потоцкого настолько возмутил Гавриила Романовича, что тот даже ударил по столу «петровским молотком», к которому не осмеливался прикоснуться никто со времен самого Петра I [2]. Этот эпизод вновь характеризует энергичность Державина, его эмоциональность и экспрессивность во время обсуждения дела.

Вскоре, 21 марта 1803 г., было установлено, что предоставленное Сенату право входить с представлениями в случае «неудобства в исполнении» не относится ко вновь издаваемому указу о военной службе дворян, значит, Потоцкий ошибочно воспользовался дарованной Сенату привилегией. Дело графа Потоцкого и вопрос «права представления» Сената верховной власти интересен не только противостоянием «новой» правительственной верхушки и министра «старой закалки» Державина, но и борьбой между монархическим и аристократическим правлением, где Гавриил Романович сыграл важную роль. Державин выступает на стороне монархического правления, защищает устаревший закон, а граф Потоцкий со многими другими сенаторами представляет интересы аристократии и дворянства, заинтересованного в привилегиях и полномочиях. После обсуждения Александр I отнимает право представления Сената, что противоречит девятой статье манифеста от 8 сентября 1802 г. Державин же лишает себя возможности посредством права предоставления проверять действия министров и докладывать императору о решениях высшей администрации, противоречивших общей пользе. В глазах общества Гавриил Романович стал главным виновником этой нелепой меры императора, направленной в ущерб интересам дворян, а сам Александр еще больше охладел к министру юстиции.

---

[1] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. С. 23.

[2] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. С. 24–26.

На протяжении всей политической карьеры амбициозному и неуступчивому Державину не раз приходилось отстаивать свое собственное мнение перед непосредственным начальством или самим императором. Но в вышеуказанных случаях имело место быть не только лишь столкновение мнений, приведших к увольнению Державина. Гавриил Романович стал жертвой непоследовательных преобразований Александра I в начале своего правления, жертвой системы и существующих устоев. 7 октября 1803 года Державин был уволен Александром со всех постов. Мы выяснили несколько важных политических причин увольнения Державина. Во-первых, Гавриил Романович вместе с остальными министрами не смог стать единой организацией, единым целым с общей политической мыслью и идеей, как это задумывалось при учреждении министерств, вследствие «особого мнения» Державина. Во-вторых, консервативные взгляды министра юстиции шли наперерез с либеральными настроениями, царившими в кругу членов Негласного Комитета, а также сенаторов и остальных министров. В деле о «праве представления» Державин представляет интересы монархической власти перед аристократическими запросами дворян, то же столкновение просматривается и в ходе обсуждении Еврейского комитета. Подспорьем для увольнения стала манера ведения дискуссий Державиным – его энергичность, настойчивость и неуступчивость, приверженность закону и порядку. Сосредоточив у новых органов власти приверженца старого режима Державина и круг либерально-настроенных деятелей, Александр не смог проявить себя политиком, чьи действия удовлетворяли бы амбициям обеих сторон и самого монарха. Гавриил Романович, став воплощением закона, порядка и прежних устоев, был подавлен расстроенной системой государственного управления, непоследовательными реформами и давлением либерального крыла.

Summary

First years of governing of Alexander the First were marked with large-scale reforms of public administration. One of the innovations was establishment of ministries. Derzhavin G.R. was appointed as the first Minister of Justice in Russian history on 8th September of 1802. Derzhavin`s views did not correspond to the interests and requirements of liberal governmental elite. I will analyze Derzhavin`s «special view» on question of Jews, on deed of Severin-Pototsky and on issue of ministries` obligations which became the main political reasons of Minister Derzhavin`s resignation.

Key words: Derzhavin, establishment of ministries, Ministry of Justice, Alexander the First, «special view», government, resignation of Derzhavin.

М.Н. Афошина

Советская школа международного права: 1920-е – 1960-е гг.

Статья посвящена процессу развития научной школы международного права в советской России в 1920-е – 1960-е гг. Рассмотрены научные труды ведущих советских специалистов в области международного права рассматриваемого периода: В.М. Корецкого, Е.А. Коровина, Ф.И. Кожевникова, Е.Б. Пашуканиса. Представлены особенности двух периодов развития научной школы международного права СССР: до Великой Отечественной войны и после, а также сделаны выводы относительно проблематики трудов каждого периода.

Ключевые понятия: международное право, становление и развитие международного права, международно-правовая доктрина, научная школа международного права, советская школа международного права, персоналии.

Актуальность темы исследования определена активно протекающим в современном российском обществе процессом модернизации, что предполагает необходимость создания системы идей международно-правового характера или заимствование таких идей из исторического опыта, что делает востребованным изучение воззрений известных правовых деятелей прошлого в процессе их практической государственной и научной деятельности в переходных этапах отечественной истории, а именно в 20-е – 60-е годы XX в. Изучение взглядов мыслителей поможет сформулировать основные проблемы, с которыми сталкивается общество в данный исторический период времени.

Итак, анализ взглядов ряда советских юристов-международников имеет важное значение не только для понимания основных проблем исторического прошлого России, но и для дальнейшего успешного развития отрасли международного права в современном обществе.

Говоря о развитии международного права в России, важно обозначить предпосылки его становления. Можно сказать, что само становление международного права, а точнее приобретение Россией статуса активного игрока на мировой арене произошло в начале XX в., а точнее после Великой Октябрьской социалистической революции. Появление мировой системы социализма и ее международное влияние существенно сказались на принципах

внешней политики социализма, на международном праве. Тем самым заметно снизилось влияние империализма в международных отношениях[1]. Также заключение Советской Россией ряда международных договоров закрепили ее положение в международном сообществе. Среди них: подписание Брестского мира с Германией (3 марта 1918 г.), Версальского мирного договора, ознаменовавшего окончание Первой мировой войны, (июнь, 1919 г.), Рапалльского договора Советской России с Германией(16 апреля 1922 г.), участие в Генуэзской конференции (1922 г.), вступление России в Лигу Наций (1934 г.). Эти факты предопределили становление школы международного права в России. А уже позже, в 20-е годы XX в. началось активное его развитие. И развивались не только международные отношения, а и сама научная мысль в отрасли международного права в СССР, что позволило России не только налаживать диалог с другими странами, но и стать важным игроком на международной политической арене. В этот период времени Москва и Ленинград стали не только политическими центрами страны, но еще и центрами развития научной мысли международного права. Именно в ракурсе развития научной мысли и проблематики теории науки международного права в советской России важно рассмотреть наиболее значимые работы выдающихся знатоков в этой области права – Владимира Михайловича Корецкого, Евгения Александровича Коровина, Федора Ивановича Кожевникова и Евгения Брониславовича Пашуканиса. Представляется целесообразным разделить этот важный в истории России, достаточно сложный и противоречивый период развития советского международного права на два этапа: довоенный (20-е – 40-е гг.) и послевоенный (40-е – 60-е гг.).

Безусловно, процесс развития школы международного права в России не был автономным, множество различных факторов имели свое влияние на него. Одним из таких факторов является марксистко-ленинская идеология, чья роль в довоенное время была неоспоримой. Именно республика Советов предложила политику «мира и мирного сосуществования государств с различным социальным строем», которая и в середине XX в. была весьма актуальна. «Ленинский принцип» мирного сосуществования зиждился на пяти основных принципах: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга,

[1] *Левин Д.Б.* История международного права. М., 1962. С. 82–83.

равенство и взаимные выгоды, мирное сосуществование[1]. Но, несмотря на фундаментальную теоретическую основу, мыслители первой половины XX века не всегда имели возможность высказывать свое мнение, выражать мысли по поводу развития международных отношений, в которых страна принимала активное участие. Некоторые советские ученые-юристы не просто были подвергнуты критике, но им приходилось покидать страну, с целью продолжения деятельности, но уже за границей, что нашло отражение в специальной работе Г.С. Стародубцева «Международно-правовая наука российской эмиграции (1918 –1939 г г.)».

В довоенный период времени советскими юристами-международниками было подготовлено немало работ, среди которых наиболее крупными и значительными представляются «Проблемы частного международного права в договорах, заключенных Советскими республиками с иностранными государствами» (1922), «Очерки международного хозяйственного права» (1928) и «Оговорка о публичном порядке в англо-американской судебной практике по делам, затрагивающим интересы СССР» (1939) В.М. Корецкого, «Международное право переходного времени» (1924), «Современное международное публичное право» (1926), «Разоружение» (1930, совместно с В.В. Егорьевым) и «Правовое положение военных атташе» (1940г.) Е.А. Коровина, «Международное право» (1926), «К характеристике фашистской диктатуры» (1927), «К вопросу о задачах советской теории международного права» (1928) и «Очерки по международному частному праву» (1935) Е.Б. Пашуканиса.

В 20-е – 40-е гг. XX вв. ученые в большей степени рассматривали проблемы международного права, которые затрагивали интересы советской России. В данном аспекте актуальна работа В.М.Корецкого «Проблемы частного международного права в договорах, заключенных Советскими республиками с иностранными государствами». В этот период времени СССР старался не только укрепить свое положение на международной арене, но и реализовывать собственные интересы в данном направлении. Важно отметить, что право СССР имело верховенство над международными договорами, не только в теории, но и на деле. Но этот факт не подразумевает умаления

[1] *Коровин Е.А.* Основные проблемы современных международных отношений. М., 1959. С. 6–8.

общепризнанных принципов международного права, а лишь подтверждает самостоятельность сложившейся советской системы и ее функционирования[1]. Но, если говорить о международно-правовой доктрине в целом, то роль международных договоров в данный период значительно возросла, тем самым сделав их источником права[2].

Определенным итогом развития науки международного права в СССР к середине 30-х гг. стали «Очерки по международному праву» Е. Пашуканиса, одной из основополагающих мыслей которой было: «...Международное право в эпоху общего кризиса капитализма становится одной из форм, в которой протекает борьба двух систем»[3].

Уже в этот период времени замечаются настроения фашистской Германии относительно мирового сообщество, ее захватнические идеи. Этот вопрос в своих работах рассматривает Е.А. Коровин «Разоружение» и «Правовое положение военных атташе». Германский фашизм и японский империализм пытались разрушить международное право и заменить его на господство высшей расы. Но появившийся и активно действующий демократический подъем привели к разгрому фашизма, что способствовало развитию международного права[4]. Именно поэтому является актуальным акцент на вопросах разоружения, положения военных атташе, дипломатов.

Делая вывод об особенностях научных трудов, касающихся отрасли международного права в советской России в довоенное время, можно отметить следующее:

1. Некоторые монографии имели доктринальный характер, то есть представляли собой уже сложившуюся правовую концепцию, разработанную теорию;

2. В довоенное время в научных трудах поднимались вопросы возможной войны, разоружения, положении военных атташе, дипломатов (в трудах Е.А. Коровина, Е.Б. Пашуканиса);

---

[1] *Коровин Е.А.* Советские договоры и международное право (1917–1927 гг.) // Советское право. 1927. № 6. С. 97.

[2] *Хименес Де Аречага Э.* Современное международное право / Пер. с исп. Ю.И. Папченко, под ред. Г.И. Тункина. М., 1983. С. 59–61.

[3] *Пашуканис Е.Б.* Очерки по международному частному праву. М., 1935. С. 17–18.

[4] *Гафурова Б.Г., Зубока Л.И.* Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Т. 2. М., 1960. С.3–5.

3. Советские ученые, рассматривая внутреннюю политику других стран, делали проекцию на Россию и формулировали собственные постулаты (яркий пример – работа В.М. Корецкого «Оговорка о публичном порядке в англо-американской судебной практике по делам, затрагивающим интересы СССР»);

4. Теоретики научной мысли старались как можно подробнее и шире рассмотреть проблемы, касающиеся СССР в отношениях с другими государствами (работы В.М. Корецкого);

5. Важную роль в становлении международного права в советской России сыграла идеология.

Переходя к послевоенному периоду, заметим, что 1941–1945 гг. «не были богаты» на публикации в области международного права, поэтому этот этап остается без внимания, но 1946–1960 гг. будут нами рассмотрены.

СССР, выстоявший после сложнейшей Великой Отечественной войны, смог не только отстоять свою независимость, самостоятельность, но и закрепиться на международной арене в качестве сильного «игрока». Развитие международно-правовой мысли в этот период времени нашло отражение в фундаментальных работах: «Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права» (1948), «Международные демократические организации» (1956) и ««Общие принципы» права в международном праве» (1957) В.М. Корецкого, «История международного права» (1946), «Пролетарский интернационализм и международное право» (1957), «Основные проблемы современных международных отношений» (1959) и «15 лет ООН и проблема мирного сосуществования государств» (1961) Е.А. Коровина, «Советское государство и международное право (1917–1947)» (1948), «Борьба СССР за демократические принципы международного права» (1949), «Вопросы международного права в трудах И.В.Сталина» (1950) и «Великая Отечественная война Советского союза и некоторые вопросы международного права» (1954) Ф.И. Кожевникова.

В период после Великой Отечественной войны представители СССР были очень активны на международной политической арене, можно сказать, что их теоретическая деятельность была заменена практической. Советская Россия уже получила должное признание, но стремление было в признании мировым сообществом принципов и постулатов, проповедуемых советскими юристами-международниками.

Среди сфер практической деятельности, советские юристы занимали значимые посты в международных организациях: члены Международного суда ООН, члены Постоянной палаты Третейского суда в Гааге, члены Комиссии международного права ООН. Тем самым в трудах, написанных ими, были освещены проблемы деятельности данных органов, проанализирована тенденция развития международных отношений в целом, например труды Е.А. Коровина «15 лет ООН и проблема мирного сосуществования государств», В.М. Корецкого «Международные демократические организации». Что не маловажно, в трудах советских ученых затронуты также и принципы права, которые были разработаны и реализованы другими государствами, например, очерки англо-американской доктрины у В.М. Корецкого.

Важно, что в послевоенное время, а точнее в 1946 г., с речи У. Черчилля в Фултоне ознаменовалось начало «холодной войны» в международных отношениях, призыв к борьбе с коммунизмом, что делало актуальной оборону страны. СССР вступил в конфронтацию со многими европейскими странами, но стремления относительно ситуации в мире были мирными[1]. Но уже позднее, после смерти И.В. Сталина, в 1953 году наметились изменения в международных отношениях. Н.С. Хрущев проповедовал идею мирного сосуществования двух систем – социалистической и капиталистической. Такие изменения в стране и в отношениях с другими государствами ознаменовали векторы направления научной мысли в СССР в послевоенное время. Именно поэтому целый ряд рассматриваемых работ посвящен данной тематике: «Пролетарский интернационализм и международное право», «Основные проблемы современных международных отношений», «Советское государство и международное право (1917–1947)», «Борьба СССР за демократические принципы международного права», «Вопросы международного права в трудах

[1] Советская Россия последовательно проводила политику обеспечения мирных условий своего развития, тем самым СССР был инициатором Всемирного конгресса сторонников мира, на котором было принято Стокгольмское воззвание, был образован Совет экономической взаимопомощи, в состав которого входили: СССР, Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, Чехословакия, а также в СССР был принят закон « О защите мира» (1951), в котором пропаганда войны объявлялась преступлением против человечества. В послевоенные годы складывается целый союз стран, освобожденных СССР, в которых устанавливается коммунистический режим.

И.В. Сталина» (1950), «Великая отечественная война Советского союза и некоторые вопросы международного права» (1954).

Итак, в области международного права советской России послевоенного времени можно выделить следующие направления деятельности и развития научной мысли:

1. Активная деятельность в международных органах, являющаяся «почвой» для развития международных отношений, анализа принципов международного права, разработки собственных концепций мирового сотрудничества;

2. Основой для некоторых трудов становятся произведения довоенного времени, в которых раскрываются основные проблемы, взгляды современников;

3. Советскими юристами-международниками разрабатывалась идея мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем и способы осуществления этой идей;

4. Переход от теоретической мысли к практическому применению таковой.

В заключение важно заметить, что 20-е – 60-е гг. XX в. весьма сложный и противоречивый этап в истории СССР. За это время много в государстве изменилось, но неизменным осталось стремление к закреплению на мировой арене, сохранение и налаживание международных отношений с другими государствами. Тем самым, более чем просто актуальными остаются работы юристов-международников того времени, выразившие все эти постулаты в своих трудах. Развитие школы международного права в советской России того времени состоит не только в теоретической деятельности, то есть написании трудов, но и в продуктивной деятельности в органах мирового сообщества. Можно сделать вывод, что основы, заложенные еще после революции в советской России, на данном историческом этапе только развивались и становились все более четкими. А в дальнейшем советская школа международного права набирала все большие обороты, развивала научную мысль, была вовлечена в деятельность мирового сообщества, стала постоянным членом все большего числа международных организаций. На сегодняшний день Россия предприняла целый ряд шагов для развития международного права, но уже в современной России XXI в. Но, несмотря ни на какие протекающие в

современном обществе процессы, основы всегда останутся прежними, неизменными.

Summary

The article is devoted to the development of the scientific school of international law in Soviet Russia during the 1920s - 1960s years. In this work scientific works of the leading Soviet specialists in the sphere of international law during this period were reviewed: V.M.Koretsky, E.A.Korovin, F.I.Kozevnikov,E.B.Pachukanis. In the text of the article the features of the two periods of the development of the scientific school of international law of the USSR will be presented: before the Second World War and after it, also the conclusions on the issue of the proceedings of each period will be made.

Key words: international law, establishment and development of international law, international legal doctrine, research school of international law, the Soviet school of international law, personalities.

В.Д. Бабушкин

Институт российской прокуратуры: история развития и взгляды выдающихся юристов XIX века

В статье исследуются процессы и этапы становления российской прокуратуры с XVIII до начала XX в. Это исследование проводится на основе изучения документов и книг авторов, которые описывали данную тему. Проблема в том, что таких авторов не так много, и, соответственно, немного материала. Поэтому данная статья будет актуальна для изучения данного вопроса. Целью ставится формирование полной картины о прокуратуре и взглядов юристов XIX на нее. В результате мы получим наиболее точное представление об истории прокуратуры и основных лицах, которые способствовали ее развитию.

Ключевые слова: обвинение, надзор, наблюдений, хищение, взяточничество.

Введение. Институт прокуратуры всегда входил в круг интересов отечественных исследователей. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть реформы института российской прокуратуры в XIX в., а также исследовать взгляды выдающихся юристов того времени на данный орган. Целью исследования является формирование полной картины о прокуратуре и взглядах юристов XIX на нее.

Современный федеральный закон РФ «О прокуратуре» содержит следующее определение: «Прокуратура Российской Федерации – единая централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской

Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации». Попытаемся доказать, что современное законодательное определение прокуратуры берет свое начало именно в XIX в.

Во-первых, на данный период приходится интенсивное развитие законодательства, в том числе в области прокуратуры. Во-вторых, прошедшая в 1864 году в России судебная реформа окончательно закрепила основополагающие принципы деятельности прокуратуры, в результате последняя в большей мере становится органом уголовного преследования. В-третьих, указанная реформа стала причиной размышлений юристов того времени, оставивших множество работ по прокуратуре с анализом данного института до и после указанной реформы. Обращение к трудам этих юристов представляет несомненный интерес. В рамках исследования были изучены работы «История царской прокуратуры» и «Дореволюционные юристы о прокуратуре» С.М. Казанцева, «Прокуратура России из века в век. От Санкт-Петербургской губернии до наших дней» Г.П. Райкова и «История российской прокуратуры» А.Д. Звягинцева.

Свою историю прокуратура ведет с начала XVIII в. Бесконечные взятки привели к тому, что Петр I начал задумываться о создании эффективного института надзора за своими чиновниками. Одним из документов, которые оказали влияние на процесс создания прокуратуры, был проект Генриха Фика об учреждении в России института омбудсменов. Он предполагал создание должности начальника сенатской канцелярии, который бы наблюдал за сенаторами и обладал такими же правами. Это привело к созданию прокуратуры 17 января 1722 г. Помимо этого в качестве предпосылок для создания прокуратуры можно назвать наведение порядка в делах государственных учреждений, искоренение волокиты, неисполнения законов, искоренение казнокрадства.

Главой прокуратуры были генерал-прокурор и его заместитель обер-прокурор. Генерал-прокурор был «оком государя». Он следил за тем, чтобы дела вершились не только на бумаге, т.е. фактически выполнял надзорные функции. Существуют несколько взглядов на возникновение должности генерал-прокурора. Так, А.Д. Градовский считал, что должность генерал-прокурора сочетала в себе два таких противоречивых понятия, как

коллегиальность и единоначалие, которые так любил Петр I. Несмотря на то что они были противоположны, должность генерал-прокурора должна была уравновесить два этих понятия. От коллегиальности был взят демократический способ надзирательства, который осуществлял Сенат, а от единоначалия были взяты гибкость и быстрота действий. Но это не означало, что генерал-прокурор осуществлял надзор за Сенатом. Скорее наоборот, эта должность шла как дополнение к Сенату. Главной функцией генерал-прокурора стал надзор за Сенатом, должностными лицами и учреждениями через прокуроров, которые ему подчинялись. Ограничивались права генерал-прокурора в отношении Сената. Сенат не был обязан слушаться его указаний, а генерал-прокурор следил за деятельностью Сената. Также в его подчинении находились фискалы и сенатская канцелярия.

Первым генерал-прокурором был Павел Иванович Ягужинский. Родился в Москве в 1683 году. Главными функциями П.И. Ягужинского были посредничество между императором и Сенатом, подбор кадров (прокуроров), формирование канцелярии, контроль за деятельностью своих подчиненных. Нужно отметить, что при П.И. Ягужинском активизируется работа прокуроров. Они следят за исполнением указов, докладывают о нарушениях.

После того как П.И. Ягужинскому пришлось покинуть должность, в Сенате функции генерал-прокурора были возложены на обер-прокурора, осуществлявшего функции начальника сенатской канцелярии, руководство обер-секретарями и другими чиновниками, управление кадрами, переписку и составление штабного расписания. Обер-прокуроры в свою очередь подчинялись Верховному тайному совету, они передавали распоряжения и указы, вынесенные Верховным тайным советом Сенату и докладывали ему об исполнении или неисполнении решения, составляли справки и отчеты, выполняли другие отдельные поручения.

В дальнейшем значительные преобразования прокуратуры связаны с проводимыми в 1860-х гг. демократическими реформами. Новая организация прокуратуры теперь основывалась на следующих началах:

1. При каждом уездном или окружном суде, при каждой судебной палате должен был быть один прокурор. Министр юстиции мог назначить ему товарищей в качестве помощников.
2. Вводилась должность обер-прокурора при кассационном суде.

3. Прокурор мог быть уволен со службы только по приговору суда за преступление или проступок.

В соответствии с демократическими реформами прокурор получил несколько *новых функций*. На прокурора был возложен не только надзор, но и руководство следствием. Также прокурорский надзор распространялся и на дознание. Постоянный надзор за производством следствий также принадлежал прокурору. Он поддерживал обвинение в суде. В гражданском процессе прокурор принимал участие по делам казны, по делам лиц, состоящих под опекой, безвестно отсутствующих и некоторых других. Прокуратуре принадлежала возможность издавать заключения о предании суду и прекращении следствия.

Функции прокуратуры теперь состояли в следующем:

1. Наблюдение за точным исполнением законов.
2. Обнаружение и преследование нарушения законного порядка, контроль за его восстановлением.
3. Предложение суду предварительных заключений.

История развития прокуратуры неразрывно связана с именем Анатолия Федоровича Кони, который прошел путь от секретаря прокуратуры Московской судебной палаты, товарища прокурора окружных судов до обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. А.Ф. Кони считал, что нравственность является необходимым качеством для прокурора. Он писал о правилах поведения прокурора, о том, что главной задачей прокурора является не осуждение преступника, не попытка уговорить судью вынести обвинительный приговор, а установление фактов, установление истины. Он не должен был преследовать какие-либо иные цели, кроме как правосудия. Это означает, что в своей речи прокурор не должен представлять суду обстоятельства, которые будут обличать подсудимого, не может и не должен преувеличивать значение доказательств и улик. Безусловно, их важность не оспаривалась. Для составления полной картины все улики важны. Но преувеличивать их не следует. Прокурор обязан говорить свою обвинительную речь без надменности, пафоса, негодования, злобы к подсудимому. Как считал А.Ф. Кони, не допускались оскорбления и насмешки в адрес подсудимого, да и в целом, юмор в суде надо было использовать аккуратно. Прокурор не должен был копаться в прошлом подсудимого, если это

не имело отношения к делу. Лишь те факты, которые имеют юридическое значение для конкретного дела. В отношении подсудимого прокурор также не должен был объяснять его преступление религиозными или вероисповедными особенностями подсудимого. То есть, он не мог сказать, что подсудимый виновен, так как он принадлежит к какому-либо народу или религии. В отношении защитника подсудимого прокурор также не должен был допускать дерзости со своей стороны, был обязан уважительно относиться к защитнику.

Прокуратура также входила в круг научных интересов еще одного известно юриста – Николая Валериановича Муравьева. В своих работах он обращался к общим принципам деятельности прокуроров по уголовным делам. Например, положение прокуроров не всегда было одинаковым. Не только один прокурор возбуждал уголовное преследование, в определенных случаях он вообще не мог его производить. И, естественно, прокурор не везде обладал обвинительной властью. Н.В. Муравьев считал, что основной функцией прокуроров являлось наблюдение за исполнением законов. В случаях, если закон нарушался, они были обязаны принимать меры по его восстановлению и преследованию лиц, нарушивших его. Кроме того, юрист полагал, что прокурор как представитель обвинения не ставит своей целью осудить подсудимого, а установить истину.

Н.В. Муравьев писал: «…уголовная деятельность прокурорского надзора основана: а) на соединении задач обвинительной с законоохранительной властью; б) на обязанности беспристрастия; в) на преобладании начала следственного с многими, впрочем, проявлениями состязательного начала; г) на господстве общественного или публичного начала в известном, впрочем, соотношении с частными элементами процесса, и наконец д) на применении начала закономерности, смягченном его уместностью и целесообразностью»[1].

Обвинительная задача подразумевает собой следующие функции прокурора: возбуждение уголовного дела, руководство полицейским дознанием, наблюдение за предварительным следствием, составление обвинительного акта, участие в рассмотрении дела в суде, наблюдение за исполнением приговоров. Можно подумать, что данные функции направлены на оказание возмездия преступнику. Но в данной ситуации есть и другая, правоохранительная сторона.

---

[1] Цит. по: *Казанцев С.М.* Дореволюционные юристы о прокуратуре (сборник статей). СПб., 2001. С. 107.

И эти функции прокурора направлены на контроль за соблюдением закона и на легитимное урегулирование возникших нарушений путем наказания по приговору суда.

Одним из наиболее важных принципов осуществления прокурорской деятельности Н.В. Муравьев считал *беспристрастие*. Как уже было сказано, закон должен соблюдаться. Тех, кто его нарушает, необходимо преследовать. Но суть принципа состоит в том, чтобы преследовать действительную виновность, которая должна быть установлена законно. Если нельзя установить виновность ввиду ряда причин, например, отсутствия улик, показаний свидетелей, то обязанностью прокурора является установление невиновности.

Прокурорское преследование носит следственный, т.е. розыскной, и состязательный, т.е. обвинительный характер. В первом случае, имеется в виду, что к установлению истины должен стремиться суд со всеми входящими в его состав лицами и органами, он не должен быть ограничен действиями или желанием обеих сторон. Во втором случае имеется в виду, что процесс является спором между представителями обвинения и защиты, которые являются равноправными. Суд почти не вмешивается в их состязание, а если и делает это, то только в тех случаях, когда нарушена правильность спора (например, взаимные оскорбления сторон могут послужить основанием для вмешательства судьи в процесс).

По своему характеру прокурорское преследование является *публичным*, осуществляется в интересах всего общества и государства в целом независимо от наличия интереса отдельно взятого лица в наказании преступника. Например, если у владельца склада, на котором хранится одна тонна картошки, преступник украл один мешок. Владелец склада в силу малозначительности преступления не настаивает на наказании, однако прокурор обязан принять меры реагирования, так как в интересах государства и общества сделать так, чтобы кражи не совершались. Это значит, что ни один проступок, который по нормам уголовного закона является преступлением, не должен остаться без внимания со стороны прокурора.

Принцип *закономерности* заключается в том, что прокуратура обязана произвести уголовное преследование при наличии признаков преступления. Принцип *целесообразности* заключается в том, что если совершенное преступление по своему характеру ничтожно, не нанесло серьезного вреда, а

деятельность по преследованию может затрагивать излишние тяготы, то целесообразным будет назначить мягкое наказание либо вообще его не назначать.

Подводя итоги можно сказать, что в развитии института прокуратуры сохраняется преемственность начиная с XIX в. Именно в это время, в период реформ 1860-х годов, за прокуратурой закрепляются те функции, которые и в наше время являются основными в ее работе: надзор за соблюдением законодательства и ведение уголовного преследования со стороны обвинения. Появившись благодаря Петру I как орган борьбы с казнокрадством и взяточничеством прокуратура постепенно расширяет свои полномочия, становясь органом надзора за законностью вообще, а не только в указанных областях. Прокуратура стала предметом рассмотрения многих выдающихся юристов XIX в., труды которых представляли для современников не только теоретическую значимость, но и практическое значение: их взгляды оказали в дальнейшем влияние на формирование законодательства о прокурорском надзоре. Важно отметить, что юристы в своих работах уделяли внимание и моральной стороне: уголовное преследование в работе прокурора не должно быть самоцелью (наказать во что бы то ни стало), оно должно быть направлено только на раскрытие преступления или на установление его отсутствия. По мнению юристов, прокурор должен быть объективен, беспристрастен, руководствоваться только фактами, а не личностью преступника (его вероисповедание, национальная принадлежность и т.д.), а при необходимости даже прекратить преследование в силу его нецелесообразности (если есть несоразмерность между расходами по преследованию и наказанию и размером причиненного обществу вреда).

Summary

The institution of public prosecution has maintained its continuity since the 19th century. In those times, the period of the 1860s reforms, the institution of public prosecution was authorized to have certain functions which continue to be the main ones even in modern times - these are supervision over the law observance and conducting the criminal prosecution. The institution of public prosecution was established by Peter the Great as a special agency aimed at struggling with embezzlement of state property and bribetaking. But then it gradually extended the range of its powers becoming a Supervision of Legislation body. The institution of public prosecution is the subject of many researches by outstanding lawyers of the 19th century, whose works had not only a theoretical significance for their contemporaries but also practical importance - some time later their

views influenced the development of laws about prosecution conducting. So, an attempt to analyze the reforms of the institution of public prosecution in the 19th century and to examine the views of the prominent lawyers of those times on this state structure has been made in the article. The information of the article helps to develop a full image of the history of the institution of public prosecution and its major figures who contributed to the further improvement of the prosecution system in Russia.

Key words: prosecution; supervision; observance; conducting; embezzlement; bribery.

В.С. Вершинина

Борьба императора Педру 1 за независимость Бразилии

Статья посвящена роли Педру 1 в становлении Бразилии как независимого государства. В результате анализа политической обстановки в Португалии и Бразилии в то время, а также характеристики взаимоотношений между этими государствами, выявляются причины революции в Бразилии.

Ключевые слова: Бразилия, Португалия, Педру I, принц-регент, император, Жуан IV, независимость, революция, конституция, Латинская Америка в колониальные период, колонии Португалии, Латино-Американский конституционализм.

На сегодняшний день Бразилия является страной со стабильной политической, экономической и прочими системами, что позволяет ей активно развиваться и делать успешные попытки выхода на мировой уровень. Что же позволило ей достичь таких высот? Один из самых важнейших, по-моему мнению, факторов являлось принятие конституции 1824 г., которая закрепила в себе статус Бразилии как независимого государства. Также важно отметить, что данный законодательный акт не был бы принят без успешной борьбы Педру I, на тот момент принца-регента, за ликвидацию Бразилией статуса колонии. Исследователи широко осветили проблемы возникновения и сами причины бразильской революции, однако лишь косвенно затрагивали тему влияния самого Педру I на становление Бразилии как независимого государства. Данная статья посвящена анализу влияния императора и восполнению пробелов, которые возникли при освещении данной темы другими исследователями и поэтому является актуальной.

История Латинской Америки XIX века полна вспышек различных революционных проявлений: восстания, гражданские войны, национально-освободительные движения и.т.д. Это происходило по большей части из-за того, что страны Латинской Америки являлись колониями с феодальным строем,

который предполагал полную зависимость раба от своего хозяина. Это сопровождалось изыманием имущества, разграблением, насилием, лишением прав. Особенно это касалось коренного населения, которое составляло большую часть закрепощенных: индейцев, метисов, креолов. Власть колониальных чиновников не знала границ, это касалось не только личных, но и экономических прав зависимых: были введены огромные налоги и запрет на обмен с другими странами. Однако торговля и промышленность не стояли на месте: хоть и медленными темпами, но эти отрасли развивались, пока не дошли до этапа, когда их дальнейшее существование было бы невозможно без решения вопроса произвола феодалов. Закрепощенные крестьяне нуждались в земле, а рабы в обеспечении личных прав, общество это прекрасно понимало. Недовольство данных слоев населения росло, народ устал пребывать в экономической и личной зависимости, не обладая никакими выгодами и правами вовсе. Все понимали необходимость буржуазной революции. Таким образом, «наиболее общая причина буржуазных революций – потребность устранения феодального строя и его остатков» [1], на основе чего мы приходим к выводу о том, что подобный вид национально-освободительного движения являлся выходом из тупика, с которым столкнулась промышленность и торговля.

«В 1810 году началось массовое движение за освобождение в Мексике, завершившееся в 1821 года провозглашением самостоятельности государства. Аргентина была освобождена революционными войсками под командованием Хосе Сан-Мартина(1778-1850) в 1816 году. Освободительная война под руководством Симона Боливара (1783-1830) провозгласила независимость Венесуэлы в 1819 г. В 1822 г. От португальского ига освободилась Бразилия…»[2].

Эти победы стоили народу огромных усилий и все равно не являлись конечной точкой освобождения от колониальной зависимости. Буржуазная революция в латиноамериканских странах носила неорганизованный характер, более того, силовое и финансовое превосходство было на стороне феодалов, что серьезно подрывало дух бастующих и влекло за собой их поражение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что освободительное движение латиноамериканских стран носило стихийный характер, однако без помощи власти, а также наличия лидера, который обладал бы как властью

---

[1] *Маркова А.Н., Поляк Г.Б.* Всемирная история: учебник для вузов. М., 2000. С. 158.

[2] *Маркова А.Н., Поляк Г.Б.* Всемирная история. С. 159.

политической, так и над народом, эти страны так и не добились бы своей независимости.

«Начало 19 века – время вообще очень яркое. Мы это видим по российской истории и истории любой европейской страны, но в Бразилии этот период расцвечен просто тропическими страстями. Всех событий, которые происходили в Бразилии и Португалии в это время, хватило на три, четыре, пять романов Дюма, посвященных совершенно различным эпизодам и личностям», – утверждает С.А.Васильев[1], размышляя о политической обстановке в Бразилии в период с 1807 по 1834 гг., и он, по нашему мнению, абсолютно прав.

Без наличия политического лидера, началась активная борьба за власть различных слоев общества. В итоге произошло разделение на два лагеря: либералов и консерваторов. К первым относились представители интеллигенции, ученые, молодежь и ремесленники, которые отстаивали необходимость федерального управления. В состав вторых же входили крупные землевладельцы и собственники, которые не видели смысла в каком-либо изменении политического строя. Однако их противоборство носило скорее идеологический характер, чем политический, то есть каждая сторона отстаивала свои идеалы, обладала собственной точкой зрения на дальнейшее развитие революции и управление страной, однако не стремилось осуществлять их. Признание их точки зрения другими было гораздо важнее, чем воплощение в жизнь их планов. Однако даже идеологический характер в процессе борьбы начал постепенно стираться. По мнению Е.А.Ларина, «практически на протяжении первой половины XIX в. нельзя говорить о существовании в Латинской Америке политических партий в традиционном понимании этого слова»[2]. То есть, вся политическая борьба в конечном итоге сводилась к противостоянию лидеров двух противоположных течений. Причем она не затрагивала идеологические или концептуальные разногласия, а концентрировалась на конкретных проблемах, которые возникали между либералами и консерваторами. Они имели разногласия по таким вопросам, как

---

[1] *Васильев С.В.* Император Педро I и становление бразильской государственности // http://polit.ru//article/2011/08/02/brazil.

[2] *Ларин Е.А.* Противоборство либералов и консерваторов в латиноамериканской историографии XIX в. // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2009. № 3. С. 27.

отношение к церкви, идеи просвещения, ограничения в сфере волеизъявления народа, гарантия индивидуальных свобод;[1]

Итоги этой борьбы оказались весьма предсказуемы: идеи и политика консерваторов постепенно начали терять свою силу. Дело в том, что эти два лагеря, а точнее их идеи начали постепенно влиять друг на друга, замещая и дополняя. И сформировавшийся симбиоз социальных и политических идей либералов вместе с консерваторами, перешедшими на либеральные позиции, вовсе вытеснил представителей традиционной партии. «Специфика этого процесса состояла в том, что консерваторы стремились к модернизации ради того, чтобы сохранить все свои «завоевания» колониального периода, объединяясь при этом с либералами, обретавшими все больший вес в обществе, а либералы искали союз с консерваторами, владевшими основными средствами производства, ради дальнейшего укрепления своих позиций»[2].

На основе этого мы видим первый этап формирования Бразильской олигархии, которая также разделилась на несколько лагерей: национальная, либеральная и консервативная - которые в отличие от своих предшественников действовали более масштабно, затрагивая практически все сферы жизни общества, начиная экономической, заканчивая социальной.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в результате стихийных революционных движений во всей Латинской Америке практически во всех иберо - американских странах, а в частности Бразилии, начался процесс формирования могущественного слоя общества – олигархии, которые набирали силу и составляли довольно внушительную конкуренцию слоившемуся государственному строю, стремившись его изменить и сделать наиболее выгодным для себя.

Принц-регент, а впоследствии император Педру I является одной из самых ярких фигур в истории колониальной, а затем конституционной Бразилии. При проработке данной темы, возникает вопрос: почему же Педру стал бороться за независимость этой страны? Почему спокойно не продолжил править колониальной державой под покровительством отца? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к биографии, пока что, принца- регента. В 1807 году

[1] *Ларин Е.А.* Противоборство либералов и консерваторов… С. 27–29.

[2] *Ларин Е.А.* Противоборство либералов и консерваторов... С. 30.

португальская королевская семья совершает бегство из Европы в Бразилию от Наполеона. Как отмечает известный исследователь Сергей Александрович Васильев, «это первое и единственное событие такого рода. Надо сказать, что ни до этого момента, ни после него ни один европейский монарх не вступал на территорию своих заморских владений»[1]. Таким образом, Педру, в возрасте 10 лет, попадает в Бразилию, где проводит все свое детство и юность. Здесь он воспитывается в свободных условиях: его общение с детьми из низшего класса никак не ограничивается и в итоге среди подобных людей он чувствует себя довольно комфортно, что сыграло огромную роль в его политической деятельности, направленной именно на достижение бразильским народом прав и свобод. Что касается характера принца, то вмешательство семьи сыграло немаловажную роль. Отец Педру, Жоан IV, «был человеком крайне осторожным, тихим, нерешительным»[2], когда его мать, королева Мария, «была очень жесткая, волевая женщина» [3]. Таким образом, основные черты характера принц унаследовал от матери, хотя духовно и психологически был ближе к отцу. Сочетая в себе лучшие качества своих родителей, он рос с задатками достойного правителя. Его семья имеет достаточно богатую историю предательств, переворотов, борьбы за власть, однако данная статья посвящена лишь отдельному члену португальской королевской семьи, который по сравнению со своими родственниками казался белой вороной. Действительно, он чувствовал себя весьма неуютно в окружении отца, матери и брата. Это связано не только с его близостью с простонародьем, но и взрывным темпераментом, который не позволял мириться с действительностью.

В Португалии вспыхивает восстание, что впоследствии приводит к смене правительства – на политическую арену выходят кортесы, которые требуют немедленного возвращения Жоана IV в Португалию. Император был вынужден подчиниться, оставив регентствовать принца Педру в Бразилии. Когда император возвращается в Португалию, он становится пленником парламента. Дело в том, что Лисабонскому правительству не нравилось, что Бразилия так продвинулась в своем промышленном и экономическом развитии, и именно поэтому оно поставило перед собой цель снова вернуть ей статус колонии,

---

[1] *Васильев С.В.* Император Педро I…

[2] *Васильев С.В.* Император Педро I…

[3] *Васильев С.В.* Император Педро I…

сделать зависимой. Однако расположение сил уже было в пользу Бразилии. ПО утверждению Д. Боровкова, «кортесы в Лисабоне, добиваясь для Португалии конституционных свобод, хотели вновь низвести Бразилию до положения колонии и не допускали на свои заседания бразильских депутатов» [1], что свидетельствует о весьма напряженной обстановке между Бразилией и Португалией. В этой ситуации Педру совершает весьма действенных политический ход: обращается за помощью к сформировавшемуся к тому времени сепаратистскому движению, которое обладало достаточно сильной полнотой власти, заняв первенство в борьбе с другими политическими партиями либералов и консерваторов. Дело в том, что на фоне революций олигархия играла немаловажную роль в Бразилии и с ее мнением вынуждены были считаться, что уже о говорить о всех плюсах, которое давало сотрудничество с ней. Таким образом, премьер-министром Бразилии становится представитель сепаратистов Жозе Бонифасио да Андрада-и-Силва, который уже тогда начал разработку Бразильской конституции.

Благодаря этому решению, Педру I добился выхода Португальских войск из Рио-де-Жанейро, которые обосновались там в результате военного переворота. В 1821 году Португальским парламентом принимается акт, который требовал возвращения дона Педру в Бразилию. После неподчинения принца-регента принимается еще один акт, который лишал правителя власти во всей Бразилии, кроме Рио-де-Жанейро. Как отмечает С.А. Васильев, «по этому акту все остальные провинции должны были подчиняться непосредственно Лиссабону»[2], на основе чего мы делаем вывод, что Португалия пыталась снова взять под контроль все свои колонии. В сложившейся ситуации принятие Бразилией независимости было необходимо, и Педру это прекрасно осознавал. В 1822 году принц-регент принимает титул «постоянного и конституционного защитника Бразилии», а немного позже созывает учредительное собрание, где открыто призывает население к борьбе за независимость. Таким образом, 12 октября 1822 года Педру был объявлен императором Бразилии под именем Педро I, а его коронация состоялась в декабре того же года[3].

---

[1] *Боровков Д.* Бразильский император Педро I: монарх // Исторический журнал. 2011. № 8.

[2] *Васильев С.В.* Император Педро I

[3] *Боровков Д.* Бразильский император Педро I: монарх».

Как утверждает Б.А. Страшун, «со времени завоевания независимости Бразилия прошла длительный путь конституционной эволюции, ознаменовавшийся принятием еще 6 конституций. Всякий раз развитие проходило в острой политической борьбе, порою переходившей в восстания и военные перевороты».[1] Все началось с принятия в 1824 г. Конституции, которая провозглашала страну конституционной и представительной монархией, а завершилось Конституцией 1988 г., которая также сохранила все конституционные традиции Бразилии и являлась усовершенствованным вариантом первой конституции. Одной из наиболее специфических особенностей современной бразильской конституции является детальное регулирование вопросов с отсылочным характером норм, то есть Конституция сама дает подробные инструкции касательно содержания норм. Данные правовой акт имеет традиционную для Бразилии форму: он состоит из преамбулы и двух частей. Примечательно еще то, что Конституция содержит особенные права и свободы, которые еще не получили отражения в конституциях стран Европы. (Например, п. XLIV ст. 5). Также данная конституция чуть ли не единственная, которая отражает в себе регулирование основ экономических и социальных отношений в обществе. Безусловно, данный правовой акт является высшим законом в стране, что он сам же и закрепляет.

Описывать эту конституцию можно бесконечно, выуживая ее примечательные черты, однако в статье я хочу сконцентрировать свое внимание на краткой характеристике конституционных прав и свобод. Таким образом, конституция 1988 г. гарантирует свободу мысли, выработку и распространение информация, причем не важно в какой форме[2]. Также, согласно конституции, государство гарантирует обеспечение индивидуальных прав, свобод, безопасности, благосостояния, развития, равенства и справедливости. Также присутствует отдельная глава, гарантирующая свободу политических партий. Также присутствуют пункты о регулировании конституционного контроля, гарантии здравоохранения, соблюдения культурных норм, градостроительства и других. Одной из, по-моему мнению, важных особенностей данной Конституции является то, что все перечисленные права гарантируются и

---

[1] *Страшун Б.А.* «Конституционное (государственно) право зарубежных стран: учебник для юридических вузов и факультетов». М, 2001. С. 85.

[2] *Страшун Б.А.* «Конституционное (государственно) право зарубежных стран. С. 89.

исполняются, а не носят лишь номинальный характер. Как утверждает Б.А. Страшун «Конституции 1988 г. могла бы позавидовать любая конституция бывших социалистических стран» и я полностью поддерживаю его точку зрения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что достижение статуса независимости Бразилии без усилий Педру I было бы невозможно. Страны Латинской Америки были на грани полного свержения власти во всех странах, что способствовало бы их дальнейшему развитию. Однако освободительные движения носили неорганизованный и стихийный характер практически во всех государствах, включая Бразилию. И без политического лидера данная борьба завершилась бы успешным подавлением восстания со стороны властей. Таким образом, именно Педру I благодаря проведению успешной политики смог направить силу народного восстания в нужное русло и обеспечить Бразилии дальнейшее развитие и процветание. Также следует отметить, что одним из важных политических ходов принца-регента был призыв к сотрудничеству со сформировавшейся и набирающей силу Бразильской олигархии, которые составили основную силу и опору всем дальнейшим действиям Педру. Еще одна отличительная черта политики принца-регента состояло в том, что все его действия были направлены на благо народа, а не достижение каких-то выгод для себя, что, конечно, присутствовало, но не являлось основной задачей. Все эти факторы в совокупности привели к принятию одной из самых демократичных конституций того времени, которая легла в основу принятой в 1988 году ныне действующей Конституции. Стоить отметить, что Конституция 1988 года также закрепляет различные права и свободы человека, что свидетельствует о сохранении традиций Бразильского законодательства, которые направлены на достижения различных благ народом, а не власти.

Summary

Article deals with the role of Pedro in the formation of Brazil as an independent state. An analysis of the political situation in Portugal and Brazil at the time and the characteristics of the relationship between these states identifies the causes of the revolution in Brazil.

Key words: Brazil, Portugal, Pedro I, the Prince Regent, the Emperor, Joao IV, independence, revolution, constitution, Latin America during the colonial period, a colony of Portugal, Latin American constitutionalism.

Н.А. Дёмина

Военная диктатура армии и её правовое оформление в Англии середины XVII в. до установления протектората Оливера Кромвеля

В статье говорится о причинах английской революции XVII в., о попытках разрешения назревших проблем и коренном переломе в государственном устройстве Англии. Также, рассматривается степень влияния армии и парламента на действия Оливера Кромвеля. Поднимается вопрос о фактическом существовании республики и переходе к власти военных. Автор представил своё мнение по этим и другим вопросам.

Ключевые слова: Англия XVII в., Ирландия, Шотландия, английская буржуазная революция, армия нового образца, Лондон, Оливер Кромвель, Карл I, английский парламент, лорд-протектор, пуритане, законодательство эпохи революции.

Автор не случайно выбрал именно данную тему статьи. За несколько веков исследования английской революции были сформулированные разнообразные по своему содержанию и аргументации позиции. Т.А. Павлова, Е.А. Соловьёв Б. Ковард предлагают взглянуть на историю революции с диаметрально противоположных позиций. Однако, единственно верной нет до сих пор. Каждый, кто изучает данную тематику, на основе анализа многочисленных источников может предложить новую гипотезу. Для формирования представления о праве данной эпохи автор использует такие источники, как: «Законодательство английской революции 1640–1660 годов» Н.П. Дмитревского, «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.» Н.Н. Блохина и др. Актуальность статьи заключается в новизне позиции, с которой автор оценивает и переосмысливает исследуемый период. Ведь до сих пор нет однозначного мнения по многим аспектам революции.

В Англии XVII в. произошла важнейшая по своей сути революция: был изменён, до этого неприкосновенный, государственный строй. С монархией было покончено, хоть и на время. По мнению В.А. Томсинова, «революция 1640–1660 гг. была самой разрушительной в истории Англии политической катастрофой»[1]. Цель статьи - оценить роль армии в ходе революционных преобразований и её влияние на события середины семнадцатого века. Можно

[1] *Томсинов В.А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Учебное пособие. М., 2010. С. 6.

ли говорить о том, что армия стала особым могущественным сословием в государстве? Имели ли место признаки фактической военной диктатуры уже в 1647 г.? Почему война за демократические свободы привела к захватническим кампаниям в Ирландии и Шотландии? На эти и другие спорные вопросы автор попытался дать ответ в данной статье. Задачей статьи стало рассмотрение фактического становления режима военной диктатуры уже с 1647 г. Также, изучение работ различных учёных иписем Оливера Кромвеля для подтверждения предположения о фактическом захвате власти армией.

22 августа 1642 г. было положено начало Гражданской войне, начавшейся с противостояния короля и парламента. Битва при Марстон-Муре, где будущий глава армии и Англии Оливер Кромвель и его конница сыграли решающую роль,«Билль о самоотречении» палаты общин, создание парламентской профессиональной и регулярной армии — армии нового образца, решающее сражение: разгром роялистов при Несби, не менее важная победа в Ленгпорте, в последнем сражении войны - все эти события привели к победе парламента над роялистами в 1646 г. Тем не менее, война имела свои отрицательные последствия: торговля нарушена, истощены запасы продовольствия, вытоптаны посевные площади, возросли цены на предметы первой необходимости. Народ угнетён. К тому же, был дан толчок решительным действиям армии, поскольку солдаты были возмущены задержкой платы уже за много недель. В палате понимали, насколько сильна негодующая опытная армия, которая уже успела почувствовать вкус побед и осознать свою главенствующую роль.

Кромвель, чьи требования к этому времени стали отождествляться с армией[1], и высшее командование считали, что цель достигнута, теперь нужно гарантировать завоёванные права. Они были согласны с установлением ограниченной монархии и, более того, не представляли другого государственного устройства в Англии. Они не хотели новой войны, 22 марта 1647 г. Оливер Кромвель заявил в палате общин: «В присутствии всемогущего бога, перед которым я сейчас стою, заверяю вас: армия разойдется и сложит оружие у ваших дверей, как только вы ей прикажете»[2].

---

[1] *Ковард Б.* Оливер Кромвель. / Пер. с англ. О.А. Гунькова. Ростов-на-Дону, 1997. С. 27.

[2] *Павлова Т.А.* Кромвель. М., 1980. С. 110.

Однако, недовольство армии стремительно нарастало в связи с тем, что стало понятно, что не будет никаких благодарностей, наград, поощрений и даже обещанных выплат. Победоносная армия не получила ничего из того, за что сражалась. Напротив, парламент хочет распустить армию и найти компромисс с королём. С этого момента армия выходит из повиновения. Назревает угроза нового конфликта. Кромвель всё еще надеется на уступки со стороны короля и на решение дела мирным путём. Так летом 1647 года, узнав о переговорах пресвитериан с Карлом, Кромвель, сознавая всю небезопасность своих действий, предпринимает попытку добиться компромисса между королём, армией и парламентом. В июле создаются две противоборствующие организации: с одной стороны - Всеобщий совет армии, состоящий из командиров и агитаторов, с другой стороны – Комитет безопасности пресвитериан. Кромвелем, Ламбертом и Айртоном составлен манифест «Главы предложений, выдвинутые армией», на основе которого предполагалось достичь соглашения с королём мирным путём. Король, в свою очередь, 28 июля отвергает «Основные предложения».Карл непреклонен.

После попытки контрреволюции (при поддержке пресвитериан) в Лондоне 26 июля, армия во главе с Фэрфаксом уже 6 августа оккупирует Лондон. Стоит отметить, что, по словам Т.А. Павловой, «никому из жителей или властей не было причинено ни малейшего вреда, никто не был оскорблен даже словом. Еще много дней спустя лондонцы с восхищением говорили о замечательной выдержке и дисциплине солдат. По решению парламента Сити предоставило заем на 100 тысяч фунтов стерлингов для покрытия нужд армии. Самые ярые враги ее в парламенте скрылись»[1]. Пресвитериане прекращают посещения парламента, аргументируя это тем, что армия стала третьим сословием в королевстве и принимает решения самостоятельно, а парламент только соглашается с решениями военного совета. Несомненно, уже в 1647 армия была угрожающей, непримиримой силой, во главе которой стояли умные, преданные своему делу, командиры. По словам А.Н. Савина, «армия, совершившая августовский военный переворот 1647 г., очень своеобразна. Эта армия – настоящий парламент. В ней кипит политическая жизнь, борются

[1] *Павлова Т.А.* Кромвель. С. 123.

политические партии и программы, происходят бурные политические споры»[1]. Таким образом, мы можем говорить о начавшейся политизации армии.

Осенью 1647 г. всё решительнее становится движение левеллеров, которые были уверены, что попытки переговоров Кромвеля закончатся лишь возвращением к старому строю, а все завоевания окажутся напрасными. Теперь из общего совета выделился совет агитаторов, наиболее решительно настроенных членов, который стал собираться отдельно. 18 октября они представили «Дело армии», которое рушило все вековые устои Англии, права короля были объявлены недействительными. Это было своего рода ответом на «Главы предложений» индепендентов, которые были настроены на сохранение монархии. Армия непреклонно шла к своей цели, диктуя свою волю. В предисловии к «Делу армии» было сказано о том, что армия взялась за оружие для борьбы за справедливость, о том, что они не обязаны служить деспотической власти[2]. Кромвель, в свою очередь, не признавал такого подхода. Он желал сохранить сложившуюся систему, желал реформ, но никак не вмешательства армии в основы государства.

26 октября 1647 г. было опубликовано «Народное соглашение», которое повторяло основные требования армии. С 28 октября по 8 ноября длились дебаты в Патни, где высшие офицеры члены совета обсуждали «Народное соглашение», которое означало установление республики, и о порядке представительства в парламент, Оливер Кромвель настаивает, что республика может означать только распад нации. В газетах писали: «Кромвель и левеллеры могут столь же хорошо примириться, как огонь и вода. Цель одних – народовластие, цель других – олигархия»[3]. Дебаты так и не привели к однозначному решению, они были лишь попыткой сохранить единство армии. Позже, 15 ноября 1647 г., Кромвель и Фэрфакс проводили смотр полков, во время которого несколько отрядов устроили мятеж, который был в резкой форме подавлен О. Кромвелем. Этот факт показал его решительный настрой, и он сумел сдержать армию, которая на тот момент была мощной силой, и возглавил её. К тому же, эта ситуация привела к уменьшению влияния левеллеров.

---

[1] *Савин А.Н.* Лекции по истории английской революции. М., 2000. С. 3.

[2] *Павлова Т.А.* Кромвель. С. 129.

[3] *Павлова Т.А.* Кромвель. С. 139.

Зимой стало известно о соглашении короля с Шотландцами. Это сильно повлияло на точку зрения Кромвеля, теперь он поддерживал «Решение о прекращении сношений с королём». На собрании Совета армии в Виндзоре 1 мая единогласно решено: «Карл Стюарт, человек кровавый, должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тягчайшие преступления против бога и народа». 5 мая совет армии постановил, что «ни этот король и никто из его потомков не будут королями в Англии»[1]. Тем самым именно армия решила судьбу короля. Этот факт ещё раз доказывает её возвышенное положение. 17–19 августа 1648 г. битва при Престоне решила исход второй гражданской войны. Армия роялистов была окончательно разгромлена. Победоносная армия непреклонно требовала упразднения монархии. 25 ноября король был заключён в тюрьму, уже 30 декабря вышла декларация Совета армии о чистке парламента от изменников, а 2 декабря армия вошла в Лондон и Фэрфакс занял королевский дворец. Армия заняла столицу и заключила короля в тюрьму – уже эти факты дают основание полагать, что она была главенствующей силой в государстве. 5–6 декабря была проведена «Прайдовая чистка» парламента, в результате которой 143 члена были исключены, а оставшиеся 80 были индепендентами, желавшими суда над королем. Это означало только то, что теперь препятствий к суду не было. Но никто не решался взять на себя ответственность за столь кардинальные перемены: юристы и судьи бежали из Лондона. Сам «Кромвель был в сомнении»[2]. 4 января палата общин приняла резолюции, которые объявили народ источником всякой власти. Теперь уезжали даже республиканцы, которые не без основания опасались установления военной диктатуры.

Важно отметить, что армия пыталась действовать в рамках существующего законодательства. Только когда их намерения приходили в несоответствие с законами, последние подлежали пересмотру. Так, парламент не был упразднён, а была проведена его «чистка», казнь короля была проведена не тайно, а на основании решения специально созданного для данной цели суда. Решение палаты лордов, проголосовавшей против суда над королём, не было просто проигнорировано, а привело к принятию законов об установлении однопалатного парламента.

---

[1] *Павлова Т.А.* Кромвель.С. 151.

[2] *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах её деятелей. М., 1991. С. 203.

8 января 1649 г. Верховный суд в составе «очищенной» палаты общин и «кромвелевских» офицеров собрался в Вестминстере. 26 января ими принято решение о казни короля путём отсечения головы от тела, а уже 30 января произошла казнь Карла I и установление независимой республики в Англии. Это был первый в истории акт народного возмездия. Люди третьего сословия одержали верх над монархией. Теперь все знали, что монарх вовсе не является неприкосновенной фигурой. Теперь начался отсчёт нового времени: «акт об отмене королевского звания», «акт об отмене Палаты лордов» и 19 мая – провозглашение Англии республикой.

Война вновь привела к экономическому истощению, к тому же до сих пор не было выплачено жалование армии, поэтому под лозунгом «обогащайтесь!» в марте был проведён ввод войск в Ирландию. Таким образом с армией расплатились Ирландскими землями. Более того, нужно было обезопасить себя от возвращения к монархии, поэтому следовало нанести удар.«Это разбудит всех англичан, которые, вероятно, довольно готовы к тому, что он (Карл II) придет по соглашению, но не к тому, что он придет из Ирландии или Шотландии»[1].Армия преобразовалась до неузнаваемости, теперь они грабили, наживались на покорённых, ради богатства и земель. С июля 1650 по август 1651 года под командованием Кромвеля была совершена военная кампания в Шотландии. К рождеству ему подчинялась уже вся Нижняя Шотландия. Стоит отметить, что даже во время кампаний (март 1649 – август 1651 гг.) армия имела влияние внутри страны, она даже упрочила свою лидирующую роль. Победоносная непобедимая армия завоевала ряд новых территорий, устранила угрозу вторжения роялистов из Шотландии, были погашены займы и задолженности. Кромвель, как главнокомандующий этой армии, приобрёл огромный авторитет у глав других государств, теперь они могли обращаться к нему напрямую, минуя парламент. Более того, теперь движение левеллеров уже не имело того влияния.

Страна была разорена. В церковных делах царил полный беспорядок. Торговля, ремесло, земледелие находились в упадке. Республике необходимо было ответить на вопрос о том, как прокормить всех безработных, количество которых было немыслимо, к тому же, важно было избежать их недовольства. Люди были разорены, тюрьмы переполнены несостоятельными должниками.

[1] *Abbot W.C.* The Writings and Speeches of Oliver Cromwell. Cambridge, 1937.V. 2. P. 39.

Налоги доходили до огромных цифр. Законы не соблюдались или же служили лишь прикрытием для юристов, наживающихся на разоренных людях. «Между тем, право в том виде, как оно существует, служит только интересам юристов и поощряет богатых притеснять бедных», – признавался Кромвель[1]. Армия, ставшая теперь огромной, разросшейся, требовала жалования и продовольствия. К концу 1651 г. Кромвель, глава армии, стал главным человеком в Англии и, конечно, он понимал необходимость внутреннего устроения нации. 10 декабря 1651 г. состоялось собрание членов парламента и высших офицеров армии, на котором поднялся вопрос о форме правления для Англии. Участники собрания вносили различные предложения, но Кромвель осознавал, что вся законодательная база была связана с монархическим образом правления, нужны были коренные изменения. Кромвель говорил об установлении ограниченной монархии, ведь её было бы легче поставить на законные основания. Заметим, что именно главнокомандующий выбирал форму правления. Это является ещё одним доказательством верховенства армии. Нельзя оставить без внимания и то, что Оливер Кромвель предпочитал монархию республике с самого начала своей деятельности. Однако, его целью никогда не было установление единоличной диктатуры, что подтверждает тот факт, что в дальнейшем он отказался от трона и титула короля. Более того, даже в период протектората он неоднократно предпринимал попытки созыва парламентов, тем не менее, их деятельность казалась ему, человеку действия и практики, несостоятельной.

Только в марте-апреле 1653 г. «охвостье» приступило к обсуждению порядка выборов в новый парламент. Армия по-прежнему настаивала на его роспуске. 20 апреля 1653 г. Кромвель отправился в парламент и заявил: «Довольно! Я положу конец вашей болтовне! Вы не парламент!..»[2]. Долгий парламент был разогнан. Парламента в стране больше не существовало, вечером того же дня Государственный совет также сложил свои полномочия. В течение лихорадочных недель после роспуска «охвостья», он яростно отрицал, что действовал с целью установить постоянную военную диктатуру Кромвеля. «Если вы скажете, что свобода людей задушена такими средствами (роспуск «охвостья»), – заявляло напечатанное письмо, написанное «джентльменам из сельской местности» и датированное 3 мая, – я снова должен сказать вам, что

[1] *Abbot W.C.* The Writings and Speeches of Oliver Cromwell. P. 325.

[2] *Павлова Т.А.* Кромвель. С. 283.

это только приостановка, «это меч, взятый из рук безумного человека, пока он не придет в чувства»[1]. Вскоре после роспуска Кромвель послал за Оливером Сент-Джоном, чтобы помочь «разработать определенную форму правления, которая должна была вытянуть власть из его рук»[2]. Теперь 4 июля 1653 г. открылось Бербонское собрание (иногда называемое «Бербонским парламентом»), назначенное Кромвелем с ведома его совета офицеров. Однако уже осенью Кромвель разочаровался в политике, проводимой парламентом. Ему казалось, что эти «самонадеянные мужики»[3] не собирались проводить умеренные и разумные реформы, а собирались упразднить собственность и законы. 12 декабря 1653 г. большинством парламента решено: полномочия парламента передать в руки лорда-генерала Оливера Кромвеля. Как отмечал Е.А. Соловьёв, «должно было победить то, на чьей стороне в данную минуту был maximum силы. Она вся сосредоточилась в руках армии и её вождя. Это понимал каждый, и кто был способен покориться – покорился, громадное большинство совершенно добровольно»[4]. 16 декабря Кромвелем принята новая конституция, известная как «Орудие управления» и он вступил в должность лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии. Этот акт создавал прикрытие полновластия одного человека, который носил титул лорда-протектора, по сути закрепляя диктатуру главнокомандующего О. Кромвеля.

Итак, как мы убедились, признаки военной диктатуры имели место уже в 1647 г. Юридически режим военной диктатуры закреплен не был, а парламент всё же существовал, несмотря на то, что никакого веса он уже не имел. К тому же, во время военных кампаний армия была за пределами Англии и не участвовала в политической жизни страны. Однако Англией действительно управляли армия и её военачальники. Военный совет фактически заменил парламент уже в 1647 г. Армия диктовала свои условия, но была разумно сдерживаема армейской верхушкой. Вся полнота власти находилась в руках Оливера Кромвеля, человека, возглавившего армию. Исходя из этого, можно утверждать, что с 1647 г. армия обозначила себя как самостоятельная

---

[1] *Woolrych A.* Commonwealth to Protectorate. Oxford,1986. P. 110.

[2] *Ludlow E.* Memoirs. Cambridge, 1907-1921 // The Cambridge History of English and American literature: An Encyclopedia in EighteenVolumes. Vol. 1.P. 8.

[3] *Павлова Т.А.* Кромвель. С. 290.

[4] *Соловьёв Е.А.* Оливер Кромвель. Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1893. С. 43.

политическая сила, мнение которой было важнейшим в принятии всех решений, а после проведения захватнических войн в Шотландии и Ирландии в Англии фактически была установлена военная диктатура.

Summary

The research reveals the reasons of English revolution of the 17th century, the attempts of solving different urgent problems and fundamental change in a state system of England. Moreover, it examines the extent of influence of the army and the parliament on Oliver Cromwell's actions. Furthermore, the question of actual existence of the republic and rapidly increasing power of the army is considered here. The author expresses his opinion on these points.

Keywords: England in the17th century, Ireland, Scotland, English bourgeois revolution, new model army, London, Oliver Cromwell, Charles I, English parliament, Lord-Protector, puritans, legislation of an era of revolution.

А.А. Дудко

Становление школы отечественного международного права: вторая половина XIX - начало XXв.

В статье рассмотрен ряд вопросов теории и истории международного права, сформулированы определения международного права, его науки и школы, рассмотрен вклад в международное право юристов второй половины XIX – начала XX вв. Значительное место в работе занимает анализ деятельность отечественного специалиста в области международного права Ф.Ф. Мартенса, его карьеры, основных достижений, оценка вклада в международное право.

Ключевые слова: международное право, становление и развитие международного права, школа международного права, Ф.Ф. Мартенс.

Наступила эпоха стремительного взаимного проникновения и быстрого усиления взаимодействий государств в экономической, социальной, политической, идеологической и других культурных сферах, а значит и усилилась роль международного права, которое занимается изучением тенденций взаимодействия государств[1]. Следовательно, изучение различных вопросов международного права, а именно становления школы

[1] *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 278.

международного права, которое происходило в дореволюционный период, актуально на сегодняшний день.

Следует отметить, что исторический аспект изучения международно-правовых явлений важен не только для уяснения истинного положения вещей, но и для определения перспектив на будущее. В этой связи особенно актуален анализ международно-правовых концепций ученых дореволюционной России, установление их действительного вклада в развитие международного права. В настоящее время это является одной из важнейших предпосылок дальнейших плодотворных разработок в отечественной науке международного права. Также важно, что вклад выдающихся юристов-международников с мировым именем пока изучен недостаточно, то есть изучение их деятельности, их основных работ актуально для науки международного права.

В статье рассмотрена старая школа отечественного международного права, так как зарождение новой школы принято связывать с 1919 г., когда был подписан Версальский договор и создана Лига наций, а рассматриваемый нами период ограничен 1917 г. – годом Октябрьской революции, начинаем мы анализ развития международного права в России с 60-х гг. XX в.

Важен тот факт, что новая школа международного права является ровесницей Советского союза, однако основали эту школу юристы-международники, получившие образование еще в дореволюционной России, поэтому работы до- и послереволюционного периода, на его начальных этапах, смежены и представляют сходные идеи[1], этим подчеркивается значимость исторического экскурса по школе отечественного международного права дореволюционного периода.

Рассматривая развитие международного права на рубеже XIX–XXвв. следует уделить внимание тому, кто находился «у руля» власти. Мы можем заметить, что снижается авторитет правителя, при этом возрастает влияние отдельных министров, например, С.Ю. Витте, В.К. Плеве, П.А. Столыпина[2].

В первой части работы необходимо дать определения международного права, его науки и школы, чтобы в полной мере уяснить о чем пойдет речь.

Еще в начале XIX в. молодой император Александр I задумал крупные преобразования в стране, последствиями которых стали изменения социально-

---

[1] *Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И.* Международное право. М., 2004. С. 110–111.

[2] *Милов Л.В.* История России XX – начала XXI века. М., 2012. С. 112–113.

экономического, внутриполитического и внешнеполитического характера. Поступательный ход социально-экономического и внешнеполитического развития страны настойчиво выдвигал все новые и новые научные задачи, решение которых требовало более совершенной организации, прочной материальной базы и все большего числа ученых. Можно полагать, что все это, а также ряд других факторов, способствовало появлению в отечественной науке такой отрасли знаний как международное право.

Что же следует понимать под международным правом? Согласно П.Е. Казанскому, международное право – это отрасль права, регулирующая отношения государств, международно-правовое положение подданного и человека вообще и права международных обществ[1].

Наука международного права является настоящим источником международного права, так как она освещает материалы международного права, дает возможность правильно изучать и понимать трактаты и международные обычаи.

Такое понятие, как наука международного права зародилось в период средневековья. В ее развитие внесли свой вклад мыслители многих государств, включая Россию. Особенно большое значение российская наука международного права имела в конце XIX — начале XX столетия[2].

Под школой международного права подразумевают характерные черты, особенности работ и достижения юристов-международников, их взгляды по различным вопросам международного права.

Важным является противоречивость содержания действовавшего в XIX в. и начале XX века международного права. По-прежнему признавалось «право» государства на войну, в которой победитель получал «законное» право определять положение побежденного. Продолжались колониальные захваты. Посредством неравноправных договоров происходило закабаление отдельных стран. Применялась доктрина о «цивилизованных и нецивилизованных народах», осуществлялись аннексии территорий. Таким образом, новые начала международного права еще сочетались со старыми, феодальными правовыми

---

[1] *Кирилловская Н.В.* Система международного права и его науки в отечественной международно-правовой доктрине XIX – начала XX в. Историко-теоретический анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 26.

[2] *Колосов Ю.М., Кузнецов В.И.* Международное право. М., 2004. С. 5.

институтами. Об этом периоде и пойдет речь, о том, как развивалась российская школа международного права, какие деятели международного права работали в этот период, какие нововведения они привнесли. какие важные события для России произошли в сфере международных отношений.

К концу XIX столетия международное право стало необходимым регулятором межгосударственных отношений. Был накоплен значительный нормативный материал и заложены основы международно-правового сознания. В этот период наука международного права достигла значительных успехов как за рубежом, так и в России. Труды русских ученых представляли собой заметное явление в общемировой литературе международного права.

Самыми видными юристами-международниками дореволюционного периода были Ф.Ф. Мартенс, Л.А. Камаровский, В.Э. Грабарь, М.Н. Капустин, В.П. Даневский, В.А. Уляницкий, М.А. Рейснер, М.А. Таубе, Д.А. Милютин, Б.Э. Нольде, В.М. Гессен, А.Н. Мандельштам и др. Среди них как маститые (А.Л. Байков, П.М. Богаевский, А.М. Горовцев, М.И. Догель, С.А. Корф, А.Н. Мандельштам, Б.Э. Нольде, В.А. Овчинников, А.А. Пиленко, М.И. Ростовцев, М.А. Таубе, О.О. Эйхельман, А.С. Ященко и др.), так и начинающие ученые (Г.Д. Гурвич, Ю.В. Ключников, Б.С Миркин-Гецевич, М.А. Циммерман, В.В. Энгельфельд и др.).

Одним из выдающихся юристов-международников второй половины XIX – начала XX вв. был Федор Федорович Мартенс (или Фридрих Фромгольд, как его называли и называют на Западе).

Его труды в области международного права были признаны во всем мире, когда ему было всего лишь 23 года и он был магистрантом. Дело в том, что для магистерской диссертации он избрал еще неисследованную в России тему «О праве частной собственности во время войны», его работа по актуальности, научной глубине и стилю изложения была признана столь талантливым трудом, что по решению Ученого совета она была издана отдельной книгой, и на эту книгу ученые мира ссылаются как на книгу «профессора Мартенса».

Основными работами Мартенса, обеспечившими ему мировую научную славу, стали две его работы: первый в России фундаментальный 2-х томный академический курс «Современное международное право цивилизованных

народов» (1892–1893 гг.) и научно-комментированное 15-томное «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами».

Здесь следует обратить внимание на то, что вышеназванный курс был построен на совершенно новых методологических и структурных принципах, впервые освещал суть международного права через примеры из международной и российской дипломатической истории. До него международное право России преподавалось на основе работ иностранных авторов. Курс Мартенса восполнил этот пробел: вплоть до революционных бурь 1917 г. он был одним из базовых учебников в вузах России. Еще при жизни автора курс выдержал в России 4 переиздания, был переведен и издан за границей на немецком, французском, испанском, сербском, персидском, китайском, японском и других языках, став одним из самых востребованных в мире, чего не удостаивался ни один курс отечественных юристов ни до, ни после Мартенса.

Ф.Ф. Мартенса можно смело назвать одним из основателей важнейшей области международного права - международно-правовой защиты прав человека, именно Мартенс в своих трудах поставил человеческую личность в центр международной жизни и видел в ее охране смысл и конечное назначение международного права.

В течение 40 лет Ф.Ф. Мартенс представлял интересы России на международных конференциях, но «звездным часом» Мартенса стали Первая и Вторая конференции мира 1899 и 1907 гг. в Гааге, созванные по инициативе России и принявшие конвенции, положившие начало правовым нормам ведения войны, разоружения и мирного разрешения споров. На Конференции 1899 г. была принята и знаменитая «оговорка Мартенса» (отмена принципа «все, что не запрещено, разрешено»), сыгравшая выдающуюся роль в гуманизации правил войны и не утратившая и сегодня своего значения. Ф.Ф. Мартенс широко известен и как международный арбитр своими весьма успешными решениями многих сложных международных споров. Поэтому профессор Мартенс вошел в историю и как дипломат, применявший свои теоретические знания для научного обоснования и конвенционного закрепления принципов и норм международного права и разрешения сложных международных проблем.

Огромна заслуга Мартенса и в том, что он оставил после себя богатое наследие - целую плеяду его молодых учеников-международников, как ученых, так и практиков. Одни из них занялись историей и теорией международного

права (А.Л. Байков, А.М. Горовцев, Э.К. Симсон, М.А. Таубе), другие – разработкой международного частного права (А.Н. Мандельштам, Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко, Л.А. Шалланд); третьи - соединили изучение международного и государственного права (С.А. Корф)[1].

Что же касается российской научной мысли в целом в сфере международного права, то русские ученые также выдвинули и обосновали ряд принципиально новых концепций и доктрин: это и труды В.Э. Грабаря о возникновение науки международного права в эпоху феодализма, пространственная теория государственной территории В.А. Незабитовского, М.Н. Капустина, международное третейское разбирательство Л.А. Камаровского. Такие ученые, как В.П. Даневский и В.А. Уляницкий вплотную подошли к осознанию права наций на самоопределение, М.А. Рейснер – причин войны и сущности милитаризма[2].

Российские ученые не только не уступали в области научных разработок на уровне мировой науки международного права, но и нередко превосходили ее по глубине суждений, прогрессивности высказываемых идей, глубине анализа, четкости формулировок, лаконичности и литературной форме. Это свидетельствует о высоком уровне развития русской международно-правовой мысли второй половины XIX - начала XX вв.

Велика роль российских ученых не только в разработке принципиально новых концепций международного права, но и в создании и кодификации ряда современных институтов и международно-правовых норм. В области кодификации законов и обычаев войны были сделаны дальнейшие шаги к гуманности, большой вклад в это дело внесла Россия (Женевская конвенция 1864 г. о режиме раненых и больных, Петербургская декларация 1868 г. о запрещении употребления разрывных пуль, Гаагские конвенции о законах и обычаях войны 1899 и 1907 гг.).

Революция 1917 г. оказала большое влияние на развитие международного права как в России, так и в мире в целом. Это период, когда классическое международное право сменилось новым международным правом, кардинально изменились принципы международного права.

---

[1] *Иваненко В.С.* Историческая справка к 175-летию международного права. // http://law.spbu.ru/Structure/Departments/mezhprava/About.aspx

[2] *Бекяшев К.А.* Международное публичное право. М., 2003. С. 44.

Многие ученые-международники были вынуждены покинуть Россию, но усердием и стараниями десятков ученых, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 г., – за границей была создана международно-правовая наука Русского Зарубежья[1].

Итак, можно сделать вывод, что дореволюционный период был весьма сложным и противоречивым по вопросу становления школы международного права, так как складывалась совершенно новая система межгосударственных юридических норм, сочетавшая старые демократические принципы и новые важнейшие принципы международного права. Россия укрепляла свой авторитет на международной арене, сохраняла и налаживала международные отношения.

На примере Мартенса мы видим, что становление и развитие школы международного права рассматриваемого периода состоит не только в обосновании концепций и кодификации международно-правовых норм, что безусловно важно, но и в деятельности российских специалистов в структурах мирового сообщества.

Сегодня отрасль международного права развивается в связи с процессами модернизации, но значимость основ международного права, заложенных как раз в XIX и начале XX в., для дальнейших плодотворных разработок в отечественной науке международного права нельзя недооценивать.

В заключении хотелось бы отметить, что данная научная работа не претендует на исчерпывающую разработку всех аспектов вопроса, а лишь освещает некоторые из этих аспектов.

Summary

An article relates to the field of international law, captures the theory and history. There are formulations of definitions of international law, its science and school in this article. Contribution of lawyers of XIX - XX centuries to international law is also considered. The main part of the article dedicated to famous domestic expert of international law Feodor Feodorovich Martens: his career, the main achievements and contributions to international law.

The article will be interesting for international lawyers, law students and those who interested in the study of international legal literature.

Key words: international law, the establishment and development of international law, international law school, F.F. Martens.

[1] *Бекяшев К.А.* Международное публичное право. С. 44.

Ефимов А.А

Правовой статус Царства Польского в XIX в.

Статья посвящена проблеме правового статуса Царства Польского. Будет рассмотрено его изменение на протяжение всего века, превращение из почти независимого государства в часть Российской империи, а также установлены причины этого. Кроме того будет уделено внимание нормативным источникам, которые использовались при написании работы.

Ключевые слова: Царство Польское, правовой статус, XIXв, органический статут, конституционная хартия

С присоединением к России восточной части Польши по решению Венского конгресса 1815г. встает вопрос об её правовом статусе. Можно ли назвать Царство Польское самостоятельным государством с собственной системой управления и лишь формальной зависимостью от Российской империи, либо оно является автономией в составе России. В данной работе будет показана изменение правового статуса Царства Польского на протяжении всего XIX в., а также выявлены причины по которым оно превращается из практически самостоятельного государства в обычный регион Российской империи.

Многие исследователи посвятили свои работы данной проблеме, однако большинство из них содержат лишь общие сведения, рассматривая Царство Польское в совокупности с другими окраинами империи включая Финляндию и Среднюю Азию. В данной работе будут использованы ссылки на такие работы. Кроме того будут сделаны сноски на нормативно-правовые акты, в которых нашли отражение отношения того периода.

Проблема правового статуса Царства Польского является актуальной, так как отношения между Польшей и Россией в XIX в. во многом отразились в будущем. Кроме того Царство Польское является прообразом такого вида субъекта, как автономия, который распространен в современном мире и в частности в России. В современности же данный пример показывает, что невозможно государству насильственно включить свой состав территорию, отличающуюся культурой. Несмотря на статус, который будет ей предоставлен, тенденции к обретению независимости будут всегда оставаться высокими.

Правовое положение Царства Польского, как уже было сказано ранее, не оставалось статичным. Чтобы проследить его изменение, нужно рассмотреть

историю царства с момента его образования, а именно с 1815 г., когда по решению Венского конгресса к России отошла часть польских земель, получивших название Царство Польское. В нем была введена конституция, тем самым Российский государь, являющийся на всей территории России абсолютным монархом, ограничивал свою власть нормативным актом. Согласно конституции, Царство Польское получало довольно широкие права. Конституционная хартия 1815 г. определяла его как часть Российской империи (Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи). Кроме того, конституция закрепляла власть в царстве за Российским императором, а в его отсутствие за наместником, который был наделён значительными полномочиями. Сам документ был разделён на 7 титулов: государственные отношения царства, общие гарантии, о правительстве, о народном представительстве, о судебной власти, о вооружённой силе, общие положения. Царство Польское имело свою армию, которая не могли быть использована вне Европы. Гарантировалась свобода печати, равноправие граждан, законность, частная собственность.

Для того чтобы понять какой статус имело Царство Польское на момент создания нужно обратиться к конституционной хартии 1815 г. Государственная власть по конституции осуществлялась органом народного представительства - сеймом, состоящим из царя и двух палат. Первая образуется из сената, вторая из послов и депутатов от гмин[1]. К функциям сейма относились обсуждение всех проектов законов, решение налоговых вопросов, принятие бюджета и т.д. Царь был председателем в государственном совете, высшем законосовещательном и судебном органе, который состоял из министров, рефендариев и других лиц. Государственный совет являлся высшим правительственным органом, он делился на Административный совет и Общее собрание. Российский император был главой всей административной системы царства. В его отсутствие все полномочия осуществлял наместник. Таким образом можно сделать вывод, что вся политика ЦП полностью зависела от воли российского императора, хотя и были созданы представительные органы, их деятельность полностью была подконтрольна царю. Учитывая же то, что власть царя формально осуществлял наместник, то можно увидеть весь широкий круг его полномочий и почти безграничную власть. Однако даже такой порядок

[1] URL: http://worldconstitutions.ru/archives/447

управления являлся более мягким, чем в остальных частях Российской империи, из чего можно сделать вывод, что царство польское имело особенный правовой статус, в 1815 г. оно являлось автономией, с наличием своих представительных органов, которые, однако, находились полностью под контролем русского царя.

Другой вопрос, который возникает при определении правового статуса царства, являлось ли оно автономией в современном понимании это слова. По Конституции РФ, автономии обладают такими же правами, как и другие субъекты федерации. В данном случае можно увидеть, что самоуправление в Царстве Польском было значительно шире, чем в других территориальных единицах. Данное территориальное образование имело признаки государства: обособленную территорию с особой системой административно-территориального и местного устройства; свою конституцию; отдельную систему организации власти и управления; отдельную правовую систему; собственные вооруженные силы и т.д. Царство Польское именовалось государством в общероссийских нормативных актах[1].

Таким образом, Царство Польское на момент своего образования являлось почти самостоятельным государством, в 1815 г. его можно определять как государство, находящиеся в реальной унии с Российской империей[2]. Однако ст. 1 конституции прямо указывает на то, что Царство Польское становилось частью империи, поэтому его правовой статус стоит рассматривать, лишь как территорию со значительной автономией.

Следующий период, в который правовой статус Царства Польского претерпел изменения, начинается в 1832 г., с введения органического статута. Вступление в силу данного акта связанно с восстанием, вспыхнувшем в Царство Польское в ноябре 1830 г. Русские войска, а именно вел. кн. Константин, не приняли участия в его подавлении. В связи с этим существует версия, что восстание было спровоцировано Петербургом для того, чтобы лишить Польшу её излишней автономии. Однако гораздо более правдоподобной выглядит версия, согласно которой кн. Константин хотел,

---

[1] *Воронина Е.В.* Конституционно-правовой статус автономных округов Российской Федерации: Учебное пособие Тюмень, 2006. С. 8.

[2] *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века – 1881 год). М., 2003. С. 15.

чтобы восстания было подавлено самими польскими войсками без вмешательства русских, для того, чтобы не разжигать межнациональную рознь[1]. Кроме того за два года до начала восстания Николай I короновался в Варшаве, чем хотел выразить свою готовность соблюдать польскую конституцию. Поэтому можно сделать вывод, что Российская Империя всеми силами старалась сохранить существующий статус Царства Польского. Однако, когда польский сейм принял акт о детронизации Николая I, империя начала принимать радикальные меры по подавлению восстания. После окончательного установления порядка в Царстве Польском, не о каких особенных правах и свободах не могло быть и речи. Николай I принял враждебную позицию по отношению к Польше, на неё была наложена контрибуция, а также из Царства Польского были вывезены многие культурные ценности. В 1832 г. был издан органический статут, который заменил польскую конституцию.

Согласно ст. 1 органического статута 1832 г., Царство Польское, присоединенное навсегда к Державе Российской, есть нераздельная оной часть. Оно будет иметь особое, сообразное с местными потребностями его управление, свои также особенные Уложения. Таким образом, можно видеть, что органический статут не налагал значительных ограничений на существующие права Польского народа. То, что Царство Польское является частью империи, было установлено ещё конституционной хартией 1815 г., поэтому статут 1832 г. лишь подтверждает данный принцип. В общем смысле данный акт был направлен на уменьшение самостоятельности польского управления. Это проявилось в ограничении компетенции государственного и административного совета. У государственного совета осталась законотсовещательная функция, тем не менее статут указывает лишь на возможность «составления проектов» и «рассмотрения», что значительно ограничивало самостоятельность властей. Ст. 31 подтверждает данный вывод, указанием на то, что все законы могут приняты лишь Российским государственным советом. Формально главой царство продолжал оставаться наместник, он председательствовал в совете управления, а также в государственном совете. Ограничения коснулись и финансовой сферы. Польское казначейство должно было подчиняться российскому министерству

[1] *Бережная Л.А, Долбилов М.Д.* Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 97.

финансов. Ст. же 16-17 указывают на определённую самостоятельность Царства в финансовой сфере, однако это являлось лишь формальностью, так как бюджет ЦП стал участвовать в расходах империи, также в российский бюджет вошли и таможенные доходы. Кроме того Царство Польское потеряло право на содержание собственной армии[1], что давало определённую гарантию на то, что восстание не повторится.

Таким образом, в результате восстания и вследствие введения органического статута, Царство Польское утратило свою государственность, Российская империя начала политику, направленную на унификацию управления царства с империей, был упразднён сейм, утрачены некоторые гражданские права и свободы. По своему статусу Царство Польское становится приравненным к другим частям Российской империи.

Следующие изменения правового статуса Царства Польского происходят в 1861 г. В этот период в царстве начинается массовый подъём антиправительственного движения. Имперские власти, желающие сохранить существующий порядок, тем не менее, должны были пойти на некоторые уступки. К ним относилось, восстановление Государственного совета, учреждение местных выборных советов. Наместник получал двух помощников (по гражданской и военной части), учреждения края были выведены из подчинения имперским министерствам[2]. Таким образом, произошло некоторое смягчения в сфере управления в отношении Царства Польского, однако это не смогло предотвратить мятеж. Восстание началось в январе 1863 г., оно приняло характер партизанской войны, существовала угроза вступления в войну Англии и Франции.[3] После того, как стало ясно, что конфликт не может быть урегулирован мирным путём, Россия перешла к карательным действиям, мятеж был подавлен. Власти Российской империи начали проводить политику по урегулированию ситуации в регионе и унификации управления края с империей.

9 марта 1864 г. был создан комитет по делам Царства Польского, который стал контролировать всю государственную деятельность в царстве. В 1866 г. учреждается Собственная Его Императорского Величества Канцелярия по

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (далее – ПСЗ-2). Т. VII. № 5165.

[2] *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское... С. 60.

[3] *Бережная Л.А, Долбилов М.Д.* Западные окраины… С. 180.

делам Царства Польского, главой которой был назначен Н.А. Милютин. В этом ведомстве сосредоточилась вся законодательная деятельность по Царству Польскому. Канцелярия должна была обеспечивать императора точной информацией о положение дел, а также должна была выполнять надзорную функцию. Милютин получил обязанности статс-секретаря царства и значительные полномочия[1]. Создание канцелярии, а также комитета по делам Царства Польского способствовало появлению единого центра по управлению польскими делами, способствовало проведению крестьянской реформы, а также преобразованиям в сфере управления. Эти органы постепенно забирают функции государственного совета, который упраздняется к 1867 г.

Ужесточение курса Российской Империи по отношению к ЦП отразилось на власти наместника. Постепенно его полномочия были ограниченны. К 1874г должность наместника и вовсе упраздняется, его сменяет должность варшавского генерал-губернатора, который получает огромную власть(чрезвычайные права)[2].

Учитывая опыт прошлого восстания, в этот раз русское правительство решило сделать упор не на дворянство и чиновничество, а на крестьянские круги. Данную программу возглавил Н.А. Милютин. По его инициативе был образован учредительный комитет, который должен был заниматься проведением крестьянской реформы [3]. В обязанности комитета входило заведывание делами, которые касались крестьян и сельского управления. Кроме того он мог издавать постановления и принимать административные меры, которые имели обязательную силу для всех властей края. Постепенно учредительный комитет сосредотачивает в себе всю правительственную власть, ограничивая тем самым полномочия наместника. К 1871 г. комитет упраздняется, а его функции переходят к имперскому министерству. Это продолжает политику империи по унификации управления края.

Крестьянская реформа была проведена в кратчайшие сроки и утверждена императором 19 февраля 1864 г. Хотя она не освобождала крестьян от

[1] ПСЗ-2. Т. XLI. Отд. 1. № 43319

[2] ПСЗ-2. Т. XIV. Отд. 1. № 59476

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40612

крепостной зависимости, однако помогала ослабеть многовековой панский гнёт.[1]

Таким образом, к концу XIX в. Царство Польское окончательно лишается своей автономии, функции центральных органов власти переходят к общеимперским. Аграрная же реформа Милютина способствовала нахождению поддержки Российских властей среди крестьянства и отстранению высших дворянских кругов от власти, что предотвратило дальнейшие восстания в крае.

Итак, подведем итоги всему вышесказанному. Сразу после образования Царство Польское получает собственную конституцию и права, о которых только могли мечтать подданные Российской империи, практически оно имеет статус полноценного государства. Несмотря на восстания, Российская администрация пытается сохранить существующий статус Царства Польского, предоставить жителям широкую автономию, что является наиболее удачным решением межнационального вопроса и урегулированию отношений центра с окраинами, что показывает пример Финляндии. Однако нужно учитывать, что со стороны поляков, присоединение части территории Польши к России выглядело незаконно, поэтому такое образование не могло долго существовать, что и показала история. Поляки на протяжении XIX в. пытались добиться своей независимости, поэтому Российской империи пришлось принимать жёсткие меры по урегулированию ситуации в регионе, и как следствие этого лишить Царство Польское свобод и самоуправления, что и приводит в конце XIXв к полной унификации управления окраины с империей, с постепенного превращения Царства Польского от почти независимого государства в Привислинский край – регион, равный в правах и управлении с другими частями империи. Такой «насильственный» характер присоединения территории сказался в будущем на отношениях между Россией и Польшей. Даже в наше время отношения между этими странами носят несколько напряжённый характер. Учитывая же политическую обстановку XIX в. можно предположить, что Российской империи нужно было иметь на своей границе буферное государство на случай войны с Пруссией, поэтому его правовой статус возможно не имел большого значения для имперских властей, гораздо более важным было сохранить контроль над Царством Польским любой ценой,

[1] Бережная, Л. А, Долбилов, М. Д. Западные окраины Российской империи. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. С.186.

что в принципе и удалось сделать. Поэтому, даже если с современной точки зрения политика России по отношению к Царству Польскому кажется бессмысленной, то в XIX в. она была достаточно целесообразной.

Summary

The purpose of the article is researching of the problem of a legal status of Polish kingdom in the XIX c. The main idea is understanding how the legal status changed and how Polish kingdom transformed from a sovereign state into a piece of Russian Empire. In the article the reasons of this process will be discovered.

Key words: Polish kingdom, legal status, XIX century, constitution, organic statute,

О.С. Карпова

В.Э. Грабарь и его исследования о развитии науки международного права в России

Большое количество ученых трудилось в сфере российской науки международного права. Многим из них удалось внести большой вклад в ее развитие. В статье подробно исследуются работы В.Э. Грабаря, выдающегося исследователя науки международного права в России. Проведя анализ основных научных достижений ученого, автор статьи обозначает перед читателями доминирующие направления деятельности, главные объекты изучения академика В.Э. Грабаря, в области данной науки. Основное внимание обращается на произведение ученого, которое стало своеобразной энциклопедией истории науки международного права в России. Это великий труд, не имеющей аналогов на сегодняшний день – «Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)».

Ключевые слова: международное право, международные отношения Российской империи с другими державами, В.Э. Грабарь, юрист-международник, геополитика Российской империи, история российской науки международного права, способы мирного разрешения международных споров, посольства Российской империи.

Немалое количество исследователей трудилось в сфере российской науки международного права. Многим из них удалось внести большой вклад в ее развитие Владимир Эммануилович Грабарь- ученый, получивший всеобщее мировое признание, создавший труды, на которые до сих пор опираются исследователи международного права. Произведение В.Э. Грабаря «Материалы к истории литературы международного права в России», написанное в прошлом веке, широко используется и сейчас учеными-правоведами, юристами-международниками. В статье рассматривается научная деятельность В.Э.

Грабаря в сфере ее влияния на систематизацию исторического наследия международного права, предпринимается попытка дать объективную оценку трудов В.Э. Грабаря и выявить те особенности его исследований, которые делают данные научные достижения уникальными и актуальными по сей день.

Владимир Эммануилович Грабарь родился 22 января 1865 г. в Вене. После окончания юридического факультета Московского университета будущий ученый выбирает международное право как область дальнейшей специализации. В.Э. Грабарь по праву признается одним из лучших специалистов по международному праву советского и дореволюционного периодов русской истории. Это был учёный широчайшей эрудиции и кругозора: советник по правовым вопросам правительства Российской империи и советского правительства, университетский профессор, декан, получивший международное признание как правовед и историк, выдающийся академик. Профессиональная карьера В.Э. Грабаря как юриста-исследователя охватила несколько последних десятилетий в истории Российской империи и первые четыре десятилетия периода Советской власти. В библиографии трудов В.Э. Грабаря насчитывается 188 произведений.

Международное право и его неотъемлемое значение в жизни в человечества, международное право и война, воздушное право, способы мирного разрешения международных проблем, дипломатические отношения между малыми и большими державами (им выдвинута теория реального равенства держав в международных отношениях)– главные вопросы, которые ставил перед собой ученый, в процессе своих исследований. Ученый давал острую критику германских учений о «национализме» и праве войны, а так же выдвигал концепцию мирного разрешения спора о черноморских проливах Босфора и Дарданелл. Главным же объектом изучения академика Грабаря было историческое развитие и эволюция международного права в Европе в период средневековья и начало формированию науки международного права в России, ее зарождение и историческое развитие.

Триумфальным венцом длительных и кропотливых исследований Грабаря стало его исследование истории науки международного права в России, которое обратило на себя внимание русских и советских правоведов-международников, иностранных ученых с мировым именем. Но эта работа являлась лишь частью задуманного ученым масштабного исследования по

всеобщей истории международного права. Сорок лет жизни ушло у российского ученого на эту книгу. Но, к сожалению, данный монументальный труд В.Э. Грабаря был издан уже после смерти ученого. Работа не имеет аналогов ни в западной юридической науке, ни в русской. Для юристов-международников труд академика Грабаря является, по большому счету, единственным источником истории науки международного права в России.

В.Э. Грабарь сделал попытку предложить научному сообществу всеобъемлющий «путеводитель» по русской юридической литературе, посвящённой международному праву. Можно сказать, что данная цель более или менее была достигнута. Это подтверждается тем, что и сегодня исследователи международного права не могут обойтись без «Материалов к истории литературы международного права в России».

Ученый отводит значительное место характеристике роли международного права в России в вопросах мирного разрешения международных споров. В своей книге он говорил о том, что осознание «необходимости искать... средства ограничения бедствий войны..., замены ее мирными средствами...» является общей тенденцией международно-правовой литературы в целом. Эти идеи получили широкое распространение среди некоторых слоев населения. Эти люди стали называться миротворцами («пацифистами»).

В.Э. Грабарь связывал становление миротворчества на российской почве с творчеством Л.А. Камаровского, Л.Н. Толстого, забытого советской историографией И.С. Блиоха, Я.А. Новикова, М.А. Энгельгардта и других. Как отметил доктор юридических наук В.Н. Дурневский, Владимир Эммануилович Грабарь являлся «связующим звеном между русской дореволюционной и советской наукой международного права» [1].

Важнейшие правовые задачи организации дипломатической и консульской службы в царской России и в советском союзе и, совместно с этим, широкое изучение исторического прошлого науки международного права в России в различные периоды – таковы вопросы, над решением которых ученый трудился в последние годы своей жизни Грабарь в книге «Материалы к истории литературы международного права в России».

---

[1] *Дурденевский В.* Владимир Эммануилович Грабарь (1865–1956) Биографический очерк. http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=25.

Пройдя нелегкий жизненный путь, побывав на службе у Временного правительства, пережив Первую мировую войну, Вторую мировую войну Владимир Эммануилович Грабарь остался верен своим идеям и отстаивал пацифистские идеи и ценности в международном праве.

Иностранные правоведы, специалисты по международному праву могут найти в произведении совершенно новое понимание об этапах и особенностях эволюции науки международного права в России, факты и доступные комментарии к правовым документам.

Ученые, исследующие вопросы истории дипломатического права, смогут найти в произведении В.Э. Грабаря документы, отражающие различные этапа становления и развития дипломатической службы, результаты ее непрерывной работы на протяжении многих веков, а так же оригинальные записи и заметки русских дипломатов.

Важно отметить, что в процессе своего исследования В.Э. Грабарем была найдена первая русская книга, отдельно посвященная проблемам международного права. Таковой является книга о русских посольствах, обнаруженная в списке вещей опального князя В. В. Голицына. Согласно оценке его биографов, «в истории русской науки международного права Грабарь явился одним из пионеров, прокладывавших пути исследования, едва намеченные Даневским и Коркуновым» [1].

В предисловии автор указывает на то, что в труде не выдвигается задачи осветить «вполне обработанную историю науки международного права в России», а что «цель ее более скромная: собрать воедино в хронологической последовательности все имеющиеся в нашем распоряжении материалы для будущей развернутой истории этой науки». Как бы то ни было, такая оценка автором своего труда не должна привести к какому либо принижению научного значения книги. Собрать и последовательно систематически изложить исторические источники это не только огромные знания в области науки, но и кропотливый труд в течение долгого времени. В исследовании приводится подробное описание архивных, литературных материалов, отражающих поэтапную эволюцию науки международного права на протяжении многих

[1] Владимир Эммануилович Грабарь (1865–1956) Биографический очерк. http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=25.

веков в Российском государстве. Библиография, составленная с огромной точностью, отлично дополняет обширное изложение.

В.Э. Грабарь обозревает памятники русской дипломатической практики и международно-правовой мысли, представляющие, по его мнению, особую ценность. Многие из них до этого и не были распространены среди юристов и историков того времени. Книга В.Э. Грабаря знакомит читателей с такими памятниками, а их исследование обогащает научную разработку проблем истории и теории международного права. На страницах своей книги ученый отмечает высочайший уровень русской науки международного права, а так же ее прогрессивный характер, наполненный многочисленными современными идеями. К сожалению, в период жизни ученого, в западной литературе нередко замалчивались успехи русской науки международного права. Недостаточно внимания было уделено им также в советской литературе.

Огромная заслуга В. Э. Грабаря состоит в том, что он представил эти достижения к широкому кругу читателей. Именно собранные и тщательно изложенные ученым памятники русской международно-правовой практики формируют ясное понимание о цене того вклада, который русская наука внесла в мировую науку в вопросе развития и разработки наиболее важных принципов и институтов международного права. Исследование также убеждают читателя в том, что многие из теоретических выводов и конструкций русских юристов-международников прошлых эпох не утратили свою актуальность и научное значение и по сей день.

Несмотря на то, что исследование Грабаря начинается с XVII в. (эпоха правления царя Алексея Михайловича), ученый уделяет внимание и более ранней практике международных отношений в России, доказывая тем самым, что «применительно к ней можно говорить только об отдельных принципах международного права, но не о развитой международно-правовой доктрине».

Первыми «специалистами» в области международно-правовых принципов были дипломаты Великого княжества Московского. Принадлежавшие им статейные списки знакомят нас с так называемыми «первичными воззрениями на международное право» Грабарь дает характеристику воззрениям на отдельные принципы в международном праве и описывает влияние качества перевода иностранных источников, в которых хранится международно-правовой материал.

Аналогичное исследование проводит В.Э. Грабарь при изучении последующих эпох. Если рассматривать Петровскую эпоху, то важно отметить, что она знаменательна своими переводами на русский язык сочинений Уиккенфорта, Гроция, Сальереса, Пуфендорфа, а так же оригинальными сочинениями русских дипломатов. Характерной чертой эпохи было: создание частных и публичных библиотек, имеющих в распоряжении литературу по вопросам права народов. В петровскую эпоху были попытки организовать дипломатические школы и установить дипломатические сношения для того, чтобы достигнуть признания титула императора, репрессалий, дипломатических рангов, права войны.

Грабарь отмечает роль Московского университета и Санкт-Петербургской Академии наук при подготовке дипломатов. Так же огромная роль их и в изучении международного права как науки, публикации различных сочинений по праву народов исторического и философского характера. Преподавание международного права в университетах в после Петровскую эпоху датируется к первой половине девятнадцатого века. Широко упоминаются многочисленные переводы иностранных произведений, говорится об их влиянии на русские правовые идеи и мысли в области международно-правовых отношений.

Несколько отличается от других эпох схема систематизации материала при изучении В.Э. Грабарем периода с 1850 до 1917 гг.

Академик приводит описание учебных заведений России, в которых велось обучение науке международного права, и преподавателей в этой области, а также их труды и научные достижения. Грабарь описывает все главные труды по международному праву, изданные в России, что дает возможность изучить взгляды практически всех русских ученых в области международного права в определенную эпоху.

Необходимо осветить и некоторые недочеты при изложении воззрений и перечислении трудов русских ученых. Например, при изложении вопроса об объекте международного права (с. 400–401) не описываются взгляды Л.А. Шалланда, хотя на его труд «Международно-правовое отношение», в котором изложены эти взгляды, дается ссылка в биобиблиографическом обзоре (с. 414). При систематизации очерков о праве войны (с. 434) не указывается

произведение Штрассера «Право войны» (1916 г.) — одна из наиболее прогрессивных по праву войны в дореволюционной русской литературе.

Так же можно отметить недостатки в отдельных определениях и оценках. Основные произведения и правовые взгляды авторов, разделявших идеи пацифизма (с. 430–431), рассматриваются с отсутствием критических оценок со стороны буржуазного пацифизма как течения. В таком разделе как «Самостоятельные отрасли международного права» сам термин «международное административное право», его определение путем сравнения с внутренним административным правом (с. 448) порождает искаженное двоякое представление об административном праве.

Тем не менее, эти незначительные пробелы и мелкие недочеты никак не влияют на общую оценку этой уникальной книги. «Материалы к истории…» являются ярким литературным памятником русской науке международного права, рождение которого произошло в результате кропотливого труда академика Владимира Эммануиловича Грабаря в течении нескольких десятилетий.

В заключении можно сказать, что фундаментальная работа В.Э. Грабаря «Материалы к истории литературы международного права в России» и по сей день направляет исследователей дореволюционной историографии. Доказательством к данному утверждению может послужить тот факт, что источник действительно не имеет аналогов в наши дни так как для юристов-международников является единственным доступным ключом к прошлому их науки. В. Э. Грабарь попытался создать всеобъемлющий путеводитель по русской литературе, посвященной международному праву. Эта задача более или менее была осуществлена.

В целом, можно сказать, что данный труд академика Грабаря входит без преувеличения не только в российскую, но и в мировую сокровищницу трудов по международному праву и истории дипломатии.

Данная научная статья может быть полезна юристам-международникам, юристам, проводящим изучение в области международного права, и студентам, интересующимся международным правом в целом.

Важнейшие правовые задачи организации дипломатической и консульской службы и в советском союзе и, совместно с этим, широкое изучение исторического прошлого науки международного права в России в

различные периоды – таковы вопросы, над решением которых ученый трудился в последние годы своей жизни в книге «Материалы к истории литературы международного права в России». Иностранные правоведы, специалисты по международному праву могут найти в произведении совершенно новое понимание об этапах и особенностях эволюции науки международного права в России, факты и доступные комментарии к правовым документам.

Summary

Many scientists developed russian international law science for centuries. Some of them managed to make a major contribution to its development. The article explores the works of V. Grabar, an outstanding researcher of the science of international law in Russia. After analyzing the main scientific achievements of the scientist, the author of the article refers to the readers dominant directions of activity, the objects of study of academician V. Grabar, in the field of this science. The main attention is paid on the work of the scientist, which became a kind of encyclopedia of the history of science of international law in Russia. This is a great work, which has no analogues at the present day, "Materials on the history of the literature of international law in Russia (1647-1917)". The scientific article was written at the turn of Sciences: history of state and law of foreign countries, history of Russian state and law.

Keywords: international law, international relations of the Russian Empire with other countries, V. Grabar, international lawyer, geopolitics of the Russian Empire, history of Russian science of international law, the methods of peaceful settlement of international disputes, the Embassy of the Russian Empire.

В.В. Кириллова

П.И. Стучка и правовое положение наркомата юстиции в 1917-1930-е годы

Цель работы, актуальность проведенного исследования. Советская юстиция как «социалистический эксперимент». П.И. Стучка – второй нарком юстиции РСФСР и его роль в развитии системы советской юстиции. Предпосылки создания Народного комиссариата юстиции (Наркомюста). Деятельность и правовое положение Наркомюста в 1917–1930-е годы. Выводы о результатах деятельности П.И. Стучки и Наркомата юстиции в первые два десятилетия его существования.

Ключевые слова: государственное управление, система юстиции, нормативно-правовое регулирование, правоохранительные органы, Наркомат юстиции, юридические кадры и учреждения, мобилизационный характер.

В последнее время мы все чаще стали обращаться к вопросу обеспечения законности и правопорядка, которая является одной из главных функций государства. Она исключительно важна в любом обществе, так как именно состояние законности напрямую связано с состоянием общественного сознания.

Целью работы является исследование правовой регламентации, характерных особенностей деятельности и функций Наркомата юстиции в первые два десятилетия его существования и роли наркома Петра Ивановича Стучки, стоявшего во главе Наркомюста. Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, общественным и научно-историческим интересом к эволюции правоохранительной системы России. Сегодня в России формируются основы правового государства и гражданского общества, поэтому вопросы соблюдения законности, обеспечения правопорядка, защиты прав человека приобретают необходимость адекватного разрешения. Знания об эволюции системы юстиции советского периода, помогает нам воспользоваться опытом ее работы и избежать ошибок при формировании современной правовой системы, утвердить ценность демократических прав и свобод и соответствующего уважения к ним со стороны общества и государства.

Особую роль в утверждении государства играет система юстиции, о которой известный русский юрист Анатолий Федорович Кони писал: «Суд, в известном смысле, есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству»[1].

Можно сказать, что по своему первоначальному замыслу советская юстиция представляла собой так называемый «социалистический эксперимент». Сразу же по окончании гражданской войны перед членами большевистской партии встало несколько вопросов: что должно быть включено в советское право, кто и как его должен осуществлять на практике?[2] Именно поэтому в условиях послевоенного времени, разгула преступности главной целью большевиков было заставить уголовное право служить социализму. Они видели свою задачу в создании системы права, в которой система уголовной

---

[1] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1963. С. 360.

[2] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. М., 1998. С. 17.

юстиции должна была занимать центральное место и действовать не против угнетенных масс, а, наоборот, в их пользу. Предстояло заменить сложную и отдаленную от народа систему буржуазного правосудия социалистической системой, простой, доступной для каждого. Свое решение этой проблемы большевики начали осуществлять в послеоктябрьский период, но целенаправленная работа началась в период НЭПа. Их деятельность можно разделить на три направления: кадры, обеспечивающие функционирование системы права, содержание законодательства, а также правовые учреждения и процедуры, необходимые для функционирования системы права.

Так, в течение первых двух десятилетий Советского государства кардинально изменилась структура и функции органов управления юстицией по сравнению с существовавшей ранее в царской России. Государственная деятельность Петра Ивановича Стучки, назначенного в марте 1918 г. вторым наркомом юстиции РСФСР с поста председателя Петроградского ВРК, профессионального юриста, сыграла определяющую роль: под его руководством формировались основы советского правосудия. Для этого большевики намеренно разгромили существовавшую ранее «царскую» правовую систему. Они заполнили должности в юридических учреждениях необразованными рабочими и крестьянами, которые отличались идейной приверженностью делу партии, именно им, малообразованным людям, было доверено право применять законы и использовать мандат на принятие решений в интересах трудящихся масс. Ни о какой объективности исследования всех обстоятельств дела, причинно-следственных связей, приведших к правонарушению не могло быть и речи. Оригинальное определение состава преступлений, организация показательных судов и привлечение общественности к участию в работе правосудия придали некую «новизну» советскому праву.

Классовый эксперимент был довольно неоднозначным, особенно для некоторых социальных групп, права которых советская власть массово нарушала. Нельзя не обратиться к мнению известного канадского профессора Питера Соломона, что «главный источник уязвимости советского правосудия заключался не столько в разногласиях по вопросу о форме советского

уголовного права, сколько в спорах вокруг проблемы главенствующего принципа правосудия, его прикладного характера»[1].

Как известно, в юридической литературе под управлением юстицией принято понимать особый вид деятельности специально созданного аппарата по развитию, упорядочению и обеспечению эффективного функционирования системы органов и учреждений, реализующих государственную политику в сфере юстиции.

Петр Иванович Стучка был автором Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., которым упраздняются все «доныне существовавшие общие судебные установления» и все эти установления заменяются «судами, образуемыми на основе демократических выборов»[2]. Таким образом, вводилось два вида судов:

- народные суды (общегражданские);
- революционные трибуналы (для рассмотрения «политических» дел).

Также в Декрете коротко определяется состав и основные полномочия новых судов, а также решаются вопросы следствия и защиты.

Институты судебных следователей, прокурорский надзор, присяжная и частная адвокатура упразднялись. П.И. Стучка считал все это ненужным. Он разработал и подписал «Руководство для устройства революционных трибуналов», устанавливавшее, что «ревтрибуналы свободны в выборе средств и мер в борьбе с нарушителями революционного порядка». Тем самым он давал санкцию на любое насилие и любой произвол. П.И. Стучка сформировал основы советского правосудия и сыграл одну из ключевых ролей в развертывании «красного террора», создав для него псевдоправовую базу.

Институционально управление юстицией в РСФСР определялось ВЦИК, СНК и руководящими советскими органами в автономных республиках и областях. Специализированными органами, непосредственно выполнявшими функцию управления, в сфере юстиции изначально являлись: наркоматы юстиции союзных и автономных республик, местные комиссариаты юстиции, отделы юстиции губиспокомов, губернские советы народных судей и уездные бюро юстиции.

---

[1] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 22.

[2] *Абросимова Е.Б.* Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. М., 2009. С. 8.

Деятельность Наркомата юстиции РСФСР не сразу стала регламентироваться специальными актами, ибо первые из них разрабатывались самим наркоматом. По большей части нормативно-правовое регулирование различных аспектов деятельности в сфере юстиции осуществлялось Советами (местными органами власти, в которых работали преданные революции люди)[1].

Санкционируя террор, развязанный в 1918 г. Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, В.И. Ленин поддерживал дело развития судов и уголовного права. По одному из первых большевистских декретов в стране были учреждены суды. Был обнародован целый ряд законов по новому режиму, которые регулировали деятельность судов Советской России, - Инструкция Наркомата юстиции об организации и деятельности местных и народных судов. Также был выпущен Декрет «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» от 30 ноября 1918 г.[2] Изначально юстиция не рассматривалась лидерами РКП (б) как важная для них сфера государственного управления, именно поэтому, пойдя на союз с левыми эсерами, большевики согласились передать им руководство Наркоматом юстиции (НКЮ). С лета 1918 г. юристы из этого наркомата стали работать над проектом создания кодекса законов, работа над которым продолжится в течение всей гражданской войны. С первых дней существования наркомата его сотрудники собирали информацию о судебной практике на местах, оценка которой повлияла в дальнейшем на процесс разработки уголовной политики после окончания гражданской войны.

К середине 1919 г. Наркомат в Москве проделал большую работу для достижения двух поставленных целей: создание унифицированной структуры судов и установление власти над отдельными судами. НКЮ установил общую структуру и номенклатуру должностей для судов, находившихся на юрисдикции. Он подчинил себе губернские комиссариаты юстиции, преобразовав их в губернские отделы юстиции. Однако о справедливом правосудии при отсутствии кодексов и законов, юридических процедур, формальных требований, предъявляемых к судьям и другим участникам

---

[1] *Олейник И.И.* Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917–1936 гг. // История государства и права. 2009 . № 22. С.10.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 85. Ст. 889 // Судебная власть России. С. 77–84.

судебных заседаний, говорить было рано. На практике решения часто принимались под воздействием местных советских и партийных органов, под воздействием эмоций или классовой справедливости, так как судьи зачастую находились под политическим давлением местных руководителей. Доходило до отстранения от работы судей, не выполнявших указания местной политической элиты.

Наркомюст РСФСР понимал необходимость изменения этой ситуации и принял два важных ведомственных нормативных акта в 1920 г.: Положение о местных органах юстиции от 27 августа и Положение об отделах Народного комиссариата юстиции от 26 ноября. Так, Наркомюст пытался обеспечить независимость работы судей и обязывал губернские власти контролировать их увольнение с должностей местными властями.

По решению коллегии НКЮ РСФСР от 2 марта 1921 г. было разработано первое положение «О Народном комиссариате юстиции»» В нем устанавливались следующие основные задачи наркомата: рассмотрение в порядке высшего судебного надзора судебных решений и приговоров, вступивших в силу; организация и инструктирование органов суда, следствия, защиты, обвинения; наблюдение за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних; разработка общих мер наказания и др. Именно на этом этапе были заложены основы системы юстиции, которая к этому времени приобрела более сложный характер, расширились функции следствия, появились органы прокуратуры и адвокатуры (Постановление ВЦИК от 26 мая 1922 г. «Положение об адвокатуре»).

Следует отметить, что уже к началу 1920-х годов была сформирована весьма сложная судебная организация. После окончания Гражданской войны и эпохи «военного коммунизма» для партии большевиков стало необходимым введение НЭПа, а также приспособление к новым историческим условиям механизма государства. НЭП, введенный. В.И. Лениным, возвестил о наступлении эры консолидации, даже сам лидер ВКП (б) подчеркивал значение права и правовых процедур. Однако, провозглашение НЭПа многим большевикам виделось в качестве своеобразного «тактического отступления», поэтому ряд юристов считали, что нэповские правовые институты будут лишь временными явлениями. Они пришли к мнению, что совсем в скором времени эти институты заменят на менее формальные, более простые и гибкие подходы

к судопроизводству[1]. В условиях НЭПа произошло частичное возрождение рынка и частной собственности, и возникла необходимость создания «нового» советского гражданского права, вместе с тем проявилась необходимость создания новых кодексов Советского государства. Так, в 1922 г. под руководством П.И. Стучки был разработан первый Гражданский кодекс РСФСР.

В 1923 г. П.И. Стучка был избран председателем Верховного суда РСФСР, находясь на этом посту, он имел возможность не только принимать участие в улучшении структуры судов, анализировать принятые нижестоящими судами судебные решения, но и участвовать в разработке законов, что и приводило в конечном итоге к совершенствованию системы юстиции.

Образование СССР в декабре 1924 г. в значительной степени повлияло на упорядочивание и расширение правовой системы. Только на четко сформулированной юридической базе можно было строить новую правоохранительную систему нового федеративного государства в условиях мирного времени. Конечно, не нужно забывать, что и в этот период система юстиции носила ярко выраженный карательный характер и полностью соответствовала идеологии «экспроприаторов экспроприации».

После смерти В.И. Ленина в 1924 г. происходит свертывание НЭПа, борьба внутри партии обостряется, постепенно усиливается влияние И.В. Сталина, и к концу 20-х годов XX в. устанавливается жесткий единоличный режим, формируются новые экономические основы Советского государства, воплотившиеся в первом пятилетнем плане 1929–1932 гг. Этим изменившимся условиям должна была соответствовать и система юстиции. Именно поэтому ВЦИК и СНК РСФСР 3 июня 1929 г. было утверждено новое Положение «О Народном комиссариате юстиции РСФСР». По сравнению с предыдущим Положением от 1923 г. в нем четко указывались место и роль Наркомюста в системе других центральных органов управления в соответствии с Конституцией РСФСР 1925 г. и принятым в том же году Общим положением о народных комиссариатах РСФСР. Задачи наркомата расширились: он осуществлял руководство следственными органами; проводил единую судебную политику на территории РСФСР; совместно с НКВД разрабатывал мероприятия в области исполнительно-трудового дела и др. Также было

[1] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 31.

закреплено создание специального внутриведомственного органа, который объединял руководство всеми структурными подразделениями Наркомюста РСФСР – Организационно-инструкторского управления (Оргинстр)[1]. Из-за усиления административного давления и контроля в условиях формирующегося тоталитарного государства Оргинстр занял одно из ведущих мест в аппарате наркомата и был призван обеспечивать единство руководства деятельностью судов и прокуратуры. Одновременно это указывает на то, что структурно и функционально деятельность судов и прокуратуры была четко определена к этому времени. Несомненно, это была заслуга П.И. Стучки.

В целом государственная политика в сфере юстиции была жестко нацелена на обеспечение мобилизационных задач хозяйственного развития страны, и приоритетное место в этом отводилось принуждению, тем самым юстиционная деятельность была подменена внесудебной расправой посредством административно-политических органов. По сути, происходит подмена хорошо функционировавшего правового механизма административным. С другой стороны, коренное отличие заключается в том, что в 1918–1922 гг. юридические решения принимались исходя из интересов «диктатуры пролетариата». Теперь же, в условиях усиливавшихся массовых репрессий, они зачастую принимались исходя из идеи борьбы с «врагами социализма». Тем самым на органы юстиции вновь возлагались новые мобилизационные задачи.

Подтверждением этой тенденции является личное указание И.В. Сталина и совместный декрет СНК СССР и ЦИК от 15 декабря 1930 г. по ликвидации НКВД союзных республик. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1930 г. на Наркомюст РСФСР было возложено руководство изучением преступности и методов борьбы с ней; организация и руководство местами лишения свободы, отбыванием иных видов наказания; общее руководство исправительно-трудовой политикой и проведение в жизнь исправительно-трудового законодательства; организация помощи освобождаемым из мест лишения свободы и др.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что Наркомат юстиции сыграл огромную роль в формировании системы правоохранительных органов РСФСР и СССР и сам стал важной, действенной и авторитетной частью

[1] *Олейник И.И.* Становление и развитие органов управления… С. 13–14.

центральных органов управления страной. С одной стороны, система юстиции обслуживала политические и идеологические запросы тогдашней политической элиты, личности лидеров в этой ситуации играли решающую роль. Первоначально декларировались действия в пользу угнетенных масс, а на деле зачастую права этих людей массово ущемлялись. Создание Наркомюста было первым созидательным шагом для правоохранительной системы нового социалистического, а позже тоталитарного государства с плановой экономикой. Именно благодаря этой системе, удалось разрешить чудовищную анархию послевоенного времени и мобилизовать население на мирное восстановление страны и создание невиданного доселе нового государства.

В новых условиях 1917–1930-х годов была создана новая нормативная база советского уголовного и гражданского права (под руководством П.И. Стучки был создан Гражданский и Уголовный кодексы РСФСР, а в конце 20х – начале 30-х гг. он разрабатывал систему исправительно-трудового законодательства).

Создана разветвленная и хорошо действующая система правоохранительных органов, которая прошла длительный путь от отказа от «старых буржуазных» органов до создания системы ВЧК, народных судов и революционных трибуналов, Верховного суда РСФСР, адвокатуры, прокуратуры, НКВД. Под руководством П.И. Стучки структура и функции судов неоднократно менялись, подстраиваясь под запросы государства, текущие политические моменты, зачастую носили мобилизационный характер, несмотря на эти особенности его заслугой можно считать создание унифицированной системы судов.

За годы работы П.И. Стучки были подготовлены юридические кадры: они прошли путь от необразованных рабочих, бывших судьями по воле случая, до профессиональных юристов. Сама работа судов, качество судебных решений зачастую были спорными. В начале 20-х гг. суды сильно зависели от местной власти из-за политизированности, нарушались основополагающие принципы судебного разбирательства (объективность, состязательность, гласность, диспозитивность и др.). Заслугой П.И. Стучки является достижение значительной независимости судебной системы.

Петр Иванович Стучка был человеком, творчески создававшим новую систему юстиции в исторически новых условиях. Успешно справившись с этой

задачей, он создал основы правоохранительных органов, обеспечивавших устойчивость Советскому Союзу и современной России.

Summary

The purpose of the work, the relevance of conducted research. A Soviet justice as "a socialist experiment". P.I. Stuchka is the second people`s Commissar of Justice of the RSFSR, and his role in development of the Soviet system of the justice. Background of creation of People's Commissariat of justice (People`s Commissariat). The activity and a legal status of People`s Commissariat during the 1917–1930s. The conclusions of the results of activity of P.I.Stuchka and People's Commissariat of justice in the first two decades of their existence.

Key words: public administration, system of justice, legal and regulatory framework, law enforcement agencies, People's Commissariat of Justice, legal personnel and institutions, the nature of mobilization.

Э.Э. Кузнецова

Правовое регулирование морского пиратства в Великобритании в раннее новое время

В статье рассказывается о правовом регулировании морского пиратства в Великобритании в раннее новое время, а именно в эпоху правления династии Тюдор. Особое внимание уделяется Елизавете Первой, так как именно при ней пиратство получает наиболее широкое распространение. Изучаются предпосылки и факторы возникновения и рассвета пиратства и каперства в Великобритании и борьба с ним в дальнейшем правовыми инструментами, его правовое регулирование, роль отдельных личностей в рассвете пиратства, политика Тюдоров по данной проблеме, её итоги и последствия.

Ключевые слова: пиратство, международное уголовное право, пираты нового времени, Великобритания, международное морское право, Елизавета Тюдор, каперы, религиозные войны, репрессальные грамоты,.

Изучение предпосылок возникновения и рассвета пиратства, а также последовавшей в дальнейшем борьбы с ним правовыми инструментами, может оказаться ценным уроком для современного морского международного права. Целью моей работы является анализ правового регулирования морского пиратства в Англии в эпоху правления Тюдоров. Задачи: анализ предпосылок и факторов, способствующих развитию каперства в Великобритании, выяснение роли Елизаветы Тюдор в становление пиратства, последствий её политики, ознакомление правовых актов, документов той эпохи по данной тематике. Выбор именно Великобритании и данных хронологических рамок достаточно

легко объясним. Во-первых, именно Англия славится такими знаменитыми пиратами-корсарами, как Ф. Дрейк, Г. Морган, Хокинсы[1]. Во-вторых, Англия одна из первых стала использовать пиратов в политических целях. В-третьих, именно в это время Англия становится владычицей морей, потеснив на этом поприще Испанию и Португалию. Актуальность рассмотрения данной темы неоспорима также благодаря недостаточной её изученности и в силу современных событий: нового этапа активизации пиратской деятельности.

Впервые, еще в XIII в., английские правители стали использовать пиратов для ослабления своих соперников на международной арене, в особенности во время ведения войн, начав легализировать их деятельность[2]. Пиратам достаточно свободно выдавались каперские патенты и репрессальные грамоты, санкционирующие их деятельность. Одновременно, желая превратить всех пиратов в каперов, ведь последних хоть как-то можно было контролировать и получать от них доход, власти ужесточали меры наказаний по отношению к другим (не ставшим каперами) пиратам, сильнее их ограничивали. Так в 1490 г. была издана прокламация о запрете скупки товаров у пиратов [3] , за пиратство казнили. Вопросы пиратства и законности захваченного груза, называемого призом, рассматривал Верховный Суд Адмиралтейства[4]. Еще по закону 1414г. каперы были обязаны заявлять в суд о том, какой приз им удалось захватить[5]. Он определял, какая часть захваченного приза идет на вознаграждение капера, а какая остается у государства, выдавшего патент или лицензию. Однако, несмотря на всю свою огромную власть, в 16 веке он утратил достаточный контроль над каперами[6].

В 1544 г. Генрих VIII издал прокламацию о свободной выдаче каперских патентов всем поданным английской короны. Снимались многие ограничения

---

[1] The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being His Next Voyage to That to Nombre de Dios. Collated with an Unpublished Manuscript of Francis Fletcher, Chaplain to the Expedition. London, 1865; *Григорян В.В., Дмитриев В.И.* Пиратство, разбой и терроризм на море. М., 2004. С. 85; *Markham C. R.* The Hawkins Voyages During the Reign of Henry VIII, Queen Elizabeth and James I. London, 1878.

[2] *Рогожинский Ж.* Энциклопедия пиратов. М. 1998. С. 212–213.

[3] Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. London, 1915. P. 145–146.

[4] *Marsden R.G.* Early Prize Jurisdiction and Prize Law in England // English Historical Review. 1909. Vol. 24. P. 683.

[5] *Marsden R.G.* Early Prize Jurisdiction… P. 681–682.

[6] *Сидорченко В.Ф.* Морское пиратство. СПб. 2004. С. 271–277

на ведение каперской войны, установленные ранее, от них не требовали дачи никаких письменных гарантий, вся добыча оставались каперам, также в ней ничего не говорилось касаемо нападений на нейтральные суда, что давало возможность для правонарушений[1]. Например, английские корсары зачастую захватывали нейтральные или даже союзнические суда, оправдывая это тем, что те перевозили контратрабанду. Так же прокламация спровоцировала распространение пиратского промысла и повысила заинтересованность в нем английских судовладельцев и торговцев[2]. Приемники Генриха VIII продолжили политику поддержки каперства. В 1557 г. Мария Кровавая и ее муж Филипп Второй (король Испании) издали новую прокламацию, которая еще больше упрощала процесс получения каперского патента, теперь английскому пирату было достаточно оплатить услуги чиновника, выдающего патент, чтобы узаконить свою разбойную деятельность, что ещё больше усугубило ситуацию[3].

Особенное распространение и подъем получило каперство в период правления Елизаветы I. Поддержка ею пиратов была обусловлена такими факторами как опустевшая после правления Марии Тюдор казна, небольшой и плохо оснащенный английский королевский флот, доход, который пиратство приносило многим англичанам, являясь источником богатства народа, заинтересованность в пиратстве элиты, торговцев, выгода использования пиратов-корсаров в войнах[4].

В связи с этим правительство не проводило систематических мер по борьбе с пиратством. В начале правления Елизаветы Тюдор, пиратов наказывали крайне неохотно и мягко. Судебные процессы в связи с поимкой пиратов были достаточно редкими[5].

---

[1] Tudor Royal Proclamations. Vol. 1. The Early Tudors (1485–1553) London, 1964, P. 345–346

[2] *McDermott J.* England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. London, 2005. P. 16–22; *Williamson J.A.* Hawkins of Plymouth: A New History of Sir John Hawkins and of the Other Members if His Family Promient in Tudor England. London, 1969. P. 34–35

[3] Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. P. 162–165

[4] *Михеев Д.В.* Проблема безопасности морского сообщения и англо-испанский союз в первые годы правления Елизаветы Тюдор (1558–1562 гг.) // Вестник псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки // 2011. № 13 С. 22–23.

[5] *Михеев Д.В.* Проблема безопасности морского сообщения… С. 24.

В 1559 по распоряжению Елизаветы каперские патенты начал выдавать всем желающим и принц Конде, что вызывало конфликтные ситуации. Чтобы их избежать английское правительство направило специальное распоряжение всем вице-адмиралам. Все вооруженные корабли, входившие в английские порты, должны были иметь специальные разрешения или каперские патенты. Патенты можно было получить только при составлении капитаном корабля особых письменных гарантий. В них содержались заверения в том, что капер не будет наносить ущерба подданным королевы Елизаветы, ее союзникам и друзьям. Среди прочих в тексте особо выделялись португальцы и испанцы. 24 мая 1563 г. Елизавета разрешила выдачу репрессальных грамот хранителю пяти портов всем, кому он сочтет необходимым, что было вполне законным шагом в то время и Елизавета решала таким образом несколько проблем: дезорганизовывала торговлю противника и укрепляла оборону своего побережья. Но каперская война принимала такие масштабы, что меры, предпринятые английским правительством, уже не могли позволить ему в полной мере контролировать действия каперов. Несмотря на наличие письменных гарантий, английские каперы уже не делали большого различия между испанскими, фламандскими и французскими торговцами, нападая на них и оставаясь безнаказанными. Тем не менее, отдельные случаи незаконных действий каперов все же привлекали особое внимание английского правительства. Так, весной 1563 г. был арестован Мартин Фробишер, обвиненный в нападении на испанский корабль «Катарина», на борту которого перевозились гобелены, принадлежавшие лично Филиппу II. Но действия каперов все равно обострили отношения с Испанией[1].

10 февраля 1563 г. английским правительством была обнародована прокламация, по которой вся вина за нападения в проливе на корабли нейтральных держав перекладывалась на французов и их пособников, чьи действия приравнивались к пиратским. И все же меры, предпринимаемые английским правительством для наведения порядка в проливе были явно недостаточными. Возник англо-испанский конфликт, который был исчерпан только в 1564 г, а торговые отношения двух стран были полностью восстановлены лишь в январе 1565 г. В апреле 1564 г. между Англией и

[1] The Three Voyages of Martin Frobisher in Search of a Passage to Cathay and India by the North-Westю Vol. 1–2 / Ed. by V. Stefansson, E. McCaskill. London, 1938.

Францией был заключен мир, что означало и официальное прекращение каперской войны. 31 июля того же года была издана прокламация по борьбе с пиратами, по которой подданные английской короны обязывались соблюдать мир с иностранными государствами[1]. В конце сентября Елизавета отдала распоряжение об очистке английского морского побережья от пиратов[2]. Когда это было сделано, для закрепления результатов во все порты были направлены чиновники королевы[3], что позволило вернуть под контроль морские пути. В 1569 году были обнародованы сразу две антипиратские прокламации. 27 апреля «Об усмирении пиратов и грабителей для сохранения торговли в море»[4] и 4 августа о требовании задерживать в портах вооруженные корабли без каперских патентов[5]. В мае 1570 г. издана новая прокламация против пиратов и о порядке продажи товаров, захваченных ими, также были выданы патенты, которые разрешали частным лицам бороться с контрабандой и пиратами в водах Англии[6].

Тем не менее борьба с пиратами не могла быть проведена силами английского королевского флота, что заставляло королеву и в этом обращаться за помощью можно сказать к ним же, а именно к каперам. Так в 1571 г. правительство освободило наиболее удачных каперов из тюрьмы, привлекая их на свою сторону в борьбе с пиратством. Были освобождены такие пираты-каперы как М. Фробишер, У. Хокинс, У. Уинтер-младший, Т. Прайден[7]. Их действия в борьбе с пиратством были в основном безрезультатны и не инициативны, поэтому прекратить каперскую войну в Великобритании получилось только после смерти Елизаветы Якову I, который считал, что ведение военных действий на море только с помощью каперов малоэффективно.

В XVII в. начинается кодификация обычного морского права. Так как в Англии не было эффективного законодательства против пиратов до 1700 г.

---

[1] Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth / Ed. by R. Lemon. Vol. I. 1547–1580. London, 1856. P. 242.

[2] Calendar of State Papers… P. 244.

[3] Calendar of State Papers… P. 259.

[4] Calendar of State Papers… P. 332.

[5] Calendar of State Papers… Elizabeth, Addenda, 1566–1579. P. 81.

[6] Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. P. 191–193.

[7] *Михеев Д.В.* Каперские патенты против пиратов в годы правления Елизаветы Тюдор (1558-1603 гг.) // СНИ. № 1. 2011. С. 3–8.

была основана система вице-адмиралтейства практически во всех колониях, было разрешено рассматривать дела пиратов и виновных каперов судам присяжных, состоящих из чиновников и морских офицеров. До 1627 г. каперы в Англии подчинялись специальному каперскому адмиралу, после упразднения этой должности патенты стал выдавать морской министр. С 1681 г. каперы стали составной частью военно-морского флота Англии и были обязаны подчиняться общим морским правилам. Начиная с 80-ых гг. XVII в. законы о каперстве стали более жесткими, особенно в отношении нападений на суда нейтральных государств, на которых транспортировался груз участника войны, прояснилось различие между пиратом и капером. В XVIII в. по закону губернаторы вешали пиратов-каперов при первой возможности, рассматривая их как врагов человечества. Но с последствиями политики поддержки каперства европейским державам пришлось бороться вплоть до XIX в. Официально каперство было отменено в 1856 г. [1].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

- Для рассвета каперства в Великобритании существовали определенные политические, экономические и социальные предпосылки;
- Факторами, способствовавшими развитию каперства, явились законодательная и политическая деятельность Тюдоров.
- Первоначально правовое регулирование заключалось в то, чтобы легализовать пиратство и привлечь пиратов на службу короны в качестве каперов.
- Роль Елизаветы Первой в развитии каперства действительно была немаловажной, последствиями её политики можно считать : обострение и разрыв англо-испанских отношений, нарушение старых экономических связей, сращивание торгового капитала и политических элит с каперами и пиратами, рост коррупции, а затем и потеря контроля над корсарами в годы англо-испанской войны.
- Политика поддержки каперства повлияла на историю и законодательство Великобритании и др. европейский держав на столетия вперед.

[1] *Сидорченко В.Ф.* Морское пиратство. С. 271–277.

Summary

The article told about the legal regulation of Maritime piracy in the UK in early modern times, namely in the era of the Board of the Tudor dynasty. Special attention is paid Elizabeth the First, as it was when it piracy gets the most widespread. Examines the preconditions and factors of occurrence and dawn piracy and coperta in the UK and the fight against it in the future legal instruments, its legal regulation, the role of individuals in the dawn of piracy policy Tudor on this issue, its results and consequences.

Keywords: piracy, international criminal law, pirates of the new time, United Kingdom, corsairs, international Maritime law, Elizabeth Tudor, the privateers, religious wars, repressalie diplomas, letters of marque patents.

А.Д. Куренных

Федор Федорович Мартенс как международный арбитр

Статья посвящена рассмотрению деятельности Федора Федоровича Мартенса – великого русского юриста-международника, дипломата, а также члена постоянной палаты третейского суда в Гааге. Ф. Ф. Мартенс родился 15 августа 1845 года в Лифляндской губернии. Занимался международным гуманитарным правом. Известен как ученый посвятивший себя решению проблемы достижения всеобщего мира. Данная научная статья актуальна в связи с тем, что в уже имеющихся работах о Ф.Ф. Мартенсе рассматриваются его вклад в развитие международного права, а автор рассматривает его в качестве международного арбитра. Статья будет полезна юристам, дипломатам и историкам. В данной статье говорится о спорах, начиная с 1891 года, где Ф.Ф. Мартенс принимал участие в качестве третейского судьи. Большая часть статьи рассказывает о самых значимых спорах в карьере ученого – между Англией и Нидерландами и между Англией и Венесуэлой.

Ключевые слова: международное права, Федор Федорович Мартенс, международные споры, дипломатические отношения, международный арбитраж, международные конфликты, третейские споры.

В этом году исполнилось 105 лет с того момента как ушел из жизни Федор Федорович Мартенс (1845–1909) – великий русский юрист-международник, дипломат, вице-президент Европейского института международного права (1885), член Совета Министерства. иностранных дел России (с 1881 г.), один из организаторов созванных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., член Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Кроме плодотворной практической деятельности Мартенс занимался деятельностью научной ,являлся автором таких фундаментальных трудов в области международного права как

«Современное международное право цивилизованных народов»(1882), а также «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» в 15 томах[1].

Сегодня, к сожалению, имя этого незаурядного ученого, чьи труды в конце XIX века вызывали острые научные дискуссии, несправедливо забыто и вспоминают о нем лишь отдельные специалисты. Хотелось исправить эту несправедливость и отдать дань уважения этому яркому представителю отечественной государственно-правовой науки последней четверти XIX – начала XX в. Задачей исследования выступает анализ мнений историков и ученых о Федоре Федоровиче Мартенсе, рассмотрение его деятельности в различных международных спорах. А так же оценка значения Федора Федоровича Мартенса как международного арбитра и вывод о его деятельности в сфере международного арбитража. Целью работы является рассмотрение деятельности Федора Федоровича Мартеса не только как великого юриста-международника и человека, который сделал огромный вклад в развитие международного права, но и как международного арбитра в различных международных спорах. Данная научная статья актуальна в связи с тем, что в уже имеющихся статьях и работах о Федоре Федоровиче Мартенсе рассматривается его вклад в развитие международного права, а автор рассматривает его в качестве международного арбитра в международных спорах. Кроме того, в работе будут рассмотрены несколько споров, в которых Мартенс принимал участие.

Фёдор Фёдорович Мартенс один из тех поданных Российской Империи, который, несомненно, является неотъемлемой частью интеллигенции, создавшей положительный имидж страны на мировой арене, несмотря на то, что на родине он нём говорят мало. Неотъемлемой частью жизни Ф.Ф. Мартенса является его участие в разрешении международных споров в качестве арбитра в международном арбитраже. Мартенс принимал участие во многих международных третейских спорах, которые несомненно принесли ему большой авторитет. Третейские разбирательства, в которых Федор Федорович принимал участие, чаше всего, касались проблем различных государств и решение по разрешению тех или иных споров часто влияла на внешнюю политику спорящих государств.

---

[1] *Грибовский В.* Юбилей профессора Ф.Ф.Мартенса. Вестник права. СПб., 1896.

Английский ученый Т. Е. Холланд писал об Ф.Ф. Мартенсе: «Он был в настолько большом спросе как арбитр в международных спорах, что его в шутку называли лорд-канцлером Европы». Также можно увидеть , в ещё более ранних источниках американской литературы упоминание о Мартенсе как «главном судье христианского мира».

Начало международной арбитражной деятельности Ф.Ф. Мартенса началась в 1891 г., когда Англия и Франция обратились к нему как к третейскому судье относительно их спора о правах рыбной ловли в прибрежных водах Ньюфаундленда. Уже в 1892 г. к Мартенсу на рассмотрение пришел следующий международный спор – Великобритании с Соединенными Штатами Америки. Они передали на рассмотрение третейского суда спор относительно правового регулирования рыболовства.

Вскоре Мартеса стали часто избирать арбитром по спискам Постоянной палаты Третейского суда в Гааге. В 1902 г. он был избран одним из членов трибунала по спору между Мексикой и США по поводу Калифорнийских духовных фондов. Далее спустя два года, в 1904 г., был избран членом третейского трибунала, рассматривавшего спор между Венесуэлой и некоторыми европейскими странами. Необходимо отметить, что Мартенс имел огромный авторитет в вопросах международного третейского суда в России. К нему даже обращались за консультациями высокопоставленные сотрудники российского Министерства иностранных дел, и в каждом случае он давал полноценное исчерпывающее разъяснение[1]. Так, в 1892 г. к нему обратилась Греция с просьбой составить официальное юридическое заключение по спорному вопросу с Румынией. Спор заключался в том, что после смерти греческого подданного по фамилии Цаппа, осталось большое наследство, которое Румыния отказалась возвращать. Тогда Федор Федорович в своем заключении отметил неправомерность действий румынских властей. В карьере великого дипломата и арбитра было много интересных третейских разбирательств, которые он блестяще разрешил. Но, по мнению автора, два спора имели в карьере Мартенса особое значение. Это спор между Англией и Недерландами 1895 г. и спор между Англией и Венесуэлой 1899 г. Что же было особенного в данных спорах для карьеры Мартенса и для международного арбитража в целом?

[1] *Пустогаров В.В.* Ф.Ф.Мартенс – юрист, дипломат. М.,1999.

Первый спор состоялся в мае 1895 г. Тогда же было заключено соглашение между Англией и Нидерландами о разбирательстве третейским судом дела об аресте нидерландскими властями в Макасаре английского подданного шкипера китобойного судна «Коста-Рика Пэкет» Карпентера. Стороны обратились к императору Николаю II с просьбой назначить третейского судью. В июне 1895 г. министр иностранных дел Российской империи А.Б. Лобанов-Ростовский в своем докладе царю предложил кандидатуру Ф.Ф. Мартенса. Это предложение было одобрено, и уже 31 августа Мартенс был назначен русским императором в качестве арбитра для разрешения этого спора. Стоит добавить, что разбирательство в данном споре принесло Мартенсу всемирную известность и авторитет. Мартенс, рассматривая это дело 25 февраля 1897 г., разрешил спор в пользу Англии. В своем решение он обязывал нидерландское правительство выплатить 8500 фунтов стерлингов с процентами и 250 фунтов стерлингов судебных издержек. Обе стороны этого спора остались удовлетворенными. Хочется отметить, что именно в этом решении Мартенс впервые сформулировал принцип подсудности капитана за правонарушения в открытом море согласно закону флага судна.

Второе разбирательство происходило в конце XIX в., в 1899 г. Именно тогда Венесуэла выдвинула свое недовольство на территорию Британской Гвианы, именно западнее реки Эссекибо. Так как там были найдены залежи золота и алмазов. Претензии Венесуэлы были ожидаемы. В данном споре рассматривалось установление границы между Венесуэлой и Британской Гвианой. Территория о которой шла речь и вправду была очень спорной. Данная территория занимала 50 тыс. квадратных миль. Тогда Президент США Гровер Кливленд заявил, что претензии Великобритании на территорию Венесуэлы являются явным нарушением доктрины Монро и под угрозой войны Англия согласилась на международный арбитраж.

Так, в феврале 1897 г. между Англией и Венесуэлой был заключен договор, который учреждал третейский суд для решения вопроса о границах между Британской Гвианой и Венесуэлой. Тогда же были избраны четыре судьи – верховный судья Англии лорд Расселл и председатель высшего апелляционного суда Англии лорд Коллинз, верховный судья Соединенных Штатов Америки М.В. Фуллер и член Верховного суда США Д.Дж. Брюэр.

Председателем трибунала был избран на тот момент уже очень известный, Ф.Ф. Мартенс. Это было единогласное решение всех четырех судей .Мартенс, конечно же, был согласен. В дальнейшем он предложил суду составленный им регламент судопроизводства. Остальные четыре судьи приняли данный Мартенсом регламент судопроизводства. Немного позже эти правила были закреплены Гаагской конвенцией 1899 г. «О мирном решении международных столкновений». Это был значимый момент в истории международного арбитража, так как до этого случая международные третейские суды фактически имели какие-либо правила судопроизводства, но практически их не было. Так, в этом разбирательстве был ярко выражен устав судопроизводства.

Интересы Англии защищали четыре английских юриста во главе с генеральным прокурором Р.Е. Уэбстером. А интересы Венесуэлы защищали четыре американца во главе с бывшим Президентом США Б. Гаррисоном. Местом проведения слушаний был выбран Париж.

Заседания суда проходили с июня по сентябрь 1899 г., за это время суд провел 54 заседания, рассмотрел 2650 документов и 3 октября вынес единогласное решение. По решению трибунала Англии отходило 90 % спорной территории, а Венесуэле 10 %, но она получала стратегически важный район в устье реки Ориноко. Федор Федорович Мартенс отмечал сложность решения, но оно было вполне целесообразным.

Стоит отметить, что при разрешении международных конфликтов и споров Федор Федорович Мартенс пользовался огромным авторитетом. К Мартенсу обращались представители различных государств с целью получить качественную консультацию или составить юридическое заключение по тому или иному международному спору. Профессионализм учёного, а также его весомый вклад в развитие международно-правовой науки был признан также и юридической научной общественностью в виде присуждения его имени конкурсу по международному гуманитарному праву, учреждения премии им. Ф.Ф. Мартенса и проведения ежегодной научно-практической конференции по международному праву «Мартенсовские чтения»[1].

Также в честь Ф.Ф. Мартенса была учреждена премия за лучшие научные работы в области международного права и международных отношений. Данная премия была внесена в «Перечень международных, иностранных и российских

[1] *Пустогаров В.В.* Ф.Ф.Мартенс – юрист,дипломат.

премий за выдающиеся достижения в области науки и техники, образования, культуры, литературы, искусства и средств массовой информации, суммы которых, получаемые налогоплательщиками, не подлежат налогообложению» утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2001 года № 89. Вклад Мартенса в развитие международного арбитража и его решения в спорах в качестве третейского судьи трудно переоценить. Это до сих пор, хорошо осознают на западе, осознают ли это и у нас в стране?

Summary

The article considers the activities of Fyodor Fyodorovich Martens - the great Russian international lawyer, diplomat and a member of the permanent court of arbitration in the Hague. F. F. Martens was born on 15 August 1845 in Livland. Engaged in international humanitarian law. Known as a scientist dedicated to solving the problems of achieving world peace. This scientific article is actual in connection with the fact that in the existing work on FF The Martens discusses his contribution to the development of international law, as the author sees it as an international arbitrator. The article will be useful to lawyers, diplomats and historians. This article talks about the debate, since 1891, where FF Martens participated as an arbitrator. Much of the article tells about the most significant disputes in the career of the scientist - between England and the Netherlands, and between England and Venezuela.

Key words: the international law, Fedor Fedorovich Martens, the international disputes, diplomatic relations, the international arbitration, international conflicts, the diplomat, arbitration disputes, arbitration trials.

Е.В. Логвинова

Анатолий Федорович Кони в деле Веры Засулич: влияние взглядов на судопроизводство на вердикт присяжных

Данная статья посвящена участию выдающегося юриста А.Ф. Кони в рассмотрении дела о террористке Вере Засулич с точки зрения его взглядов на принципы судоустройства. Цель работы – обосновать тезис о том, что правовые взгляды А.Ф. Кони возымели решающее влияние на оправдательный вердикт. Дело, исследуемое в статье, уникально по своей сути, так как впервые в истории российского уголовного судопроизводства был поставлен вопрос о необходимости применения нравственных начал при рассмотрении уголовных дел. Нравственные начала, уверенность в необходимости практики суда присяжных, независимость судей, внутреннее убеждение судьи – все это составляющие правовых воззрений юриста. Исследованные автором взгляды А.Ф. Кони могут стать примером для современных юристов и участников судебных процессов.

Ключевые слова: А.Ф.Кони, Вера Засулич, правовые воззрения, судопроизводство, убеждение судьи, независимость судей, нравственные начала, судебный процесс.

> Трудна судебная служба: быть может, ни одна служба не даёт так мало не отравленных чем-нибудь радостей и не сопровождается такими скорбями и испытаниями, лежащими при том не вне её, а в ней самой.
>
> *А. Ф. Кони*

Анатолий Федорович Кони – одна из самых выдающихся и ярких личностей в истории Российской юриспруденции, общественный деятель и литератор, член Государственного совета, судебный оратор, профессор и доктор уголовного права. Неоценим его вклад в развитие уголовного процесса и законодательной системы государства.

А.Ф. Кони родился 29 января 1844 г. в Санкт-Петербурге в творческой семье. По словам самого Кони и его современников, его мать оказала огромное влияние на становление его личности. Несмотря на присутствие творческого духа в семье, Кони задумывался о выборе творческой профессии и поступил на математический факультет. Однако вскоре в виду определенных обстоятельств ему пришлось переехать в Москву и поступить на юридический факультет Московского университета. С этого начался его путь в юриспруденции, которой он посвятил всю свою жизнь.

Свою известность А.Ф. Кони приобрел в 1871–1876 годах сначала на должности прокурора окружного суда в Санкт-Петербурге, а затем в чину коллежского асессора. Он стал известен как талантливый обвинитель и судебный деятель. Через некоторое время Кони становится председателем окружного суда.

Имя Кони прозвучало на весь мир после дела о покушении на Ф.Ф. Трепова[1], более известное как дело Веры Засулич. Громкое преступление было совершено 5 февраля 1877 г. Вера Ивановна Засулич, деятель российского социалистического движения, пришла на прием к петербургскому

[1] Трепов Фёдор Фёдорович (1809/1812 – 23 ноября 1889) – русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (15.10.1867), генерал от кавалерии (16.04.1876)

градоначальнику Трепову и дважды выстрелила в него в присутствии нескольких полицейских чиновников, в результате чего градоначальник получил тяжелые ранения. Мотивом преступления послужил инцидент, произошедший в июле 1877 г., когда Трепов отдал приказ о порке политического заключенного народника Боголюбова за то, что он не снял перед ним шапку. Впечатленная этим происшествием, Вера Засулич решилась на отчаянный шаг. По закону за подобные преступления полагалось от 15 до 20 лет тюремного заключения, однако все зависело от того, как это преступление могло квалифицироваться. Несколько кандидатов на роль обвинителя отказались заниматься этим делом, ссылаясь на то, что преступление имеет политический оттенок. В итоге обвинителем согласился стать Константин Иванович Кессель[1]. Защитниками Веры Засулич стремились стать сразу несколько адвокатов. Сначала она заявила, что будет защищать сама себя, однако после получения обвинительного акта обвиняемая сделала заявление, что избирает своим адвокатом Петра Акимовича Александрова[2]. Дело было передано суду присяжных.

31 марта 1878 года открылось заседание Петербургского окружного суда под председательством А. Ф. Кони. Преступление было квалифицировано по статьям 9 и 1454 Уложения о наказаниях. Это означало, что в случае признания Засулич виновной, она была бы лишена всех прав и отправлена в ссылку в каторжные работы сроком на 15-20 лет. Зал был наполнен публикой до отказа. Поступок Засулич произвел большое впечатление в обществе. «Большинство, не любившее Трепова и обвинявшее его в подкупности, в насилиях над городским самоуправлением посредством высочайших повелений, возлагавших на город неожиданные тяготы, радовалось постигшему его несчастью.»[3] Сам Трепов в суд не явился по состоянию здоровья. Во время судебного следствия Засулич вела себя скромно и признала свою вину, заявив, что она стреляла в Трепова, причем последовала бы за этим смерть или нет, ей было безразлично[4].

---

[1] Кессель Константин Иванович (начало 1840-х гг. – до 1917) — русский юрист, прокурор, сенатор; действительный статский советник.

[2] Александров Петр Акимович (1836 – 11 марта 1893 года) — русский юрист, прокурор, выдающийся адвокат и судебный оратор.

[3] *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич / Пред., ред. М.Ф. Теодоровича. М.; Л., 1933. С. 33.

[4] *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич. С. 52.

Обвинитель и защитник по очереди произнесли свои речи. Обвинитель Кессель сделал упор на то, что Засулич приобрела именно такое оружие, с помощью которого можно убить человека. Последовавшая за этим высказыванием речь адвоката поразила всех присутствующих в зале суда и позже была опубликована во многих российских газетах и даже переведена на иностранные языки.

Когда пришло время для обсуждения дела присяжными, А.Ф. Кони задал три финальных вопроса. Задал он их таким образом, что напутствовал присяжных на вынесение правильного, справедливого вердикта, осознавая его последствия. Однако, даже взвесив последствия, он остался верен своим принципам и выразил их в вопросах, заданных присяжным. Присяжные оправдали Веру Засулич, тем самым вызвав шквал аплодисментов в зале суда. Кони, в свою очередь, был обвинен министром Паленом в нарушении законодательства. Последний настойчиво предлагал председателю суда уйти в отставку, однако Кони остался уверен в себе и не пошел на уступки. Дело Веры Засулич вошло в историю как «Дело первой русской террористки».

Нельзя думать, что правовые воззрения А.Ф. Кони отразились исключительно в его работах и литературных трудах – они отражены во всех его обвинительных приговорах и судебных речах. Он по праву считается основателем судебной этики. Большинство его правовых взглядов сказались и на работе по делу Веры Засулич.

Центральное место в правосудии Кони отводил нравственным началам. Нравственные основы в правосудии изучает наука, именуемая судебной этикой, основателем которой и является А.Ф. Кони. В одном из своих литературных трудов «Нравственные начала в уголовном процессе» 1902 г. Кони дает характеристику судебной этике, обозначая её как «учение о приложении общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности». Именно ему принадлежит идея «оградить суд от порчи» посредством нравственности, противопоставить казенному равнодушию чуткое отношение к человеку, способствовать развитию «истинного и широкого человеколюбия на суде». Он утверждал, что нравственным началам «принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и

обстановки уголовного процесса»[1]. В понимании Кони, составляющими нравственных начал в уголовном процессе являются этическая и общественно-правовая деятельность судьи, отношение к обвиняемому как к человеку, а не как к преступнику, восприятие суда не как механизма, а как живого восприимчивого организма. Расследуя преступление и вынося решения, судья обязан рассмотреть дело со всех сторон, дабы вынести справедливую оценку, он должен приложить все усилия для того, чтобы «постигнуть житейскую и юридическую правду дела»[2]. По мнению Кони, нравственный долг судьи состоит прежде всего в уважении к человеческому достоинству и в справедливом отношении к человеку. А.Ф. Кони стремился привить нравственную чуткость судье, развивать в нем стремление не только казаться, но и быть справедливым. Судья никогда не должен забывать, что подсудимый почти никогда не находится в спокойном состоянии, что следует всегда учитывать состояние потерпевшего, оскорбленного в своих лучших чувствах, а также состояние свидетелей, большинство которых теряется в необычной, торжественной обстановке суда, и потому надо уметь «вернуть спокойствие и самообладание одним, поддержать бодрость в других»[3].

Именно поэтому несмотря на то, что Вера Засулич совершила покушение на градоначальника, дважды выстрелив в этого человека, Кони подошел к этому преступлению не с юридической точки зрения, а с житейской, рассмотрев все тонкости этого дела. Он представил суду Веру Засулич как женщину, которая всего лишь заступилась за незнакомого ей человека, по отношении к которому градоначальник поступил неправильно, и как борца за сохранение справедливости. Ей было важно, чтобы подобные несправедливые поступки больше не совершались, а не чтобы градоначальник скончался. Благодаря тому, что Засулич была представлена перед судом присяжных именно как заступница, а не убийца, суд вынес оправдательный вердикт.

Значительную часть правовых воззрений А.Ф. Кони составляла уверенность в необходимости сохранения суда присяжных. В суде присяжных

---

[1] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Вступительная лекция в чтения по уголовному судопроизводству в Императорском Александровском лицее. СПб, 1902. С. 2.

[2] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 4.

[3] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах / Под общ. ред. В. Г. Базанова и др. Т. 4. М., 1967.

он видел предмет сострадания к обвиняемому, и именно присяжные заседатели, по его мнению, были способны отнестись к преступнику как к человеку. Как говорил сам Кони, «едва ли скоро человечество придумает форму суда, могущую с прочным успехом заменить суд присяжных»[1]. Перед слушанием дела Веры Засулич министр юстиции Пален начал понимать, что поступил легкомысленно, передав дело на рассмотрение суда присяжных, и попытался убедить Кони в том, что присяжные обвинят Засулич, так как ее поступок – дело личной мести. Однако Анатолий Федорович был уверен в своих действиях. Кони поселил всевозможные сомнения в виновности Засулич в умах присяжных. Каждый из своих тезисов он начинал с упоминания обстоятельств против обвиняемой, а затем красноречиво переходил к доводам в ее пользу. После оправдательного вердикта по делу Засулич критика суда присяжных заседателей достигла своего пика. Кони решительно настаивал на необходимости его сохранения. «В присяжных заседателях он видел представителей общества, выразителей общественной совести, указывал на ту пропасть, которая отделяла их от сословных представителей»[2]. Таким образом, настойчивость А.Ф. Кони на слушании дела в суде присяжных спасла жизнь и свободу Веры Засулич.

Помимо ранее упомянутых правовых взглядов, А.Ф. Кони высоко ценил принцип независимости судей от общественного мнения. «Под видом «общественного мнения», — писал он, — судье указывается иногда лишь на голос «общественной страсти», следовать которому в судебном деле всегда опасно и нередко недостойно»[3]. Многие осуждали Кони за оправдание Засулич, многие предостерегали его еще до начала судебного слушания, однако он твердо стоял на своем. Как говорил сам Кони, общественное мнение, будучи неустойчивым, изменчивым и несозревшим, имеет исключительно негативное влияние на суд. «Суд общественного мнения не есть суд правильный, не есть суд, свободный от увлечений»[4]. Именно поэтому общественное мнение никак не должно влиять на судебный приговор и благодаря этому принципу мнение

---

[1] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 3.

[2] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4.

[3] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4.

[4] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4.

как представителей власти, так и людей, не имевших никакого отношения к делу, осталось без внимания А. Ф. Кони.

Внутреннее убеждение судьи также является одним из составляющих правовых воззрений Кони. Как он писал, судья – орган государства. «Оно смотрит на него как на средство ближе и правильнее исполнить свою задачу охранения закона. Поэтому оно ждет от судьи обдуманного приговора, а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом»[1]. Очевидно, что совесть крайне необходима судьям и иным должностным лицам – это внутренний критерий соблюдения правил, обеспечивающих независимость и свободу при выражении своего убеждения, уверенность в беспристрастности и справедливости своего решения, соответствия его морально-нравственным ориентирам. «Для правосудия является бедствием, когда в приговорах решение зависит от свойства личного расчета. Поэтому судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить «я так хочу». Он должен говорить «я не могу иначе, не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона, твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорят моя совесть как судьи и человека». Постановляя свой приговор, судья может ошибаться; но если он хочет быть действительно судьею, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно-обязательным»[2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выдающийся юрист А.Ф. Кони придерживался определенных правовых взглядов на принципы судопроизводства, являлся основателем правовой этики, большое внимание уделял необходимости применения нравственных начал при рассмотрении уголовных дел. Он был убежден в том, что необходимо сохранить суд присяжных, так как он является залогом справедливого правосудия. Он считал, что судьи должны быть независимы в принятии своих решений, ничто не должно влиять на их мнение. Всё это возымело огромное влияние на оправдательный вердикт по делу Веры Засулич и на многие другие дела. А.Ф.

---

[1] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. С. 39.

[2] *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. С. 40.

Кони стал примером для многих юристов, его принципами руководствуются современные деятели правосудия и по сей день.

Summary

The article is devoted to the participation of well-known lawyer A.F.Koni in the legal investigation of the terrorist Vera Zasulich in respect to his views on the principles of judiciary. Purpose of the work is to justify the thesis that Koni's legal views had decisive influence on the acquittal. The case analyzed in the article is unique since for the first time in the history of Russian judicial proceedings there was a question about the necessity of use of moral principles in legal procedure. Moral principles, confidence in the necessity of practice of jury, the independence of judges, an inner conviction of the judge – these are all components of the legal views of the lawyer. A.F. Koni's views analyzed by the author may become an example for contemporary lawyers and participants of judicial proceedings.

Key words: A.F. Koni, Vera Zasulich, legal views, legal procedure, conviction of the judge, independence of judges, moral principles, judicial proceedings.

А.А. Лотош

Советские правоохранительные органы 1917–1920-х гг.

В статье рассмотрено становление и развитие советских правоохранительных органов, их структурные и функциональные элементы, которые претерпевали изменения на протяжении двух значимых периодов начала истории Советского государства. Особое внимание уделено деятельности Ф. Э. Дзержинского – руководителю Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем во время Гражданской войны в России.

Ключевые слова: правовое государство, терроризм, пенитенциарные учреждения, репрессивно-карательные органы, ведомство внутренних дел, ведомство государственной безопасности, Гражданская война, Новая Экономическая Политика.

Данная статья представляет собой сравнительное исследование структуры и функций правоохранительных органов на протяжении двух основных периодов начала становления и развития молодого Советского государства: период Гражданской войны 1917–1922 гг. и период Новой Экономической Политики 1921–1929 гг. Особое внимание уделено личности Ф.Э. Дзержинского в качестве руководителя ВЧК.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в данные отрезки времени российское государство и общество переживают переходный период своего исторического развития. В 90-е годы прошлого столетия Россия

находилась в похожей ситуации после прекращения существования СССР. В настоящее время в России культивируется создание правового государства, сегодня - это одна из важнейших задач современного общества, которая может быть успешно реализована с учетом исторического опыта нашей страны. Правоохранительные органы как система с последовательными принципами и правовыми нормами складываются на протяжении десятилетий. В 1917 г. произошел коренной слом существовавшей ранее правоохранительной системы, началось зарождение новой, ее быстрое, неравномерное развитие происходило именно в те промежутки времени, которые будут рассмотрены в статье.

Понятие «правоохранительные органы» в сознании современного человека определяются как институты, созданные для защиты, прежде всего, его личных прав и свобод, отстаивании законных интересов. Советская правоохранительная система, не смотря на всю многоплановость ее функций, чаще всего реализовывала задачи, поставленные советским руководством и в большей мере являлась репрессивно– карательным центром того времени[1].

После завоевания политической власти в России перед руководством партии большевиков встала со всей неотвратимостью проблема ее защиты. Повсеместная трансформация прежних органов правоохранительной деятельности осуществлялась быстро, зачастую, без необходимой оценки перспектив тех или иных решений, что, в конечном счете, приводило к накапливанию проблем с возможностью их решения только чрезвычайными мерами. Отсутствие четкого разделения полномочий между ведомствами, упразднение фундаментальных органов правовой системы и распределение их функций между остальными органами порождало неспособность осуществлять качественную защиту прав граждан.

Тем не менее, в периоды Гражданской войны и реализации НЭПа нельзя не отметить положительные изменения в сфере правоохранительных органов, а именно, проведение Судебной реформы 1922 г., создание Уголовного кодекса РСФСР в том же году и его редакция в 1926 г., Уголовно-Процессуальный кодекс РСФСР (от 25 мая 1922 г.). Ликвидация повсеместных самосудов в первое полугодие 1918 г., анархистских и эсеро-максималистских отрядов в Москве и других городах России, прекращение нарастающей волны анархии в

[1] *Чердаков О.И.* Формирование правоохранительной системы советского государства в 1917–1936 гг. Автореф. … д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 10.

послевоенный период – все это и многое другое было реализовано правоохранительными органами в сложный период самого начала становления молодого Советского государства.

Основной точкой отсчета преобразований в сфере правоохранительной деятельности стала «Инструкция для Временных судов» (от 22 марта 1917 г.), в соответствии с которой основным звеном судебной системы стали временные суды. Они в определенной мере заменили окружные и мировые суды. Стихийность создания судебных инстанций и их отличие от системы, которая существовала ранее, неоспорима. Три Декрета о суде 1917–1918 гг. упразднили старую систему и сформировали новую. В. И Ленин писал: «безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно»[1].

С формированием обычных судов, происходил процесс создания чрезвычайных судов – революционных трибуналов. В условия Гражданской войны было издано Положение о том, что учреждаются фронтовые полковые (отрядные) местные суды. «Приговоры и решения прифронтовых судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат» [2]. Другими словами, это были те же революционные трибуналы, только в условия фронта. Суд осуществлялся комиссиями из трех человек на месте. К концу Гражданской войны можно выделить следующую судебную систему: общие суды, революционные трибуналы и революционные военные трибуналы. Последние осуществляли политику «красного террора»[3]. Фактически решение по делу выносилось, исключая стадии дознания и предварительного следствия[4].

В период НЭПа была проведена судебная реформа 1922–1924 гг., вызванная относительно мирной жизнью, переходом от чрезвычайных форм осуществления судебной власти и, главное, усложненностью всей судебной

---

[1] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1960. С. 162–163.

[2] Положение Нар. Комиссариата по военным делам РСФСР от 23 июля 1918 г. № 612 «О Фронтовых Полковых (отрядных) местных судах».

[3] Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре».

[4] *Бриль Г.Г.* Юридическое разрешение социальных конфликтов в Советском государстве в 1917-начале 1930-х гг. Автореф. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 14.

системы. Она насчитывала до 12 видов судебных органов[1]. Положение о судоустройстве РСФСР (от 11 ноября 1922 г.), которое вело к упразднению революционных трибуналов и закреплению сложившейся трехзвенной системы из «народных судов в составе постоянного народного судьи или народного судьи и двух народных заседателей, губернских судов, Верховного суда РСФСР, специальных судов»[2], подвело черту судебной реформы. С реформациями в структуре судебной системы, малозаметными были изменения для лиц, участвовавших в уголовном процессе. «Основы уголовного судопроизводства» (1924 г.), несмотря на указание в ст. 21 положения о том, что суд обязан разъяснять участвующим в деле лицам их процессуальные права и обеспечить им возможность защиты своих интересов не могли служить нормативной основой для реального осуществления права на защиту, хотя бы из-за содержания ст. 381 и 382 УПК РСФСР. В них выражалась абсолютная роль прокурора по всем делам обвинительного или оправдательного характера[3].

Декретом о суде № 1 прокуратура была упразднена. Без этого органа Советское государство существовало около четырех лет. «Юридическая практика периода Гражданской войны упрощала до предела все процедуры не только в отдельных ведомствах, но и в правоохранительной системе в целом. Следственным органам совершенно не требовалось закрепляющей доказательной базы, достаточно было сослаться на показания свидетелей, а то и вовсе обходились без них»[4]. Массовое недовольство и огромная загруженность судебных органов функциями прокуратуры подняли насущную проблему неспособности развития без органов предварительного расследования.

На заседании сессии ВЦИК было оглашено письмо В. И. Ленина «О «двойном» подчинении и законности», в котором были сформулированы основные тезисы, вошедшие в «Положение о прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. Оно состояло из шести глав, регламентирующих порядок

---

[1] *Бондаренко А.В.* Судебная система РСФСР в условиях НЭПа. Автореф. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15–16.

[2] *Бондаренко А.В.* Судебная система РСФСР в условиях НЭПа. С. 16.

[3] *Рагулин А.В.* Судебная система и процесс // Новый юридический журнал. 2012. № 3 (149). С. 116.

[4] *Дэр Н.Н.* Прокурорский надзор за законностью в системе органов государственного управления СССР (1922–1940 гг.). Автореф. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 11–12.

осуществления надзора, за законностью осуществления деятельности органами дознания и предварительного расследования, обоснованностью решений судов, за законностью в местах лишения свободы, и, даже, определяло структуру органов прокуратуры и порядок прохождения службы в них. Прокуратура не была самостоятельна, долгое время она находилась в составе Наркомюста РСФСР и частично при Верховном Суде СССР.

После рассмотрения становления функциональных систем судебных органов и прокуратуры, важно отметить то, что все перечисленные структуры находились под шефством Наркомата Юстиции, роль которого особенно начала усиливаться в период НЭПа. За Наркоматом Юстиции закреплялись функции контроля над всеми правоохранительными структурами. Народный Комиссариат Внутренних дел РСФСР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, был образован 26 октября 1917 г. одновременно вместе с другими Комиссариатами и просуществовал в этом качестве до 1930 г., не являясь главным карательным органом того времени. В первые годы после образования в ведении НКВД постепенно стали включаться такие структуры, как милиция, пенитенциарные учреждения, внутренние войска и, даже, пожарная охрана[1].

После перехода к НЭПу стал острым вопрос о реорганизации НКВД. Главной причиной являлась его неспособность качественного исполнения своих полномочий в связи с «широким кругом выполняемых функций, отсутствием четкого разграничения компетенции НКВД РСФСР с другими государственными органами»[2]. Опираясь на работу Лобанова А. В. можно сделать вывод о том, что: «Результатом реорганизации стало значительное сокращение функций НКВД и превращение наркомата в орган, по преимуществу занятый охраной общественного порядка»[3]. Постановление «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик», принятое ЦИК и СНК 15 декабря 1930 г., прекратило существование данного органа.

---

[1] *Харченко О.В.* Центральные правоохранительные органы государственного управления РСФСР и СССР // Мир Юридической науки. 2012. № 3 (91). С. 37.

[2] *Лобанов А.В.* Переход к НЭПу и реорганизация НКВД РСФСР. Автореф. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8.

[3] *Лобанов А.В.* Переход к НЭП и реорганизация НКВД РСФСР. С. 8.

Отдельно стоит уделить внимание органам милиции, которые не прекращали свою деятельность на протяжении всего рассматриваемого периода. 28 октября 1917 г. Декретом «О рабочей милиции» был учрежден новый орган, вошедший в состав НКВД. В ведении милиции был передан уголовный розыск. В период НЭПа «правовую систему и государственный аппарат необходимо было приспособить к новым условиям, которые требовали установления твердого правового порядка и соблюдения законности»[1], чем обусловлено введение нового положения о НКВД, принятое ВЦИК и СНК РСФСР 24 мая 1922 г. Оно возлагало на милицию: во-первых, поддержание порядка, во-вторых, охрану гражданских учреждений и сооружений общегосударственного и исключительного значения (телеграф, железные дороги, почта), в-третьих, охрану лагерей и других пенитенциарных учреждений.

Центральным репрессивно-карательным органом являлась Всероссийская Чрезвычайная комиссия, образованная 7 декабря 1917 г. постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, по инициативе В.И. Ленина во главе с Ф.Э. Дзержинским.

Основанием для принятия решения о создании ВЧК стал доклад Ф.Э. Дзержинского, сделанный в СНК РСФСР накануне. В протоколе N 21 заседания Совнаркома от 20 декабря 1917 года было записано, что Всероссийская чрезвычайная комиссия призвана решать следующие задачи:

1. Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России.

2. Предавать суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и вырабатывать меры борьбы с ними.

3. Вести только предварительное расследование.

На основании постановления от 18 января 1918 г. «О признании контр-революционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»[2] ВЧК получила более могущественные полномочия.

---

[1] *Непранов Р.Г.* Правовые основы реорганизации и деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в период проведения новой экономической политики (1921–1929 гг.). Автореф. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 14.

[2] Постановление ВЦИК от 18 января 1918 г. «О признании контр-революционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти».

Комиссия обладала правом «вынесения смертных приговоров преступникам, застигнутым на месте преступления»[1].

В связи с наступлением немецкой армии было принято Постановление «Социалистическое Отечество в опасности!». В нем говорилось, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[2]. Исследователи считают, что этот документ наделил ВЧК правом внесудебного решения дел с применением высшей меры наказания — расстрела.

Еще одной важной причиной, определявшей создание ВЧК, была борьба с терроризмом. Террор являлся одной из острых форм открытой и скрытой борьбы против советского государства и его руководителей. На протяжении всего послеоктябрьского периода функции борьбы с терроризмом возлагались на органы государственной безопасности. Огромное число терактов было зафиксировано в период 1918-1920х гг. Первый террористический акт произошел 1 января 1918 г.: была обстреляна машина, в которой ехал с митинга В. И. Ленин.

Первым нормативным актом, в котором говорилось о необходимости борьбы с терроризмом, было Постановление ВЦИК от 2 сентября 1918 г., принятое в связи с покушением на жизнь председателя СНК. Конкретных санкций этим постановлением не предусматривалось. Но уже 5 сентября 1918 г. СНК принял Постановление «О красном терроре», в котором указывалось, что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу.

Спустя еще 2 месяца было подписано Положение о чрезвычайных комиссиях[3] определяло следующие задачи ВЧК:

1. Беспощадную борьбу с контрреволюцией и спекуляцией наличными силами, которые имеются в распоряжении Комиссии;

2. доведение до местной и центральной власти о совершающихся беспорядках и злоупотреблениях и пресечении их;

---

[1] *Ратьковский И.С.* Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г. Автореф. … канд. истор. наук. СПб., 1995. С. 12.

[2] Декрет СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!».

[3] Декрет ВЦИК от 2 ноября 1918 г. «Положение о чрезвычайных комиссиях».

3. восстановление нарушенного революционного порядка.

Перечисленные нормативно-правовые акты уже менее, чем через год с момента создания ВЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским вывели ее деятельность на уровень главного органа в государственном управлении. Он превратил ВЧК в орган, осуществлявший контроль над всеми сферами государства и общества, подкрепленный нормативно-правовой базой.

В период завершения Гражданской войны и начала реализации НЭПа в 1922 г. вместо ВЧК было создано Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР: «Так произошло первое объединение в одном ведомстве органов внутренних дел и органов государственной безопасности»[1].

После образования СССР 15 ноября 1923 г. Президиум ЦИК постановил преобразовать ГПУ в Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР, а НКВД был освобожден от функций обеспечения государственной безопасности. Положение о правах ОГПУ [2] закрепило прерогативу ОГПУ заключать в концентрационный лагерь лиц, причастных к контрреволюционной деятельности.

Роль органов государственной безопасности нельзя недооценивать, расширение их функций и полномочий неоспоримо, а их значение достигло максимально уровня, об этом свидетельствует выделение ОГПУ в отдельную IX главу в Конституции СССР 1924 г. В данной главе надзорным органом за его деятельностью закрепляется СНК, то есть ОГПУ подчиняется только исполнительной власти СССР.

Наша страна в исследуемый период истории переживает не только смену формы правления, политического режима и формы административно-государственного устройства, но и коренной перелом во всей системе правоохранительных органов, отклики которого мы можем наблюдать сейчас.

Относительно преемственности опыта прошлого для новых поколений, можно сделать вывод: при переходе государства на новую стадию развития следует приложить максимальные усилия для сохранения преемственности права. Только накапливая нормативно-правовую базу, изменяя и постепенно

---

[1] *Харченко О.В.* Центральные правоохранительные органы РСФСР и СССР. С. 37.

[2] Положение от 24 марта 1924 г. «О правах объединенного государственного политического управления в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь».

реформируя ее, можно успешно сформировать правовое государство, которое является целью современного общества нашей страны.

Summary

The article dwells upon the foundation and development of the Soviet law-enforcement agencies, their structural and functional elements that have undergone changes over the two significant periods beginning history of the Soviet state. Particular attention is paid to the activities of Dzerzhinsky - the head of The All-Russian Emergency Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage during the Russian Civil War.

Key words: a lawful state, a terrorism, prisons, repressive and punitive agencies, the Departments of International Affairs, the Civil War, the New Economic Policy.

А.В. Паночко

Модель международного суда по Леониду Алексеевичу Камаровскому

Предметом исследования является модель международного суда, предложенная Леонидом Алексеевичем Камаровским. Она оказала влияние на развитие международного права и до сих пор остается основой при разрешении международных конфликтов. В статье раскрываются идеи Леонида Алексеевича как заслуженного профессора, юриста-международника, по вопросу создания международного суда. Данное научное исследование является, по существу, первой попыткой рассмотрения вклада данного ученого в формирование международного суда.

Ключевые слова: международный суд, международное право, международный конфликт, правосудие, международные отношения, арбитраж, принципы международного суда

Сегодня, в условиях глобализации, деятели науки и законодательства все больше и больше уделяют внимание рассмотрению вопросов, связанных с регулированием международных отношений. Но также стоит отметить, что законодательство в данной области находится под влиянием научной мысли, основывается на идеи, которые были высказаны знаменитыми учеными юристами, одним из которых является Леонид Алексеевич Камаровский. Это объясняется тем, что большинство предложений, сформулированных научными деятелями, нашли свое отражение в современном международном праве. Работа Камаровского «О международном суде» до сих пор остается единственным всеобъемлющим трудом по указанной теме, и очень важна для понимания истоков взглядов и политики, унаследованной советскими и

постсоветскими деятелями и учеными-правоведами, специалистами в области международного права. Она послужила основой к созданию международной юстиции. В связи с этим объективно назрела необходимость дальнейшего изучения и выявления тех основополагающих идей Камаровского, которые повлияли на развитие международного права и до сих пор являются основой при разрешении международных конфликтов.

Данное научное исследование является, по существу, первой попыткой рассмотрения самого большого вклада Леонида Алексеевича Камаровского в осуществление идеи международного суда, где формируются общие организационные начала деятельности международного суда.

Целью научного исследования является комплексное изучение идей Л.А. Камаровского как заслуженного профессора, юриста-международника, по вопросу создания международного суда.

Л.А. Камаровский был активным поборником идеи международного суда правосудия. Его самым большим вкладом в осуществлении этой идеи стала докторская диссертация «О международном суде», защищенная 5 ноября 1881 г. и в том же году напечатанная в виде отдельной книги. В 1887 г. она была переведена на французский язык и издана в Париже[1]. Произведение русского правоведа сделалось доступным широкому кругу европейских читателей, по призванию В.Э. Грабаря, сумело оказать «влияние на развитие международного права»[2]. Эта работа разбивает аргументы тех ученых, которые видят корни международных трибуналов только в XX в.

В отличие от большинства своих коллег, правовед Леонид Алексеевич Камаровский не принадлежал к позитивистскому направлению. Он был убежденным сторонником так называемой «религиозно философской школы». Глубоко укоренённые в нем религиозные и этические воззрения склоняли Леонида Алексеевича к естественно-правовому подходу, хотя его и нельзя в полной мере отнести к какому-либо из естественно-правовых направлений.[3] Камаровский решительно поддерживал кодификацию международного права на том основании, что кодифицированные нормы соответствовали тому, что он

---

[1] *Kamarovskii L.A.* Le tribunal international / Transl. S. de Westman. Paris, 1887.

[2] *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Под ред. У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. М., 2005. С. 391.

[3] *Пустогаров В. В.* Романтик международного права: жизнь и деятельность графа Л. А. Камаровского (1846–1912). М., 1999. С. 62.

именовал «правовым сознанием» самых образованных слоев общества. С его точки зрения, правовое сознание и было истинным источником права.

Камаровский считал, что международные отношения развиваются от полной анархии к зачаткам организованного правопорядка. На протяжении тысячелетий, отмечал он, все споры между государствами разрешались посредством силы[1]. После Венского конгресса 1815 года на смену этой «вечной вражде» пришло состояние более или менее продолжительного «перемирия», которое в свою очередь повлекло стремление, во всяком случае, со стороны общественного мнения, к установлению подлинного и стабильного мира среди народов. Камаровский настаивал на том, что по-настоящему стабильный мир немыслим без создания правового порядка, регулирующего отношения между государствами не только в мирные времена, но и в условиях межгосударственных конфликтов[2]. Международное право должно было, полагал русский правовед, стать таким правопорядком. Международное право, действующее лишь в качестве совокупности процессуальных норм для разрешения межгосударственных споров и восстановления правового порядка, не способно, по мнению Камаровского, заменить войну, которая собственным способом выполняет такую функцию[3]. Межгосударственные отношения требуют в силу своей природы в большей степени действия международного права как совокупности материальных норм, нежели массы процедурных правил. В сфере международных отношений спорящие стороны являются при отсутствии надгосударственных учреждений судьями в собственных делах, так же как и законодателями в том смысле, что их действия на международной арене способствуют формированию правил международного поведения. При таких обстоятельствах, отмечал Камаровский, конечное решение должно нести в себе правовую норму и моральный принцип, применимые как к ситуациям, складывающимся в настоящее время, так и к тем, которые могут возникнуть в будущем[4].

---

[1] *Камаровский Л.А.* Война или мир? / Под ред. У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. М., 2007. С. 48.

[2] *Камаровский Л.А.* Взгляд на различные попытки смягчить ужасы войны. Москва, 1878. С. 132.

[3] *Пустогаров В.В.* Романтик международного права. С. 87.

[4] *Камаровский Л. А.* Война или мир? С. 65.

Интеллектуальное и институциональное происхождение международного судебного учреждения Л.А. Камаровский усматривал в арбитражных институтах, возникавших и действовавших на протяжении человеческой истории с эпохи Древности и вплоть до Нового времени. Он видел в арбитраже первое ясное выражение идеи международного суда. Опираясь на двухтомное произведение Роберта Ворда по истории международного права[1], русский правовед высказывал мнение о том, что возникновение христианской церкви было следующей важной ступенью в развитии этой идеи: папство служило формой всеобщего трибунала, посредника в спорах между монархами. Папство было первой и самой мощной попыткой учредить суд над европейскими народами, хотя главным образом лишь по религиозным делам. Однако подчеркивал Камаровский, это усилие было закономерно обречено на неудачу по той причине, что папство стремилось предвосхитить в своей деятельности международный суд и одновременно противодействовало его возникновению.

Падение роли папства в международных отношениях способствовало увеличению количества конфликтов и войн. Венский конгресс 1815 г. прошел в обстановке слабого международного порядка, опиравшегося на баланс сил, который поддерживался преимущественно дипломатами: послами и посланниками. Камаровский мало доверял последним. С его точки зрения, дипломатические средства разрешения споров и поддержания баланса сил на международной арене представляют собой полезный, но примитивный способ мирного разрешения споров. Наиболее эффективным средством был бы здесь, по его мнению, международный суд[2].

Его зачатки Камаровский усматривал в городских судах, которые призваны были действовать одновременно и в качестве международных судов и применять нормы международного права. Призовые суды, существовавшие, по меньшей мере, с XIII в., были лучшим примером таких судов, но Камаровский видел идею их и в смешанных судах Египта, отправлявших правосудие в отношении лиц, которые придерживались различных религиозных верований: христианства, ислама, иудаизма, а также в

---

[1] *Ward R.* An Enguiry into the foundation and history of the law of nations in Europe. 2 vols. London, 1795.

[2] *Камаровский Л.А.* Идея мира и церкви / Под ред. В.А. Томсинова и Л.Н. Шестакова. М., 2005. С. 22.

аналогичных институтах, возникавших на территориях, оккупированных европейскими державами.

Идею международного суда Л.А. Камаровский исследовал в связи с проектами всеобщего и вечного мира. По его мнению, хотя эта идея и призвана служить воплощению таких проектов, она отделилась от них и стала самостоятельной идеей. «Не мир сам по себе или во что бы то ни стало, но мир юридически организованный и обеспеченный – ее идеал», - писал Камаровский в соотношении идеи международного суда с проектами вечного мира[1].

Обозревая проекты вечного мира от плана герцога Сюлли (или Генриха IV) и далее, Камаровский отметил их ценность в качестве средства критики господствовавшей в его время системы международных отношений[2]. Но он не признал за этими проектами какого-либо значения в качестве способа разрешения проблем, которые могли возникнуть в международных отношениях в будущем, определив их в качестве искусственных, утопических. В XVIII столетии проекты вечного мира стали, по мнению Камаровского, более «политическими» в том смысле, что их создатели начали настаивать на формальной общности европейских государств посредством заключения союзов или учреждения федерации, как это было высказано в произведениях Бентама, Шеллинга, и Канта.

В построении своей модели международного суда русский правовед основывался на концепции правового государства (Rechtsstaat), разработанной немецкими юристами[3]. Он мыслил создание этого суда в качестве последней ступени в развитии многочисленных, иерархически структурированных институтов, предназначенных для защиты прав. Таким образом, международный суд представал в его модели как высший орган человеческого правосудия на Земле. Его юрисдикция должна ограничиваться поначалу, считал Камаровский, рамками государств Европы и Америки и только постепенно без всякого насилия должна распространяться на другие государства. При этом международный суд не должен влечь за собой утрату независимости и национальной идентичности государств[4]. Различным государствам необходимо

---

[1] *Камаровский Л.А.* Война или мир? / С. 81.

[2] *Камаровский Л.А.* О международном суде / Под ред. В. А. Томсинова и Л. Н. Шестакова. М., 2007. С. 103.

[3] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 183.

[4] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 248.

прививать уважение к праву, а также понимание того, что международное право может быть создано не через произвол и насилие, но посредством совместной жизни и деятельности государств – оно является продуктом единой, всеобщей человеческой культуры. На практике общность государств может быть создана посредством союза или федерации, объединяющих и примиряющих народы. Но международный союз, объединяющий государства Европы и Америки, может быть, подчеркивал Камаровский, только юридической, но не политической организаций. По мнению русского ученого, принцип суверенитета делает «нелогичным и невозможным» создание «наднациональной политической власти или мирового центрального правительства». Межгосударственная организация должна возникнуть из жизни, а не из теории.

Камаровский исключал всякую мысль о том, что международный суд должен выступать в качестве политического собрания представителей государств или ассамблеей ученых-юристов. С его точки зрения, международный суд должен быть юридическим органом, подчиненным касательно своей структуры и деятельности основополагающим принципам современного судопроизводства в той мере, в которой они применимы к разбирательству споров между государствами. Такими принципами Камаровский считал: 1) независимость суда как от сторон, дело которых он призван рассмотреть, так вообще и от всяких политических течений и мнений. Данный принцип является актуальным и очень важным и в наши дни, так как Совет Безопасности ООН при разрешении международных конфликтов не всегда может исключить политического давления; 2) коллегиальность суда: его состав должен включать в себя, по меньшей мере, трех судей и более, если этого требует важность рассматриваемого дела; 3) устность и состязательность судебного процесса в международном суде Камаровский считал допустимой лишь отчасти и полагал, что процесс должен основываться, главным образом, на письменных документах, представленными сторонами; 4) публичность процесса в смысле открытости для общественности должна по возможности обеспечиваться при рассмотрении всех дел, за исключением тех, которые требуют закрытых заседаний для предотвращения разгула политических страстей; 5) принцип двух судебных инстанций, когда вторая рассматривает дело, обжалованное стороною на основании юридических мотивов; 6) деление

суда на департаменты по характеру рассматриваемых дел[1].

Состав международного суда должен, по мнению Камаровского, формироваться им самим или посредством назначения судей правительствами. На практике поначалу предпочтительнее был бы, считал ученый, второй способ. Но по мере утверждения в народах доверия к суду необходимо, полагал он, переходить к первой системе. Признавая необходимость соблюдать при формировании международного суда принцип равенства между государствами, Камаровский предлагал предоставить каждому из государств право делегировать в его состав двух судей. Он рассчитывал, что при таком порядке от существовавших в то время 18 европейских государств и 12 американских в международном суде будут работать 60 судей.

Лица, назначаемые судьями должны отвечать ряду требований. Им необходимо иметь неопороченную честь, телесное здоровье, юридическое образование. После окончания университета они должны пройти специальный курс научной и практической подготовки, включающий изучение сравнительного государственного права, политики, международного права (публичного и частного), политической истории, а после этого вести практическую работу в течение четырех лет на вспомогательных должностях в рамках международного суда. К моменту назначения на должность судей им должно исполниться 35 лет. «В нравственном отношении они должны, - по словам Камаровского, - отличаться самою строгою и неподкупной честностью, обладать характером твердым и полным беспристрастием к лицам и вещам»[2].

Для обеспечения независимости судей Камаровский предлагал, чтобы от должности их отстранял только сам суд в своем пленарном заседании, но не назначившее их правительство. В отставку судьи должны были уходить при достижении возраста 65-70 лет.

Размеры жалованья судей должны были быть, по мысли Камаровского, равными в пределах суда и превосходить высшие в государствах оклады. После 25 лет службы в суде судья должен получать право на пенсию, равную полной сумме его оклада.

Принцип государственного суверенитета требует, чтобы юрисдикция международного суда была добровольной, но стороны, обратившиеся в суд для

---

[1] *Камаровский Л. А.* О международном суде. С. 315.

[2] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 263.

разрешения спора, обязаны подчиниться его решению, если оно соответствует нормам материального и процессуального права. Добровольность юрисдикции международного суда не должна, полагал Камаровский, препятствовать государствам в частных или общих соглашениях брать на себя обязанность в известных случаях обращаться к международному суду.

Оптимальной структурой международный суд мог обладать, по мнению Камаровского, при наличии в нем четырех отделений: 1) дипломатии, 2) военных и морских дел, 3) частного международного права, 4) социального международного права[1].

Камаровский верил, что международный суд сможет, независимо от своей судебной функции, играть активную роль в кодификации и развитии международного права. Рассмотрение споров между государствами будет способствовать выявлению пробелов и недостатков в международном праве, и международный суд должен будет для их устранения предлагать проекты новых международных договоров.

В качестве главной резиденции международного суда Камаровский предлагал избрать Брюссель, а на роль его официального языка он считал наиболее подходящим французский, но рабочими языками могли бы служить, по мнению российского правоведа, немецкий, английский, итальянский.

Камаровский полагал, что международный суд должен иметь председателя, избираемого тайным голосованием. Решения международного суда должны выноситься большинством голосов судей, участвующих в разбирательстве спора, и при этом базироваться на общих нормах позитивного международного права, могло, согласно модели Камаровского, подать кассационную жалобу в общее собрание суда. При рассмотрении этой жалобы судьи, решавшие дело, не имели голоса. Камаровский в полной мере сознавал невозможность установить санкцию или принудительную власть для исполнения решений международного суда. Впрочем, он не считал принуждение обязательным признаком права. Международный суд должен был, по его мнению, апеллировать к чести и достоинству сторон.

В ходе написания данной научной статьи мне удалось решить поставленные в исследовании задачи и достичь главной цели. Модель международного суда, высказанная Л.А. Камаровским очень важна для

[1] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 287.

понимания в наши дни. Это объясняется тем, что большинство предложений, сформулированных данным ученым, нашли свое отражение в современном международном праве. Ученые нашего времени восхищены разумностью и прагматичностью модели международного суда, предложенной Камаровским, так как многие элементы данной модели были приняты Гаагским Постоянным Арбитражным Судом и Постоянным Судом Международного Правосудия.

Summary

The subject of this article is the model of international court proposed by Leonid Alexeyevich Kamarovskii. It influenced on the development of international law and still being the basis for the elimination of international conflicts. The article reveals ideas of Leonid Alexeyevich as the distinguished professor, international lawyer, about the establishment of an international court. This scientific article is essentially the first attempt to consider the contribution of this scientist in the formation of the international court.

Keywords: international Court of Justice, international law, international conflict, justice, international relations, arbitration, the principles of international court.

С.П. Постыляков

Роль личности в становлении и развитии института суда присяжных в современной России

Судебная статистика по рассмотрению уголовных дел судами позволяет сделать вывод о том, что в современной России выносится 0,8 % оправдательных приговоров. В это же время конституционный принцип по участию граждан в отправлении правосудия, например посредством института присяжных заседателей, не получает надлежащего развития, а наоборот подвергается ограничению в связи с «урезанием» компетенции суда присяжных. В статье представлена краткая ретроспектива развития института суда присяжных в России, а также отражён вклад авторитетного юриста-процессуалиста – С.А. Пашина, в становление и развитие института суда присяжных на современном этапе. Автором обозначены наиболее острые проблемы функционирования института суда присяжных в связи с введением с 1 января 2013 года апелляционного порядка обжалования приговоров. Статья имеет целью познакомить читателей с вкладом Личности – С.А. Пашина, в становление института суда присяжных, а также с необходимостью дальнейшего развития названного института.

Ключевые слова: С.А. Пашин, суд присяжных, уголовный процесс, судебная реформа

Появление института присяжных заседателей в России связывают с проведением Судебной реформы 1864 г., которую провозгласил император Александр II, считавший, что «правда и милость» должны «царствовать в

судах». Цикличность исторических процессов обуславливает после реформы проведение контрреформы. В рамках проведения контрреформы компетенция суда присяжных по рассмотрению дел о посягательствах на должностных лиц и ряда других преступлений была ограничена с одновременным соответствующим расширением полномочий судебных палат с участием сословных представителей. 14 августа 1881 г. было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», согласно которому в местностях, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, генерал-губернатор или министр внутренних дел были вправе передать любое дело, могущее «послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка», военному суду для рассмотрения в закрытом заседания[1].

Октябрьская революция 1917 г. и последующие преобразования судебной системы привели к ликвидации института суда присяжных, несмотря на принятый ВЦИКом Декрет № 2 «О суде», которым были восстановлены окружные суды. Судопроизводство в указанных окружных судах осуществлялось судьей совместно с 12 народными заседателями. 11 ноября 1922 г. постановлением ВЦИК утверждено Положение о судоустройстве в РСФСР, согласно которому были закреплены следующие составы суда: постоянный народный судья и два народных заседателя или постоянный народный судья.

В годы перестройки активно обсуждалось возрождение института присяжных заседателей, что привело к внесению следующих изменений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, согласно которым «по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Законодательством союзных республик могут быть установлены и иные категории дел, подсудных суду присяжных (расширенной коллегии народных заседателей)[2]».

---

[1] *Пашин С.А.* Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление. М., 2013. С. 294.

[2] Закон СССР от 10 апреля 1990 года № 1423-I «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 272.

Возрождение института присяжных заседателей в современной России связано с принятием постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-I «О Концепции судебной реформы в РСФСР», которым как раз и была одобрена Концепция судебной реформы в РСФСР (далее – Концепция). В тексте Концепции указывалось на необходимость «признать право гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных, если ему грозит наказание в виде лишения свободы на срок свыше 1 года»[1].

Одним из авторов названной Концепции являлся С.А. Пашин – авторитетный учёный в области организации правосудия, судебной системы и уголовного процесса. Именно благодаря усилиям и твердости убеждений С.А. Пашина в Российской Федерации был возрождён институт присяжных заседателей; с 2010 г. суды присяжных функционируют в каждом субъекте Российской Федерации. Данная деятельность была сопряжена с большим количеством трудностей. Малоизвестно, что на разных постах государственной службы С.А. Пашину приходилось решать как проблемы обучения судей и прокуроров по работе с судом присяжных, так и заниматься переоборудованием залов судебных заседаний. Неоценимым является вклад С.А. Пашина в убеждении высшего политического и судебного руководства России в том, что дальнейшее развитие судебной системы без внедрения института суда присяжных невозможно. Так, например, введение института присяжных заседателей получило поддержку Президента России Б.Н. Ельцина[2].

Председатель Верховного Суда РСФСР В.М. Лебедев на I всероссийском Съезде судей в своём докладе «Судебная реформа – путь к демократии» обосновал необходимость приведения российского законодательства в соответствие с международными договорами и стандартами в сфере прав и свобод человека с последующем закреплением в новой Конституции Российской Федерации права гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных»[3]. Уже на III всероссийском Съезде судей В.М. Лебедев доложил о

---

[1] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-I «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

[2] Советская юстиция. 1991. № 23–24. С. 2.

[3] Верховный Суд Российской Федерации: история и современность // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL:

первых результатах судебной реформы: «За последние два года идет интенсивный поиск путей совершенствования судопроизводства и всей судебной системы РФ. Начало этому процессу, как бы ни спорили со мной мои оппоненты, все-таки положила концепция судебной реформы в РФ. За это время внесено ряд существенных изменений в действующее законодательство, регламентирующее деятельность правосудия. В частности, … в 9 субъектах федерации действует суд присяжных»[1].

Данные обстоятельства позволяют считать С.А. Пашина выдающимся российским юристом, внесшим существенный вклад в развитии отечественного законодательства и правовой практики, что будет подтверждено биографическими данными.

С.А. Пашин родился 18 декабря 1962 г. в Москве. В 1984 г. с отличием окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «Правоведение». В 1987 г. окончил аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова, после чего в 1988 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме: «Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу».

В 1990-1995 гг. С.А. Пашин – главный специалист юридического отдела Аппарата Президиума Верховного Совета РСФСР. К особо значимым профессиональным достижениям С.А. Пашина в этой период можно отнести: активное участие в разработке Концепции и совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства России в целом. Так, например, не без усилий С.А. Пашина была упразднена норма УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за спекуляцию. Важно отметить, что этим же законом была устранена уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. В этот же период С.А. Пашиным был создан законопроект, которым устранялась смертная казнь за ненасильственные преступления: взятку, нарушение правил о валютных операциях и хищение в особо крупных размерах. С.А. Пашин

---

http://www.supcourt.ru/catalog.php?c1=%CF%F0%EE%F7%E8%E5&c2=&c3=&id=5172 (дата обращения: 09.04.2014); Стенограмма Первого Съезда судей / Архив Совета судей РФ. 1991.

[1] Стенограмма III всероссийского Съезда судей от 24 марта 1994 года // [Электронный ресурс]. URL: http://ssrf.ru/page/839/detail/ – официальный сайт Совета судей Российской Федераци (дата обращения: 09.04.2014).

является автором следующих законопроектов, ставших законами: «О Конституционном Суде РСФСР» (1991), «О действии уголовного закона во времени» (1991), «О судебном контроле за правомерностью арестов» (1992), «О статусе судей» (1992, в соавторстве), «О суде присяжных» (1993, руководитель разработки, автор процессуальной части).

Перечисленные достижения С.А. Пашина подтверждаются архивными документами. Так, в Справке о внедрении результатов научных исследований от 20 января 1992 г. № 7-1-6 исх. за подписью заместителя Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству, народного депутата РСФСР Б.А. Золотухина указывается следующее: «Справка о внедрении результатов научных исследований дана кандидату юридических наук Сергею Анатольевичу Пашину в том, что, работая в Комитете Верховного Совета РСФСР по законодательству, он:

1) Разработал и представил Верховному Совету РСФСР проекта Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», принятый 6 мая 1991 г. и утверждённый Съездом народных депутатов РСФСР 12 июля 1991 г. В этом законе впервые в отечественном законодательстве были зафиксированы принципы несменяемости судей, действия их в личном качестве, определения их жалования в кратном размере к минимальной заработной плате; Закон впервые и истории Советского государства создал правовые предпосылки для формирования института конституционного контроля, осуществляемого судебным органом.

2) Явился одним из основных авторов Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной Верховным Советом РСФСР постановлением от 24 октября 1991 г. С.А. Пашин предложил группе экспертов собственный вариант её текста, принятый в основном при дальнейших обсуждениях авторским коллективом.

3) В соавторстве подготовил проект Закона РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», принятый Верховным Советом РСФСР 5 декабря 1991 г. В этом законопроекте С.А. Пашину принадлежали части, касающиеся порядка действия уголовного закона во времени (включая процессуальные вопросы) и новых правил исчисления размера хищений.

4) Осуществил юридическую экспертизу и редактирование проекта Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР.

5) Подготовил проект Закона РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», где впервые в отечественном законодательстве планируется установить судебный контроль за законностью и обоснованностью заключения и содержания под стражей, а также по-новому формулируются нормы, затрагивающие право обвиняемого и подозреваемого на защиту (в настоящее время находится на рассмотрении Президиума Верховного Совета РСФСР)» [1].

К архивным документам также может быть отнесена Справка о внедрении научных разработок от 28 мая 1991 г. № 7-1/113 за подписью Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству, народного депутата РСФСР С.М. Шахрая: «Справка о внедрении научных разработок дана тов. Пашину Сергею Анатольевичу в том, что он является автором проекта Закона РСФСР “О Конституционном Суде РСФСР”»[2]. Проект Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» докладывался разработчиком на заседаниях Комитета по законодательству и заседании Верховного Совета РСФСР. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР», разработанный тов. Пашиным С.А., был принят Верховным Советом РСФСР 6 мая 1991 года и был утверждён Съездом народных депутатов РСФСР 12 июля 1991 года.

За большой вклад в разработку Концепции судебной реформы в РСФСР указом Президента Российской Федерации от 27 января 1992 года № 112[3] С.А. Пашину было присвоено почётное звание "Заслуженный юрист РСФСР". Таким образом, С.А. Пашин стал обладателем высокой государственной награды в профессиональной сфере в возрасте 29 лет.

---

[1] Справка о внедрении результатов научных исследований от 20 января 1992 года № 7-1-6 исх. / Личный архив профессора, канд. юрид. наук, Заслуженного юриста РСФСР С.А. Пашина.

[2] Справка о внедрении научных разработок от 28 мая 1991 года № 7-1/113/ Личный архив профессора, канд. юрид. наук, Заслуженного юриста РСФСР С.А. Пашина.

[3] Указ Президента РФ от 27 января 1992 года № 112 «О присвоении почетного звания "Заслуженный юрист РСФСР" Пашину С.А.» // Ведомости СНД и ВС РФ. 26.03.1992. № 13. ст. 710.

В 1995–1995 г.г. С.А. Пашин возглавил Отдел судебной реформы (позже «Отдел судебной реформы и уголовного судопроизводства») Государственно-правового управления Президента Российской Федерации. Деятельность на данном посту является ключевой в оценке роли С.А. Пашина в развития отечественной судебной системы и законодательства. Именно в ходе работы в Администрации Президента РФ С.А. Пашиным было продолжено внедрение института суда присяжных на практике, а также созданы Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (1996), при создании которого С.А. Пашин выступил в качестве председателя рабочей группы и автора 8 разделов, и Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (1996), при создании которого С.А. Пашин выступил в качестве руководителя рабочей группы.

В 1996–2001 г.г. С.А. Пашин - судья Московского городского суда. Важно отметить, что многие решения федерального судьи С.А. Пашина стали прецедентами, а некоторые из них были учтены законодателем при создании Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

С 2009 г. по настоящее время С.А. Пашин – профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), где активно занимается преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

С ноября 2012 г. С.А. Пашин является членом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет), в ходе работы в котором в том числе является главным редактором Вестника Совета под названием «Прецеденты и позиции». Работая в данной должности С.А. Пашин продолжает заниматься проблемами функционирования института суда присяжных. Так, например, выступая 4 сентября 2013 г. на заседании Совета в присутствии Президента РФ, С.А. Пашин обратил внимание коллег на проблемы реформирования института суда присяжных: «Этим летом, а именно законом от 23 июля, в УПК были внесены совершенно – я не скажу абсурдные, наверное, это грубо, – но парадоксальные изменения уголовно-процессуального закона под предлогом совершенствования апелляции. Суда присяжных лишили несовершеннолетних и женщин, что есть, безусловно, форма дискриминации. Я не знаю, как Верховный Суд этот закон охарактеризует, но по буквальному смыслу

женщина, совершившая убийство, не подпадает под действие суда присяжных и не может об этом просить. И ещё целый ряд преступлений таким же образом опустошены от процессуальных гарантий. Конечно, разгрузка Верховного Суда – это очень важное дело, но не думаю, что такой ценой»[1]. Будучи в течение продолжительного времени членом Независимого экспертно-правового совета, С.А. Пашин в отзыве на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» указывал о несовершенстве предлагаемых новелл: «…неправомерно не обусловленное конституционно значимыми целями ограничение компетенции суда присяжных, поскольку такие действия фактически приводят к обеднению и даже опустошению содержания соответствующих положений Основного закона России [2]. Конституционный Суд Российской Федерации справедливо подчеркивает: «…Федеральный законодатель не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом»[3].

С.А. Пашин обращает внимание на проблемы функционирования института суда присяжных и в научной литературе. Так, в монографии «Становление правосудия» С.А. Пашин приводит уникальную статистику

---

[1] Стенограмма заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 4 сентября 2013 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://kremlin.ru/transcripts/19146 – официальный сайт Президента Российской Федерации (Дата обращения: 09.03.2014).

[2] Отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» от 6 марта 2013 года // Архив Независимого экспертно-правового совета за 2013 год.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П.

рассмотрения дел судом присяжных, а также указывает «выдающиеся» решения Верховного Суда РФ[1].

Приведённые выше факты, активная жизненная и профессиональная позиции С.А. Пашина свидетельствуют о том большом вкладе, который уже внесён в развитие отечественной правовой системы. В свою очередь, активная научно-исследовательская (С.А. Пашин входит в состав редколлегий журналов «Уголовный процесс» и «Юридическая психология»), общественная (С.А. Пашин – член президиума Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член Независимого экспертно-правового совета) и преподавательская деятельность С.А. Пашина не позволяют сомневаться в величине того вклада, который ещё будет внесён в развитие российского процессуального законодательства.

Summary

The judicial statistics on criminal trial by the courts concludes about trace amount of absolutory sentences in modern Russia (0,8 %). The constitutional principle of doing justice by the citizens (for example: jury) is not getting development , but conversely is limiting by the «cutbacks» of the competence of the jury. The article presents a brief retrospective of development of jury trials in Russia , as well as reflect the participation in the establishment and development of jury at the present stage by the authoritative lawyer – S.A. Pashin. Author marked the most pressing problems of functioning of the jury in connection with the implementation the appellate from 1 January 2013. Article aims to acquaint readers with the participation of Personality - S.A. Pashin, in the establishment and development of jury which, need development in the future .

Keywords: S.A. Pashin, jury, criminal procedure, judicial reform

А.В. Редькина

Современный взгляд на общие условия производства уголовных дел в XIX в., сформированные в результате судебной реформы 1864г.

Статья посвящена сравнению общих условий уголовного судопроизводства пореформенного периода XIX в. и современности. В рамках этого сравнения автор ставит целью выяснить, как изменилось понимание общих условий и их наличие в современном процессуальном законодательстве. Сравнение общих условий производства уголовных дел основывается на работах К.К. Арсеньева - выдающегося юриста XIX в. Этот вопрос освещен в правовой науке недостаточно, несмотря на то, что подобное сравнение может быть особенно полезно для совершенствования современного уголовно-процессуального

[1] См.: Пашин С.А. Становление правосудия. М., 2011. С. 256–282.

законодательства. Данная статья может быть полезной для всех, кто интересуется историей развития российского уголовного судопроизводства и юриспруденцией.

Ключевые слова: судебное следствие, судебная реформа 1864 г., Судебные уставы 1864 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК, К.К. Арсеньев, общие принципы производства уголовных дел, гласность, устность, непрерывность.

Вопросы «преступления и наказания» с древнейших времен являлись предметом правового регулирования в обществе. Проблемы доказывания преступного деяния и назначения справедливого наказания за преступление сопровождают человечество с самого начала его истории.

Очевидно, что несправедливое и несоразмерное деянию наказание имеет колоссальные негативные последствия для осужденного – это сложное психологическое и физическое бремя для человека. Однако ошибка в назначении наказания несет вред и для всего общества в целом, особенно в том случае, если деяние остается безнаказанным. В разное время законодатели различных государств мира приходили к выводу, что доказуемость преступления и справедливость наказания напрямую зависят от правильности ведения производства дел в судебных заседаниях.

В свою очередь судебное разбирательство должно основываться на таких базовых и несменяемых условиях, которые могут гарантировать его безошибочность. Поэтому в процессуальном законе различных стран законодатели начинают прописывать основные условия производства уголовных дел в судебном разбирательстве. В России такие общие условия появляются в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.

В данной статье мы ставим цель рассмотреть общие условия судебного разбирательства в XIX в. после судебной реформы Александра II, сравнить их с общими условиями, закрепленными современным уголовно-процессуальным кодексом и выяснить, изменилось ли их понимание и вообще наличие в современном процессуальном законе. Вопросу об общих условиях судебного разбирательства посвящено незначительное количество работ в XIX в. Одной из самых ярких работ можно считать труд выдающегося российского юриста XIX в. Константина Константиновича Арсеньева «Судебное разбирательство. Сборник практических заметок». Также данный вопрос был, так или иначе, затронут И.Я. Фойницким в «Курсе уголовного судопроизводства» и А.Ф. Кони в некоторых его рефератах. Этому же вопросу современные авторы уделили

гораздо больше внимания. В данной статье мы будем основываться на монографиях А.А.Васяева и С.П. Гришина, а также на работе Т.Н. Карабановой и В.Н.Махова[1]. Но еще меньше внимания уделено вопросу о сравнении общих условий судебного разбирательства в XIX и XXIв., отсюда новизна данной научной статьи. Несомненно, что анализ и сравнение общих условий в разные периоды развития российского уголовно-процессуального права имеет не только историческую значимость. Во-первых, такое сравнение может быть полезно для выявления достоинств и недостатков современного уголовно - процессуального законодательства. Во-вторых, оно может наметить пути возможного совершенствования существующего Уголовно-процессуального кодекса. В-третьих, сравнение общих условий судебного разбирательства может быть полезным для понимания необходимости не только существования общих условий судебного разбирательства, но и их беспрекословного соблюдения. Именно поэтому сравнительная работа, которой посвящена данная статья, является крайне актуальной. Статья может быть интересной для всех, кто интересуется историей развития российского уголовного судопроизводства и юриспруденцией вообще. Выбор исторических этапов для сравнения может быть объяснен просто. Судебная реформа 1864 г. стала важным событием в истории России, которое, во-первых, подвело итог предыдущему развитию правовой системы России, а во-вторых, дало толчок для ее последующего изменения и совершенствования. Реформа имела колоссальное значение для России, описание которого, однако, не является целью данной работы. Очевидно, что вторым объектом для сравнения стало именно современное уголовно - процессуальное законодательство РФ, в силу того, что его изучение является необходимым для последующего улучшения.

Однако прежде чем начать сравнение стоит всё же выяснить, что такое общие условия судебного разбирательства. Вообще, условие - это обстоятельство, от которого что-либо зависит; правила, установленные в какой-либо области жизни, деятельности; обстановка, в которой происходит, осуществляется что-нибудь[2]. В работах К.К. Арсеньева, в Уставе уголовного

---

[1] *Карабанова Т.Н., Махов В.Н.* Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации. М, 2011.

[2] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов/ под ред. Н.Ю.Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. С. 837.

судопроизводства и в Курсе уголовного судопроизводства И.Я. Фойницкого не представлено четкого определения этому понятию. Но современные авторы определяют этот термин по-разному. Так А.А. Васяев дает определения общим условия судебного разбирательства в строгой привязке к действующему уголовно- процессуальному законодательству РФ. По его мнению, общие условия судебного разбирательства - это предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ (гл.35) обстоятельства, лишь при наличии которых возможно судебное разбирательство[1]. В.В. Вандышев дает следующее определение: «Общие условия судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций - установленные процессуальным законом и основанные на принципах уголовного судопроизводства организационно-управленческие положения (правила), характеризующие природу, сущность, характер и содержание стадии судебного разбирательства»[2]. Таким образом, общие условия судебного разбирательства являются базовыми обстоятельствами, при отсутствии которых само судебное разбирательство не может осуществляться.

К.К. Арсеньев на основе Устава уголовного судопроизводства выделяет следующие условия производства уголовных дел в судебном заседании: 1)гласность, 2) устность, 3) непрерывность, 4) права и обязанности председателя суда, судей, присяжных заседателей и прокурора, как блюстителя закона, 5) права сторон.

Первое условие, указанное в ст.640 Устава уголовного судопроизводства,- это гласность. Судебное разбирательство должно было быть публичным кроме некоторых дел: 1) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры; 2) о преступлениях против прав семейственных; 3) о преступлениях против чести и целомудрия женщин; 4) о развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве. К.К.Арсеньев прибавляет к этому списку «дела по обвинению в произнесении дерзких, оскорбительных слов против Государя Императора или членов Императорского Дома»[3]. Рассмотрение дел при закрытых дверях означало и запрет оглашать в печати

---

[1] *Васяев А.А.* Общие условия судебного разбирательства. М., 2010. С. 3.

[2] *Вандышев В.В.* Уголовный процесс. Общая и особенная части: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2010. С. 256.

[3] *Арсеньев К.К.* Судебное следствие: Сборник практических заметок. СПб., 1871. С. 2.

все подробности судебного разбирательства. Но даже если дело являлось исключением, указанным в ст.620, двери судебного заседания могли быть закрыты только при крайней необходимости и с точного определения суда. По мнению К.К.Арсеньева это условие являлось более чем рациональным, т.к. гласность судебного разбирательства является одною из важнейших гарантий правильного отправления правосудия. Основываясь на решениях Правительствующего Сената, К.К. Арсеньев пишет, что судебное разбирательство могло проходить за закрытыми дверями только в том случае, если интересы общественной нравственности могут быть больше нарушены публичностью, чем интересы правосудия – непубличностью. К тому же важную роль играет торжественная обстановка суда, которая заставляет даже людей не самого высокого умственного и нравственного развития осторожно подбирать выражения и сообщать суду только факты. В доказательство своей точки зрения К.К. Арсеньев приводит дело об убийстве вон - Зона, в котором ни подсудимым, ни свидетелями не было сказано ни одного неприличного выражения, во время предварительного следствия сложилась обратная ситуация. К.К. Арсеньев считал гласность одним из самых лучших нововведений судебной реформы 1864 года. Интересно мнение И.Я. Фойницкого, который считал, что тайна производства, подобно жестоким наказаниям, порождает сострадание к осужденному и неуверенность в правильности приговора[1].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ также содержит положение о гласности судебного разбирательства (ст. 241). Но под влиянием времени несколько изменились случаи, являющиеся исключением из общего правила. Закон предусматривает следующие случаи: 1) разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны; 2) рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет; 3) рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство; 4) этого требуют интересы обеспечения безопасности

[1] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 95.

участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Неизменным осталось, однако, положение о том, что закрытое судебное разбирательство допускается только на основании определения или постановления суда. Но статья в кодексе о гласности стала более подробно регулировать некоторые вопросы. Такие как: соблюдение всех норм уголовного судопроизводства в закрытом заседании, оглашение в открытом заседании переписки, записи телефонных и иных переговоров, аудиозапись или письменная запись открытого заседания и др. Как уже было упомянуто, изменения, произошедшие в современном процессуальном законе легко объяснимы эволюцией взглядов законодателя на уголовно-процессуальное право, а также требованиями XXI в.

Следующим условием судебного разбирательства в XIX в. являлась устность. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. выделяются следующие исключения из данного правила: 1) Не воспрещается прочтение в судебном заседании письменных показаний свидетелей, не явившихся в суд за смертью, болезнью, совершенной дряхлостью или дальней отлучкой (ст. 626); 2) Не возбраняется прочитывать прежние показания явившегося свидетеля по отобрании от него новых, если изустные его показания не согласны с письменными, данными при предварительном следствии (ст. 627); 3) Участвующим в деле лицам, свидетелям и сведущим людям для более точного изложения их изустных показаний не воспрещается иметь при себе памятные записки в тех случаях, когда показания их относятся к каким-либо вычислениям, выводам или отчетам, которые трудно удержать в памяти (ст. 628); 4) Участвующим в деле лицам и свидетелям не возбраняется также прочтение полученных ими писем или находящихся у них документов, когда те или другие относятся к предмету их показаний (ст. 629). К.К. Арсеньев добавляет к этому списку также следующее положение: «Протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках читаются в судебном заседании лишь в том случае, когда стороны того потребуют или когда судьи или присяжные признают это нужным (ст. 687)». По мнению К.П.Победоносцева, желательная цель судебной реформы могла быть достигнута только при условии, если центром судебного процесса было бы признано словесное объяснение, которому предшествовала бы письменная подготовка. Словесное состязание в судебном процессе должно происходить,

считал Победоносцев, в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и в конечном итоге вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде[1]. Также А.Ф.Кони, был убежден, что «гласность и устность внесли в судебное производство начало непосредственного восприятия материала для суждения. Они расшевелили и разметали по сторонам тот ворох бумаг, докладов, протоколов, проектов, резолюций и т.п., под которым был прежде погребен живой человек, становившийся лишь номером дела. Он встал из-под этого нагромождения письменной работы, стиравшей его личные краски, и предстал перед судьей вместе со своими фактическими обличителями и заступниками – свидетелями»[2].

Что касается современного уголовно-процессуального кодекса, то он также содержит положение об устности судебного разбирательства (ст.240). Однако это условие указано вместе с таким условием как непосредственность. А.А.Васяев объясняет это условие так: «судьи получают сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, путем личного восприятия всех доказательств судебном заседании, а не по письменным материалам дела (предоставленным стороной обвинителя) и только на основе своего восприятия делают выводы по делу». Устность судебного разбирательства не исключает использования в суде других приемов познания. Самое важное значение устной речи в судебном заседании состоит в том, что таким образом происходит открытый обмен информацией между всеми участниками следствия. Условие «непосредственности» помогает избежать неправильной передачи важной для дела информации. Введение этого условия обуславливается попыткой законодателя предотвратить влияние досудебного производства на судебное[3]. Письменный процесс вынудил бы суд, основываться на информации предоставленной не непосредственными ее обладателями (например, свидетелями). Здесь огромное значение имеет человеческий фактор. Ведь каждый человек воспринимает какие-либо сведения по-своему, а значит информация, полученная в ходе досудебного производства,

---

[1] *Томсинов В.А.* Вопросы судебной реформы в творчестве К.П. Победоносцева // Закон. 2010. № 2. С. 258.

[2] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе М., 2000. С. 21.

[3] *Гришин С.П.* Принципы судебного следствия по уголовному делу. Н. Новгород, 2006 . С. 23.

была бы в некотором роде субъективной и недостоверной. Таким образом, можно заметить не только преемственность в уголовно-процессуальном кодексе РФ, но и развитие взглядов законодателя в проблеме устранения посредников между судьей и исследуемым событием, что позволяет сделать судебное разбирательство более справедливым.

Судебное заседание в XIX в. должно было быть непрерывным, кроме времени необходимого для отдыха. Непрерывность судебного заседания понималась, как запрет рассмотрения судом какого-либо дела, если не было закончено рассмотрение другого дела. Если же такая ситуация произошла, то суд обязывался возобновить рассмотрение прерванного дела только с начала, даже если какая-то его часть уже была произведена. К.К. Арсеньев при пояснении этого условия говорит, что решение суда и присяжных заседателей должны основываться на впечатлении, которое произвели на них все разобранные обстоятельства. Поэтому для того чтобы сохранить целостное впечатление судебное разбирательство не должно прерываться, а в том случае если это сделать необходимо судьи и присяжные не должны участвовать в рассмотрении других дел. Кроме того, рассмотрение нескольких дел одновременно может не только ослабить впечатление, но и привести к смешению обстоятельств разных дел. Но в этом условии законодатель усматривает одно исключение: заседание необходимо прервать, чтобы собрать дополнительные сведения. Однако и в этом имелся ряд условия:1) сделать это может только суд, 2) суд на время сбора сведений не приступает к рассмотрению других дел, 3) при возобновлении судебного разбирательства судьи или присяжные могут потребовать рассмотрения некоторых действий или всего дела с начала. Также немаловажно, что статьи Устава предполагали возобновление рассмотрения дела судом и присяжными только в таком же составе, как и до его приостановления. В противном случае судебное следствие возобновлялось сначала.

Современный УРК РФ не содержит положение о непрерывности судебного разбирательства, несмотря на то, что юристы осознают негативные последствия любых перерывов в рассмотрении дела. Как предполагает А.А.Васяев такой отказ законодателя можно объяснить увеличением числа уголовных дел, рассматриваемых судьей[1]. Однако некоторые современные

[1] *Васяев А.А.* Общие условия судебного разбирательства. С. 39.

юристы считают целесообразным восстановить положение о непрерывности судебного следствия в УПК РФ.

Проанализировав и сравнив общие условия судебного разбирательства, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство РФ, во-первых, имеет ряд черт, перенятых из уголовно - процессуального законодательство Российской империи пореформенного периода, а во-вторых, имеет и свои отличительные черты, появившиеся в процессе развития общества и правовой системы государства.

Общие черты, обнаруженные в ходе сравнения, такие как открытость, гласность, устность уголовного судопроизводства, свидетельствует о неизменном стремлении законодателя сделать судебное разбирательство как можно более справедливым. Расхождения в законодательстве двух сравниваемых эпох, по таким вопросам как основания для закрытого судебного заседания, положение о непосредственности исследования доказательств, могут наглядно показать изменения, произошедшие как в обществе, так и правовой системе России. Однако отсутствие условия о непрерывности в современном уголовно - процессуальном праве, даже в силу обоснованных причин, является примером упущения современного законодателя.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство имеет возможности для совершенствования, в том числе, путем обращения к историческому опыту.

Summary

The article is devoted to comparison of basic principles of criminal justice process in Russia during post-reform period of nineteenth century and nowadays. The main aim of the comparison is to find out if the modern criminal procedure law contains basic principles and whether the meaning of these principles has changed. The comparison of basic principles of criminal proceedings is based on woks of an outstanding Russian lawyer Konstantin Arsenyev. The issue is not widely covered in legal literature. Nevertheless, such comparison can be extremely beneficial for further improvement of modern criminal procedure law. The article can be useful for everyone who is interested in history of Russian criminal law and in jurisprudence in general.

Key words: Judicial reform of Alexander II, Regulations of Criminal Proceedings 1864, modern Russian code of criminal procedure, Arsenyev, basic principles of criminal procedure, publicity of the judicial proceeding, oral nature of judicial proceedings, continuity of judicial proceedings.

Т.В. Сидорова

Сравнительно-правовая характеристика консульства Наполеона Бонапарта и диктатуры Хосе Гаспара Родригеса де Франсии

Статья посвящена сравнительному анализу стран XIX в. – Франции в период консульства Наполеона Бонапарта и Парагваю во времена правления Хосе Гаспара де Франсии. Особое внимание уделено вопросам организации органов власти. Предпринимается попытка выявить, в чьих руках фактически находилась вся полнота власти, как были оформлены законодательная, исполнительная и судебная власть в обеих странах.

Ключевые слова: консульство, диктатура, Наполеон Бонапарт, Хосе Гаспар Родригес де Франсиа, разделение властей.

Тема исследования является новой, поскольку подобный анализ способов организации власти в предложенных странах ранее не проводился. В рамках статьи ставится цель – выявить общие тенденции развития обоих государств и выяснить, чем объяснялись их особенности развития. Приступая к анализу, необходимо уточнить, что задачами статьи является параллельное сравнение ветвей власти во Франции и Парагвае, с целью нахождения наиболее значимых сходств и различий способов организации власти в этих государствах.

Первым этапом предлагается рассмотрение исполнительной власти. Так, во Франции 9 ноября 1799 г. произошел переворот и свержение директории, что означало кризис буржуазной республики. Главным участником переворота и претендентом на место в правящей структуре был Наполеон Бонапарт[1]. Наполеон не разделял идею о равновесии власти. Его главным условием было существование сильной исполнительной власти, доминирующей над законодательной[2]. При этом исполнительная ветвь, должна была быть в руках одного человека, в данном случае самого Бонапарта. Многие считали, что программа Наполеона была программой диктатуры. Поэтому первые проекты новой Конституции, которые подразумевали фактическое разделение властей с системой сдержек и взаимного контроля, тут же были отметены Бонапартом[3].

Конституция, принятая 13 декабря 1799 года, установила, что исполнительная власть во Франции принадлежит трем консулам. Главная

---

[1] *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма: Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1986. С. 93.

[2] *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма. С. 105.

[3] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1987. С. 121.

особенность была в том, что консулы были неравноправны. Фактически все полномочия принадлежали первому консулу, которым был избран Наполеон Бонапарт. Первый консул был наделен широким спектром прав: он обладал законодательной инициативой, являлся главой государства, участвовал в международных отношениях, занимался назначение министров, судей, послов, а так же составлял правительство[1]. Даже решения по вопросам войны и принятию бюджета, которые принимались исключительно в форме законов (что должно было ограничить власть первого консула), подписывались самим Наполеоном[2]. Другие консулы, Камбасерес и Лебрен, на практике имели только совещательные функции. Таким образом, Наполеону, как первому консулу, принадлежал во всех случаях решающий голос.

Что касается министров, то по конституции 1799 г. они должны были «исполнять законы и обеспечивать выполнение постановлений публичной администрации» (ст. 54), и «никакой акт правительства не имеет силы без подписи министра» (ст. 55). По статье 72 министры отвечают: «за каждый подписанный ими правительственный акт, объявленный сенатом неконституционным; за неисполнение законов; за отдельные приказы, отданные в нарушение конституции, законов и распоряжений». Тем не менее, министры рассматривались только как «исполнители», которые были лишены инициативы, и были посланниками воли Наполеона. Позже личная власть Бонапарта еще больше усилилась. 2 августа 1802 г. он был провозглашен пожизненным первым консулом.

Таким образом, можно сделать вывод, что вся полнота исполнительной власти была в руках Наполеона Бонапарта, несмотря на то, что формально она была закреплена за тремя консулами.

В Парагвае, в отличие от Франции, диктатура как таковая не являлась чем-то непривычным и удивительным, так как она была распространена во многих странах Латинской Америки в то время, хотя диктатура Хосе ГаспараФрансии имела свои особенности. Она была установлена не по причине социальных конфликтов или борьбы политических партий, а вследствие приближающейся угрозы, которая подразумевала под собой утрату независимости, поэтому для сплочения народа и для усиления централизации

---

[1] *Боботов С.В.* Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. С. 37.

[2] *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма. С. 107.

власти данная форма правления, как считала правящая верхушка, была самой подходящей. Этому есть несколько объяснений: культурная отсталость населения и низкий уровень развития экономики, привычка к полному подчинению и наличие сильного лидера, каким являлся сам Хосе Гаспар Родригес де Франсиа[1].

Переходя к анализу исполнительной власти в Парагвае в период диктатуры, необходимо определить временные рамки данной формы правления. Известно, что диктатура была установлена 4 октября 1814 г., и по голосованию верховным диктатором республики объявлялся Франсиа. Однако он был избран только на пять лет, и при нем продолжали свою деятельность Конгресс и Верховный Суд. Сложилась обстановка, когда фактически контроль над государством принадлежал одному человеку – Хосе Гаспару, но номинально всей полнотой власти он не обладал. Поэтому уже в 1816 г. он стал пожизненным верховным диктатором, имеющим неограниченную власть.

Исполнительная власть находился только в руках диктатора. Хотя многие источники говорят о правительстве Франсии, как об отдельном коллегиальном органе, на самом деле Хосе Гаспар правил единолично. У него было несколько высших чиновников, которые назначались и смещались диктатором, но они были просто исполнителями его воли[2]. Должностные лица не могли принимать решения по своему усмотрению. Существовала строгая отчетность чиновников перед верховным правителем. Все действия осуществлялись только по указанию Франсии. Так, например, министр финансов, обязанностями которого было ведение налоговыми сборами, контроль над таможней, наблюдение за казной, не мог осуществлять свою деятельность без тотального надзора со стороны Франсии. Диктатор отмечал, что самовольные действия чиновников недопустимы и непростительны, поэтому он пытался вникнуть во все детали, ведал всеми вопросами без исключения. Вопросы сельского хозяйства, налоговая политика, торговля и образование – все было в его сфере деятельности. Он постоянно давал инструкции, нередко сам составлял документы и заставлял чиновников их переписывать.

---

[1] *Альперович М.С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810–1840). М., 1975. С. 158–159.

[2] *Альперович М.С.* Революция и диктатура в Парагвае. С. 178.

Франсиа не терпел, чтобы кто-то вмешивался в его политику и перенимал его власть и функции, поэтому, как только он понял, что роль церквив политической жизни страны начала усиливаться, и церковь фактически стала частью правительства, диктатор начал открытое противостояние. Он закрывал монастыри, отменил ряд церковных праздников, провел секуляризацию церковных земель. Вследствие этого церковь ослабила свои позиции и стала «орудием светской власти»[1].

Как вывод, необходимо отметить, что централизация власти достигла невиданных размеров в стране Франсии. Исполнительная власть, даже при наличии правительства и министров, контролировалась исключительно диктатором. Происходившее в Парагвае очень походило на ситуацию во Франции, где Наполеон тоже был фактически единственным правителем. Полное отсутствие всякой личной инициативы парагвайских чиновников перекликается с лишением самостоятельности у французских министров, которые, как уже говорилось ранее, были всего лишь агентами воли консула.

Переходя к рассмотрению законодательной власти, начнем с анализа этой ветви власти во Франции.

Законодательная власть впериод консульства Наполеона осуществлялась такими коллегиальными органами, как Государственный совет, Трибунат, Законодательный Корпус и Охранительный Сенат. Каждый из органов имел свои функции по осуществлению законодательной власти, хотя законодательная инициатива принадлежала только правительству, а именно первому консулу.

Государственный Совет, назначаемый Наполеоном, должен былпредставлять законопроекты, осуществлять их редактирование.

Обсуждением законопроектов занимался Трибунат. Формально он мог выражать свое мнение о законах, о деятельности государственной администрации, но он ни в коем случае не мог вмешиваться в рассмотрение уголовных и гражданских дел. По инициативе данного законодательного органа преследовались министры, нарушившие свои обязанности, однако эту функцию Трибунат не использовал, так как это противоречило представлению о

[1] *Семенов С.А.* Злоключения одной химеры // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 128.

единоличной власти первого консула, поэтому Наполеон вскоре сам стал осуществлять надзор за деятельностью министров.

После обсуждения законопроект передавался в Законодательный Корпус, который путем голосования принимал его или отвергал.

Последней по списку, но не по значимости законодательной инстанцией был Сенат. Он не только утверждал законопроекты, но так же мог их и опротестовать. Сенат был хранителем и ревизором Конституции через посредство сенатус-консультов, которыми так широко пользовался Наполеон для установления своей диктатуры. Сенаторы, обладающие определенной автономией, не только не противостояли первому консулу, но и были ему во всем покорны, чем упрочили его личную власть.

По проведенному исследованию можно сказать, что законодательная власть напрямую зависела от исполнительной ветви, как и былозадумано Бонапартом. Слабость законодательной власти проявлялась в ограничениях властных полномочий Трибуната, скромных функциях Законодательного корпуса, в назначении Государственного Совета самим консулом и в полном преклонении Сената фактическому правителю.

В Парагвае дела обстояли иначе. Национальный конгресс, который до провозглашения диктатуры был законодательным органом власти, в 1814 г. был преобразован сначала в совещательный орган при правителе, а после объявления Франсии пожизненным диктатором вовсе больше не созывался и фактически прекратил свое существование. У государства не было ни Конституции, ни представительных органов, поэтому функции законодательной власти осуществлял исключительно Хосе Гаспар де Франсиа[1]. Под диктовку диктатора рассылались приказы, инструкции и многочисленные декреты. Тем не менее, источники не содержат никакой информации о существовании свода законов и других правовых актов. В ходе изучения основной литературы о Парагвае, можно прийти к заключению, что слово диктатора, одно его повеление уже было законом.

В законодательной сфере единственным сходством диктатуры Франсии и консульства Наполеона Бонапарта следует считать фактическую принадлежность законодательных полномочий верховным правителям этих стран. Однако по проведённому анализу можно сказать, что законодательная

[1] *Альперович М.С.* Революция и диктатура в Парагвае. С. 176.

система во Франции имела более сложную структуру. Наличие нескольких коллегиальных органов во Французском государстве, пусть даже подчинённых воли Бонапарта, и полное отсутствие таковых в Парагвае – основное отличие одной формы правления от другой.

Переходя к третьей ветви власти, стоит начать с того, что во Франции в судебной сфере существовали свои нововведения. По ст. 41 Конституции первый консул сам назначал уголовных, гражданских, мировых и кассационных судей, без права их смещения. Существовало несколько видов трибуналов: трибуналы первой инстанции, которые решали гражданские дела (ст. 61); уголовные трибуналы, решавшие вопросы об осуществлении наказания (ст. 62); кассационный трибунал, который отменял решения, если оно противоречило закону (ст. 66); национальный трибунал, рассматривавшийсудебные решения, вынесенные трибуналами (ст. 65), а так же апелляционные трибуналы и трибуналы исправительной полиции.

Ситуация в судебной сфере во многом схожа с уже проанализированными аспектами в первых двух ветвях власти. Здесь первый консул играет не менее важную роль и посредством самостоятельного назначения судей, он фактически контролирует всю судебную систему.

Что касается Парагвая, то в этой стране судопроизводства фактически не существовало. Верховным и практически единственным судьей был сам Хосе Гаспар де Франсиа, который осуществлял правосудие без «следствия, судебного разбирательства и права апелляции». Однако известно существование двух алькальдов, которые занимались гражданскими и уголовными делами всего Парагвая, в провинциях же судьями были местные власти.

Способы организации судебной власти двух стран кажутся очень похожими. Конечно, в Парагвае не существовало судов, как отдельных органов, какими были трибуналы во Франции, но от этого ситуация не меняется. Опять же вся полнота власти находилась в руках диктаторов (формального –Франсии, и фактического – Наполеона).

После рассмотрения всех трех ветвей власти не будет лишним обратить внимание на нововведения, касающиеся местной власти.

Для начала стоит упомянуть реформы Наполеона. Первым консулом была ликвидирована выборность местных властей и была осуществлена

передача их функций представителям правительства. Префекты в департаментах, супрефекты в округах и мэры в коммунах назначались лично Наполеоном Бонапартом[1].

Реальная власть, по которой осуществлялось управление над департаментом, находилась в руках префекта. Он контролировал экономику, ликвидировал оппозицию, следил за порядком. Префект составлял отчеты о ситуации в своем департаменте и отсылал их в министерство полиции, которое перенаправляло эти данные первому консулу. При префекте было два совета, занимавшихся вопросами, касающимися налогов. Префекту подчинялись супрефект и мэр, имевшие ряд полномочий, но они не могли осуществлять самостоятельную инициативную деятельность[2].

Судя по имеющимся данным, усиление власти консула просматривалось не только в системе высших государственных органах власти, но и в учреждениях местной власти.

Диктатором Парагвая так же были осуществлены некоторые изменения в сфере местной власти. Так, Франсиа упразднил выборные городские муниципалитеты, которые назывались кабильдо, и поставил на их место лица, назначенные правительством. Парагвай был разделен на округа, во главе которых стояли начальники гарнизонов или делегаты, имевшие ряд функций: полицейские, военные, судебные, экономические и политические. Округа в свою очередь делились на селения. В селениях властные полномочия выполняли старосты.

Сравнивая нововведения Франсии и Бонапарта в сфере местной власти, получилось выделить некоторые сходства политики этих правителей. Во-первых,проведение административного деления, во-вторых, организация власти в более мелких административных единицах – и там, и там были назначены так называемые наместники, осуществлявшие часть функций. Однако если во французских департаментах префекты могли осуществлять руководство самостоятельно, то делегаты в округах были все-таки ограничены в своих действиях.

---

[1] *Семенов С.Б.* Консульство и империя Наполеона Бонапарта // Электронная публикация с сайта “Путеводитель в мире науки”: http://ermine.narod.ru/HIST/STAT/SEMENOV/sect5.html. Дата обращения: 27.02.13.

[2] *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма. С. 171–172.

Проведя глубокий анализ форм государства Франции и Парагвая, можно прийти к выводу о том, что в организации государственной власти этих с первого взгляда непохожих друг на друга стран существует множество сходств. И Наполеон, и Франсиа в начале своей политической деятельности занимали должность консулов, а позже фактически и юридический были избраны пожизненными правителями. Личный контроль всех ветвей власти, самостоятельное определение целей и задач внутренней политики, отсутствие оппозиции – характеристика правления, как Наполеона Бонапарта, так и Хосе Гаспара де Франсии.

Конечно, удалось выделить и некоторые различия, например, наличие коллегиальных органов власти во Франции и отсутствие их в Парагвае, но фактически органы при Наполеоне, имея ряд полномочий, редко прибегали к этим полномочиям или действовали только во благо правителя, покорно подчиняясь ему[1].

Чтобы еще лучше увидеть всю схожесть этих двух режимов, стоит добавить, что существовало мнение, будто бы Наполеон своей деятельностью существенно повлиял на взгляды парагвайского диктатора. Франсиа восхищался Бонапартом. Под видом республики он создал автократическое государство, что, в сущности, сделал и Наполеон. Современники парагвайского правителя писали, что первый консул Франции был любимым героем Хосе Гаспара, и скорее всего именно поэтому сходства стран двух континентов так очевидны.

Summary

The article is devoted to the comparative analysis of the 19th century - France during the Consulate of Napoleon Bonaparte and Paraguay during the reign of Jose Gaspar de Francia.Particular attention is paid to the organization of state agencies. The main goal of the article is to identify, who had the real power, and how legislature, executive and judiciary were presented in both countries.

Key words: consulate, dictatorship, Napoleon Bonaparte, José Gaspar Rodriguez de Fransia, separation of powers.

[1] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. С. 121.

Н.А. Улитин

Идеальный правитель по Симону Боливару

«Больше всего на свете я хочу отдать свои силы для блага Венесуэлы».

Симон Боливар

О жизнедеятельности С. Боливара написано немало книг. Исторические масштабы его достижений и уникальная харизматичная личность, сверкавшая талантами политика, полководца, мыслителя, законодателя и оратора постоянно привлекают внимание философов, историков, писателей и поэтов. Полярность точек зрения, контрастность оценок – начиная восторженно-апологетическими и заканчивая уничижительно-отрицательными – относительно роли данного выдающегося деятеля отмечена во многих книгах, образующих обширную «боливариану».

Боливар мечтал о том, чтобы на развалинах огромной испанской колониальной империи образовалось одно большое латиноамериканское государство. Вместо этого на ее обломках появилась целая группа суверенных государств. Каждая из молодых стран оказалась тут же втянута в круговорот международных событий, каждой пришлось решать сложнейшие внешнеполитические задачи. В первую очередь, всем им нужно было добиться международного признания полученной независимости со стороны бывшей метрополии, а также получить дипломатическое признание «великих держав», защитив при этом свой суверенитет от внешних посягательств. Успешное решение этих задач было под силу, по твердому убеждению С. Боливара, талантливому правителю, который смог бы объединить усилия всех латиноамериканских стран, связанных общей исторической судьбой, культурой и традициями. Таким образом, первым характерным качеством идеального правителя, по мнению Боливара, была дипломатичность, или врожденное чувство дипломата.

Боливар прекрасно осознавал роль внешнеполитического фактора, свято веря в искусство международной дипломатии. Межгосударственные вопросы органично вплетены в содержание многих его декретов, прокламаций, писем и заявлений. До конца дней своих он выказывал самый живой интерес к этой

деятельности. «Если правительство захочет использовать меня на посту посланника в Мексике, я буду рад этому», – отметил он в последние годы своей жизни.

Осуществляя миссию Освободителя, которую он почитал призванием, С. Боливар сумел гениальным образом подчинить все вокруг себя достижению основной задачи – завоевания нациями континента независимости. Дипломатия национального освобождения воплотила в себе то новое, что было привнесено Боливаром в теорию и практику тогдашних и более поздних международных отношений. Небезразличны ему были и общечеловеческие интересы. «Свобода Нового Света – надежда Вселенной»[1], – декларировал Боливар, бросая дерзкий вызов монархическому альянсу Европы, который вздумал перекрыть дорогу революционной реновации общества. Оставшееся после Боливара внешнеполитическое наследие обладает непреходящим значением.

В период пребывания С. Боливара в республиканской Франции в ее столице в декабре 1804 г. произошла коронация Наполеона. Разворот от революции к империи в стране вызвал бурю негодования в мятежной душе Боливара. «Я боготворил Наполеона как героя республики, как блестящую звезду Славы, как гения Свободы…»[2], – писал он. В своем преклонении перед французским полководцем молодой креол был не одинок. Тот же Стендаль не раз говорил о восторге, пробуждаемом славой первого полководца республиканской Франции «во всех благородных сердцах». Беранже и Давид, Мицкевич и Байрон, Лермонтов и Гейне прославляли полководца. Имя Наполеона ассоциировалось у них с революцией, борьбой за свободу.

Будучи убежденным республиканцем, Боливар так и не смог простить бывшему кумиру измены. Он резко отклонил приглашение, исходившее от испанского посла, о присутствии на церемонии в Нотр-Даме и подверг Наполеона осуждении столь же решительно и окончательно, как это было сделано Руже де Лилем, автором «Марсельезы», предсказавшим в письме императору Франции бесславный его конец, а также Бетховен, который в гневе разорвал ноты «Героической симфонии» с посвящением Наполеону. «Для меня он с этого дня лицемерный тиран!» – вскричал Боливар. И обращаясь к этому

---

[1] *Bolivar S.* Obras completas. Vol. III. La Habana, 1950. P. 737.

[2] *O'Leary D.* Memorias. Vol. 27. Caracas, 1981. P. 17.

событию вновь, отметил: «Даже его слава мне представлялась исчадием ада с того момента, как Наполеон облачился в императорскую мантию»[1].

Когда Боливар встал во главе второй венесуэльской республики, на него обрушилась лавина сложных проблем и неотложных дел. Экономическая жизнь государства была полностью дезорганизована, казна правительства пустовала, а на содержание армии и дальнейшие военные действия против испанцев, которые прочно засели в Пуэрто-Кабельо, требовались немалые средства. Архиепископ Каракаса и прочие верховные иерархи святой католической церкви в своих посланиях неоднократно призывали венесуэльцев хранить верность королю Фердинанду VII. Плюс ко всему Каракас не оправился от страшного землетрясения. Внутренние районы были охвачены мятежами роялистов.

Центральная правительственная власть признала только четыре из семи провинций (Баринас, Каракас, Трухильо и Мерида). В трех провинциях на востоке (Барселона, Кумана и Маргарита) руководили командиры партизанских подразделений Мануэль Пиар, Сантьяго Мариньо и Хуан Баутиста Арисменди, которые изгнали малочисленные испанские гарнизоны. Мариньо, провозгласивший себя диктатором, с помощью Пиара, который стал его заместителем, отвергал призывы С. Боливара объединить все антииспанские сил. «Что скажут испанцы и весь мир, следящие за нашим поведением, – взывал Боливар к Мариньо, обосновавшемуся в Кумане, – и к каким выводам они придут, видя вспыхнувший огонь разногласий между братьями, которые совместными усилиями разорвали сковывавшие их цепи и смело шли навстречу опасностям в сражениях за общее дело?» Боливар прозорливо предупреждал: «Если мы создадим два независимых правительства, одно на западе, другое на востоке, мы образуем два государства, и оба они окажутся бессильными и не смогут защитить себя…»[2]. Но удачливый и тщеславный партизанский вождь не прислушался к нему.

Распад страны послужил причиной того, что вторая венесуэльская республика просуществовала всего один год (с августа 1813 по июль 1814 г.). Но даже в эти немногие месяцы в трудной обстановке неукротимая воля и энергия Боливара нашла выражение в его выдающихся способностях военного

---

[1] *O'Leary D.* Memorias. P. 15.

[2] *Bolivar S.* Obras completas. Vol. I. P. 73, 81.

руководителя и государственного деятеля. Его декреты напоминают постановления французской революционной власти периода Великой революции 1789–1793 гг. Им была осуществлена административная и финансовая реформы, а также обеспечено снабжение патриотической армии и сформировано временное правительство, в которое вошли министр внутренних дел, военный министр, министры иностранных дел и финансов, генеральный контролер. Данные посты были заняты деятелями, преданными идеалам революции 19 апреля. «В эпоху гражданской войны и внутренних революций, – утверждал Боливар, – наша административная система должна быть простой до предела. Из этого рождаются ее сила и быстрота действия»[1]. В то же время для решения наиболее важных проблем в Каракасе созывали народные ассамблеи, которые выносили свой вердикт в отношении действий правительства. И в этом проявилась еще одна черта С. Боливара как разумного правителя, который не отрицал существование демократии и, даже будучи временным диктатором, не делал попыток подменить ее тиранией.

Главным инструментом боливарской дипломатии стала юридическая и моральная сила аргументации, убеждения партнеров, мобилизации международного социального мнения, прогнозирование и понимание хода процессов на международной арене для умелого использования противоречий между ведущими державами в своих интересах. В инструкциях дипломатическим агентам С. Боливар подчеркнул необходимость ведения переговоров с зарубежными государствами «на основе полного равенства». Дипломатия национального освобождения С. Боливара, таким образом, носила этический и интеллектуальный характер. Он строил ее с использованием главным образом политических принципов и средств. Здесь проявляется еще одна черта идеального политика по С. Боливару, который должен быть умелым дипломатом.

Основываясь на своих демократических убеждениях, С. Боливар твердо отвергал освященную столетиями практику внешней политики при помощи закулисных махинаций, тайного сговора, подкупа, шантажа и использования грубой силы. Тайна в дипломатии, конечно, является ее методом и постоянно используемой формой. «Тайна есть душа договоров»[2], – писал еще в начале

---

[1] *O'Leary D.* Memorias. Vol. 13. P. 362.

[2] *Каллиер Ф.* Каким образом договариваться с государствами. Т. I. СПб., 1772. С. 199.

XVIII столетия известный теоретик международных отношений и дипломат Ф. Каллиер, чьи труды по дипломатии использовались в ряде стран. Раскрыв свои карты, в дипломатии невозможно умело лавировать, применять фактор внезапности, пользоваться противоречиями не только противников, но также партнеров-союзников. Все существенные дипломатические донесения не случайно издревле писались шифром либо отправлялись со особыми посланцами, так называемыми дипломатическими курьерами.

Боливар, будучи дипломатом и политиком, был далек от абстракции от окружавшей действительности, игнорирования реалий международной жизни своей эпохи и отказа от того, без чего не может существовать дипломатия. В то же время он гневно обличал традиционную дипломатию, сравнивая ее с мастерской, в которой тайно осуществляются разбойные войны.

По замыслу С. Боливара, Венесуэла и прочие молодые суверенные государства, появившиеся на обломках португальской и испанской колониальных империй в Америке, призваны положить начало новой дипломатии, которая основана на принципах социальной справедливости, демократии и высоких морально-этических нормах. В основу новой дипломатии следует положить отказ от захватнических войн, разрешение конфликтов посредством посредничества и переговоров, невмешательство во внутренние дела соседних государств, солидарность с народами, которые борются за освобождение от угнетения иностранных оккупантов либо собственных тиранов. Освободитель полагал, что внешнеполитические задачи Венесуэлы высокоморальны и справедливы. Поэтому ее дипломатия должна носить честный, открытый характер.

С. Боливар и прочие участники латиноамериканского национально-освободительного движения часто во всеуслышание выступали против устроенного роялистами массового террора, осуждая расправы над мирным населением в районах военных действий.

Республика Колумбия, которая была провозглашена в Ангостуре, стала первой политической реальностью. Однако это не означало полного завершения борьбы. Лишь окончательное изгнание испанских оккупантов с территории Южной Америки гарантировало независимость ее народов. Решение данной задачи требовало консолидации всех освободительных сил и новых подходов к проблемам государственного устройства. 6 мая 1821 г. в

г. Кукуте на границе Новой Гранады и Венесуэлы под председательством старейшины новогранадских патриотов А. Нариньо, который вернулся после многолетнего заключения в испанской тюрьме, начались заседания Учредительного конгресса Колумбии. Боливар выступал за создание сильного централизованного государства. Ему противостояли федералисты, которые отражали интересы латифундистов, стремившихся сохранить в неприкосновенности свое влияние на местах и привилегии. В конечном счете после острой борьбы дело закончилось вынужденным компромиссом по ряду вопросов, что отразилось в Основном законе, утвержденном 30 августа 1821 г.

Принятая Конституция провозгласила полную и безусловную независимость страны от Испании и установила на основе принципов унитаризма строгую централизацию власти. Территория республики делилась на департаменты, которые подразделялись на провинции, а последние – на кантоны. Вся полнота законодательной власти вручалась двухпалатному конгрессу, а исполнительной – президенту. Судебная система была независимой и осуществляла контрольные функции. Государственный совет при президенте в составе вице-президента, одного члена Верховного суда и пяти министров выполнял функции правительства.

Во имя достижения победы и мобилизации народных сил он широко использовал политические и социально-экономические факторы. Им были изданы декреты о конфискации собственности у сторонников испанской короны и распределении ее между солдатами и офицерами освободительной армии, об отмене подушного налога с индейцев и передаче в их личную собственность общинных земель, о защите гражданских прав индейцев и др. Под знамена Освободителя стекались городские низы, крестьяне, пастухи, бывшие рабы. В освободительной армии царил дух интернационального сотрудничества. Плечом к плечу сражались креолы, мулаты, метисы, индейцы, негры и несколько тысяч добровольцев из многих стран мира. На труднейшем этапе национального формирования Боливар возглавил свой народ и привел его к победе. Он отчетливо осознавал источник своей силы. «Моя вера в народ в десять тысяч раз сильнее доверия к его депутатам, – говорил Боливар. – Суверенная воля народа является единственной законной основой государственной власти»[1]. При этом он не идеализировал народные массы и не

[1] *Bolivar S.* Obras completas. Vol. II. P. 482, 1229.

раз с горечью говорил об их забитости, пассивности, безрассудной вере, способности поддаваться влиянию демагогов.

Симон Боливар не только мечтал об освобождении от испанцев, но и грезил новым политическим устройством континента. Огромный его авторитет позволил объединить нынешние Колумбию, Венесуэлу, Эквадор и Панаму в гигантскую Великую Колумбию, президентом которого и был некоторое время Боливар. Но политика не для поэтов, и не удивительно, что просуществовав несколько лет, Великая Колумбия начала разваливаться. Симон сместил вице-президента Сантандера и в 1828 г. объявил себя диктатором. Но уже вскоре столкнулся с серьёзными проблемами. Несмотря на то, что идеалом Симона Боливара была свобода и законность, в своих руках он сосредоточил власть настоящего диктатора. И все же Боливар поощрял создание конституционных правительств, строительство новых школ и освобождение рабов. Но со временем каждое из государств, входивших в состав новой республики, потребовало для себя независимости. Великая Республика Колумбия распалась.

«Только настоятельная необходимость вкупе с повелительным требованием Народа заставила меня выполнять внушающие страх и опасения обязанности диктатора, верховного правителя Республики. Но я вздохнул с облегчением, возвратив вам эту власть, которую с таким риском, с таким трудом и такими страданиями мне удавалось осуществлять при всех тех чудовищных потрясениях, какие только могут выпасть на долю общества»[1].

Итак, идеальный правитель виделся С. Боливару следующим:

1) не диктатор;
2) республиканец;
3) верховный правитель – не более чем простой гражданин, подчиняющийся воле Законодательного собрания (Конгресса);
4) конституционалист;
5) федералист;
6) демократ;
7) просвещенный гуманист.

---

[1] *Боливар С.* Речь в Ангостуре // URL: http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/latinamer1/bolivar10.htm.

Насколько С. Боливар сам соответствовал своим идеалам? Думается, что вполне соответствовал. Да, ему пришлось возложить на себя бремя диктатуры, но то был оправданный шаг, с учетом политической и военной обстановки в республике. К тому же он сам, без принуждения, отказался от полномочий диктатора, в отличие от своего кумира, Наполеона Бонапарта.

Г.А. Филатов

Мануэль Фрага Ирибарне и испанский закон о печати 1966 года: подготовка и принятие

В истории Испании периода Франкизма особое место занимает личность министра информации и туризма Мануэля Фраги Ирибарне. Именно с его именем связаны разработка и принятие закона о печати 1966 года, который стал вехой в истории франкистского режима. И несмотря на то, что закон оказался достаточно противоречивым, среди историков он воспринимается как межевой камень, открывший новый этап в истории не только испанской журналистики, но и с страны в целом.

Ключевые слова: Испания, Фрага, Франкизм, пресса, 1966, Франко.

В истории Испании периода франкизма особое место занимает личность Мануэля Фраги Ирибарне – министра информации и туризма с 1962 по 1969 гг. Именно с его именем связана разработка и принятие закона о печати 1966 г. Этот шаг стал одним из важнейших этапов либерализации франкистского режима, так как он освободил печать от цензурного контроля, введенного еще во время гражданской войны. Особый интерес представляет комплексная работа не только над самим законом, но и подготовка благоприятной почвы для его принятия, проведенная министром информации. Сам по себе закон оказался довольно противоречивым. Его критиковали и оппозиционеры как недостаточно прогрессивный, и сторонники режима, считавшие закон слишком либеральным. Однако среди историков он воспринимается как межевой камень, открывший новый этап в истории не только испанской журналистики, но и страны в целом.

До 1966 г. СМИ в Испании в течение почти 30 лет регулировал закон 1938 г. В нем отразилось новое понимание задач и роли СМИ, свойственное тоталитарным государствам. Новое государство отбрасывало концепцию СМИ как четвертой власти. Теперь пресса должна была «Передавать государству голос нации, а нации передавать распоряжения и приказы Государства и его

Правительства»[1]. По словам республиканского журналиста Эдуардо Де Гузмана этот закон «стал самым жестким и кровожадным из всех тех, что существовали раньше в Испании или другой западноевропейской стране»[2].

Однако постепенно закон, принятый во время гражданской войны, терял свою актуальность. Менялись обстоятельства. Закончилась гражданская, вторая мировая война, к концу 50-х годов страна вышла из международной изоляции. Режим переориентировался на страны западного блока.

В связи с этим встал вопросы и о смягчении позиции в отношении прессы. Первые предложения по новому закону были сделаны еще предшественником Фраги Ирибарне на посту министра информации и туризма. Однако его предложения были отвергнуты Франко, так как закон получался слишком общим[3]. Да, и сам министр казался не очень энергичным[4], что признавал сам Франко в своих беседах со своим двоюродным братом. Не нравилось каудильо и то, что он «забюрократизировал» министерство, а «пропаганду превратил во что-то вялое и механическое»[5].

Для исправления положения на пост министра информации был назначен энергичный и молодой Мануэль Фрага Ирибарне. Уже через несколько дней после вступления в должность в июле 1962 года Франко принял нового министра. Он поставил перед ним задачу – создать «хороший закона о прессе»[6]. Однако на пути разрешения этой проблемы стояло множество сложностей. Приступая к этой работе, Фрага отмечает для себя следующие проблемы:

Первое, страна в течение 26 лет жила без свободной прессы. Гражданская война, затем мировая и последовавшая за ней международная изоляции только усугубили положение. Так, например, существовала двойная цензура. В некоторых случаях, материалы, уже прошедшие цензоров, отправлялись на дополнительную проверку в МИД. Причем сложилась традиция, считать отсутствие какого-либо ответа МИДа, отрицательным ответом и поводом к тому, чтобы не пропустить материал.

---

[1] Boletín Oficial del Estado № 550. 24.04.1938. P. 6940 .

[2] *Guzmán E.de.* Historia de la Prensa. Madrid, 1982. P. 362.

[3] *Iribarne F.M.* Memoria breve de una vida pública. Barcelona, 1980. P. 29.

[4] Franco Salgado-Araujo: Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976. P. 344.

[5] Franco Salgado-Araujo. P. 349.

[6] *Iribarne F.M.* Memoria breve de una vida pública. P. 37.

Второе, скорость проведения реформы. Одним из сложнейших вопросов для любого реформатора это то, с какой скоростью проводить в жизнь изменения. Причем, универсального ответа на это не существует. Критика шла с двух противоположных флангов. С одной стороны, сторонники сохранения ситуации, обвиняли Фрагу в том, что он своими действиями ослабляет государство. С другой - его предложения критиковали, как недостаточные, а скорость их претворения в жизнь, как слишком медленную.

Однако Фрага несмотря на все возражения, придерживался изначально выработанного для себя плана. Его он изложил теневому министру правительства Франко Лопес Родо. Тот считал, что нужно либо отменять цензуру полностью и сразу, либо вообще этого не делать. Фрага же предложил альтернативу. Сначала постепенно снимать давление на прессу, избавлять ее от чрезмерной опеки, чтобы люди постепенно привыкали к новому положению. Причем как сами журналисты, так и различные чиновники. А затем подготовить и принять серьезный и хороший закон, который бы было очень тяжело отменить.

В самом начале своего пребывания в должности министра Фрага (назначен на этот пост в 1963 г.) смог внести незначительные, на первый взгляд, послабления в закон 1938 г. Но они позволили выйти в свет таким либеральным (насколько это было возможно в Испании того времени) аналитическим журналам, как «Atlántida», «Cuadernos para el Diálogo» и «Revista de Occidente». Их появление, по замечанию историка Г.И. Волковой, стало «межевым камнем» в истории испанской прессы, так как именно с них начинается современный этап журналистики Испании, которая до этого (с 1938 г.) выполняла роль «рупора режима»[1].

Одной из самых серьезных проблем для Фраги было внутреннее противостояние между группами министров. Интересно отметить, что подавляющее большинство в правительстве, в которое входил и Фрага, составляли реформаторы. В нем почти не было представителей радикальных фалангистских сил. Однако члены кабинета по-разному видели ход этих реформ. В частности, Лопес Родо, отец испанского экономического чуда, считал, что первоочередными должны быть экономические преобразования. По его словам, сначала ВВП на душу населения достигнет 1 тыс. долларов в год, а

[1] *Волкова Г.И.* Политическая история Испании XX века. М., 2005. С. 76–80.

потом можно будет начать демократизация[1]. В этом его поддерживали другие министры технократы. В то же время Фрага и его сторонники говорили о необходимости постепенных политических реформ уже сейчас. И Закон о прессе был одним из важнейших шагов в этом направлении. Однако перед этим Фраге пришлось сделать многое для того, чтобы, в соответствии с его идеей о постепенном проведении реформы, закон был принят как обществом, так и косной бюрократией, привыкшей жить в условиях жесткого контроля над прессой. Одним из интересных новшеств стал «Пресс Клуб», который организовывал пресс-конференции министров и других высокопоставленных чиновников, фуршеты, на которых встречались с журналистами. Все это, по мысли Фраги, должно было стать новым рычагом более открытой политики в отношении СМИ.

Параллельно работе над законом Фрага исполнял еще и множество других обязанностей, в том числе и по проведению различных пропагандистских компаний режима. Так, он стал организатором грандиозных торжеств посвященных 25-летию окончанию гражданской войны. При этом необходимо обратить внимание на формулировку названия праздника, в котором подчеркивались стабильность и мир, которые принесли 25 лет правления Франсиско Франко. Именно Фрага рекомендовал сценарий фильма «Франко – се человек!», который даже самому каудильо пришелся не по нраву из-за своей помпезности[2]. Он же организовал компанию, которая должна была оправдать в глазах испанцев казнь в 1963 г. Хулиана Гримау члена компартии Испании, обвиненного в том, что во время гражданской войны, он, как глава ЧЕКА Барселоны пытал и казнил людей.

Однако главным его детищем был закон о Прессе. Последнее слово оставалось за Франко и он его произнес: «Я не верю в эту свободу, но это шаг, на который нас вынуждают многие важные доводы. И, с другой стороны, думаю, что если слабые правительства начала века могли править при свободе печати, в пучине той анархии, то мы тоже сможем»[3]. В результате в 1966 г. после многочисленных согласований, закон был все-таки принят.

---

[1] *Lopez Rodo L.* Memorias. Barcelona. P. 311.

[2] *Пожарская С.П.* Франсиско Франко и его время. М., 2007. С. 290.

[3] *Iribarne F.M.* Memoria breve de una vida pública. P. 144–145.

Новый закон оказался достаточно противоречивым. С одной стороны: в первой статье он гарантировал свободу выражения мнений и право на распространение информации, в третьей он отменял предварительную цензуру (ст. 3), заменяя ее «добровольной консультацией» (ст. 4). С другой - власть оставила себе способы контролировать издания. Так, редактор каждого журнала должен был предоставлять определенное количество экземпляров напечатанного издания до его поступления в продажу (ст. 12). Закон давал право центральной и местной администрации конфисковать весь тираж, но только по постановлению суда (ст. 64). Власть не вмешивалась в назначение редакторов, но ими могли становиться только профессиональные журналисты, т.е. лица, внесенные в официальный регистр (ст. 35)[1].

В прессе сразу была развязана компания по поддержке этого режима. Этот закон выставляли как одно из важнейших достижений режима: «Закон, который регламентирует одно из неотъемлемых прав человека, который конкретизирует и юридически структурирует свободу слова в соответствии с духом времени, является важным шагом и отмечает новый рубеж по укреплению нашего режима»[2]. Для доказательства необходимости этих изменений газета «ABC» приводит слова Фраги. Он в своем выступлении перед Кортесами, объясняя необходимость этого закона, ссылался на авторитет католической церкви: «Доктрина, которая была вдохновлена Вторым Ватиканским собором, признает, что защита „настоящей и справедливой свободы информации" просто необходима современному обществу для его успешного развития»[3]. Не обходит вниманием газета в своей статье и причину, по которой этот закон невозможно было ввести ранее: «Война за Национально Освобождение (Гражданская война – *Г. Ф.*), и последовавшая за ней Вторая мировая война, и бесчестная блокада, которая сопровождалась невероятной кампанией систематического очернения Испании и ее институтов, вынуждали бдительно следить за всеми сферами жизни страны, в том числе и в области информации»[4].

---

[1] España-Leyes y ordenzas.Legislación de prensa, información publicidad. M., 1975. P. 25–27. Цит. по: *Sinova J.* La difícil evolución de la prensa no estatal// Historia de los medios de comunicación en España. Barcelona, 1989. P. 83.

[2] ABC. 1966. 16 de marzo. P. 33.

[3] ABC. 1966. 16 de marzo. P. 35.

[4] ABC. 1966. 16 de marzo. P. 35.

После вступления в силу этого закона в свет вышли такие издания, как «Triunfo» и «Cambio 16» — оппозиционные по меркам того времени журналы, которые, по мнению испанского историка Хавьера Туселя, сыграли важную роль в подготовке общества к переменам[1]. Наибольший интерес среди них представляет «Cambio 16». Название отображает структуру и стремления этого издания. Его основу составили 16 журналистов, ставшие символом начала перемен. Появившись в 1971 г. как еженедельный журнал, это издание предоставляло читателям различную информацию, но главной изюминкой стали статьи о политике. Новые издания сразу же начала вытеснять партийную («Arriba») и профсоюзную прессу («Pueblo»), которая не могла приспособиться к новой ситуации. С каждым днем они теряли все большее количество читателей и к концу 70-х гг. прекратили свое существование[2].

Однако надо понимать, что по меркам современности этот закон нельзя считать демократическим. Так, уже во второй статье свобода подвергалась серьезным ограничениям. Провозглашалась необходимость «уважение истины и морали, почитание закона о принципах Национального движения и других основных законов, требования национальной обороны, безопасности государства и поддержания внутреннего общественного порядка и внешнего мира, должное уважение к институтам и лицам и критике политической и административной деятельности». В результате под эти ограничения могли попасть почти любые темы, поэтому ни один журналист не мог чувствовать себя в полной безопасности, так как все зависело от интерпретации закона властями.

В печати в первые годы действия закона появилось более 129 публикаций оппозиционного характера[3]. В то же время за первые два года действия закона против изданий было применено более 339 судебных санкций. В основном штрафы. Также по решению суда, можно было приостановить выход издания на некоторый срок. Так, в 1975 году на 4 месяца приостановили выпуск юмористического журанал «El Papus».

---

[1] *Tusell J.* Historia de España. M., 1998. P. 759.

[2] *Fuentes A.* Historia del periodismo español. Prensa, política y opinión pública en la España Contemporánea. M., 1997. P. 75.

[3] *Гранцева Е.О.* Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М. 2004. С. 110

Несмотря на все эти противоречия, закон стал реальным элементом постепенной либерализации политической жизни страны 60-х гг. Все противоречия, которые существовали в нем, можно объяснить условиями диктаторского режима. Автора закона Мануэля Фраги Ирибарне, проводить реформы постепенно, без резких движений, чтобы находящиеся у власти силы, постепенно привыкали к новым условиям открытости. Эта постепенность реформ стала важным опытом, который усвоила испанская политическая элита. Этот опыт пригодился испанской общественности уже после смерти Франко, когда различные группы смогли договориться о совместном демонтаже режима и постепенном переходе от диктатуры к демократии.

Summary

Manuel Fraga Iribarne head of ministry of Turism and Information played an exepcional role during the period of Francoism in Spain. He was the author and the key person in the elaboration and acceptance of the press law of 1966, which was a milestone in the history of Spain of the XXth century. Besides its contradictoriness among the historians this law is seen as a new point not only in history of the Spanish media but also as a new step in a history of a hole country,

Key words: Spain, Fraga, Francoism, press, 1966, Franco.

А.С. Фищенко

Правовое положение Русской православной церкви в XVI–XVII вв.

Статья посвящена изучению эволюцию правового положения Русской православной церкви в XVI–XVII вв. Кроме того, рассматривается роль личности правителя в данных изменениях, путем анализа нормативно-правовых актов эпохи московского царства, включающих в себя нормы, закрепляющие права и обязанности Русской православной церкви в данный период. Особое внимание уделяется тому, какие существуют источники, раскрывающие права и обязанности церкви в период XVI–XVII веков, как именно изменилось её правовое положение. Кроме того, какие факторы оказали влияния на эволюцию прав и обязанностей Русской православной церкви, и какую роль занимает в этом процессе такие личности как Иван IV и Алексей Михайлович.

Ключевые слова: церковь, правовое положение, церковная юрисдикция, церковный суд, Стоглав, Соборное уложение 1649 г.

Церковь с момента ее создания играла важную роль в становлении и развитии государственности России. Она оказывала влияние на различные сферы общественной жизни. Большой вклад церковь внесла в культуру и искусство. Также, на протяжении веков Русская православная церковь

принимала активное участие в политической сфере общества. Своим авторитетом духовная власть поддерживала светских правителей, оказывала влияние на принятие ими определенных решений и объединяла народные массы. Актуальность темы обусловлена возникновением особого интереса к Русской православной церкви, а также необходимостью восполнения, существующего пробела в российской науке, связанного с историей правового положения церкви в данный период. Не смотря на обилие литературы, посвященной истории русской православной церкви, её правовое положение в XVI–XVII вв. не является полностью раскрытым. Изучение данной темы поможет оценить роль церкви в жизни общества и государства в эпоху московского царства и выработать наиболее верную для российского государства политику в отношении Русской православной церкви.

Непосредственной целью исследования является изучение нормативно-правовых актов эпохи московского царства, включающих в себя нормы, закрепляющие права и обязанности Русской Православной Церкви в XVI–XVII вв. и сделать выводы о эволюции её положения. Рассматриваемый в статье период начинается с начала правления Ивана IV, т.е., с 1533 г., включает в себя правление первых Романовых и заканчивается обретением власти Петром I.

При написании статьи использовались труды таких авторов, как митрополит Макарий (Булгаков), являющийся духовным деятелем, историки преимущественно, занимавшиеся историей Русской православной церкви: П.В. Знаменский, Н.Д. Тальберг, профессор церковного права М.И. Горчаков. Основным же источником послужили нормативно-правовые акты.

Правовое положение церкви на протяжении XVI–XVII веков претерпело значительные изменения. Под правовым положением понимается юридическое закрепление положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе прав и обязанностей.

С момента принятия христианства на Руси начинается постепенное развитие правового положения Русской православной церкви. Законодательство на Руси в её отношении основывалось на юридических началах, выработанных в Византии. Кроме того, князья стали расширять юрисдикцию православной церкви посредством уставов[1].

[1] *Горчаков М. И.* Монастырский приказ (1649–1725 г.). СПб., 1868. С. 11.

Особое внимание привлекают положение церкви в период зависимости Руси от Золотой Орды. По мнению Е.Н. Алдашовой и А.Н. Аладшова, в период ордынского нашествия на Русь церковь преобразовалась в мощное идеологическое начало объединения русских земель [1]. Более того, она становиться крупным землевладельцем.

Особое внимание необходимо уделить характеру взаимоотношений между Русской православной церковью и Золотой Ордой. Во время ордынского ига духовенство русской церкви получало особые льготные грамоты — тарханные ярлыки. С.А. Нефедов замечает, что «монголы проявляли уважение к священнослужителям всех религий и даровали им привилегии — в том числе и освобождение от дани»[2]. Завоеватели не принуждали к смене веры. Причину этого П.В. Знаменский видит в том, что в Орде даже не было господствующей религии, а религиозная толерантность предписывалась Ясой Чингисхана [3]. Привилегии, предоставляемые ханом, оказали большое влияние на рост авторитета Русской православной церкви на Руси. Она превращается в государство в государстве.

И.А. Исаев считает, что церковь в XV веке «была важным фактором в процессе объединения русских земель вокруг Москвы и укрепления централизованного государства. В новой системе она заняла соответствующее место» [4]. Одновременно с этим появляются тенденции перехода многочисленных земель под власть правителя. Также происходит разграничение юрисдикция церкви и государства Судебниками XV и XVI вв.

Науке известны разнообразные источники прав и обязанностей церкви указанного периода: Стоглав, Соборное уложение 1649 г. и акты земских соборов. Необходимо обратить внимание на такие из них, как Стоглав и Уложение 1649 г.

Стоглав — это сборник постановлений церковно-земского собора, состоявшегося в Москве в 1551 г., и получившего впоследствии название «Стоглавый». Изначально сборник не именовался «Стоглав». В тексте правового памятника упоминаются такие наименования, как «соборное

---

[1] *Алдашов А. Н., Алдашова Е. Н.* Защита церкви в российском законодательстве конца XV- первой половины XVII в // История и современность. Вып 1. Волгоград, 2010. С. 100.

[2] *Нефедов С. А.* История России: факторный анализ. М., 2010. Т 1. С. 161.

[3] *Знаменский П. В.* История Русской Церкви: Учебное руководство. М., 2000. С. 72.

[4] *Исаев И. А.* История государства и права России: Учебник. М., 2004. С. 164.

уложение» или «царское и святительское уложение». При редактировании документ был разбит на сто глав, «вероятно, в подражание царскому Судебнику 1550 года» [1]. Данное деление и стало причиной закрепления за сборником названия «Стоглав». Само деление памятника является условным. Более того, многие списки оканчиваются не сотой, а сто первой главой. В принятии правового акта помимо духовенства и служилого сословия участвовал сам царь. На этот факт указывает то, что акт содержит царские вопросы, авторство которых согласно тексту признается за Иваном IV. В целом, правление Ивана Грозного стало значительным периодом в деятельности государства и церкви. Многочисленные реформы, проведенные в 50-е гг. XVI в., затрагивали большинство существовавших тогда сфер общественной жизни и оказали огромное влияние на дальнейшее развитие государственности в России. Внимания царя привлекла и церковь. Активность правителя в отношении нее была связана в первую очередь со стремлением к абсолютизации своей власти. Иван Грозный пытался, во –первых, заручиться поддержкой со стороны церкви в проводимых им реформах, и во –вторых, дополнить эти централизаторские мероприятия соответствующими реформами в церкви, придав последним государственный характер. Кроме того, царь намеревался провести секуляризацию многочисленных церковных земель как и некоторые из его предшественников. Данные стремления нашли непосредственное отражение в правовом памятнике.

Принятие Стоглава было направлено на регламентацию отношений в духовной сфере. Положения, содержавшиеся в нем, относились преимущественно к церковному праву и внутрицерковным отношениям. Значительное место занимали вопросы о вотчинах монастырей и епископов. Кроме того в нем содержались положения, относящиеся к светскому праву.

Что касается источников Стоглава, в нем собраны и систематизированы все нормы действующего права Русской церкви. Одним из них является Библия, но её влияние не определяющее. В составлении правового памятника использовали также Кормчие и книги историко-нравоучительного содержания. Однако основным источником является церковная практика.

---

[1] Российское законодательство X–XX: В 9 тт. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 242.

Соборное уложение 1649 г. – первый в истории России систематизированный закон. По этой причине в литературе он часто носит название кодекс, но это юридически неверно. Уложение охватывает все существовавшие тогда сферы общественной жизни. Систематизация правовых норм в Уложении 1649 г. является достаточно совершенной для XVII в. Впервые закон имеет деление на главы в зависимости от тематики, а главы делятся на статьи со специфическим сюжетом нормирования.

Необходимость разработки такого документа особо проявилась в правление царя Алексея Михайловича в связи с обострениями классовой борьбы, противоречиями, имевшимися в классе феодалов. Также между ними и городским населением. Кроме того, появились стремления упорядочить законодательство, собрать его в единый документ, устранить имевшиеся в законах противоречия. Что касается церковной сферы, с вступлением на престол в 1645 г. второго представителя династии Романовых назрела необходимость юридического определения полномочий государства и церкви. Более того, законодательного закрепления приоритета светской власти на церковной в связи с возросшими тенденциями централизации государства.

Соборное уложение - итог длительного становления русского права. Уложение опиралось на все предшествующее законодательство. Для составления акта использовались указные книги приказов и указы царя. Не малое влияние оказали приговоры думы, решения земских соборов и судебники. Кроме того, Литовский Статут также выделяется как один из источников. Кроме вышеперечисленных существуют и другие источники, послужившие основой для данного правового акта Московского царства.

Соборное уложение 1649 г. явилось отражением проблем общественной жизни середины XVII в. Для социальной и политической жизни общества уложение имело огромное значение, т. к. окончательно юридически закрепило крепостное право.

В области судебной юрисдикции постановления сборника были направлены на развитие и укрепление святительского суда, в ведение которого передавались, помимо духовных, гражданские дела духовенства. Исключение составляли уголовные правонарушения. Однако и в этих делах первые действия суда до снятия сана с виновного принадлежали духовным властям. Данное

разделение было проведено ранее Судебником 1497 г., но более точное разграничение произошло при Иване IV.

Закреплялась неприкосновенность церковных судов от вмешательства светской власти. Мирские судьи и правители, вторгающиеся в церковные дела осуждаются Стоглавом (гл. 54). В одной из последующих глав закрепляется незыблемость этой нормы. Устанавливается и детально расписывался сам процесс судопроизводства святительского суда. Кроме того, рассматривается устройство святительского и десятинного судов.

Был решен вопрос, касающийся несудимых грамот, которые, по мнению П.В. Знаменского, производили большую путаницу в церковном суде[1]. На основании их братия, т. е. совокупность всех живущих в одном монастыре монахов, а также монастырские крестьяне судились у настоятелей, которые подчинялись не только епархиальной власти, но и суду самого царя. Многие монастыри выпрашивали несудимые грамоты, желая добиться обособления, а также освобождения от поборов со стороны архиерейских чиновников. Согласно собору данные грамоты вступают в противоречие с существующими «священными правилами», и по этой причине их необходимо отменить.

В сфере частноправовой юрисдикции Стоглав закрепляет неприкосновенность церковного имущества. В отношении земельных владений эта привилегия обосновывалась приложением двенадцатого и тринадцатого правил вселенского закона (гл. 75). Также, в одной из глав помещена так называемая «Заповедь царя Мануила Комнина». В случае, если «церковная стяжаниа и пошлины изобидимы» будут от царских наместников и судей, они подлежат отлучению от службы и лишению чина.

Стоглав запрещает строить лишние церкви, содержание которых не могло быть обеспечено средствами их строителя. Это явилось следствием проблем финансового обеспечения церквей, вызванные неправильным распределением приходов, которое было не соразмерно с числом населения. Также воздействие оказывало и размножение самого духовенства. Вследствие бедности приходов и излишка духовенства появились бродячие (перехожие) попы. Обладая ставленными и перехожими грамотами, они переходили с места на место, нанимаясь служить при церквях от одного до двух лет. В городах они даже сформировали класс кресцового духовенства. Собор постановил построить для

[1] *Знаменский П. В.* История Русской Церкви. С 139.

таких представителей духовенства на крестице поповскую избу, чтобы они не стояли для найма на улице, и посадить в ней для надзора за ним поповского старосту. Также среди перехожего и кресцового духовенства были люди, не обладавшие грамотами. По этой причине Стоглавый собор вынес решение о строгом досмотре грамот у таких лиц.

В фискальной сфере в отношении сборов с духовенства Стоглав восстановил ставленные пошлины[1]. Также устанавливались и закреплялись размеры отчислений в пользу епархии. Их увеличение было запрещено.

В отношении судебной юрисдикции церкви преступления против религии оставались в её ведении. Однако все остальные дела были переданы на рассмотрение гражданским судам, а церковь потеряла доходы в виде судебных пошлин. Кроме того, акт предусматривал создание такого государственного органа как Монастырский приказ (ст. 1 гл. 13). Одной из его основных функций было осуществление суда над духовенством. Вследствие этого, церковь лишилась своей самостоятельности в судебно-гражданских делах. Однако, существовали исключения. Патриарх обладал правом судопроизводства по отношению к указанным Уложением лицам, суд производился им лично на патриаршем дворе. Данное исключение указывало на возможность независимости от светского суда, а также напоминало о прежней самостоятельности церкви в гражданских делах. Однако актом предусматривалась возможность обжалования решений патриаршего суда в государственных судах.

Интересно то, что Уложение не отрицает, не отменяет прежних законных оснований судебно-гражданской власти духовенства прямыми постановлениями. Между тем косвенным образом эта власть уничтожалась[2].

Ранее попытка рассматривать судебные дела между духовными лицами светской властью воспринималась как вмешательство в дела церкви. Теперь эти действия приобрели законный статус. Таким образом, с созданием Монастырского приказа подсудность духовенства и подвластных ему лиц

---

[1] *Знаменский П. В.* История Русской Церкви. С. 140.

[2] *Золина И. И.* Правовое положение церкви по Соборному уложению 1649 г // Закон и правопорядок в современном обществе. Вып. 11. Новосибирск, 2012. С. 152.

почти полностью перешла в юрисдикцию государственной судебно - гражданской власти.

В административной сфере также произошли ограничения юрисдикции церкви. В непосредственном управлении патриаршего двора оставалась только патриаршая область. Все другие территории церкви передавались под управление Монастырского приказа, а следовательно, попадали в систему государственного управления.

В фискальной сфере изменялся правовой статус жителей «белых слобод». Ранее они были освобождены от уплаты государственных налогов, но Соборное уложение изменило этот порядок (ст. 1 гл. 19). В результате этого церковь лишилась своих податных привилегий. Исключение было сделано только для некоторых патриарших слобод.

В частноправовой сфере земли, находившиеся во владении церковных учреждений, выгодные для ведения ремесленной и торговой деятельности также отбирались (ст. 5 гл. 19).

В отношении влияния католицизма на Русскую православную церковь многие положения устанавливали её защиты.

К XVI в. правовое положение церкви было расширено. Русская православная церковь обладала набором привилегий, ее юрисдикция расширялась, что было связано со стремлением Ивана IV заручиться ее поддержкой. Однако в середине XVII в. данные права стали ограничиваться. С вступлением на престол Алексея Михайловича Романова назрела необходимость юридического определения полномочий государства и церкви. Более того, законодательного закрепления приоритета светской власти над церковной в связи с возросшими тенденциями централизации государства. В дальнейшем данные тенденции в правление Петра I привели к преобладанию влияния светской власти над духовной в результате создания Святейшего Синода. Можно сделать вывод, что такие личности, как Иван IV и Алексей Михайлович внесли огромный вклад в истории России в целом и в историю Русской православной церкви.

Summary

The article is devoted to evolution of a legal status of the Russian orthodox church from the XVIth to the XVIIth centuries. Also it examines the role of the person in this changes by analyzing the legal acts of Tsardom of Muscovy, which include a norm promoting the rights and

responsibilities of the Russian orthodox church in this period. Special emphasis is paid to legal sources, which reveal the rights and obligations of the church from the XVIth to the XVIIth centuries, how its legal status changed. Besides the article determines the factors influenced the evolution of the rights and responsibilities of the Russian orthodox church and the role such persons as Ivan IV and Alexey Romanov in this process.

Key words: church, legal status, church jurisdiction, church court, The Book of One Hundred Chapters, The Sobornoye Ulozheniye of 1649.

Д.И. Чистякова

Два автора «Нового курса»: Ф.Д. Рузвельт и Ж.Д. Варгас.

Статья представляет собою сопоставление деятельности лидеров двух страх, США и Бразилии, Франклина Делано Рузвельта и Жетулио Дорнелиса Варгаса, направленной на ликвидацию последствий Мирового экономического кризиса. Статья имеет целью выявить сходства в экономических и социальных преобразованиях в США и Бразилии посредством анализа законодательных актов обеих стран за период с 1930 по 1936 годы, а также ответить на вопрос о том, была ли программа Рузвельта так самобытна, как принято верить.

Ключевые слова: Рузвельт, Варгас, «Новый курс», Мировой экономический кризис 1929-1933, антикризисная правовая политика, бразильско-американские отношения.

Новый курс — суть то явление, изучению которого огромное множество авторов посвящало свою жизнь. Не всякий исторический период удостаивался такого пристального рассмотрения и такого количества исследовательских работ.

Взгляды на Новый курс противоречивы. Большинство исследователей все же относится с благоговением к Франклину Делано Рузвельту как к спасителю, а к его программе как к «манне небесной» для страны. Однако существуют и те, кто считает Новый курс не более, чем «кривой дорожкой». Подобная группа исследователей менее многочисленна, но доводы, приводимые ими против Рузвельта, не менее убедительны и подкреплены фактами, чем доводы в его поддержку.

Однако цель данной статьи не состоит в проведении нового анализа преобразований Рузвельта; она — в сопоставлении его реформ с реформами другого политического деятеля, не менее яркого, но менее известного, современника Рузвельта, президента Бразилии, Жетулиу Дорнелиса Варгаса.

Выбор данной темы не случаен и базируется на том факте, что во многом наблюдается сходство между политикой Варгаса и политикой Рузвельта, в особенности на начальном этапе правления того и другого.

Первоначально, для более полного понимания темы, необходимо дать краткую политическую биографию каждого из деятелей.

Жетулиу Дорнелиса Варгаса по праву можно назвать одним из самых ярких и интересных правителей в истории Бразилии. Подобный тезис более чем убедительно может быть доказан некоторыми фактами биографии Варгаса.

В 1930 г. закончился срок полномочий президента от штата Сан-Паулу Вашингтона Луиса; согласно укоренившейся политике «кофе с молоком», следующим занять пост должен был представитель штата Минас-Жераис, но Луис, вопреки данной практике, назначил своим преемником Жулио Престеса, тоже от штата Сан-Паулу. На пост президента был выдвинут и Жетулиу Варгас, представитель организации, получившей название Либерального альянса (политический блок крупной и средней буржуазии). Надо сказать, что Либеральный альянс выработал крайне привлекательную для всего бразильского населения программу. В частности, в своем предвыборном манифесте Варгас заявлял, что «Либеральный альянс выступает за примирение всех бразильцев и амнистию, за прямое и действенное участие народа в выборе своих депутатов, за уважение конституционных свобод и законов, ... за экономическое и финансовое укрепление страны путем увеличения производства, ... за улучшение деятельности государственного аппарата путем повышения ценности рабочих рук и создания более суровой дисциплины при взимании и расходовании государственных средств»[1]. Жулио Престес же открыто выступал за полное следование политике своего предшественника и за безусловную поддержку кофейного производства Сан-Паулу, то есть за поддержку олигархии.

Все же несмотря на всю привлекательность программы Варгаса, на выборах 1 марта 1930 г. победу одержал Престес, причем со значительным перевесом. Однако вступить вполне в свои права ему так и не удалось. Новое правительство оказалось не в силах урегулировать кризисную ситуацию в стране, вызванную Великой депрессией, что инициировало беспрестанные стачки рабочих и антиправительственные выступления. 24 октября 1930 года

[1] *Silva H.* O siclo de Vargas. Rio de Janeiro, 1963–1969. Vol. 1–5. P. 62.

после восстания пехотного полка в Сан-Паулу власть захватила военная хунта, а спустя 10 дней добровольно передала полномочия временного президента Жетулиу Варгасу.[1] С этих пор можно говорить о начале в Бразилии Эры Варгаса.

Уже в первое время своего правления Варгас дал понять, что его демократические лозунги призваны были так и остаться лишь лозунгами. Он отказался от проведения земельных реформ в пользу крестьян, а рабочим вопросом занимался неохотно. Варгас поддерживал крупную буржуазию и опирался на нее; несмотря на свершившееся восстание в Сан-Паулу все же пытался заключить альянс с паулистской кофейной олигархией. В этот период деятельность Варгаса была направлена в большинстве своем на экономическое стимулирование и преодоление последствий мирового кризиса. Большое значение имела политика национализации экономики.

В 1934 г. формально оканчивался президентский срок Варгаса, а действующая конституция не предусматривала его переизбрания. Поэтому он решился на экстраординарный шаг – принятие новой конституции.

Конституция 1934 г. явилась самой демократичной конституцией из всех существовавших на тот момент в Бразилии, она была принята всенародным голосованием и одобрена народом. Конституция предусматривала широкий спектр прав и свобод, в частности предоставляла избирательное право женщинам. Однако можно утверждать, что в целом конституция носила чисто декларативный характер. Все более и более очевидным становилось движение Бразилии по направлению к фашистской идеологии; это проявлялось в усилении позиций бразильского фашистского движения (интегралистов), в началах корпоративизма, заложенных в самой конституции 1934 г., в попирании враждебной интегралистам коммунистической партии и проч.

В 1938 г. Варгас должен был бы покинуть президентский пост, согласно конституции 1934 г., но в 1937 г. он провозгласил в стране чрезвычайное положение и принял на себя диктаторские полномочия. С 1937 г. начинается отсчет периода, получившего название Эстадо Ново, или Нового Государства. Иными словами, период диктатуры Варгаса, схожей с правлением Бенито Муссолини в Италии. Практиковалось вмешательство государства в экономику,

---

[1] *Коваль Б.И.* Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. С. 120.

проводилась национализация производства; имели место протекционизм, полный запрет оппозиции и прочие элементы тоталитарного режима.

Период Эстадо Ново длился до 1945 г. Варгас был свергнут со своего поста в ходе государственного переворота, совершенного Педру Монтейру и Эурику Дутрой. На последующих президентских выборах президентом был избран Дутра, и Варгас поддержал его политику, что позволило ему отчасти сохранить свои политические позиции. Интереснее всего то, что во власть Варгас вернулся снова, уже в 1950 г.; он был избран президентом на основе свободного и тайного голосования. Однако в 1954 г. вследствие ухудшения экономической ситуации высшие военные чины потребовали отставки Варгаса. Осознав, что положение проиграно, он покончил с собой.

Можно сказать, что политика Варгаса примечательна более всего тем, что трудно дать ей однозначную характеристику. Многие показатели свидетельствуют о том, что Эстадо Ново, зачатки которого появились еще ранее, было откровенно фашистским, однако ни один исследователь не спешит утверждать это со всей уверенностью. Влияние на развитие Бразилии примерно в одни и те же периоды оказывали Германия и Италия, проповедники национализма и фашизма, а также Великобритания и США, страны демократичные. Эстадо Ново было построено на основе государства Муссолини в Италии и Салазара в Португалии; в период с конца 30-х гг. до начала Второй мировой войны Бразилия тяготела к странам «оси», к торговле с ними, но в войне Бразилия тем не менее выступила против них. Это была единственная страна Латинской Америки, которая не только разорвала отношения со странами «оси» и не только объявила им войну, но и «отправила свой экспедиционный корпус в Старый свет»[1]. Решение поддержать США в какой-то мере стало роковым для Варгаса: подобная его позиция вызвала недоумение в крайне влиятельных кругах Бразилии, где было особенно сильно интегралистское влияние, что ускорило конец Эстадо Ново. Варгас мог бы избрать позицию нейтралитета, как сделали то Салазар и Франко, и сохранить тем самым власть и уберечь бразильский флот от нападений Германии. Но Варгас предпочел выступить на стороне США и союзников.

Сравнивая Рузвельта и Варгаса, стоит заметить, что оба они были чрезвычайно популярны среди простого народа. И если в случае с Рузвельтом

[1] *Брилев С. Б.* Забытые союзники во Второй мировой войне. М., 2012. С. 254.

все вполне закономерно, то легитимное избрание Варгаса президентом в 1950 г., после периода его откровенной диктатуры, не может не удивлять. Более того, проведенный в 1949 г. опрос бразильского населения показал, что избиратели воспринимают Варгаса в большей степени как демократа, чем как диктатора[2]. Им всегда оставались недовольны верхи, как армейские, так и олигархические, которые дважды привели Варгаса к падению. Если народ и бывал недоволен своим президентом, то выражалось это обыкновенно в локальных вспышках, быстро погасавших. Даже коммунистическое движение, которое было в Бразилии довольно сильно, и которое было возглавляемо харизматичным Луисом Карлосом Престесом, не сумело поднять вполне людей на революцию. Люди не были готовы к таким переменами и, что более важно, не хотели таких перемен[3].

Возникает закономерный вопрос: чем объяснить подобное явление? Совершенной слепотой населения, его раболепной верой в культ личности или все же тем, что не так уж однозначен был период Эстадо Ново и не так однозначен был сам Варгас?

Обратимся теперь к краткой политической биографии Франклина Делано Рузвельта. Стоит упомянуть, что Рузвельт стал президентом тремя годами позже Варгаса, и в 1930 г. он занимал еще пост губернатора штата Нью-Йорк, на который был избран в 1928 г. Начало политической карьеры Рузвельта приходится на 1910 г., когда он успешно баллотировался в легислатуру штата Нью-Йорк. В последующие годы он занимал пост помощника министра военно-морских сил при правительстве Вудро Вильсона и предпринял неудачную попытку избрания в Конгресс США. В 1932 г. Рузвельт победил на выборах республиканца Гувера, и в 1933 г. стал президентом США.

Но что все-таки позволяет нам говорить о схожести политики Варгаса и политики Рузвельта в первые годы президентства того и другого? Установим для начала временные рамки. Стоит заметить, что этот вопрос содержит в себе некоторую сложность ввиду неясности того факта, откуда начинать отсчет и чем его завершить. Стоит ли начать рассмотрение с 1930 г., то есть с момента получения Варгасом власти от военной хунты, или с 1933 г., то есть со

---

[2] *Асланов Л. А.* Менталитет и власть: США и Бразилия. М., 2012. С. 456.

[3] *Коваль Б.И.* Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. С. 207.

вступления Рузвельта в должность президента? Стоит ли подвести черту под рассматриваемым периодом 1937 г., годом установления Эстадо Ново в Бразилии; 1936 г., годом формального окончания Нового курса в США; 1945 г., годом смерти Рузвельта и свержения Варгаса? Разумнее всего будет установить хронологические рамки с 1930 по 1936 гг., поскольку большую часть значимых для нашего рассмотрения действий Варгас предпринял еще в период с 1930 по 1933 гг.; а искать параллели между политиками демократических США и Бразилии в период профашистской диктатуры, установившейся в 1937 г., теоретически нет оснований.

Но в первую очередь необходимо остановить внимание не собственно на преобразованиях Рузвельта и Варгаса, не на сходствах этих преобразований, но на том, что, возможно, явилось причиной особенной близости двух рассматриваемых деятелей. Выше было нами указано, что теоретически нет оснований сравнивать профашистское правление Варгаса в период с 1937 по 1945 гг. с правлением Рузвельта. В этом заявлении самое важное слово: «теоретически». Доподлинно известно, что многие современники Рузвельта укоряли его в довольно явной фашистской направленности реформ. Доказательства этому усматривались в законе о Гражданском корпусе сохранения ресурсов, и в законе о восстановлении промышленности и в «рузвельтовских методах руководства вообще»[1]. Примечателен тот факт, что нововведения Рузвельта в рамках Нового курса находили поддержку среди главных представителей национализма и фашизма того времени. В частности, Адольф Гитлер в 1933 г. – в год прихода Рузвельта к власти – говорил: «Мне нравится президент Рузвельт, ибо он прямо идет в своей цели, не считаясь с конгрессом, лобби и упрямыми бюрократами»[2]. В Риме также глава США значительно почитался: «Рузвельт со сдержанным восхищением относился к Муссолини, и диктатор отвечал добрыми словами в адрес президента и нового курса»[3].

К тому же, как свидетельствуют некоторые исследователи, Рузвельт, как и Варгас, не был лишен замашек диктатора. Эта точка зрения может быть многими оспорена, но, тем не менее, она имеет право на существование, в

---

[1] *Яковлев Н. Н.* Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! М., 2012. С. 225–226.

[2] *Яковлев Н. Н.* Неизвестный Рузвельт. С. 226.

[3] *Burns J. M.* Roosevelt: the lion and the fox. N. Y., 1956. P. 256.

особенности если учесть некоторые факты. Историк Бертон Фолсом приводил такую точку зрения, что Рузвельт, будучи главой одной из ветвей власти, пытался подчинить себе обе другие[4]. Рузвельту крайне не нравилось вмешательство Верховного Суда США в дела Нового курса, в частности признание неконституционными некоторых важных программных документов, таких как НИРА. Рузвельтом был предложен проект реформы Верховного суда, который однако не был поддержал Конгрессом.

Остается только гадать, насколько сильно подобные обстоятельства задели Рузвельта. Его поверенный, Дональд Ричберг, писал, что президент «чувствует горечь из-за борьбы за Верховный суд и что тем, кто не пошел за ним до конца, пощады не будет»[5]. По большей части, должно быть, подобные слова были лишь выражением ярости или раздражения, но несомненно одно: в 1937 г. был принят закон, вносивший изменения в судебную систему США, в ходе которой Рузвельт добился все-таки некоторого контроля за Верховным судом. К 1945 г. большая часть судей была назначена им, средний возраст судьи значительно уменьшился[6]. Возможно, это была не та победа, которой желал Рузвельт, но все же это была победа.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что на первом этапе именно сходство характеров Варгаса и Рузвельта обусловило сходство их реформ. Подобный постулат послужит отличным фундаментом для дальнейшего сопоставления.

Итак, главным фактором, который определил направления действий и Варгаса, и Рузвельта, стал Мировой экономический кризис, который одинаково сильно ударил и по США, и по Бразилии. Для обеих этих стран насущной и самой важной стала проблема перепроизводства и связанное с ним искусственное удерживание цен на продукцию.

В Бразилии это привело к катастрофическим последствиям, поскольку удар пришелся в большей части на кофе — то есть на тот продукт, на сбыт которого опиралась вся экономика страны. В итоге мировые цены на кофе

---

[4] *Фолсом Б.* Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила великую депрессию: / Пер. А.Д. Плисецкой. М., 2012. С 237.

[5] Raymond Clapper Diary, January 9, 1938, LC.

[6] *Woodward B., Armstrong S.* The Brethen. Inside the Supreme Court. N.Y., 1979. P. 397–398.

упали с 4,71 фунтов стерлингов за мешок в 1929 г. до 1,8 фунтов стерлингов в 1932 г.[1].

Для нормализации уровня цен на продукцию и Рузвельт, и Варгас прибегли к крайне схожим методам: в США заново вспахивались, уничтожались километры посевных площадей, около 6,5 млн. голов свиней было забито[2]; в Бразилии сожжена была или сброшена в море значительная часть всех кофейных запасов.

Вся политика Варгаса рассматриваемого периода в области сельского хозяйства основывалась на экономическом стимулировании. Большую часть изданных им декретов предоставляли кредиты министерству сельского хозяйства на различные нужды, связанные с восстановлением прежнего благополучия и с поддержанием его[3]. Стоит отметить немаловажное постановление правительства Варгаса: декрет № 23.533 от 1 декабря 1933 года, согласно которому долги всех фермеров сокращались на 50%[4].

Действия Рузвельта в сфере сельского хозяйства проявились в принятии Закона о регулировании сельского хозяйства, в котором на министра сельского хозяйства возлагались обязанности по проведению вышеописанных мер, а также по проведению выплат особых компенсаций и бенефиций фермерам, согласившимся на сокращение посевных площадей. Этот закон преследовал цель поднять цены настолько, чтобы восстановить соотношение цен на продаваемую и покупаемую фермерами продукцию. За период с 1933 по 1935 гг. фермеры получили от правительства компенсаций на сумму 966 млн. долл.[5] То есть есть все основания говорить, что и Варгас, и Рузвельт обращали внимание на материальную поддержку фермеров. Разумеется, выиграли от подобных мер только крупные и средние землевладельцы, мелкие оказались разорены сокращениями своих угодий и поголовья скота.

---

[1] *Калмыков Н. П.* Диктарутра Варгаса и бразильский рабочий класс. М., 1981. С. 42.

[2] Закон о регулировании сельского хозяйства / Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 1973. С. 213.

[3] Decreto № 23.311 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 369; Decreto № 23.544 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 389; Decreto № 23.082 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 268; Decreto № 22.721 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 102.

[4] Decreto № 23.533 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 387.

[5] *Асланов Л. А.* Менталитет и власть: США и Бразилия. М., 2012. С. 169.

В области трудового законодательства можно проследить особенно ясную параллель между нововведениями Варгаса и Рузвельта; оба эти деятеля отчетливо сознавали важность урегулирования трудовых отношений и защиты интересов именно рабочих. Уже в первые годы правления Варгас выказал свое явное тяготение к бразильской олигархии и довольно прохладное отношение к простым рабочим. Но, тем не менее, основные отправные точки решения рабочего вопроса у Варгаса и Рузвельта совпадали. Более того, во многом именно Варгас выступал новатором. К примеру, в Бразилии профсоюзы и порядок защиты прав рабочих были урегулированы законом о синдикализации от 13 марта 1931 г.; в США же подобные положения появились лишь в Национальном законе о трудовых отношениях (в законе Вагнера) от 5 июля 1935 г.[6]. Право на заключение коллективных договоров бразильскими рабочими было официально закреплено в Конституции 1934 г., а в США — тем же законом, на год позже. Также стоит отметить значительную прогрессивность рабочего законодательства Варгаса, подтверждаемую его декретом от 17 мая 1932 г. Этот декрет касался урегулирования женского труда и имел целью привлечение женщин в производство. Устанавливалась равная оплата за равный труд, право женщин на участие в трудовых спорах без обязательного присутствия мужей и т. д. Декретом от 4 мая 1932 г. в Бразилии был установлен 8-часовой рабочий день.

Среди основных преобразований Рузвельта в рабочей сфере нужно отметить также создание Гражданского корпуса сохранения ресурсов, трудовых лагерей для молодежи, предоставлявших возможность зарабатывать доллар в день, иметь бесплатное питание. Среди нововведений Варгаса совершенных аналогов данному мы не встречаем, однако стоит упомянуть декрет № 23.563 от 6 декабря 1933 г.[1], который определял учреждение специальных ветеринарных, сельскохозяйственных и иных курсов для молодежи, что показывает, что и Варгас не обделял вниманием эту категорию населения.

---

[6] Закон о трудовых отношениях / Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 1973. С. 216.

[1] Decreto № 23.563 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 367; Decreto № 23.308 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 381.

В сфере промышленности Варгас уделял особенное внимание инвестициям, как и в области сельского хозяйства, и разработке полезных ископаемых. Варгас искал для страны новые источники прибыли, поскольку полная зависимость благосостояния Бразилии от сбыта сельскохозяйственной продукции и от «сахарных» и «кофейных» баронов была пагубна. В одном только 1933 г. издается множество декретов о государственных инвестициях на разработку месторождений золота, турмалина, графита, пирита, марганца, цинка, серебра, нефтяных месторождений[2].

В политике Варгаса в области промышленности мы не видим практически сходств с политикой Рузвельта; можно сказать, что нововведения последнего были в своем роде уникальны. 16 июня 1933 г. был принят Закон о восстановлении национальной экономики,[3] который устанавливал правила справедливой конкуренции, а также такие права рабочих как право на заключение коллективного договора, на минимальную заработную плату и минимальную рабочую неделю. Однако уже в 1935 г. этот правовой акт был признан Верховным судом неконституционным и отменен.

Много общего мы видим в социальной политике Варгаса и Рузвельта. В США в августе 1935 г. был принят закон о страховании по старости и безработице. Также устанавливались пенсии некоторым категориям нуждающихся: престарелым, слепым, детям из бедных семей. В Бразилии зачатки системы социального страхования появляются в 1931 г., что показательно, потому что еще в 1930 г. таковой системы не существовало вообще[4]. Декрет № 20.465 от 1 октября 1931 г. устанавливал пособия и пенсии для работников коммунального хозяйства; в 1932 г. данная система была распространена и на горняков.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что реформы, проводимые Рузвельтом в рамках Нового курса, в самом деле крайне схожи с реформами Варгаса, имевшими место в тот же период времени, на том же

---

[2] Decreto № 23.308 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 367; Decreto № 23.308 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 366; Decreto № 23.080 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 266; Decreto № 22.932 / Boletim de Ministério da agricultura. Rio de Janeiro, 1933. P. 140.

[3] Закон о восстановлении национальной экономики / Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 1973. С. 212.

[4] *Калмыков Н. П.* Диктарутра Варгаса и бразильский рабочий класс. М., 1981. С. 62.

континенте. И, подводя итог, необходимо воспроизвести высказывание самого Рузвельта, которое является оправданием проведенного исследования и которое во многом породило саму идею более детального сравнения президентов США и Бразилии. Среди публичных писем и посвящений Рузвельта бросается в глаза заметка о званом обеде, данном Варгасом в Рио-де-Жанейро. Заканчивается заметка эта такими словами: «Есть одна вещь, о которой стоит мне помнить: на самом деле изобрели Новый курс два человека — президент Бразилии и президент США»[5]. Именно эта заметка породила те вопросы, на которые призвана ответить статья. Что сподвигло Рузвельта на столь громкие высказывания в адрес именно Варгаса? Имеет ли значение тот факт, что в своей заметке Рузвельт поставил «президента Бразилии» на первое место? Кто в самом деле явился новатором в области мер по посткризисному восстановлению? Рузвельт, как принято полагать, или все же Варгас?

Быть может, читатель будет разочарован, увидев, что автор не отвечает на все эти вопросы прямо и определенно. Ограниченность информационных источников не дает на это права. Даже при желании невозможно вполне увязать любые сходства характеров, сходства деятельности Варгаса и Рузвельта с приведенной цитатой президента США. Остается не до конца понятным, почему все-таки Рузвельт, столь трепетно относившийся к своим преобразованиям и готовый столь яростно биться за них с Верховным судом и даже конгрессом, вдруг просто, одним взмахом пера, почти передает авторство малоизвестному Варгасу. Поэтому, на данном этапе исследования определенно на вопрос о роли Варгаса в Новом курсе ответить невозможно. Нельзя объективно утверждать, будто он выступал новатором, потому что им все-таки не было проведено таких масштабных мероприятий в области банковской сферы и промышленности, какие проводил Рузвельт. Однако же, принимая во внимание заметку самого Рузвельта, мы не имеем права также и отвергать важность деятельности Варгаса.

Можно сделать компромиссный вывод: Новый курс был общим творением двух дружественных держав. Проникновение США в Бразилию проявлялось явственно еще в самом начале 30-х годов, и не исключено, что

[5] Informal address at banquet given by president Getulio Vargas of Brazil at Rio de Janeiro / The public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt with a special introduction and explanatory notes by president Roosevelt. Vol. 5. The people approve 1936. N.Y., 1938. P. 603.

Рузвельт заимствовал идеи Варгаса и наоборот. Важно то, что каждый из них, учитывая специфику своей страны, особенности ее экономического положения, претворял в жизнь нечто кардинально новое. Реформы Рузвельта, исторические проведенные позднее, дополняли реформы Варгаса там, где он оставил пробелы.

Есть множество оснований верить, что не все в этом вопросе лежит на поверхности, не все разъяснено; много противоречий видим мы в политическом курсе этих двух рассматриваемых деятелей. Исследовательских работ, посвященных сопоставлению деятельности президентов Бразилии и США или анализу бразильско-амерканских отношений на удивление мало, и многое остается невыясненным. Поэтому нет оснований ставить точку в вопросе о том, кто все-таки явился автором Нового курса.

Summary

The following article makes a comparison between two great politicians of the 20th century, Franklin Delano Roosevelt and Getulio Dornelles Vargas. The article has it´s goal to find similarities and diffirencies between their reforms aimed at overcoming of consequencies of the Great depression. The main basis of current research is the analysis of legislation for the period from 1930 to 1936. Finally, the article tries to answer if the Roosevelt´s programme is as original as it has been always considered to be.

Key words: F.D. Roosevelt, G.D. Vargas, “The New Deal”, The Global Financial Crisis of 1929-1933, Brazil-American relationship, anti-crisis legal policy.

В.Э. Шкаева

Форма государственного устройства России в период Гражданской войны (1918-1920 г.г.)

Работа посвящена характеристике государственного устройства территории бывшей Российской Империи на протяжении основного периода Гражданской войны. Рассматриваются возникшие в условиях военного времени региональные и местные структуры обеих противоборствующих сторон, а также повстанческих контрреволюционных формирований. Особое внимание уделяется проблеме территориального единства государства.

Ключевые слова: гражданская война; форма государственного устройства; административная политика; ранняя Советская государственность.

Ответ на вопрос, какая же именно территория представляла собой в то время именно Россию, представляет достаточную сложность: на территории бывшей Российской Империи с большой частотностью образовывались, объединялись и вновь разделялись различные административные единицы. Их целесообразно рассматривать не только в разрезе формальных признаков, но и с точки зрения легитимности как одного из важнейших критериев наличия государственной власти в классической теории [1].

Обращением Второго Всероссийского Съезда Советов упразднялись должности губернских и городских комиссаров; в соответствии с декретом от 10.11.1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» «все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений». Согласно декрету СНК от 27.01.1918 г. «О порядке изменения границ губерний, уездов и волостей», «вопросы об изменении границ губерний, уездов и волостей разрешаются всецело местными Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов». Некоторые регионы и вовсе отделились, образовав республики. По мнению историка Е.П. Малышевой, федерация была своего рода компромиссом со стороны Советской власти, единственно возможной формой государственной организации « в условиях острейшей социальной и политической борьбы, полной дезинтеграции страны, развале армии и государственного аппарата, оккупации и утрате контроля над значительной частью территории»[2]. Большевистским лидерам пришлось признать, что просто установление федерации с правом свободного выхода приведет к развалу страны. В работе В.И. Ленина « Марксизм о государстве» впервые прозвучала идея организации власти с помощью Советов, ранее воспринимавшихся лишь в качестве временных революционных органов. Та же идея была высказана Сталиным на выступлении в газете «Правда». Начинают выдвигаться требования повсеместного объединения Советов.

Федеративное устройство было официально закреплено в Конституции РСФСР 1918 г. Органы власти подразделялись на центральные и местные.

---

[1] *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2004.

[2] *Захаров В.Н., Волобуев О.В., Соловьев Я.В. и др.* Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 138.

Центральные органы подразделялись на Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов – орган высшей власти РСФСР, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган и Совет Народных Комиссаров (СНК), выполнявший правительственные функции. Из сельских Советов формировались Съезды: уездные и волостные. Каждый из данных органов избирал собственный исполнительный орган – Исполнительный комитет, ответственный перед избравшим его Съездом. Этот комитет осуществлял местное управление в период между сессиями Съездов. В сущности, организация власти в центре и на местах была построена по единому образцу. Законодательный орган формировался путем представительства из нижестоящих (в том числе орган высшей власти в стране – Всероссийский Съезд Советов – формировался из представителей регионов, а на протяжении периода между съездами функции верховного управления осуществлял Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, сочетавший в своей деятельности законодательные и исполнительные функции.

Отраслевая регуляция осуществлялась в рамках наркоматов, возглавляемым правительственным органом – Советом Народных Комиссаров (СНК). Подконтрольны они были также и ВЦИКу, и Всероссийскому Съезду. Статус наркомата имел и учрежденный при СНК декретом от 2 (15) декабря 1917 г. Всероссийский Совет Народного Хозяйства. Для «областей, отличающихся особым бытом и национальным составом» ст. 11 устанавливала право создания автономных областей с собственными (хотя и подконтрольными Съезду, СНК и ВЦИКу) Съездов и Совнаркомов

Воспользовавшиеся правом на самоопределение республики, не имевшие или практически не имевшие опыта автономного государственного управления, устанавливали аналогичные системы, что обеспечило дальнейшее распространение Советских структур на всю бывшую территорию Российской Империи.

Таким образом, власть по Конституции представляла собой единую, хоть и разветвленную систему. Среди предметов ведения органов местного управления на первое место поставлено «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти».

Контроль над деятельностью отделов входил в компетенцию президиума исполкома ВЦИК.

Самое серьезное сопротивление установлению Советской власти оказало движение, которое в советской историографии получило название «белого» - по аналогии с монархистами Великой французской революции[1]. Лозунг « Единая и неделимая Россия», взятый из Свода Законов Российской Империи, стал девизом движения за восстановления имперского строя. Поэтому почти парадоксально выглядит в свете идеи единства народа и государства тот факт, что именно под началом белогвардейских генералов возникают наиболее крупные самостоятельные государственные формирования. Исследователи объясняют этот факт тем, что «целью Белого движения было распространение этой модели на всей территории России»[2].

Тем не менее, административные формирования белых генералов обладали многими признаками государственности.

Политика сформировавшегося в азиатской части России носила во многом восстановительный характер: земские и городские органы самоуправления, мировые суды; восстанавливалось действие многих правовых актов Свода Законов Российской Империи. Созданная под общей белогвардейской идеей восстановления «Единой и Неделимой России», Директория самовольно объявляет о создании Всероссийской верховной власти, о чем в сентябре 1918 г. был принят соответствующий акт, а уже Декларация Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» от 4 июля того же года провозглашала «предоставление Сибири самых широких прав государственного характера». Но Директория просуществовала недолго: представители составляющих ее партий не сумели найти компромисса в борьбе за власть, чем воспользовалась инициативная группа, возглавляемая А.В. Колчаком и стремившаяся к установлению на территории Сибири военной диктатуры.

Появившийся титул Верховного правителя принадлежал только А.В. Колчаку. Проводимая им и его Правительством Государства Российского

---

[1] *Фельдман Д.* Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. №4. 2006.

[2] *Сирик С.Н.* Белое движение на юге России: от добровольчества к южно-российской государственности (1917–1920). Автореф. ... канд. ист. наук. Армавир, 2007.

политика по своей направленности мало отличалась от деятельности предыдущих региональных правительств. Основная цель Колчаковской диктатуры заключалась в том, что власть должна была распространиться на всю территорию Российской Империи, но из-за кризиса в конце 1919 г. правительство было повержено, а Колчак и премьер-министр Пепеляев расстреляны в начале 1920 г. На территории Сибири установлена Советская власть.

Колчак предвидел возможность скорого падения Сибирской части Белого движения, поэтому им была предпринята попытка установить связь с другими антибольшевистскими регионами. В декабре Колчак принял решении об отречении от титула в пользу генерала А.И. Деникина «в целях сохранения на нашей Российской Восточной Окраине оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией». Однако Деникин титула не принял, мотивируя свое решение «отсутствием официальных сведений о событиях на Востоке»[1]. Как впоследствии признавался Антон Иванович в своих мемуарах, в обстановке поражений Вооруженных Сил Юга России и политического кризиса на подконтрольной ему территории он счел совершенно неприемлемым «принятие соответственного наименования и функций»[2].

Чтобы понять причины такого поступка, остановимся подробнее на динамике развития государственности на Юге России. Власть на этой территории имела, по оценкам И.А. Исаева, еще более диктаторский характер, нежели на Востоке. Официальная точка отсчета начала формирования государственности - принятие 3.10.1918 года написанного К.Н. Соколовым «Положения об управлении…», передававшего властные полномочия Особому Совещанию и восстанавливающего действие на подконтрольной территории законов Российской Империи. Через несколько дней после принятия «Положения» полномочия принимает на себя А.И. Деникин.

Главным элементом государственной организации Юга были вооруженные силы. Это наложило отпечаток на формирование гражданских органов власти. Недоверие к гражданским лицам и интеллигенции

---

[1] *Журавлев В.В.* «Присвоив таковому лицу наименование верховного правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А. В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. В. № 8.С. 381.

[2] *Журавлев В.В.* «Присвоив таковому лицу наименование…». С. 380.

присутствовало в решении государственных и хозяйственных вопросов. Еще во время правления генерала М.В. Алексеева было образовано Особое Совещание при Главнокомандующем ВСЮР, на тот момент обладавший широким спектром полномочий и по факту осуществляющий полный контроль в южных областях. При вступлении в должность Главнокомандующего Деникина регулярной практикой стало собрание совещаний, где обсуждались вопросы как достаточно узкие, так и общего характера – в частности, на этих совещаниях принимались законопроекты, которые после подлежали принятию резолюцией Главнокомандующего. Именно таким образом было принято «Временное положение о гражданском управлении…», регламентировавшая систему белогвардейских государственных органов. Им была выстроена четкая иерархия властной организации на основе дореволюционной организации регионального управления применительно к условиям военного времени. Главнокомандующему подчинялись главноначальствующие, губернаторы и начальники уездов, располагавшие аналогичными дореволюционным полномочиями. Признав верховную власть Колчака,

Деникин тем не менее не стремился объединяться с Восточными войсками. В начале июля 1919 г. в Царицыне, который после многочисленных попыток наконец был взят, была подписана «Московская директива», положения которой стали причиной появления разногласий среди руководства и последующей отставки Деникина. Пост его занял П.Н. Врангель, предпринявший немало попыток по консолидации населения и привлечению различных социальных слоев, но к тому моменту недовольные милитаристской политикой Деникина регионы уже постепенно переходили Советскую власть .Значительно укрепившую свои позиции.

Это объяснялось не только несогласованностью действий белогвардейского руководства. Важнейшим фактором выступил тот факт, что власть была организована в национальных регионах, что парадоксально, если вспоминать о том, что девизом белого движения было «За единую и неделимую Россию» – «лозунг, нас погубивший», как сказал П.Н. Милюков[1].

[1] Тагиров И. «Единая и неделимая Россия» – лозунг, нас погубивший // Звезда Поволжья. 16.02.2012. С.19–21.

Помимо подчиненных основным противоборствующим сторонам областей существовало значительное количество сепаратных республик по большей части демократического характера. В частности, в рассматриваемый период собственную государственность имело Забайкальское казачье войско с центром в Чите. Руководителями его на протяжении большего периода были Г.М. Семенов и Р.Ф. фон Унгерн. Примечательно, что республика, основанная на классических принципах казачьей вольницы, по факту выделилась из территории, подконтрольной Сибирскому правительству, а Г.М. Семенову указом Колчака от 4.01.1920 была передана вся полнота власти на территории Российской Восточной Окраины до получения распоряжений от нового Верховного Правителя Деникина. После отказа последнего (см. выше) съездом трудящихся Забайкалья была провозглашена Дальневосточная Республика – автономное (по мнению некоторых ученых – буферное между Россией и Японией государство) во главе с Народным Собранием, которое, несмотря на демократический свой характер, со временем все более и более советизировалось и в итоге добровольно вошло в состав РСФСР[1]. Последние же очаги сопротивления Советам просуществовали вплоть до 1926 года, но уже не как собственные государственные формирования, а лишь в виде отдельных войсковых частей.

Таким образом, рассматривая территориальную организацию России на протяжении этих двух лет, мы можем говорить о наличии фактически нескольких государственных образований, представлявших собой организации регионального управления. Этот факт подтверждается не только наличием административной и юридической базы, но и таким важным критерием государственности, как легитимность власти белых на подконтрольной территории, что позволяет говорить о России того времени не как о едином государстве, но конгломерате административно-территориальных образований, хотя вопрос легальности власти белых правителей по-прежнему остается открытым.

[1] Дальневосточная республика (ДРВ) // Новая российская энциклопедия. Т. 4. М., 2008.С. 468.

Summary

The article is concerned with the description and identification of form of government in Russia during the main period of the Civil War. Regional and local structures of the two opposing parties, as well as counterrevolutionary rebel groups, are viewed. Particular attention is paid to the problem of territorial unity of the state.

Key words: civil war; form of government; governing policy; early Soviet statehood

Е.Г. Эпель

Влияние реформ М.М. Сперанского на финансовое законодательство Российской империи XIX в.

В статье рассмотрена деятельность Михаила Михайловича Сперанского по усовершенствованию финансового законодательства Российской империи XIX в. Целью исследования стало изучение финансовой реформы Сперанского и анализ трудов ученых-экономистов XIX в., с целью выявления их отношения к финансово-правовым идеям Сперанского. Данная работа приобретает особенную актуальность сегодня, когда Россия заново начинает осознавать необходимость решения старых финансовых вопросов.

Ключевые слова: реформа, финансовое законодательство, бюджетное законодательство, государственный бюджет, финансы, санация, долг, доходы, расходы, ассигнационная система, кредитный билет, фиксация денежного курса, бюджетный кодекс, бюджетная система.

Большинство людей связывают имя Михаила Михайловича Сперанского, великого русского государственного и общественного деятеля, современника императоров Александра I и Николая I, с подготовкой и проведением большинства политических реформ периодов их правления. Но мало, кому известны его заслуги в реформировании финансовой системы Российской империи XIX в.

Обращаясь к экономической политике России на любом этапе истории ее развития, к сожалению, можно сделать неутешительный вывод о том, что наше законодательство в финансовой сфере всегда было далеко от совершенства, а количество людей, внесших действительно неоценимый вклад в решение данной проблемы, весьма мало. В то же время история зарубежной экономики и финансово-правовой науки изобилует такими именами известных экономистов, как Смит, Кейнс, Рейган и другие. Именно поэтому немногочисленным российским экономистам: Сперанскому, Канкрину, Витте, Столыпину и их заслугам в совершенствовании финансового законодательства

России – стоит уделить особое внимание. В рамках этой научной статьи мы рассмотрим лишь одного из таких деятелей, а именно М.М. Сперанского, подробно изучив его финансовую реформу и выявив его основные идеи в трудах других экономистов XIX в.

На сегодняшний день развитие финансового законодательства нашего государства остается на низком уровне, о чем свидетельствует тот факт, что многими учеными Россия до сих пор относится к числу развивающихся стран.

Исходя из этого, работы великих экономистов никогда не потеряют своей актуальности, ведь изучение определенных закономерностей прошлого помогает нам в совершенствовании данных процессов в настоящем и будущем.

Планы и размышления Сперанского приобретают особенную актуальность сегодня, когда Россия заново начинает осознавать необходимость реформы государственных структур, решения старых финансовых вопросов, на которые в условиях может быть нового экономического кризиса в нашей стране, нам срочно нужны ответы.

Основным проектом М.М. Сперанского в экономической сфере стал «План финансов»[1]. В этой работе он выделил наиболее актуальные финансово-бюджетные проблемы и предложил пути их решения. Он полагал, что для санации финансов России следует выполнить два главнейших требования: платить долги и уравнять доходы с расходами. В частности, исходя из его идей, нужно было провести следующие мероприятия: установить принцип рационального расходования средств; учреждать государственные расходы «по приходам»; увеличить доходы путем совершенствования налоговой системы; предоставить государственному бюджету статус закона; обеспечить гласность в утверждении и исполнении бюджета[2]. Все это представляет собой основные принципы бюджетного устройства и бюджетного процесса и сегодня.

---

[1] «План финансов» (1810 г.) М.М. Сперанского был впервые опубликован в 1885 г. в Сборнике Императорского русского исторического общества (т. 45) «Финансовые документы царствования императора Александра I». Готовя эти материалы к публикации, историк А. Куломзин озаглавил их «План финансов», исходя из термина, упомянутого в Манифесте Александра I от 2 февраля 1810 г., содержащего финансовые идеи Сперанского. В последнее время текст «Плана финансов» переиздавался в сборнике «У истоков финансового права» под ред. проф. А. Козырина (М.: Статут, 1998. С. 35—98).

[2] *Афанасьев М.* Основы бюджетной системы. М., 2009.

Данная работа легла в основу проведенной Александра I денежной реформы и нашла свое отражение в трех законодательных актах того времени: в манифестах императора от 2 февраля, 20 июня и 29 августа 1810 г.[1]. А позднее и С.Ю. Витте оценил предложения по классификации расходов и доходов бюджета, изложенные М.М. Сперанским, следующим образом: «Подробные правила по составлению государственных росписей были установлены в наказе министру финансов 1811 года, в основу которого лег финансовый план Сперанского»[2].

Еще один труд Сперанского, который бы мы хотели бы рассмотреть в рамках данной научной статьи – «Записка о монетном обращении». Именно она стала основополагающей работой для проведения Денежной реформы Канкрина 1839–1843 гг. Суть проекта денежной реформы Сперанского заключалась в переходе от ассигнационной системы к системе кредитной, в основу которой был бы положен размен кредитных билетов на звонкую монету. Сперанский предлагал осуществить реформу в три этапа. На первом этапе осуществлялся выпуск так называемых «сохранных» банковских кредитных билетов, основанных на вкладах серебром. На втором этапе предполагалась фиксация курса ассигнаций на уровне податного курса (серебр. руб. = 3,60 руб. асс.). На заключительном этапе ассигнации заменялись сохранными билетами, для чего ежегодно должны были объявляться серии ассигнаций, подлежавших замене[3].

Но в отличие от него, Е.Ф. Канкрин считал, что курс ассигнаций нужно будет приравнять ни к податному, а к биржевому курсу (3,50 руб. асс.), поскольку последний регулировал частные обороты, которые были намного более значительными, чем казенные. Кроме того, министр финансов настоял на том, чтобы сроки осуществления реформы были более продолжительными, чем предлагал Сперанский. Таким образом, реформа была проведена в соответствии

---

[1] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXXI. 1810–1811 гг., СПб., 1830. № 24116. С. 52–60

[2] *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М., 1997. С. 386–387.

[3] О монетном обращении. Сочинения графа Сперанского. М., 1873.

с проектом Министерства финансов, в основу которого были положены идеи М.М. Сперанского[1].

В целом же, предложения Сперанского характеризуются систематизацией накопленного знания и имеющегося опыта финансового управления. Именно поэтому первостепенное значение он отводил формированию законодательной базы, что способствовало бы упорядочению нормативных актов о бюджетной сфере, а также упорядочению действий органов власти.

Анализируя деятельность М.М. Сперанского по усовершенствованию финансового законодательства, мы можем заметить, что именно им впервые в отечественной истории были внесены начала отчетности и проверки финансового состояния страны. Впервые бюджет России, составленный этим человеком, обсуждался не одним или двумя лицами, а государственными органами, такими как Государственный совет, и министерство финансов. В какой-то мере, благодаря его деятельности, был установлен контроль за бюджетом страны, также органами власти начали применяться меры по устранению произвола в финансовых делах, и еще в расходах, наконец-то, обозначился определенный порядок.

Сам Сперанский так говорил о принятых им мерах: «Вместо того, что прежде каждый министр мог почерпать свободно из так называемых экстраординарных сумм, в новом порядке надлежало все вносить в годовую смету, потом каждый почти рубль подвергать учету в двух инстанциях Совета, часто терпеть отказы и всегда почти уменьшения и в конце всего ожидать еще ревизии контролера».

Жизнь Михаила Михайловича Сперанского, его реформаторская деятельность во всех сферах функционирования государства сыграли огромную роль в развитии нашей страны. Мало, кто задумывается о том, что происходило в прошлом и почему то положение дел, которое мы имеем сейчас, сложилось так, а иначе. Но если все-таки задуматься, то вклад этого человека сложно переоценить. Ведь его идеи повлияли не только на проводимые экономические реформы в XIX в., но и сыграли огромную роль при написании бюджетного законодательства, которое мы имеем на сегодняшний день. А именно такие принципы, как законодательное оформление бюджета; классификация доходов

[1] Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрина. Спб., 1895.

и расходов бюджета; мотивация государственных заимствований; технология принятия и исполнения бюджета; обязательность и методика учета и контроля за движением государственных бюджетных средств; организация управленческого процесса в Министерстве финансов; и легли в основу современной бюджетной системы.

Возвращаясь к его экономической деятельности, стоит еще раз отметить, во-первых, две его главных работы: «План финансов» и «Записку о монетном обращении», которые в последствие стали ключевыми трудами, на базе которых Канкриным была проведена денежная реформа, во-вторых, его непосредственное участие в реформировании финансового законодательства Российской империи XIX в., и в-третьих, то, что идеи, заложенные им еще в периоды правления Александра I и Николая I, спустя около 150 лет, нашли свое отражение уже в современном бюджетном кодексе Российской Федерации.

Summary

In this scientific article is reviewed the work of Mikhail Mikhailovich Speransky which the economist dedicated to improving the financial legislation of the Russian Empire of the XIX century. The aim of research was to study the financial reform of M.M. Speransky and to analyze the works of economists of the XIX century, in order to identify their relationship to the financial and legal Speransky's ideas. This research has a particular relevance today because Russia again becomes aware of the need to address old financial issues.

Key words: reform, financial legislation, budgetary legislation, state budget, finance, reorganization, debt, income, expenses, assignation system, credit card, money fixing rate, the Budget Code, the budget system.

Э.Е. Эпштейн

Управленческий контекст законодательных актов о Царстве Польском 1830–1840гг.

Российская империя на протяжении первой половины XIX столетия находилась в активном поиске модели административно-правового управления Царством Польским. После восстания 1830–1831 годов эта территория Российской империи стала «болевой» точкой для «окраинной политики» правительства Николая I. Сквозь призму анализа законодательных актов, изданных с 1832 по 1843 гг., автор пытается реконструировать исторический контекст происходящих там событий, рассмотреть альтернативные сценарии политических решений применительно к управлению Царства Польского. Для данного вида источниковедческой интерпретации мною будут проанализированы следующие

законодательные материалы: 1) «Манифест 14 февраля 1832 г. О новом порядке управления и образования Царства Польского» 2) «Высочайшее утверждённое положение о Корпусе Жандармов» 1836 г. 3) «Высочайшее утверждённое положение о третьем округе Корпуса Жандармов» от 18 июля 1843 г.

Ключевые слова: Царство Польское, Николай I, Российская империя XIX столетия, проблема имперского управления, законодательство, III Отделение СЕИВК.

Формат имперского управления в России требовал под собой конкретную и эффективную «программу», следуя которой разные территории находились бы в процессе включения в имперское пространство. Для первой половины XIX в. такие территории как Финляндия, Кавказ и Царство Польское стали главными зонами апробирования подобных программ. В это время государственный аппарат Российской империи находился в активном поиске оптимальных моделей управления «периферриями» на разных началах и правах. Но поиск этой модели наталкивался на целый ряд трудностей, связанные со спецификой правового и административного поля Российской империи. На эту специфику обращает наше внимание историк И. В. Бахлов: «в значительной степени имперский характер Российского государства в плане организации системы территориального управления проявлялся в особом отношении к созданию управленческих структур во вновь присоединяемых землях и определению их места в общей структуре управления Российской империи» [1].

При выработке управленческой модели для присоединенных территорий в самом правительстве происходило преодоление прежних установок и выработка новых. Наследием XVIII столетия являлся курс на жёсткую унификацию в управлении окраинами, вариант так называемого «слияния» их с территорией Российской империи. Вместе с тем существовал формат наделения присоединенных земель особым статусом, создания на этих территориях новых автономных образований. Наличие и столкновение этих «программ» и подтолкнула нас обратиться к изучению управленческих моделей на примере Царства Польского.

После восстания 1830–1831 гг. отношение российского правительства, возглавляемое уже императором Николаем I, к территории Царство Польского

[1] *Бахлов И.В.* Система управления периферией в Российской империи: организационно-правовые формы и специфика // URL: http://sisupr.mrsu.ru/2007-1/text/u01.pdf (дата обращения: 21.01.14).

резко изменилось в административно-правовых смыслах. Это было связано с выработкой новой управленческой модели в данной периферийной зоне. Прежняя модель носила автономный характер, правовая база которой полностью основывалась на конституции 1815 г. Уже во время правления Александра I было видно, что так называемый эксперимент «либерализма» со стороны российской короны привел по существу к восстанию 1830–1831 гг. Безусловно, стремление населения Царства Польского к свободе и отстаиванию своей исторической независимости было «жёстко» встречено императором Николаем I, что и отразилось на первом законодательном документе, который им был разработан по отношению к Царству Польскому. Таким образом, на основе ряда законодательных документов николаевского царствования, мы можем проследить те трансформации и преобразования, которые имели место быть, прокомментировать официальную политику по управлению территорией Царства Польского.

14 февраля 1832 г. был создан так называемый Органический статут или манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», который был навязан Польше и содержал в себе принципиально новые положения, на основе которых и формировался новый курс имперского управления, вдохновителем и создателем которого являлся сам император. Эта грамота состояла из 69 статей, распределённых по 5 разделам; «она формально не отменяла Конституционный устав от 15 ноября 1815 г. (прямого указания не было), но значительно сузила автономию края и ликвидировала элементы государственности региона в составе Российской империи. Статут упразднял польский Сейм, обособленность польской армии и местных высших учебных заведений. Сохраняя особенности административной и судебной системы Царства Польского, российская верховная власть значительно усиливала свое влияние на регион и начинала его интеграцию в государственное устройство в качестве уже обычного территориального образования с учетом местных управленческих и правовых особенностей» [1]. Таким образом, практика имперского управления изменялась до неузнаваемости; Царство Польское от

[1] *Кодан С.В.* Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815–1917 гг.) // URL: http://e-notabene.ru/pr/article_468.html (дата обращения: 23.02.14).

1815 до 1832 гг. в административно-правовом плане прошла путь от автономной до зависимой, жёстко унифицированной модели управления.

Ст. 1 первого раздела статута «Положения общие» гласила: «Царство Польское, присоединенное навсегда к Державе Российской, есть нераздельная оной часть. Оно будет иметь особое, сообразное с местными потребностями его управление, свои также особенные Уложения: Гражданское и Уголовное, и все доселе существовавшие в городах и в сельских обществах, дарованные им местные права и установления остаются на прежнем основании и в прежней силе»[1]. В этой статье начинает формироваться новая концепция управления регионами, при которой Царство Польское войдет в имперское пространство на нераздельной основе. Но при этом учитывались специфика и особенности этой территории.

Особенность этого документа состояла в том, что в нём был зафиксирован «имперский» характер нововведений. Территория Царства Польского буквально поглощалась административно-правовыми практиками центра. Обретя зависимость в лице наместника, коим на тот момент являлся граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, территория Царства Польского также , согласно статуту, лишалась доли автономии и в бюджетно-финансовых структурах, что следует из следующих положений:

- «Царство Польское будет в надлежащей соразмерности участвовать в общих на потребности Империи расходах (ст. 14).
- Финансы Царства Польского, так же как и прочие части Управления, заведываются отдельно от Управления других частей Империи (ст. 16).
- Государственный долг Царства Польского, признанный Нами, будет по прежнему охраняем ручательством Правительства и уплачиваем из доходов Царства» (0ст. 17).

Таким образом, в области управления финансов, стоит ещё раз обратить внимание, что «в течение последующих трех с половиной десятилетий Царство Польское постепенно утрачивало прежнюю самостоятельность в вопросах

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). 2-е собр. Т. 7. 1832. Ст.1.

финансовой и бюджетной политики и в конце концов полностью лишилось как самостоятельного бюджета, так и других прав финансовой автономии»[1].

Теперь рассмотрим, как видоизменялось управленческое ядро правового пространства территории Царства Польского, которое претерпело значительные изменения по сравнению с содержанием этого аспекта в конституции от 1815 г. Во второй главе «О главном и местном управлении» обратим внимание на ст. 22 и 25:

- «Главное Управление Царства Польского поручается Совету, действующему Именем Нашим, под председательством Наместника Царства…
- Когда большая часть Членов не согласна с мнением Наместника Царства, а он с своей стороны признает, что предлагаемая ими мера имела бы важные неудобства, он может остановить исполнение решения, немедленно представляя о том, на усмотрение Наше и прилагая к делу список протокола рассуждений Совета».

Стоит отметить, что в управленческом контексте роль наместника Царства Польского становилось более важной, по сравнению с теми административно-правовыми компетенции, которые были в его ведение по конституции 1815 г. На наш взгляд, очевидное расширение полномочий Наместника связано с генеральным вектором в области управления, который был выработан императором Николаем I, и выражавшийся также в постепенном законодательном слияние Царства Польского с территорией Российской империей.

Проанализировав первый в хронологическом ряду законодательный акт, в котором были зафиксированы значительные трансформации в области управленческой политики Царством Польским, отметим, что по нему Царство лишалось автономии и начало постепенно «сливаться» с административно-правовым курсом Российской империи, которая с 1832 года начала применять свои управленческие практики по отношению к своим периферийным владением. Но этот материал носит так называемый «официальный характер». Теперь нами будет предпринята попытка посмотреть на проблему имперского управления перифериями с институциональной точки зрения. Она включает в себя те практики и дискурсы, которые присутствовали на этот счёт в

[1] *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. С. 60.

документах российской жандармерии, деятельность которой в рамках и качестве III Отделения СЕИВК на территории Царства Польского к середине 1830-х гг. пока не распространялась [1]. На законодательном материале опять же проследим каким образом уже практики и управленческие модели упомянутой институции интегрировались в административно-правовую плоскость Царства Польского.

С созданием III Отделения СЕИВК в Российской империи значительно изменились административно-правовое и территориальное управление областями и зонами. Изменения эти, прежде всего, были вызваны курсом, который взял Николай I на централизацию и военизацию всего пространства империи. Та жандармская система, которая была создана в 1827 г., просуществовала в таком виде совсем недолго, что и привело к её масштабному реформированию, начавшееся в 1835 – 1836 гг. В 1827 г. «началась разработка масштабной реформы жандармского ведомства, затронувшая главным образом местные подразделения»[2]. Прежде всего, эти преобразования были связаны с той возрастающей ролью, которую стало играть III Отделение к 1830-м годам. Территориально-административное деление, зафиксированное ещё в 1827 году, требовало чёткого организационно-структурного управления, которое опять же по замыслу должно было выражаться в эффективной работе жандармских команд, формировавшие Корпус Жандармов. Таким образом, началась разработка нового положения, в котором бы учитывались специфика, устройство окружного деления и те изменения, которые имели место в период за 1827-1835 годы.

В.В. Романов, подробно изучивший эволюцию разработки данного положения, пишет: «К началу 1836 г. он (проект положения – прим. от Э.Э.) был окончательно подготовлен в очередной редакции, но не утвержден Императором по причине отсутствия финансирования. 1 июля 1836 г. Императором было утверждено объемное «Положение о Корпусе жандармов» с многочисленными приложениями…Таким образом, был разработан и принят

[1] В фонде 110 (Отдельный Корпус Жандармов) Государственного Архива Российской Федерации есть материалы, имеющие отношение к рассматриваемым в данной статье проблемам. А именно: ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 273.

[2] *Романов В.В.* Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826-1860 гг. Дисс. … докт. ист. наук. Ульяновск, 2008. С. 205.

акт, регулирующий главные аспекты организации и частично деятельность Корпуса Жандармов на протяжении последующих 30 лет»[1]. Само положение состояло из 9 глав, в которых были прописаны функции, полномочия и обязанности для разного рода деятельности и сфер компетенции Корпуса Жандармов[2]. Влияние этого положения на внутреимперскую организацию деятельности жандармов было колоссальным: «Компетенция жандармских команд была очерчена более четко и сводилась к поддержанию и восстановлению общественного порядка и спокойствия»[3].

Отметим также, что нововведения, принятые в этом положении существенно повлияли на функционирование местных подразделений на территории разных округов. Не обошли эти изменения и находящийся в процессе создания и укомплектования третий округ. В рассматриваемом нами положении установлено, что «Округ Жандармов в Царстве Польском образуется по особому положению»[4]; следовательно, наместнику и шефу Жандармов необходимо было выработать новый формат и структуру, в рамках которых и управлялся бы третий округ.

Данное положение во много внесло значительные изменения в характер создания управленческой модели на территории Царства Польского. Во-первых, данная территория была включена в общеимперскую окружную систему, тем самым подпадая под функционирование и компетенцию тех самых практик управления территорией, которые появились благодаря влиянию и деятельности III Отделения с его разветвлённой жандармской системой управления. Данная система нашла законодательное выражение в следующих пунктах положения:

«§ 35. Шефу Жандармов, по всем частям управления его, присваивается власть Командира Отдельного Корпуса в мирное время»[5], а также в пп. 36–38,

---

[1] *Романов В.В.* Местные органы политической полиции… С. 207.

[2] I. Состав Корпуса Жандармов II. Управление Корпусом. III. Власть, обязанность и ответственность лиц управления Корпуса. IV. Предметы и порядок употребления Жандармов. Содержание и довольствие Корпуса. VI. Помещение Жандармских дивизионов и команд, отопление и освящение оных. VII. Комплектование дивизионов и команд нижними чинами и ремонтирование лошадьми. VIII. Преимущества нижних чинов и жандармских служащих. IX. Разные предметы.

[3] *Романов В.В.* Местные органы политической полиции... С. 276.

[4] ПСЗРИ. Собр. II. Т. XI. № 9355. § 3.

[5] ПСЗРИ. Собр. II. Т. XI. № 9355. §. 35–38.

где оговариваются административно-технические компетенции жандармов. Таким образом, территория Царства Польского начинала интегрироваться в обновлённую жандармскую систему, при которой округом управлял бы Наместник, разделяя управленческие компетенции с Шефом Жандармов, также при которой на территории Царства Польского находились жандармские команды, в ведении которых находилось бы административное управление областями Царства. Можно предположить, что положение 1836 г. официально зафиксировало собой гомогенную модель управления территориями империи, особенно в административно-правовом аспекте.

Анализируя «Высочайше утверждённое положение о третьем округе Корпуса Жандармов», опубликованное в 28 т. Полного собрания законов Российской империи, стоит отметить его структурное и содержательное сходство с положением 1836 г., но применительно исключительно к практикам и реалиям Царства Польского. Ряд положений и пунктов данного документа содержит окончательно утверждённый формат той управленческой политики, её статусный и властный аспекты, которая проводилась на территории третьего округа. Гл. 4 «Предметы обязанностей жандармов» чётко фиксирует полномочия и сферу влияния жандармов непосредственно на территории Польши. Гл. 5, 6, 7 и 8 («Содержание и довольствие округа», «Помещения жандармского дивизиона и команд, отопление и освещение», «Комплектование жандармского дивизиона и команд нижними чинами и ремонтирование лошадьми», «Преимущества нижних чинов, в жандармах служащих) относятся к сфере финансово-технического обеспечения 3 округа.

Обратим внимание на вторую главу положения, в которой чётко фиксировались аспекты в сфере управления округом:

«П. 19. Управления третьего округа Корпуса Жандармов разделяется: на главное, окружное, губернское, уездное и крепостной.

П. 20. Главное управление округом принадлежит Наместнику Царства.

П. 21. Окружное управление вверяется Начальнику Округа. Ему же подчиняется и Варшавский жандармский дивизион.

П. 22. Управление губернское поручается штаб-офицером – начальникам отделений»[1].

[1] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. № 17038. П. 19–22.

Здесь важно отметить, что до сих пор, т.е. уже с 1815 г. Наместнику отводится главная роль при управлении округом. На основе законодательного материала мы не можем проанализировать взаимодействие наместника округа и начальника шефа-жандармов, который также имел определённое влияние на выработку управленческой политики округа[1].

В третьей главе «Власть, обязанность и ответственность лиц управления третьего округа Корпуса Жандармов» отметим также сразу несколько статей, по которым можно проследить каким образом формировалась управленческая модель, распространявшаяся на территорию третьего округа:

«П. 25. Наместнику Царства, по всем частям управления округом, предоставляется та же власть, какая присвоена Главнокомандующему армией.

П. 26. Ему предоставляется право, по представлениям Начальника округа, переводить в штаб и обер-офицеров третьего округа от одной должности к другой, но о всяком таковом переводе он уведомляет Военного Министра для сведения...

П. 31. Начальник округа представляет все срочные донесения о состоянии округа Наместнику Царства и Шефу Жандармов, по изданным для сего формам. Он обязан по всем представлениям, поступающим от него Наместнику Царства, о назначении офицеров, переводах и производствах на вакансии, испрашивать предварительно мнения Шефа Жандармов»[2].

Таким образом, проект 1843 г. подвёл черту под выработкой и созданием некоей модели управления территорией Царства Польского, которую мы прослеживали на примере двух других законодательных документах. Стоит отметить, что законодательный материал хоть и в значительной степени «высвечивает» так называемый управленческий контекст, анализ которого позволяет понять и зафиксировать практику имперского регулирования периферийными зонами, тем не менее нельзя в полной мере характеризовать вырабатываемые в плоскости диалога «высокой политики» управленческие модели. Для более полной картины освещаемого нами аспекта стоит обратиться к упомянутому нами выше делопроизводственному материалу, содержащийся, в нашем случае, в архивных фондах III Отделения, сквозь призму которого

[1] Опять же отсылаем к содержанию делопроизводственного материала, находящийся в фондах ГАРФ.

[2] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. № 17038. П. 25–31.

возможно будет проследить механизмы реализации так называемой официальной политики, концепция и модель которой изложены были нами на примере законодательного материала.

Summary

In the first half of the XIX century the Russian Empire was actively searching for a model of administrative and legal control of the Kingdom of Poland. After the uprising of 1830-1831, this area of the Russian Empire became Achilles' heel of the Nicholas I's marginal policy. Through the prism of the analysis of legislation, adopted from 1832 to 1843, I will try to reconstruct the historical context of the events taking place there and to consider alternative scenarios for political making with regard to the management of the Kingdom of Poland. For this type of source interpretation, I will analyze some legislative materials, which chronologically refer to our problem.

Key words: The Kingdom of Poland, Nicholas I, the Russian Empire in the XIX-th century, problems of the imperial governance, legislation, Third section of His Imperial Majesty's Own Chancery.

РАЗДЕЛ II
ТРУДЫ СТУДЕНТОВ

Регламент (ЕС) N 386/2012 Европейского парламента и Совета от 19 апреля 2012 г. «О возложении на Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы) полномочий по выполнению задач, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности, в том числе по собранию представителей публичного и частного сектора Европейской Обсерватории по нарушениям прав интеллектуальной собственности»[1]

Введение, неофициальный перевод, комментарий Е.В. Балабановой

Регламент (ЕС) N 386/2012, регулирующий вопросы, связанные с функционированием Ведомства по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы), содержит положения относительно полномочий указанного Ведомства в области защиты прав интеллектуальной собственности. С целью повышения эффективности защитного механизма действует Европейская Обсерватории по нарушениям прав интеллектуальной собственности (прежне название — Обсерватория по борьбе с контрафакцией и пиратством), выступающей в качестве платформы для сотрудничества экспертов частного и публичного секторов, направленного на выработку стратегий по предотвращению и противостоянию нарушениям в области интеллектуальной собственности. Учитывая, что поставленная цель не может быть достигнута на национальном уровне, функционирование в будущем подобного института, а также передача дополнительных полномочий Ведомству позволит вывести соответствующие отношения на наднациональный уровень и обеспечить надлежащую защиту прав интеллектуальной собственности. При этом перенос части полномочий на

[1] Regulation (EU) No 386/2012 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2012 on entrusting the Office for Harmonization in the Internal Market (Trade Marks and Designs) with tasks related to the enforcement of intellectual property rights, including the assembling of public and private-sector representatives as a European Observatory on Infringements of Intellectual Property Rights (Text with EEA relevance). Опубликован в Официальном Журнале (далее – ОЖ) N L. 129. 16.05.2012. С. 1–6.

уровень Союза не будет препятствовать государствам-членам в осуществлении их компетентными органами иных полномочий в рассматриваемой области. Наоборот, настоящим Регламентом предусматривается постоянное административное сотрудничество между Ведомством, судами и центральными ведомствами по промышленной собственности государств-членов. В связи с этим, функционирование Обсерватории имеет большое значение для аккумулирования и анализа информации о нарушении прав интеллектуальной собственности, на основе которой Ведомство формулирует единые стратегически важные рекомендации.

Содержание приведенного ниже перевода Регламент (ЕС) N 386/2012 представляет особый интерес также ввиду того, что на территории Европейского Союза планируется создание системы единой патентной защиты, предполагающей введение новой категории — единого европейского патента, предоставляющего правообладателям большие преимущества (в основном относительно увеличения объема правовой охраны), нежели те, которые обычно предоставляются «классическим» европейским патентом, ввиду того, что, в силу положений Регламента (ЕС) N 1257/2012[1], действие единого европейского патента распространяется на территорию тех государств-членов Европейского Союза, которые участвуют в продвинутом сотрудничестве. Система единой патентной защиты призвана нивелировать негативное влияние, оказываемое на инновационный процесс фрагментированным по своему характеру патентным рынком и рядом существенных различий, существующих на сегодняшний день уровне национальных законодательств стран-членов ЕС, а также сократить временные и материальные издержки заявителей. Усиление интеграционных процессов, в частности патентной кооперации, во многом способствует созданию благоприятных условий для развития инноваций и привлечения инвестиций на внутренний рынок, поскольку предполагает упрощение процедуры выдачи патентов, создание специального судебного органа (Единого патентного суда), призванного обеспечить оперативное и качественное разрешение патентных споров[2].

---

[1] Regulation (EU) No 1257/2012 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2012 implementing enhanced cooperation in the area of the creation of unitary patent protection. Опубликован в Официальном Журнале (далее — ОЖ) N L 361, 31.12.2012, стр. 1-8.

[2] Agreement on a Unified Patent Court. Official Journal C 175, 20/06/2013 p. 0001 - 0040. Опубликовано в Официальном Журнале (далее — ОЖ) N C 175, 31.12.2012, стр. 0001 - 0040.

Европейский парламент и Совет Европейского Союза,

руководствуясь Договором о функционировании Европейского Союза, и, в частности, статьей 114 и параграфом первым статьи 118 Договора,

принимая во внимание предложение Европейской Комиссии,

после передачи проекта законодательного акта национальным парламентам,

руководствуясь Заключением Европейского комитета по экономическим и социальным вопросам[1],

действуя в соответствии с обычной законодательной процедурой[2],

принимая во внимание, что:

(1) В основе экономического благосостояния Союза лежит поддержка творчества и изобретательства.Таким образом, меры, принимаемые для эффективной защиты творчества и изобретательства, необходимы для будущего процветания Союза.

(2) Права интеллектуальной собственности представляют собой жизненно важные активы бизнеса, которые являются гарантией того, что изобретатели и инноваторы получают справедливое вознаграждение за свою работу и их вклад в науку и новые идеи находятся под защитой.

(3) Обоснованный, единообразный и прогрессивный подход к правам интеллектуальной собственности является основополагающим в стремлении воплотить в жизнь идеи, провозглашенные в стратегии «Европа 2020» и, в том числе, в «Цифровой Повестке Дня» для Европы.

(4) Постоянный рост количества нарушений прав интеллектуальной собственности представляет собой реальную угрозу не только экономике Союза, но и, во многих случаях, здоровью и безопасности потребителей. Таким образом, для успешной борьбы с этим явлением необходимы эффективные, незамедлительные и скоординированные действия на национальном, европейском и мировом уровнях.

(5) В контексте общей стратегии в области интеллектуальной

---

[1] ОЖ N C 376, 22.12.2011, стр. 62.

[2] Позиция Европейского Парламента от 14 февраля 2012 г. (еще не опубликована в ОЖ) и Решение Совета Европейского Союза от 22 марта 2012 г. (еще не опубликовано в ОЖ).

собственности, предусмотренной Резолюцией Совета от 25 сентября 2008 года по комплексному плану по борьбе с контрафакцией и пиратством[1], Совет призвал Комиссию создать Европейскую Обсерваторию по борьбе с контрафакцией и пиратством. В связи с этим Комиссия сформировала рабочую экспертов, представляющих публичный и частный секторы, и изложила их задачи в своем Докладе «Совершенствование защиты прав интеллектуальной собственности». Европейская Обсерватория по борьбе с контрафакцией и пиратством должна быть переименована в Европейскую Обсерваторию по нарушениям прав интеллектуальной собственности (далее — Обсерватория).

(6) В этом Докладе утверждается, что Обсерватория должна служить центральным ресурсом для сбора и мониторинга сведений и данных, связанных со всеми нарушениями прав интеллектуальной собственности, а также составления отчетности по ним. Обсерватория должна использоваться в качестве платформы для сотрудничества между представителями национальных органов власти и заинтересованных сторон с целью обмена идеями и опытом передовых практик и формулирования рекомендаций политикам для осуществления совместных мероприятий. В Докладе уточняется, что деятельность Обсерватории будет организовываться и управляться службами Комиссии.

(7) В своей Резолюции от 1 марта 2010 года «О защите прав интеллектуальной собственности на внутреннем рынке»[2] <*>, Совет призвал Комиссию, правительства государств-членов и представителей промышленности обеспечить Обсерваторию имеющимися у них надежными и сопоставимыми данными о контрафакции и пиратстве и, в контексте функционального назначения Обсерватории, совместными усилиями разработать и согласовать планы по сбору дополнительной информации. Совет также выступил с предложением к Обсерватории ежегодно публиковать комплексный отчет, который охватывал бы масштаб и уровень распространения контрафакции и пиратства, их принципиальные характеристики, а также влияние на внутренний рынок. Этот годовой отчет должен быть подготовлен с использованием соответствующей информации, представленной правительствами государств-членов, Комиссией и представителями частного

[1] ОЖ N C 253.4.10.2008. С. 1.

[2] ОЖ N C 56. 06.03.2010. С. 1.

сектора экономики с учетом ограничений, предусмотренных законодательством о защите данных. Кроме того, Совет признал важность разработки новых конкурентоспособных экономических моделей, содействующих доступу к информационному и творческому контенту и в то же время позволяющих предотвратить нарушения прав интеллектуальной собственности как средств, необходимых для стимулирования экономического роста, увеличения занятости и поддержания культурного разнообразия, и бороться с ними.

(8) В своих Заключениях от 25 мая 2010 года о будущем пересмотре системы торговых марок в Европейском Союзе[1], Совет призвал Комиссию к созданию правовой основы для участия Ведомства по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы) (далее - Ведомство) в правоприменительной деятельности, в том числе в борьбе с контрафакцией, в частности путем поощрения сотрудничества с национальными ведомствами по товарным знакам и Обсерваторией. В связи с этим, Директивой 2004/48/ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 года о защите прав интеллектуальной собственности[2] предусматриваются, в частности, некоторые меры по развитию сотрудничества, включая обмен информацией, между государствами-членами, а также между государствами-членами и Комиссией.

(9) В своей Рекомендации от 26 марта 2009 года по укреплению безопасности и обеспечению основных свобод в сети Интернет[3] Европейский Парламент призвал Совет к обеспечению полного и безопасного доступа к сети Интернет с учетом поощрения частно-государственного взаимодействия по расширению сотрудничества в области правопорядка.

(10) В своей Резолюции от 22 сентября 2010 года о защите прав интеллектуальной собственности на внутреннем рынке[4] ОЖ, Европейский Парламент призвал государства-члены и Комиссию к расширению сотрудничества между Ведомством и национальными ведомствами по интеллектуальной собственности с тем, чтобы включить в его сферу борьбу с нарушениями прав интеллектуальной собственности.

---

[1] ОЖ N C 140. 29.05.2010. С. 22.

[2] ОЖ N L 157. 30.04.2004. С. 5. Текст в новой редакции ОЖ N L 195. 02.06.2004. С. 16.

[3] ОЖ N C 117 E. 06.05.2010. С. 206.

[4] ОЖ N C 50 E. 21.02.2012. С. 48.

(11) В своей Резолюции от 12 мая 2011 года о раскрытии потенциала культурных и творческих индустрий [1] Европейский Парламент призвал Комиссию учитывать конкретные проблемы, с которыми сталкиваются малые и средние предприятия при отстаивании своих прав на интеллектуальную собственность, и поощрять передовой опыт и применение эффективных методов, обеспечивающих соблюдение этих прав.

(12) В своей Резолюции от 6 июля 2011 года по комплексному подходу к защите персональных данных в Европейском Союзе[2] Европейский Парламент призвал Комиссию к обеспечению полной гармонизации и правовой определенности, обеспечивая единообразность и высокий уровень защиты физических лиц во всех обстоятельствах.

(13) Принимая во внимание круг задач, выполнение которых возложено на Обсерваторию, необходимо решение, обеспечивающее адекватную и устойчивую инфраструктуру.

(14) Регламент Совета (ЕС) № 207/2009 от 26 февраля 2009 года о товарном знаке Сообщества [3] предусматривает административное сотрудничество между Ведомством и судами или властными органами государств-членов, а также обмен изданиями между Ведомством и центральными ведомствами по промышленной собственности государств-членов. Исходя из этого, Ведомство наладило взаимодействие с национальными ведомствами, действующими в области защиты прав интеллектуальной собственности. Следовательно, Ведомство уже в значительной мере обладает необходимым опытом и знаниями, чтобы обеспечить адекватную и устойчивую инфраструктуру в области деятельности Обсерватории.

(15) Таким образом, Ведомство имеет все возможности для выполнения поставленных задач.

(16) Эти задачи должны иметь отношение ко всем правам интеллектуальной собственности перечисленным Директивой 2004/48/ЕС, поскольку во многих случаях нарушения затрагивают целый ряд этих прав. Кроме того, необходимо осуществлять обмен передовым опытом и сведениями относительно всего спектра вышеуказанных прав интеллектуальной

---

[1] Еще не опубликована в ОЖ.

[2] Еще не опубликована в ОЖ.

[3] ОЖ N L 78. 24.03.2009. С. 1.

собственности, для того, чтобы получить полную картину развития ситуации и обеспечить разработку всеобъемлющих стратегий в целях сокращения нарушений прав интеллектуальной собственности.

(17) Задачи, которые должен осуществлять Ведомство, могут быть связаны с мерами правоприменения и отчетности, изложенными в Директиве 2004/48/ЕС. Таким образом, Ведомство должно предоставлять услуги государственным органам или операторам, которые оказывают влияние, в частности, на единообразное применение Директивы и могут способствовать этому. В связи с этим задачи Ведомства следует рассматривать как тесно связанные с предметом актов аппроксимации законов, регламентов и административных положений государств-членов.

(18) Основываясь на знаниях, опыте и ресурсах Ведомства, организованная им Обсерватория должна стать центром передовых достижений в области исследования информации и данных, связанных с нарушениями прав интеллектуальной собственности.

(19) Ведомство должно стать форумом, объединяющим государственные органы и частный сектор, обеспечивающим возможность сбора, анализа и распространения соответствующих объективных, сопоставимых и надежных данных о правах интеллектуальной собственности и их нарушении, а также способствующим как выявлению и распространению передового опыта и стратегий по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности, так и повышению уровня осведомленности общества о влиянии нарушений прав интеллектуальной собственности. Кроме того, Ведомство должно выполнять дополнительные задачи, такие как содействие осознанию ценности прав интеллектуальной собственности, обмену информацией о новых конкурентоспособных экономических моделях, которые расширяют доступ к информационному и творческому контенту, повышение квалификации лиц, вовлеченных в деятельность по защите прав интеллектуальной собственности путем принятия соответствующих мер по подготовке, содействие совершенствованию знаний о методах, позволяющих предотвратить контрафакцию, а также развитие сотрудничества с третьими странами и международными организациями. Деятельность Комиссии должна быть связана с деятельностью, осуществляемой Ведомством в соответствии с настоящим Регламентом.

(20) Таким образом, Ведомству следует оказывать содействие и поддержку национальным органам власти, частному сектору и институтам Союза в их деятельности по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности и, в частности, по борьбе с нарушениями этих прав. Осуществление Ведомством своих полномочий в соответствии с настоящим Регламентом не препятствует государствам-членам в осуществлении их полномочий. Поставленные перед Ведомством задачи и осуществляемая им на основании настоящего Регламента деятельность не распространяются на сферу участия в отдельных операциях или расследованиях, проводимых компетентными органами.

(21) Для достижения наибольшей эффективности в выполнении этих задач Ведомство должно консультироваться и сотрудничать с другими органами власти на национальном, европейском и, в случае необходимости, международном уровнях, налаживать с ними более тесное взаимодействие и избегать любого дублирования принимаемых мер.

(22) Ведомство должно выполнять поставленные перед ним задачи и осуществлять деятельность, связанную с защитой прав интеллектуальной собственности путем использования своих собственных бюджетных средств.

(23) Ведомство, организуя собрание Обсерватории по вопросам, связанным с деятельностью представителей частного сектора, должно привлекать наиболее опытных в борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности специалистов различных секторов экономики, в том числе, творческих индустрий, и, в частности, представителей правообладателей, включая как авторов и других создателей результатов интеллектуальной деятельности, так и интернет- посредников. Кроме того, надлежащим образом должно быть обеспечено представительство потребителей и малых и средних предприятий.

(24) Информационные обязательства, налагаемые настоящим Регламентом на государства-члены и частный сектор, не должны создавать лишних административных барьеров и дублировать уже существующие обязательства в области предоставления данных Союзу в соответствии с принятыми на территории Союза требованиями к отчетности.

(25) Поскольку цель настоящего Регламента, состоящая в возложении на Ведомство полномочий по выполнению задач, связанных с защитой прав

интеллектуальной собственности, не может быть в полной мере достигнута государствами-членами, и ее достижение более вероятно на уровне Союза, в силу существующих у него возможностей, Союз, в соответствии с принципом субсидиарности, закрепленным в статье 5 Договора о Европейском Союзе, правомочен принимать меры по защите прав интеллектуальной собственности. В соответствии с установленном в упомянутой статье принципом пропорциональности, настоящий Регламент не выходит за рамки того, что необходимо для достижения этой цели,

Приняли настоящий Регламент:

Статья 1. Предмет и сфера применения

Настоящий Регламент возлагает на Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы) (далее - Ведомство) полномочия по выполнению задач, связанных с содействием и поддержкой, оказываемыми национальным органам, частному сектору и институтам Союза в их деятельности по борьбе с нарушениями права интеллектуальной собственности, в соответствии с Директивой 2004/48/ЕС. При выполнении этих задач Ведомству следует осуществлять организацию, управление и поддержку экспертов, органов власти и заинтересованных сторон, собранных под эгидой Европейской Обсерватории по нарушениям прав интеллектуальной собственности (далее - Обсерватория).

Поставленные перед Ведомством задачи и осуществляемая им на основании настоящего Регламента деятельность не распространяются на сферу участия в отдельных операциях или расследованиях, проводимых компетентными органами.

Статья 2. Задачи и виды деятельности

1. Перед Ведомством поставлены следующие задачи:

(a) содействие осознанию ценности интеллектуальной собственности;

(b) содействие пониманию масштабов и последствий нарушений прав интеллектуальной собственности;

(c) повышение уровня знаний о передовом опыте государственного и частного секторов в области защиты прав интеллектуальной собственности;

(d) оказание помощи в повышении уровня осведомленности граждан о влиянии нарушений прав интеллектуальной собственности;

(e) повышение квалификации лиц, вовлеченных в деятельность по защите

прав интеллектуальной собственности;

(f) содействие совершенствованию знаний о технических средствах, позволяющих предотвратить нарушения прав интеллектуальной собственности и бороться с такими нарушениями, в том числе о системах обнаружения и отслеживания, которые позволяют отличить подлинную продукцию от контрафактной;

(g) создание механизмов, которые помогают улучшить он-лайн обмен информацией, связанной с защитой прав интеллектуальной собственности, между органами власти государств-членов, работающих в данной сфере, и содействуют укреплению сотрудничества с такими органами и между ними;

(h) взаимодействие на консультативной основе с государствами-членами в области содействия развитию международного сотрудничества с ведомствами по интеллектуальной собственности в третьих странах с тем, чтобы построить стратегию и выработать навыки, разработать методы и инструменты для защиты прав интеллектуальной собственности.

2. В соответствии с рабочей программой, принятой в соответствии со статьей 7, и в соответствии с правом Союза, при выполнении задач, изложенных в пункте 1, Ведомство осуществляет следующие виды деятельности:

(a) создание прозрачной методологии сбора, анализа и представления объективных, сопоставимых и достоверных данных, связанных с нарушениями прав интеллектуальной собственности;

(b) сбор, анализ и распространение соответствующих объективных, сопоставимых и надежных данных о нарушениях прав интеллектуальной собственности;

(c) сбор, анализ и распространение соответствующих объективных, сопоставимых и надежных данных об экономической ценности интеллектуальной собственности и ее вкладе в экономический рост, благосостояние, инновации, творчество, культурное разнообразие, создание рабочих мест для высококвалифицированных кадров и распространение высококачественной продукции и услуг в рамках Союза;

(d) предоставление регулярных отчетов по конкретным секторам экономики, географическим районам и типам нарушенного права интеллектуальной собственности, которые, в частности, содержат оценку

влияния нарушений прав интеллектуальной собственности на общество и экономику, включая оценку воздействия на малые и средние предприятия, а также на здравоохранение, окружающую среду, охрану и безопасность;

(e) сбор, анализ и распространение информации о передовой практике среди представителей Обсерватории и, если это возможно, выработка стратегических рекомендаций, основанных на такой практике;

(f) составление отчетов и публикация информации в целях повышения осведомленности граждан Союза о влиянии нарушений прав интеллектуальной собственности, организация конференций, мероприятий и встреч на европейском и международном уровнях, а также содействие в проведении мероприятий на национальном и общеевропейском уровне, в том числе онлайн- и оффлайн- кампаний, в основном, путем предоставления данных и информации;

(g) мониторинг развития новых конкурентоспособных бизнес-моделей, которые расширяют доступ к информационному и творческому контенту, а также поощрение обмена информацией и повышения уровня осведомленности потребителей в этой сфере;

(h) разработка и организация обучения онлайн и других форм обучения должностных лиц, вовлеченных в деятельность по защите прав интеллектуальной собственности;

(i) организация специальных совещаний экспертов, в том числе экспертов из академической среды и представителей гражданского общества, с целью оказание поддержки в их деятельности в соответствии с настоящим Регламентом;

(j) выявление и распространение профессиональных технических инструментов и контрольных методов, в том числе систем обнаружения и отслеживания, которые помогают отличить подлинную продукцию от контрафактной;

(k) сотрудничество с национальными органами власти и Комиссией по разработке онлайн-сети, облегчающей обмен информацией о нарушениях прав интеллектуальной собственности между государственными органами и организациями, деятельность которых связана с защитой и обеспечением соблюдения этих прав, в государствах-членах;

(l) сотрудничество и укрепление взаимодействия между центральными

ведомствами по промышленной собственности государств-членов, в том числе Ведомство по правам интеллектуальной собственности стран Бенилюкс и ведомствами по интеллектуальной собственности других государств-членов, с целью разработки и продвижения способов, методов и инструментов защиты прав интеллектуальной собственности, в том числе учебных программ и информационных кампаний;

(m) разработка на основе консультаций с государствами-членами, программ по оказанию технической помощи третьим странам, а также разработка и организация специальных учебных программ и мероприятий для должностных лиц этих стран, деятельность которых связана с защитой прав интеллектуальной собственности;

(n) выработка рекомендаций для Комиссии по вопросам, входящим в предмет регулирования настоящего Регламента, по запросу Комиссии;

(o) проведение подобных мероприятий, необходимых для того, чтобы предоставить Ведомству полномочия для выполнения задач, изложенных в пункте 1.

3. При выполнении задач и осуществлении деятельности, указанных в пунктах 1 и 2, Ведомство должен соблюдать существующие нормы права Союза о защите данных..

Статья 3. Финансирование

Ведомство всегда должно обеспечивать финансирование деятельности, осуществление которой возложено на него настоящим Регламентом, посредством использования своих собственных бюджетных средств.

Статья 4. Заседания Обсерватории

1. Для осуществления деятельности, указанной в пункте 2 статьи 2, Ведомство должно не реже одного раза в год приглашать на заседания Обсерватории представителей государственных органов и организаций государств-членов по интеллектуальной собственности, а также представителей частного сектора с целью их участия в работе Ведомства в соответствии с настоящим Регламентом.

2. Частный сектор, приглашенный на заседания Обсерватории, должен быть представлен широким, сбалансированным по качественному и количественному составу, кругом организаций Союза и национальных организаций, представляющих различные секторы экономики, в том числе

творческие индустрии, в наибольшей степени заинтересованных в борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности и обладающих значительным опытом в этой области.

Потребительские организации, малые и средние предприятия, авторы и другие создатели результатов интеллектуальной деятельности должны быть представлены надлежащим образом.

3. Ведомство предлагает каждому государству-члену прислать как минимум по одному представителю от государственного органа на заседания Обсерватории. Таким образом, государства-члены обеспечивают преемственность в работе Обсерватории.

4. В дополнение к заседаниям, указанным в пункте 1, могут быть организованы функционирующие в рамках Обсерватории рабочие группы, в состав которых входят представители государств-членов, а также представители частного сектора.

5. При необходимости и в дополнение к заседаниям, указанным в пункте 1, Ведомство организует встречи:

(a) представителей государственных органов и организаций государств-членов, или

(b) представителей частного сектора.

6. При необходимости члены или иные представители Европейского Парламента, а также представители Комиссии приглашаются на любое из заседаний, либо в качестве участников, либо в качестве наблюдателей.

7. Имена присутствующих представителей, повестка дня и протокол совещания, указанные в настоящей статье, должны быть опубликованы на веб-сайте Ведомства.

Статья 5. Информационные обязательства

1. В случае необходимости, в соответствии с национальным законодательством, в том числе законодательством об обработке персональных данных, государства-члены по просьбе Офиса или по собственной инициативе:

(a) информируют Ведомство об их общей политике и стратегии в области защиты прав интеллектуальной собственности, а также о любых изменениях их общей политики и стратегии в этой области;

(b) предоставляют имеющиеся у них статистические данные о нарушениях прав интеллектуальной собственности;

(c) предоставляют Ведомству информацию о судебной практике.

2. Когда это возможно и без ущерба для законодательства об обработке персональных данных и защите конфиденциальной информации, представители частного сектора, собирающиеся в форме Обсерватории, по просьбе Ведомства:

(a) информируют Ведомство об их политике и стратегии в области защиты прав интеллектуальной собственности, а также о любых изменениях их политики и стратегий;

(b) представляют статистические данные о нарушениях прав интеллектуальной собственности в сфере их деятельности.

Статья 6. Ведомство

1. Соответствующие положения Раздела XII Регламента (ЕС) № 207/2009 применяются к выполнению задач и осуществлению деятельности, предусмотренных настоящим Регламентом.

2. Реализуя полномочия, предусмотренные статьей 124 Регламента (ЕС) № 207/2009, Президент Ведомства принимает внутренние административные инструкции и публикует уведомления, необходимые для выполнения всех задач, возложенных на Ведомство настоящим Регламентом.

Статья 7. Содержание рабочей программы и отчета об управлении

1. Ведомство составляет годовую рабочую программу, которая, на основании настоящим Регламентом и для целей Обсерватории, надлежащим образом расставляет приоритеты в соответствии с политикой Союза, а также приоритеты в области защиты прав интеллектуальной собственности и сотрудничества с представителями, указанными в подпункте (a) пункта 5 статьи 4.

2. Рабочая программа, указанная в пункте 1, должна быть представлена Административному совету Ведомства для ознакомления.

3. В соответствии с настоящим Регламентом, отчет об управлении, указанный в подпункте (d) пункта 2 статьи 124 Регламента (ЕС) № 207/2009, должен содержать по крайней мере следующую информацию, касающуюся задач Ведомства и его деятельности:

(a) обзор основных мероприятий, проведенных в предыдущем календарном году;

(b) сведения о результатах, достигнутых в предыдущем календарном году, включая соответствующие отраслевые отчеты об анализе состояния

промышленного и производственного сектора;

(c) общую оценку деятельности Ведомства по выполнению поставленных перед ним задач, как это предусмотрено настоящим Регламентом и рабочей программой, составленной в соответствии с пунктом 1;

(d) обзор деятельности, которую Ведомство собирается осуществлять в будущем;

(e) замечания (результаты научных наблюдений в области защиты) по защите прав интеллектуальной собственности и потенциально возможных в будущем политике и стратегиях, в том числе о способах повышения эффективности сотрудничества с государствами-членами и между ними;

(f) общую оценку надлежащего представительства в обсерватории всех субъектов, перечисленных в пункте 2 статьи 4.

Перед подачей отчета об управлении в Европейский Парламент, Комиссию и Административный совет, Президент Ведомства консультируется с представителями, указанными в подпункте (a) пункта 5 статьи 4, о содержании соответствующих частей доклада.

Статья 8. Оценка

1. В срок до 6 июня 2017 года Комиссия должна принять отчет об оценке применения настоящего Регламента.

2. Отчет об оценке должен содержать анализ применения настоящего Регламента, в частности с точки зрения его влияния на защиту прав интеллектуальной собственности на внутреннем рынке.

3. При подготовке отчета об оценке Комиссия консультируется с Ведомством, государствами-членами и Обсерваторией по вопросам, указанным в пункте 2.

4. Комиссия направляет отчет об оценке на рассмотрение Европейскому Парламенту, Совету и Европейскому комитету по экономическим и социальным вопросам и обязуется обеспечить проведение консультаций среди заинтересованных сторон по вопросам, связанным с отчетом об оценке.

Статья 9. Вступление в силу

Настоящий Регламент вступает в силу на двадцатый день после его опубликования в Официальном журнале Европейского Союза.

Настоящий Регламент является обязательным для соблюдения в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах ЕС.

Совершено в г. Страсбурге 19 апреля 2012 года.

(Подписи)

Комментарий

Обстоятельства, позволяющие с определенной долей уверенности утверждать о необходимости введения единообразного подхода в области интеллектуальной собственности, могут быть сведены к следующему: различное по своему характеру национальное регулирование без координации на наднациональном уровне снижает эффективность коллективных действий государств-членов Европейского Союза, осложненное взаимодействие между частным и публичным секторами может повредить интересам обеих сторон, а также ухудшить инновационный потенциал и представляется стратегически нерациональным, децентрализованные сбор и анализ информации о правонарушениях в области интеллектуальной собственности не разрешает проблемы контрафакции и пиратства в той мере, в которой они могут быть осуществлены в рамках единого механизма. Перед Ведомством по гармонизации на внутреннем рынке (торговые марки и промышленные образцы) ставится определенный круг задач, в частности задачи по повышению квалификации лиц, вовлеченных в деятельность по защите прав интеллектуальной собственности, оказанию помощи в повышении уровня осведомленности граждан в рассматриваемой области, взаимодействию (в том числе на консультативной основе) с судами и национальными органами государств-членов.

Передача Ведомству полномочий по сбору, анализу и распространению информации о нарушениях прав интеллектуальной собственности, информации, аккумулированной Обсерваторией на основе данных, предоставленных экспертами в соответствующих областях, регулярному предоставлению ответов по конкретным секторам экономики, географическим районам и типом нарушенных прав, мониторинг конкурентоспособных бизнес-моделей инновационной направленности, разработка технических инструментов и контрольных методов, включающих распространение систем обнаружения и отслеживания и позволяющих отличить подлинную продукцию от контрафактной, а также иных полномочий свидетельствует о том, что на территории Европейского Союза может быть сформирован механизм, который

действительно сможет обеспечивать не только укрепление связей между различными ветвями власти (законодательной, исполнительной, судебной), но и между различными ее уровнями (национальным и наднациональным), а также в плоскости сотрудничества частного и публичного секторов (в рамках обмена опытом между экспертами, представляющими интересы бизнес-структур, и экспертами, представляющими интересы государств-членов Европейского Союза и Европейского Союза в целом).

Формирование единых стандартов и стратегических рекомендаций в области интеллектуальной собственности, в частности в области борьбы с контрафакцией и пиратством, а также выбор приоритетных способов взаимодействия могут способствовать не только устойчивому развитию инноваций, но и укреплять как внутренние, так и внешние связи (имеется ввиду организация встреч не только на европейском, но и на международном уровне, разработка программ по оказанию технической помощи третьим странам). Не случайно и изменение наименования Обсерватории: если ранее предполагалось называть ее Обсерваторией по борьбе с контрафакцией и пиратством, то теперь принято название, охватывающее сферу, гораздо более широкую, нежели только противодействие нарушениям, а именно: формулировка «по нарушениям прав интеллектуальной собственности», включает, как представляется как непосредственно противодействие (в том числе превентивное), но и сопутствующие вопросы.

Таким образом, сформулированные ранее проблемы (фрагментированность патентного рынка, отсутствие необходимых условий для взаимодействия и проч.), находят свое разрешение в формировании единообразного механизма, реализуемого посредством организации Обсерватории и расширения полномочий Ведомства, что позволяет сделать вывод о том, что принимаемые меры не только обладают определенным потенциалом с точки зрения практической применимости такого подхода, но и являются логическим продолжением интеграционных процессов, в том числе мер, принимаемых в области патентной кооперации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абралиев Жоро Муктарбекович – магистрант факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), zh.abraliev@gmail.com.

Аксенова Мария Алексеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), aksenova203@gmail.com.

Алексеев Денис Вадимович – студент факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), alekseevdeni@gmail.com.

Афошина Маргарита Николаевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), afoshina.margo@mail.ru.

Бабушкин Василий Дмитриевич – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), babushkinvasya@inbox.ru.

Балабанова Евгения Владимировна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

Бессилина Наталья Николаевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Natsha_solnoshko@mail.ru.

Буравлева Кристина Сергеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), lira_lira2@mail.ru.

Вельчинская Анна Евгеньевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), avelchi@mail.ru.

Вершинина Валерия Сергеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), two.turn@mail.ru.

Гаврилова Ксения Владимировна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), gavrilova.xenia@mail.ru.

Гречишников Александр Васильевич – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Alexgrechish@gmail.com.

Дёмина Наталия Александровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), nadmn.hse@gmail.com.

Дудко Анастасия Александровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), nastena.dudko@mail.ru.

Епифанова Анна Алексеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), I-elle11@rambler.ru.

Ефимов Александр Александрович – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), S2sanych@yandex.ru.

Жаринова Анжела – студентка юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, anzelika1901@mail.ru.

Жевкова Екатерина Игоревна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), catherine1231@yandex.ru.

Игумнов Никита Александрович – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), igumenito@gmail.com.

Ильменева Вероника Артуровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), vernikailmeneva@rambler.ru.

Карпова Ольга Сергеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), loi.lin@mail.ru.

Кириллова Валерия Валентиновна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), www.klava0321@inbox.ru.

Клеткин Илья Сергеевич – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), izenitman@gmail.com.

Климкина Алина Александровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), linna-spb@mail.ru.

Кузнецова Элина Эристовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), iekuznetsova@bk.ru.

Куренных Александра Дмитриевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Alexandrasky@mail.ru.

Курчевенкова Александра Валерьевна – студентка юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, kurchevenkova@yandex.ru.

Логвинова Евгения Вячеславовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), logvinovaaa@gmail.com.

Лотош Анна Анатольевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), anna-lotosh@yandex.ru.

Матвеева Виктория Сергеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), vikamtv@mail.ru.

Мидушкина Людмила Юрьевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), www.rebe654654@gmail.com.

Миришанова Евгения Владимировна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), mirishanova@gmail.ru.

Оганесян Астхик Паргевовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), oganesyan.astkhik95@yandex.ru.

Паночко Анастасия Васильевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), nastya-panochko@yandex.ru.

Политико Марк Владимирович – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), mark-politiko@mail.ru.

Постыляков Сергей Петрович – студент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), Sergey.postylyakov@gmail.com.

Редькина Алина Владимировна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), lasy29@mail.ru.

Ружанова Алина Аркадьевна – студентка юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, alina.ruzhanowa@gmail.com.

Самаркин Иван Максимович – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), elzessers@yandex.ru.

Семенова Елизавета Алексеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Semenova_lisa96@mail.ru.

Сидорова Татьяна Вадимовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), s.tanys951995@mail.ru.

Тутаев Илья Васильевич – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), ageofempiresfan@yandex.ru.

Улитин Никита Александрович – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), plur@inbox.ru.

Филатов Георгий Андреевич – аспирант Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва), georgefilatov@gmail.com.

Фищенко Анна Сергеевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), an.fishenko@yandex.ru.

Харьковский Григорий Владимирович – студент юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, grigory.777.kmc@gmail.com.

Хотулев Кирилл Витальевич – студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), kirill111a@mail.ru.

Цой Елена Вадимовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), dushaela@gmail.com.

Чистякова Дарья Игоревна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), daryachis@mail.ru.

Шишанова Антонина Александровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), toshishanova@gmail.com.

Шкаева Владлена Эдуардовна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), vlad.lada@yandex.ru.

Эпель Екатерина Гершевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), ApelKate@mail.ru.

Эпштейн Эдуард Евгеньевич – студент факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), ediko95@bk.ru.